

МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды»
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств
им. М.А. Усманова ИИ АН РТ

Л.В. Воротынцев

ОРДЫНСКИЙ ФРОНТИР: КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ
ЛЕСОСТЕПНОГО ПОГРАНИЧЬЯ ЮЖНОЙ РУСИ
В XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВВ.

Монография

Казань – 2022

УДК 94 (47). 031

ББК 63.3 (2) 42

В 75

***Серия «История и культура Золотой Орды
и татарских ханств»***

Выпуск 31

*Утверждено к печати Координационным советом
МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды»*

Научные редакторы:

*доктор исторических наук, профессор Н.А. Тропин
кандидат исторических наук И.М. Миргалеев*

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук Т.Р. Галимов

Рецензенты:

*доктор исторических наук, профессор РАН И.В. Зайцев
кандидат исторических наук Д.Н. Маслюженко*

Воротынцев Л.В.

В 75 Ордынский фронтир: контактные зоны лесостепного пограничья Южной Руси в XIII – первой половине XV вв.: монография. – Казань, 2022. – 349 с.

ISBN 978-5-9222-1638-8

Монография посвящена изучению истории пограничных со Степью регионов Южной Руси XIII – первой половины XV вв. В исследовании освещаются вопросы административно-политической, хозяйственно-экономической и этнокультурной интеграции южнорусских земель в государственную систему Монгольской империи и Улуса Джучи (Золотой Орды). На основании анализа широкого круга письменных и археологических источников, автор приходит к выводу о формировании в ряде регионов южнорусской лесостепи т.н. «контактных зон», существовавших на всем протяжении золотоордынской эпохи. Издание адресовано специалистам занимающимся изучением истории средневековой Руси и Золотой Орды, а также преподавателям, студентам, аспирантам и всем интересующимся историей русско-ордынских отношений.

ISBN 978-5-9222-1638-8

УДК 94 (47). 031

ББК 63.3 (2) 42

© Воротынцев Л.В., 2022

© МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды», 2022

© Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова ИИ АН РТ, 2022

«Письменные источники, какими бы ценными они ни были, все же требуют к себе строго критичного подхода и должны оцениваться с оглядкой на беспристрастные доказательства, добытые лопатой археолога».

Тоби Уилкинсон

ВВЕДЕНИЕ

Изучение межэтнических и междивизиационных контактов, а также их влияния на историческое развитие государств и народов продолжает оставаться одной из наиболее актуальных тем в современной исторической науке. Процессы глобализации, сопровождаемые резким ростом коммуникативной активности, культурного и экономического взаимодействия между различными регионами и этническими группами, заставляют исследователей обращать все более пристальное внимание на аналогичные процессы, происходившие в исторической ретроспективе.

Практически во все исторические эпохи (за исключением догосударственного периода), основными центрами межэтнических контактов являлись крупные городские агломерации и торговые фактории, имевшие полиэтническое население и устоявшиеся традиции совместного проживания представителей различных народов. Не менее интенсивный и продолжительный характер процессы этнокультурного взаимодействия носили в регионах пригодных для ведения многоукладной хозяйственно-экономической деятельности, располагавшихся, как правило, в пограничных ландшафтных зонах переходного типа (предгорья, оазисы, лесостепь). На пространстве Евразийского континента к таковым зонам следует отнести предгорья Карпат, Кавказа, Урала, Тянь-Шаня и Алтая, оазисы Центральной Азии (Маверанахра и Синцзяна), а также лесостепную полосу, протяженностью от Пруто-Днестровского междуречья до Верхнего Приангарья.

Рассматривая вопросы этнополитической и этнокультурной истории лесостепных регионов Северной Евразии, необходимо учитывать всю совокупность как военно-политических, так и природно-географических факторов, оказывавших непосредственное влияние на хозяйственно-экономическое развитие данных территорий и процесс этногенеза населявших их народов. В частности, специфической особенностью ландшафтной структуры евразийской лесостепной зоны являлось сочетание обширных остепененных участков на пространствах речных водоразделов с азональными лесными массивами

приречных долин и лесов байрачного типа, располагавшихся в верховьях балочно-овражных систем. Указанные особенности способствовали устойчивости лесостепных биоценозов в периоды климатических изменений, а пространственная неравномерность увлажнения евразийской лесостепной полосы обеспечивала ее природное разнообразие, выразившееся в сопредельном существовании «островов» леса и участков разнотравной степи¹.

В эпохи характеризуемые аридизацией климата и распространением степных ландшафтов в северном направлении², лесостепные регионы приобретали особую важность для скотоводческого хозяйства кочевников в виду гораздо большей продуктивности пастбищных выпасов и сенозаготовительных угодий, значительно превышающих возможности злаковой зоны степи³. В то же время, высокая урожайность агрокультур (прежде всего зерновых), обеспечиваемая плодородностью гумусных черноземов целинных земель, способствовала интенсивному освоению приречных участков лесостепной полосы земледельческим населением в периоды избыточного увлажнения лесо-таежной зоны. Таким образом, интенсивность этнокультурных контактов на территории евразийской лесостепи находилась в прямой зависимости от климатических изменений, сопровождавшихся трансформацией природных ландшафтов.

Не менее значимое влияние на этнополитическую историю вышеуказанного макрорегиона, оказывало периодическое возникновение на южных границах лесостепной зоны Евразии крупных

---

¹ Чендеев Ю.Г. Закономерности формирования лесостепного ландшафта на территории Среднерусской возвышенности (по результатам почвенно-эволюционных исследований) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Естественные науки. 2008. № 3. С. 182.

² Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. М., 2005. С. 187; Александровский А.Л. Природная среда Верхнего Подонья во второй половине голоцена (по данным изучения палеопочв городищ раннего железного века) // Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. С. 196; Чендеев Ю.Г., Александровский А.Л. Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена // Почвоведение. 2002. № 4. С. 389–398; Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – сер. XIX в.). М., 1983. С. 14.

³ Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977. С. 126–128. Таб. 5.

кочевнических держав («империй» хунну, тюрков, авар, хазар, кимаков, киданей, монголов). Военно-политические процессы формирования и распада государственных или протогосударственных объединений степняков, сопровождавшиеся миграциями племен и племенных союзов, приводили к инфильтрации кочевников в лесостепные регионы и их взаимодействию с автохтонным населением⁴.

Последними по времени государственными образованиями степных племен, оказавшими серьезное влияние на этнополитические процессы в регионах евразийской лесостепи, следует считать Монгольскую империю⁵ и позднее выделившийся в отдельное самостоятельное государство Улус Джучи (Золотую Орду).

Основной целью представляемой работы является изучение специфики развития лесостепных регионов русско-ордынского пограничья в контексте административно-политических, хозяйственно-экономических и этнокультурных контактов различных групп оседлого, и кочевого населения на материале письменных и археологических источников. Помимо этого, автором рассматривается ряд дискуссионных вопросов, касающихся проблемы политического статуса южнорусских земель в государственной системе *Yeke Mongyol Ulus* и державы Джучидов, а также предпринимается попытка реконструкции административно-территориальной структуры русско-ордынского пограничья с учетом изменений происходивших на разных этапах исторического развития Улуса Джучи.

---

⁴ Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв.: Дисс. д-ра ист. наук. М., 1990; Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным. Дисс. д-ра ист. наук. Ижевск, 2004; Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. Воронеж, 2008.

⁵ Термин «Монгольская империя» является устоявшимся и получившим широкое распространение в научных исследованиях историографическим конструктом, сформированным на основе анализа типологии государственного устройства державы Чингиз-хана. В монгольской политико-дипломатической традиции официальное название государства звучало как *Yeke Mongyol Ulus* («Великое Монгольское Владение»).

В силу специфики целей и задач исследования их решение может осуществляться исключительно в рамках комплексного, междисциплинарного подхода, методика которого подразумевает использование различных типов источников с целью как можно более полной и объективной реконструкции исторических процессов происходивших на территории лесостепных регионов Южной Руси в ордынскую эпоху.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период существования Золотоордынского государства – от завершающего этапа Западного похода монголов (1240–1242 гг.) до окончательного распада Улуса Джучи в 30–40-х гг. XV в.

Географические рамки определяются полосой лесостепных районов Рязанского, Черниговского, Киевского, Переяславского и Галицко-Волынского княжеств.

Специфическими признаками перечисленных территорий, позволяющими выделить их в отдельный объект изучения являются:

1. Географическое расположение на границе со Степью, что обусловило наличие продолжительных и устойчивых традиций межэтнического взаимодействия.

2. Наличие полиэтничного (славяно-тюркского) населения и смешанного (земледельческо-скотоводческого) типа хозяйственно-го освоения данных регионов.

3. Интегрированность в административно-территориальную и хозяйственно-экономическую структуру Золотой Орды.

В данном контексте, для лучшего понимания специфики объекта исследования, представляется целесообразным сделать общий обзор этнокультурной и этнополитической истории регионов южнорусской лесостепи в домонгольскую эпоху.

Наличие устойчивых зон славяно-тюркских межэтнических контактов в западной части евразийской лесостепной полосы прослеживается с V – первой половины VI вв. н.э., когда продвижение земледельческих племен пеньковской этнокультурной общности (антов) в южном и юго-восточном направлениях активизировало процессы взаимодействия с группами кочевого населения региона. Выходцы из алано-болгарских племен интегрировались в полиэтничные пеньковские общины. Их присутствие отмечено находками

кочевнических жилищ на поселениях антов в Среднем Поднепровье⁶. Влияние степной культуры весьма ощутимо и в группе пастырских древностей⁷. К началу VI в. н. э. поселения пеньковцев распространились на всю лесостепную полосу Днепровского правобережья, от Поросья до Сирета, а также в приречные долины Сулы и Тясмина к востоку от Днепра, выйдя к границам степной зоны⁸.

Появление в 50-х гг. VI в. в степях Северного Причерноморья авар (обров, вархонитов), набеги которых, по сообщению византийского хрониста Менадра Протектора, «опустошили их [антов] землю» и привели антские «хории» (общины) «в бедственное положение»⁹, на некоторое время приостановили переселенческую активность пеньковских племен в южном и юго-восточном направлениях. Однако уже в следующем столетии происходит возобновление колонизации лесостепных регионов Днепровско-Донского междуречья как славянскими, так и алано-болгарскими родоплеменными объединениями. Интенсификация переселенческих процессов являлась прямым следствием установления т.н. «хазарского мира»¹⁰, связанного с определенной стабилизацией военно-политического положения в степях Черноморско-Каспийского макрорегиона, а также политикой правящей верхушки Хазарского каганата, направленной на укрепление внешних границ государства и обеспечение безопасности торговых путей.

Во второй половине VII–VIII вв. ряд лесостепных районов междуречий Псла, Сейма и Десны заселяется племенами т.н. вольнцевской этнокультурной общности, имевшей достаточно интенсивные контакты с алано-болгарским населением междуречий Северского

---

⁶ Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. С. 33–36; Алексеев С.В. Славянская Европа V–VIII веков. М., 2009. С. 39–40.

⁷ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 24; Скиба А.В. Взаємовідносини кочовиків і слов'ян Південно-Східної Європи у 6–7 ст. (культурно-політичний аспект). Дис. канд. іст. наук. Київ, 2006. С. 110–126.

⁸ Алексеев С.В. Ук. соч. С. 77, 84.

⁹ Менадр Византиец. Продолжение Истории Агафия // Византийские истории: Дексипп, Эвнапий, Олимпиадор, Малх, Петр Магистр, Менадр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец. Пер. Г.С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 324.

¹⁰ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002. С. 248, 251.

Донца, Оскола и Дона, получившим в историографии название салтовской или салтово-маяцкой археологической культуры¹¹. В частности, на территории крупнейших волынцевских поселений – Битицкого и Опошнянского городищ, археологически фиксируется наличие полиэтничного населения и смешанный тип застройки (славянские полуземлянки и алано-болгарские юрты)¹². Аналогичная ситуация прослеживается и на роменско-борщевских поселениях, располагавшихся в лесостепном Подонье и Подонцовье (Титчихинское городище, городище Михайловский кордон и др.), где имеются неоспоримые доказательства проживания представителей салтовской культуры¹³.

Наряду с проникновением кочевников в оседло-земледельческие общины, происходил и обратный процесс подселения славян на салтовские поселения. Следы постоянного проживания славянского населения принадлежащего к роменской археологической культуре отмечены на салтовском комплексе у с. Сухая Гамольша, а также Дмитриевском, Донецком и Новотроицком городищах, имевших полиэтничное население¹⁴. О наличии смешанного славяно-алано-

---

¹¹ Юренко С.П. Население Днепровского левобережья в VII–VIII вв. н. э. (волынцевская культура) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 224–251; Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-бургасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993. С. 151; Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989; Она же. Очерки хазарской археологии. М., 2000. С. 25–26; Колода В.В. Контакты славянского мира и Хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект // Поволжская археология. № 4 (14). 2015. С. 58–59.

¹² Седов В.В. Ук. соч. С. 137; Алексеев С.В. Ук. соч. С. 358.

¹³ Березовец Д.Т. Словьяни и племена салтивской культуры // Археология. Київ, 1965. С. 19; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (Роменская культура и ее предшественники. Киев, 1975; Он же. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992; Винников А.З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром // СА. 1990. № 3. С. 71–72, 124–137; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж. Изд-во ВГУ. 1995; Алексеев С.В. Ук. соч. С. 367.

¹⁴ Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (часть 1) // Археология славянского

болгарского населения в лесостепном Подонье позволяет судить и археологический материал, происходящий из погребений VIII–X вв. на Среднем Дону, в бассейне Хопра и Северского Донца¹⁵.

Таким образом, во второй половине VII–IX вв., в результате масштабной земледельческой колонизации алано-болгарским и славянским населением лесостепных районов Днепровско-Донского междуречья происходит формирование славяно-тюрко-аланской контактной зоны на северо-западных рубежах Хазарии.

Ослабление Хазарского каганата в первой половине X в., сопровождавшееся восстаниями подчиненных народов и ростом военной активности канглов (печенегов), по всей вероятности, явилось основной причиной упадка роменско-борщевской и салтовомаяцкой этнокультурных общностей и привело к значительному оттоку оседлого населения из лесостепных районов Днепровско-Донского междуречья в верховья Северского Донца и Дона, а также в Среднее Поволжье¹⁶. Вместе с тем, о сохранении достаточно многочисленного алано-болгарского (салтовского) населения в лесостепном Подонье и в постхазарскую эпоху свидетельствует сообщение Ипатьевской летописи о «поимании» дружинами русских князей «яских градов» во время похода сына Владимира Мономаха – Ярослава против половцев в 1116 г.¹⁷

Усиление древнерусского государства к концу X столетия вновь активизировало процессы хозяйственного освоения славянским земледельческим населением пограничных со Степью терри-

---

Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991. С. 44.

¹⁵ Винников А.З. Белогорский курганный могильник I тыс. н. э. // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж. 1979. С. 145–163.; Афанасьев Г.Е. О культуре населения Донского левобережья во второй половине VIII – начале X в. // ИЭ. Вып. III. Л. 1985. С. 92–93.

¹⁶ Артамонов М.И. Ук. соч. С. 359–361; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 4. [электронный ресурс] <http://www.docviewer.ru>; С. 25–27; Казаков Е.П. О болгаро-салтовских комплексах в керамике ранней Волжской Болгарии // Археология и история Древней Руси. Воронеж, 1993. С. 104–106.; Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. // СА. 1962. № 1. С. 94.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 284.

торий, а расселение в XI–XII в. ряда племен тюркоязычных кочевников в качестве военных федератов на южных границах Руси, интенсифицировало процессы межэтнического взаимодействия.

Началом данному процессу послужило возведение киевским князем Владимиром Святославовичем оборонительных линий на Десне, Остере, Трубеже, Суле и Стугне¹⁸, появление которых в значительной степени способствовало возобновлению славянской земледельческой колонизации лесостепных районов Среднего Поднепровья¹⁹.

Следует отметить, что население пограничных со Степью регионов Южной Руси уже на начальном этапе хозяйственного освоения данных территорий состояло из различных этнических групп как славянского, так и тюрко-аланского происхождения. Однако в результате кыпчакской (половецкой) экспансии в причерноморские степи, приведшей к массовой миграции печенежско-гузских племен в западном (Венгрия), юго-западном (Византийская империя, Болгария) и северном (Южная Русь) направлениях²⁰, происходит значительное увеличение численности тюркоязычного этнического элемента в районах южнорусского лесостепного пограничья. На протяжении XI–XII вв. появляется несколько обширных территориальных анклавов с полиэтничным населением, несшим военную службу по охране густозаселенных земледельческих областей Киевского, Черниговского, Переяславского и Галицко-Волынского княжеств. К таким анклавам следует отнести районы киевского Поросья, черниговского Посеймья и Подонцовья, переяславского Посулья и галицко-волынского Побужья²¹.

---

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 106; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. I. Середина IX – первая половина XII в. М., 1980. С. 50; Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948. С. 127–128.

¹⁹ Котышев Д.М. Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 233–252.

²⁰ Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. С. 57–59, 69–70, 77; Плетнева С.А. Половцы. М., 2010. С. 79.

²¹ Сытый Ю.Н. Ковуи на Черниговском Задесенье // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 8. Минск, 1996. С. 217–219; Моргунюв Ю.Ю. Посульская граница: этапы формування і развіцця. Курск, 1998; Он же. Еще раз о «Переяславском»

В летописных источниках тюркоязычное население указанных регионов известно под обобщающим названием «своих поганых» или «черных клобуков», включавших в себя родоплеменные объединения печенегов (канглов) и торков (гузов), вынужденных покинуть прежние кочевья под натиском новой волны кочевников и расселиться на землях лесостепного порубежья южнорусских княжеств с условием несения пограничной службы. Характерно, что укрепленные стационарные населенные пункты «черных клобуков» зачастую располагались среди поселенческих комплексов славянского земледельческого населения, что естественным образом способствовало активизации этнокультурных и хозяйственно-экономических контактов. В частности, локализация древнерусских погребальных комплексов в непосредственной близости от кочевнических некрополей (а иногда и на общих могильниках) в Поросье, а также материальная культура населения районов лесостепного пограничья Чернигово-Северской земли и переяславского Посулья свидетельствует о теснейших контактах славянского населения с союзными кочевниками²².

лавских торках» // РА. № 1. 2000; Он же. На границе со степью. Посульский рубеж Переяславской земли (конец X – середина XIII в.) // Исторический вестник. Т. 24. 2018. С. 66–95; Коваленко В.П., Ситий Ю.М. «Свои погани» черниговских князей // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–Xст. Київ, 2004. С. 121–138; Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. М., 2012. С. 19–112; Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003; Беляева С., Бубенок О., Гундогдыев О., Дрига И., Маврина О. Огузы на рубежах Южной Руси. Киев, 2018. С. 89–107, 123–147; Комар А.В., Борисов А.В. «Свои поганые» Киевской земли: этапы заселения и ландшафтно-географическая ниша кочевников в земледельческом обществе // Strtum plus № 5. 2021. С. 15–39.

²² Моця А.П. Южная «Русская земля». Киев, 2008. С. 71; Дьяченко А.Г. Древнерусское Харьковское городище и «жилой город» Харьков середины XVII в. (к проблеме исторической преемственности в процессе возрождения восточнославянских городов эпохи позднего средневековья). // Археология Юго-Востока Руси. Материалы IV научной конференции. Елец. 2006. С. 72.; Данилевич В.Е. Донецкое городище и город Донец // АЛЮР. 1904. № 4-5 С. 10; Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-

На протяжении длительного времени оценка русско-половецких контактов в отечественной исторической науке базировалась исключительно на сообщениях летописей и других древнерусских нарративных источников, дававших крайне субъективный образ степняков в контексте продолжительных военных конфликтов южнорусских княжеств с племенными объединениями половцев западной части Дешт-и-Кыпчака, а также библейской традиции изображения кочевых племен востока как «безбожных» потомков Агари и Измаила²³. Вместе с тем, отношения полиэтничного населения пограничных со Степью регионов Южной Руси с половецкими родовыми общинами имели значительную вариативность, не позволяющую оценивать русско-половецкое взаимодействие исключительно с позиций военного противостояния.

В период предшествующий монгольскому нашествию (конец XII – первая треть XIII вв.), военная угроза со стороны западно-кыпчакских племенных объединений для земледельческого населения районов южнорусского лесостепного пограничья становится незначительной. С конца XII столетия летописи не фиксируют сколько-нибудь значительных набегов со стороны днепровских и донских половцев на земли Южной Руси, за исключением участия отрядов наемных кочевников в междоусобных войнах русских князей²⁴. К этому же времени относятся и сохранившиеся в источниках

Востока: материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991. С. 88–89.

²³ Чекин Л.С. «Безбожные сыны Измаиловы»: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры. Т. I. Древняя Русь. 2000. С. 691–717; Долгов В.В. Обретение этнокультурных ориентиров: «свой-чужие» // Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 204.

²⁴ Плетнева С.А. Ук. соч. С. 180–181; Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII–XIV вв. в Подонье // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993. С. 121; Головкин А.Б. Половецкий фактор в политической жизни Юго-Западной Руси (вторая половина XII – первая половина XIII в.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 260–272.

сообщения о совместных (русско-половецких) военных мероприятиях, направленных против экспансии в Северное Причерноморье третьих стран (Румского султаната, Монгольской империи)²⁵. Прямым следствием снижения уровня военной конфронтации становится интенсификация экономических, политических и этнокультурных контактов южнорусских княжеств с половецкими племенными союзами, кочевавшими в степной зоне Днепровско-Донского и Днестровско-Днепровского водоразделов. Данный процесс сопровождался активным хозяйственным освоением лесостепных районов русско-половецкого пограничья как славянскими земледельческими общинами, так и отдельными группами западнокыпчакских кочевников-скотоводов²⁶.

В результате монгольского нашествия и последовавшим за этим становлением административно-территориальной структуры Золотоордынского государства, ряд регионов южнорусского лесостепного пограничья входят в состав ордынских улусов, продолжая оставаться зоной совместного хозяйственного использования как кочевым, так и оседлым населением.

В последнее время тема изучения специфики исторического развития отдельных пограничных регионов средневековой Руси, привлекает все большее внимание российских и белорусских исследователей²⁷. Вместе с тем, отсутствие к настоящему времени работ,

²⁵ Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей) // Византийский временник. 1928. Т. 25. С. 53–76; ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего извода. М.-Л., 1950. С. 64.

²⁶ Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII–XIV вв. в Подонье // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж, 1993; Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж. 2004. С. 190; Князький И.О. Славяне, волюхи и кочевники Днестровско-Карпатских земель. Автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 1990. С. 10.

²⁷ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Центрально-Черноземный край в русско-ордынском пограничье (в конце XIV – начале XV века) // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов. Т. II. СПб., 2010; Рахимзянов Б.Р. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных княжеств // Средневековые тюркско-татарские

посвященных комплексному изучению истории регионов южнорусского лесостепного пограничья в ордынскую эпоху, обуславливает актуальность представляемого исследования.

Автор выражает глубокую признательность всем коллегам, благодаря помощи которых данная работа, родившись из первоначальной идеи, приобрела характер научной монографии. Прежде всего, хотелось бы выразить благодарность своему наставнику, д.и.н., профессору Николаю Александровичу Тропину. Также следует отметить то значительное влияние, которое своими замечаниями и конструктивной критикой оказали на качество исследования д.и.н. Юрий Васильевич Селезнев, д.и.н. Илья Владимирович Зайцев и к.и.н. Денис Николаевич Маслюженко. Отдельные благодарности автор выражает к.и.н., руководителю Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Ильнуру Мидхатовичу Миргалееву, а также к.и.н., ученому секретарю Болгарской исламской академии, заместителю руководителя Центра межрелигиозного диалога Тэймуру Рустэмовичу Галимову и Роману Хаутале Ph.D. (история) за неоценимую помощь в редакции, переводах и публикации работ по теме исследования.

государства. 2010. № 2. С. 91–95; Нолев Е.В. На северо-западных рубежах монгольской империи: русско-ордынское пограничье // Власть. Т. 25. № 9. 2017. С. 167–172; Кибинь А.С. От Ятвязи до Литвы. Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М., 2014. Темушев В.Н. Русско-литовское пограничье. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. М., 2018; Слядзь А.Н. Византийско-русское пограничье в XI–XII вв. Взаимодействие в Приазовье и Крыму. СПб., 2019; Воробьева Е.Е., Федулов М.И. К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань-Кишинев, 2019. С. 289–295.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА, ТЕРМИНОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1.1. Терминологические аспекты исследования.

Основной исследовательской проблемой представляемой работы является отсутствие к настоящему времени научно обоснованного термина «русско-ордынское пограничье», рассматриваемого в контексте «теории фронта» и концепции «контактных зон». Данная проблема обусловлена как состоянием письменных источников, содержащих относительно скудную информацию по этому вопросу, так и устоявшимся в научной среде представлением о границе как о четкой демаркационной линии, разделяющей независимые друг от друга государства. В силу указанных обстоятельств, большинство исследователей не обращали внимания на специфику формирования русско-ордынской пограничной зоны в административно-территориальной системе Монгольской империи и Улуса Джучи как государств имперского типа, либо рассматривали историю регионов южнорусского Подстепья в контексте военного противостояния между русскими княжествами и Ордой.

Поднимая проблему «пограничной» терминологии, прежде всего следует отметить, что несмотря на включение земель Северо-Восточной, Южной и Юго-Западной Руси в государственную систему *Yeke Mongyol Ulus*, большая часть русских княжеств сохранила административно-политическую автономию и территориальную структуру, что в свою очередь, обусловило наличие внутри административных границ и пограничных зон, отделявших собственно ордынские кочевья от густозаселенных земледельческих областей Руси.

Отрывочные сообщения о наличии границ между русскими землями и территорией ордынских улусов содержатся в записках европейских путешественников и дипломатов XIII в. В частности, венецианец Марко Поло, вероятно основываясь на информации по-

лученной от отца (Николая Поло) и дяди (Матфея Поло), проживавших около года во владениях Джучидов¹, отмечал наличие на «границах Руссии» «...множества укрепленных ущелий и проходов» («maintes fors entrec e fors pas»)². Учитывая отсутствие на территории большинства русских княжеств (за исключением районов Галицко-Волынского Прикарпатья) значительных горных массивов, под терминами «ущелья» и «проходы», по всей вероятности, следует понимать труднопроходимую для степняков залесенную балочно-овражистую местность, по которой, на некоторых участках, могла проходить условная (без демаркации) граница русских княжеств с улусными владениями кочевой аристократии.

В свою очередь, посланник французского короля Гильом де Рубрук описывая свой проезд по землям Улуса Джучи, указывал, что в Донском Правобережье территория ордынских кочевий отделялась от русских земель, «большим лесом», являвшимся естественным ландшафтно-географическим рубежом выше которого «...Татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу...»³.

Исходя из вышеприведенных сообщений источников, можно сделать вывод о том, что русско-ордынская пограничная зона представляла из себя типичный для эпохи Средневековья историко-географический феномен, обозначаемый в исторических исследованиях термином «*Limites naturelles*» («Естественная граница»), то есть границу проходившую по географическим маркерам, на стыке лесной и лесостепной ландшафтных зон⁴. При этом в территориальную структуру Улуса Джучи был включен и ряд районов южнорусской лесостепной полосы, в домонгольскую эпоху являвшихся пограничной периферией южнорусских княжеств.

Таким образом, под **русско-ордынским пограничьем** следует понимать ряд регионов южнорусской лесостепи, непосредственно

---

¹ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. С. 67.

² Там же. С. 327, 525.

³ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. М., 1957 г. С. 109–110.

⁴ Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. М., 2019. С. 77.

примыкавших к линии «естественной границы» между территорией ордынских кочевий и располагавшимися в лесной ландшафтной зоне землями русских княжеств, находившихся в политической зависимости от Золотоордынского государства.

Аналогами понятия «пограничье» в западной исторической науке являются термины «frontier», «borderland» и «borderscapes». Под данными обозначениями, как правило, понимается пограничная зона (пространство), расположенная вдоль условной линии разграничения между государствами или этническими сообществами⁵.

Термин «фронтир» (от англ. frontier – граница, рубеж) в концептуальном представлении Ф. Дж. Тернера (основоположника «теории фронта», как историко-географического феномена), обозначал приграничную полосу либо область «свободных земель» во внутренних районах североамериканского континента, которая осваивалась переселенцами – «пионерами» и постепенно перемещалась в ходе территориальной экспансии на Запад, достигнув к концу XIX в. Тихоокеанского побережья⁶. Следует отметить, что Ф. Дж. Тернер особо подчеркивал принципиальное отличие американского фронта от европейского, представлявшего собой, по мнению исследователя, укрепленные пограничные линии, проходящие через густо населенные местности⁷.

На протяжении XX в., а также в последние десятилетия, тема фронтирных исследований получает широкое распространение в западной историографии и выходит не только за пределы истории США, но и истории Нового времени. В работах ученых посвященных данной тематике начинают рассматриваться вопросы специфики исторического развития пограничных регионов античности и средневековья, располагавшихся в зоне соприкосновения различ-

---

⁵ Панарина Д.С. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны // История и современность, № 1. 2015. С. 15–41; Петер У., Троицкий С. Сложность границ: постановка проблемы, терминология и классификация // Журнал Фронтирных исследований. 2019. № 4.2. С. 234–256.

⁶ Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 6–7, 16–18.

⁷ Там же. С. 14.

ных этнических групп, государств и цивилизационных формаций⁸. К настоящему времени, понятие пограничного (фронтирного) пространства также включает в себя определение имперской периферии, и/или пограничной территории между государствами или этническими группами, принадлежащими к разным цивилизационным типам. Как правило, пограничные (фронтирные) регионы представляли собой зоны интенсивных этнокультурных и экономических контактов⁹.

В отечественной историографии попытки сформулировать отличительные признаки фронтирной территории (пространства) наиболее полно представлены в работах И.П. Басалаевой и О.В. Скобелкина. В частности, И.П. Басалаева, отмечая отсутствие четких критериев фронта в российской исторической науке, тем не менее выделяет несколько специфических признаков фронтирного пространства:

1. Маргинальное («окраинное», «украинное») географическое расположение территории фронта.

2. Отсутствие четких границ, как государственных, так и внутренних.

3. Наличие естественных пограничных рубежей (рек, гор, лесных массивов, пустынь), зонирующих пространство фронта.

---

⁸ McNeill W. *Europes Steppe Frontier*, Chicago. 1964; Chrisiansen E. *The Northern Crusades: The Baltic and the Catolic Frontier, 1100–1525*. L., 1980; Whittaker C.R. *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore, 1994. P. 110–127; Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, 1998; Hopwood K. *The Byzantine-Turkish Frontier c. 1250–1300* // *Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums*. Wien, 1999. P. 153–161; *Medieval Frontiers: Concepts and Practices / Selected papers of a colloquium held Nov 1998 at St. Catharines College, Cambridge*. 2002; Khodorkovshy M. *Russian Steppe Fronier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002; Stepenson P. *Byzantiums Balkan Frontier (A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204)*. Cambridge University Press. 2004; Mykhaylovskiy V. *Evropean expansion and the contested borderlands of late medieval Podillya, Ukraine*. Amsterdam, 2019; Haug R. *The Eastern Frontier. Limits or empire in Late antiqua and early medieval Central asia*. University of Cincinnati. 2019.

⁹ Панарина Д.С. Ук. соч. С. 17.

4. Этнокультурная неоднородность, а также гендерные и численные диспропорции различных групп населения фронтальных регионов.

5. Центрирование фронтальной зоны очагами городской жизни.

6. Колониальный статус пограничной территории.

7. Номинальный характер государственной власти.

8. Отличная от метрополии система управления регионами фронта.

9. Более высокая, чем в метрополии степень горизонтальной и вертикальной мобильности населения¹⁰.

Несколько иной подход к определению признаков фронта прослеживается в исследовании О.В. Скобелкина. По мнению историка, под фронтом следует понимать территорию на окраине государства, которая возникает и существует при наличии следующих условий и признаков:

1. Отсутствия на сопредельной территории государства соседа (т. е. сопредельная территория не является чьей-то государственной территорией). При этом она может восприниматься отдельными государствами как часть их государственной территории.

2. Отсутствия демаркационных линий и условности границы вдоль которой формируется фронт.

3. Наличия на сопредельной территории населения, принадлежащего к другому цивилизационному типу, находящемуся на догосударственной стадии социального развития и/или более низкой стадии развития техники и технологии.

4. Вследствие отсутствия четко определенной границы и военно-технической слабости населения сопредельной территории, данная территория постепенно захватывается соседним государством, условная граница государства постепенно отодвигается и вместе с ней движется и фронт.

5. Наличия постоянной военной опасности.

6. Фронтальные регионы являются территорией колонизации и активного хозяйственно-экономического освоения. При том, что

---

¹⁰ Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.

характер хозяйственной деятельности поселенцев принципиально отличается от таковой у аборигенов¹¹.

На взгляд автора работы, некоторые из признаков вышеприведенных определений фронтального пространства, нуждаются в уточнении и корректировке. Так, указанное И.П. Басалаевой в качестве обязательного признака фронта наличие естественных природных рубежей не всегда соответствует историческим реалиям развития граничивших со степью территорий Южной Руси в период средневековья и нового времени. Именно отсутствие естественных преград (больших рек, горных хребтов, пустынь), определило необходимость строительства на южнорусском лесостепном пограничье Киевской державы, а позднее Московского царства и Российской империи укрепленных линий и засечных черт, представлявших собой комплекс инженерно-полевых сооружений, возведенных с учетом наличных условий природного ландшафта.

Не вполне обоснованным представляется и тезис О.В. Скобелкина о принципиальных отличиях хозяйственной деятельности поселенцев фронта от автохтонного (коренного) населения осваиваемой территории. В частности, тип хозяйственной деятельности траперов и фермеров американских колоний Британской империи (впоследствии САСШ) был в значительной степени идентичен роду занятий оседлых индейских племен Новой Англии, области Великих Озер, долины Огайо и некоторых других регионов Вудленда (Woodland)¹². Более того, именно идентичность хозяйственно-экономического уклада европейских переселенцев и аборигенов во многом определяла сущность конфликтов за контроль над колонизируемыми землями¹³.

---

¹¹ Скобелкин О.В. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в // Вестник ТГУ, выпуск 10 (126), 2013. С. 44–45.; Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Панков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник ТГУ. Т. 20. Вып. 10. 2015. С. 11.

¹² Тернер Ф. Дж. Ук. соч. С. 15, 26; Александров Г.В. Эволюция взаимоотношений колонистов и коренного населения в Новой Англии в 1620–1676 гг. Дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 2016. С. 57–58, 119, 121; Axtell J. The invasion Within: The Contest of cultures in Colonial North America. N. Y. Oxford University Press, 1985. P. 62.

¹³ Александров Г.В. Ук. соч. С. 225–227.

Аналогичная ситуация прослеживается и в пограничных со Степью регионах ВКЛ (позднее Речи Посполитой), а также на фронтальных территориях Российского государства, значительную часть населения которых составляли субэтнические военизированные сообщества днепровских, донских, терских, черноморских (кубанских), уральских (яицких), оренбургских, семиреченских и забайкальских казаков, а также черниговских севрюков. Хозяйственно-бытовой уклад вышеперечисленных полиэтничных сообществ, имевших в своем составе значительное число представителей коренного населения пограничных регионов, сочетал в себе многие черты хозяйственной деятельности аборигенов Степи, Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока¹⁴. Как отмечают исследователи «Сибирского фронта» Д.Я. Резун и М.В. Шиловский, фронт России Российского государства в XVI–XIX вв. являлся областью взаимодействия между русским и местным населением не только по линии военно-политических и культурных, но и хозяйственно-экономических контактов¹⁵.

В силу специфики административного устройства кочевнических объединений имперского типа, их границы с соседними земельными государствами в большинстве случаев не имели четкой демаркации, что, тем не менее, не означало отсутствия государственной принадлежности пограничных территорий со стороны Степи. Вместе с тем, смешанный тип хозяйственно-экономического

---

¹⁴ Черницын С.В. Донские татары – мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 282–298; Дубовиков А.М. Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 298–309; Аминов Р.Р., Годова Е. В., Загидулин И.К., Халиков Н.А. Татары-казаки в составе Оренбургского войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 309–326; Тычинских З.А. Татары-казаки Западной Сибири // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 326–360; Грибовский В.В. Инфильтрация ногайцев в состав Черноморского казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 380–391.

¹⁵ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этно-социальных и этнокультурных процессов. Новосибирск., 2005. [электронный ресурс] <http://www.sibistorik.narod.ru>

уклада, а также административно-территориальная и этнополитическая структура кочевнических «империй», возникавших в западной части евразийской степной зоны (Аварский каганат, Хазарский каганат, Золотая Орда) допускает наличие у этих государств своих фронтальных регионов с определенной спецификой развития.

По сложившейся в отечественной историографии традиции, основные направления изучения южнорусского фронта ограничиваются хронологическими рамками XVI–XIX вв. В то же время, американский историк О. Латимор, в контексте традиционного для западной науки определения фронта как имперской периферии и/или пограничной территории, принадлежащих к разным цивилизационным типам, предлагал рассматривать Южную Русь как исторический феномен развития фронтального (пограничного) пространства на протяжении всей эпохи средневековья¹⁶. Отмечая специфику развития пограничных территорий как «контактных зон», исследователь подчеркивал, что граница между государствами и этническими общностями представляет собой не линию раздела, а зону, «...вокруг которой люди, идеи и организации взаимодействуют в обоих направлениях»¹⁷.

Аналогичная оценка фронтальных территорий содержится в работе российского историка А.А. Андреевой, отмечающей тот факт, что благодаря современным исследованиям термин «фронт» стал рассматриваться как контактная диалоговая зона встреч различных культур, включающая в себя не только историко-географические и хозяйственно-экономические, но также социально-культурологические и ментальные аспекты¹⁸.

По мнению Майкла Ходарковского средневековая Россия представляла из себя типичное общество фронта, где легко проходимые пограничные зоны вкупе с недостаточно четко определенными политическими и территориальными границами служили

---

¹⁶ Latimor O. The Nomads and South Russia // *Archeion Ponton*. 1979. Vol. 35. P. 193–200.

¹⁷ Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. Boston, 1962; Он же. *Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958*. London, 1962.

¹⁸ Андреева А.А. «Калмыцкий фронт»: к типологии фронтальной теории // *Вестник Калмыцкого университета*. 2016. № 4(32). С. 131.

приглашением к постоянной экспансии¹⁹. Данный подход представляется вполне обоснованным, учитывая специфику развития южно-русских земель в период т.н. «раннего средневековья» и открывает ряд перспективных направлений в исследованиях регионов южно-русской лесостепи.

В представляемом исследовании автор использует термин «**фронтир**» в значении пограничной периферии государств имперского типа, расположенной на стыке природно-ландшафтных зон и хозяйственных укладов, вследствие чего данные территории являлись зонами активных хозяйственно-экономических, этнокультурных и политико-административных контактов.

В советской исторической науке гипотеза о формировании контактных зон на территориях природных ландшафтов смешанного типа впервые была выдвинута Л.Н. Гумилевым, отметившим, что именно в лесостепных регионах Евразийского континента имелись оптимальные условия для становления культуры и процветания хозяйства²⁰. Вместе с тем, приходится констатировать, что тема этнокультурных и экономических контактов между кочевниками и оседлым населением на территории лесостепных регионов Восточной Европы в ордынскую эпоху не получила должного развития в работах советских историков.

Тем не менее, сам термин «контактная зона» был введен в научный оборот известным советским византиевистом В.Д. Королюком в 70-е гг. XX в.²¹ По оценке исследователя, контактной зоной является любая пограничная с «варварской» периферией территория государства имперского типа (например – Дунайский лимес Византии), имеющая полиэтничное население.

---

¹⁹ Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 9.

²⁰ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2002. С. 438.

²¹ Королюк В.Д. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев, 1972. С. 31–46; Он же. Основные проблемы формирования контактной зоны в юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 158–184.

Несколько иной подход в определении «контактной зоны» представлен в работах В.А. Арутюновой-Фиданян. По мнению историка, контактная зона — это не просто территория с полиэтничным населением, разделенная на отдельные географические анклав, а структура, имеющая особый культурный облик. Контактные зоны образуются на лимитрофных территориях (буферных зонах), только в том случае, когда образуют синтезное культурное пространство, состоящее из феноменов, образовавшихся в результате взаимодействия нескольких национальных культур²².

В частности, на восточной периферии Византийской империи такими контактными зонами являлись северо-восточные регионы Ромейской державы (Восточный Понт и предгорья Южного Кавказа), а также акритские лимитрофные территории византийско-арабского и византийско-сельджукского пограничья, с неустойчивыми, проницаемыми границами, полиэтничным населением и сложившейся традицией этнокультурных и хозяйственно-экономических контактов²³.

В европейской и американской историографии превалирующей является точка зрения о возникновении первых контактных зон в эпоху поздней античности, на территориях, непосредственно примыкавших к Рейнскому и Дунайскому лимесам Римской империи. Согласно данным археологических исследований, в результате продолжительных этнокультурных и экономических контактов происходивших в пограничных регионах «*Rex Romanica*», сформировалась синтезная материальная культура лимеса, включавшая в себя как римские, так и «варварские» (германские, фракийские, сарматские и др.) элементы²⁴.

---

²² Арутюнова-Фиданян В.А. Византия и Армения в X–XII вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. М., 2001. С. 380.

²³ Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 88, 115; Арутюнова-Фиданян В.А. Ук. соч. С. 380–389; Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. С. 137.

²⁴ Birley R. *Vindolanda A Roman Frontier Post of Hadrian's Wall*. L., 1977. P. 9, 13; Whittaker C.R. *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore, 1994. P. 110–127; Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. М., 2000. С. 165, 169, 173, 175–176, 178, 180–181, 185.

Не вызывает сомнений существование контактных зон и на обширных пространствах Евразийского континента в эпоху т.н. «Монгольского мира» («*Rex Mongolica*»). Административно-территориальная структура Чингизидских государств, вкупе с бурным развитием торговых коммуникаций, способствовала появлению зон межэтнического взаимодействия, располагавшихся, как правило, на периферии Монгольской ойкумены, или на путях прохождения международных торговых маршрутов. В XIII–XIV вв. формируется ряд контактных зон на территории Улуса Джучи, прежде всего в городских торгово-ремесленных агломерациях Поволжья, Крыма, Северо-Восточном Причерноморье и Приазовье, а также на северной, лесостепной периферии Золотоордынского государства²⁵.

Согласно гипотезе американского историка Чарльза Гальперина именно на эпоху ордынской зависимости приходится окончательное формирование на южных границах Руси этно-религиозной контактной зоны, возникшей еще в домонгольское время²⁶.

Аналогичная точка зрения присутствует в работе украинского археолога и историка В.В. Колоды, характеризующего лесостепные регионы Днепровско-Донского водораздела как территорию оживленных этнокультурных и экономических контактов между восточнославянскими (южнорусскими) земледельческими общинами и

---

²⁵ Из «Подарка наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» Ибн Батуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) Казань, 2011. С. 171; Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия, Италия. СПб., 2011. С. 122–139; Он же. О христианских конфессиях Солхата в XIII–XIV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII. Симферополь, 2017. С. 399–411; Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 172–188; Маслоуженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008, С. 34–35; Миргалеев И.М. Тюрко-угорская контактная зона в Западном Приуралье: проблема иштяков // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань, 2019. С. 8–9; Хотко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования. Дисс. на соискание науч. степени док. ист. наук. Майкоп, 2017. С. 128–151, 227–252.

²⁶ Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 18, 205.

тюркскоязычными кочевниками Великой степи на протяжении всей эпохи раннего средневековья (VIII–XIV вв.), включая период ордынского владычества²⁷. В работах известного молдавского историка Н.Д. Русева, регион Днестровско-Дунайского междуречья обозначается как контактная зона пересечения коммерческих интересов Востока и Запада²⁸.

Таким образом, под термином «**контактная зона**» следует понимать территорию интенсивного хозяйственно-экономического и культурного взаимодействия двух и более этносов или этнических групп, происходившего в течение продолжительного времени (жизни нескольких поколений). Зачастую такое взаимодействие приводило к возникновению новых народов или субэтнических групп (акриты на азиатском лимесе Византийской Империи, секеи Венгерского королевства, караны восточного пограничья государства Ильханов, чараймаки и хазарейцы чагатайско-хулагуидского порубежья, казаки и севрюки южнорусского лесостепного пограничья).

Возникновение такого рода зон, как правило, тесно связано с существованием и деятельностью на этих территориях носителей открытых культур и имперской структуры управления, обеспечивающей отсутствие длительных конфликтов по национальному и конфессиональному признаку.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что термины «русско-ордынское пограничье», «фронтир» и «контактная зона» являются взаимодополняющими, частично синонимичными и не вызывают смысловых противоречий при их совместном использовании.

Помимо рассмотренных терминологических аспектов исследования, представляется целесообразным обратить внимание на раз-

---

²⁷ Колода В.В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья, как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности 2010. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. С. 178–198.

²⁸ Русев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. Кишинев, 1999; Он же. Карпато-Дунайские земли в эпоху Джучидов: некоторые соображения и неисчислимые «Пути взоров» // Stratum plus: Archaeology and Cultural Antropology. 2016. № 6. С. 165–181.

ницу терминов, используемых в научных исследованиях для обозначения Джучидского государства. Если для дореволюционного и советского периодов развития отечественной исторической науки характерно абсолютное преобладание термина «Золотая Орда»²⁹, то в постсоветскую эпоху, в условиях становления национальных научных школ, появляется вариативность обозначений владений Джучидов³⁰. Данное обстоятельство ставит вопрос об обоснованности государственных терминов, используемых историками в исследованиях, посвященных теме русско-ордынских отношений.

Рассматривая вышеобозначенную проблему, прежде всего следует отметить, что преобладающий в древнерусских летописных источниках XIV–XV вв. термин «Орда», в большинстве случаев использовался как обозначение ханской кочевой ставки («большой орды», ордубазара)³¹, и не имел конкретной территориальной при-

---

²⁹ Hammer-Purgstall J. Geshichte der Goldenen Horde in Kiptschak; das der Mongolen in Rusland. Pesth: C. A. Hartleben, 1840; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884; Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. Петроград, 1922; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.

³⁰ Хафизов Г.Г. Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань, 2000; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000; Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003; Крамаровский М.Г. Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005; Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Улуса Джучи. Воронеж, 2017; Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013; Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи XIII–XIV ст.: суспільно-політичний та економічний розвиток. Київ, 2015.

³¹ Согласно свидетельству южносунского дипломата Пэн Дая: «...Большой ордой называют только то стойбище, в котором вместе подняты золотой шатер...их (монголов – Л.В.) [правителя] и все остальные [шатры] – незаконных императриц и подчиненных» (Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 33); «...Подожла ставка, которую они называют Урду [Орда] и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары...» (Из «Подарка наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» Ибн Батуты // Становление и

вязки. По всей вероятности, аналогичное значение имели и присутствующие в русских нарративных источниках более позднего времени названия «именных» ставок отдельных джучидских ханов или беклярбеков («Мурутова Орда», «Ахматова Орда», «Мамаева Орда»)»³². Вместе с тем, в более поздней русской летописной и историко-литературной традиции отмечается употребление термина «Орда» в качестве географического обозначения определенной территории («Синяя Орда», «Заяицкая Орда», «Орда Залесская»)»³³.

Согласно гипотезе В.П. Юдина, появление на Руси «золотоордынской» политической терминологии имеет достаточно раннее происхождение, являясь, по мнению исследователя, отражением визуальных впечатлений представителей правящей элиты русских княжеств, сложившихся в результате посещений ставок правителей Джучидского государства³⁴. Источниковым базисом представленной гипотезы известного советского востоковеда является ряд сообщений Мухаммада Ибн Баттуты, посетившего в 1334 г. как кочевую ставку хана Узбека, так и столицу Улуса Джучи – Сарай. По описаниям марроканского путешественника, парадная юрта ордынского правителя носила название «золотого шатра» (орды)³⁵. Аналогичное («золотое») обозначение имел и стационарный дворец Узбе-

---

расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) Казань, 2011. С. 159).

³² ПСРЛ. Т. XXV Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. С. 182, 302–303; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л., 1950. С. 93–94.

³³ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 1965. С. 69, 172; Задонщина // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т.: Т. 2: Период ордынского владычества. М., 2010. С. 85–86.

³⁴ Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...// Утемиш-хаджи. Чингизнаме. Алма-Ата, 1992. С. 32–33.

³⁵ «Одна из привычек его (Узбека – Л.В.) та, что в пятницу, после молитвы, он садится в шатер, называемый **золотым шатром**, разукрашенный и диковинный. Он [состоит] из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками... (Из «Подарка наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» Ибн Баттуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 160.

ка в Сарае³⁶. Впечатление «золотого» сооружения производила также располагавшаяся в ханской ставке передвижная «палата» для проведения судебных разбирательств (барака)³⁷.

Наличие подобных архитектурных шедевров, являвшихся материальными символами власти Джучидов, не могло не оставить следа в политическом лексиконе государств, имевших интенсивные дипломатические контакты с правителями Улуса Джучи. В частности, согласно сведениям Е.И. Кычанова, в китайских исторических хрониках относящихся к периоду династии Юань владения Джучидов обозначались термином «Цзинь чжан хань» или «Цзинь чжан го» («Государство золотой юрты»)³⁸. Вместе с тем, следует отметить полное отсутствие упоминаний «золотых» орд и иных дворцовых сооружений джучидских правителей в русских письменных источниках XIV–XV вв., равно как и обозначения ханских владений термином «Золотая Орда». Данное обстоятельство ставит под сомнение тезис о раннем появлении данного термина в политическом лексиконе элитных групп древнерусского общества.

В этой связи более вероятной представляется версия об относительно позднем появлении золотоордынской терминологии, заимствованной русскими летописцами из историко-культурной традиции постордынских государственных образований. Несмотря на то, что сами «золотые дворцы» джучидских ханов, согласно сооб-

³⁶ «Тамошний дворец султана называется **Алгунташ**. Алгун [пишется] через а, л, тун и значит **«золото»**, а таш [пишется] через та и ш, и значит «голова». (Там же. С. 171).

³⁷ «Спешиваются все эмиры, старшие и младшие, царевичи, визири, придворные и вельможи и пешком проходят перед султаном, пока дойдут... до шатра. Там уже была устроена большая *барака* [перс. барах]. Барака у них большая палатка на четырех деревянных стойках, покрытых листами **позолоченного** серебра. На каждой стойке сверху серебряная **позолоченная** капитель, которая блестит и сверкает. Издали эта барака кажется точно горкой... Посредине бараки поставлен большой трон, который они называют тахт. Он [сделан] из резного дерева; столбики его покрыты листами позолоченного серебра, а ножки [сделаны] из чистого серебра с позолотой...» (Там же. С. 166–167).

³⁸ Кычанов Е.И. «История династии Юань» («Юань Ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 2000. Вып. 19. С. 146–157.

щениям источников, были уничтожены в период «Великой замятни»³⁹ и нашествия Тимур-ленга (Тамерлана)⁴⁰, память об их существовании сохранялась в среде кочевников Дешта на протяжении всей постордынской эпохи. В частности, в «татарском» историческом эпосе (дастане) «Идигей» (появление которого как единого произведения датируется XV–XVI вв.⁴¹), наряду с прямым обозначением Джучидской державы термином «Золотая Орда»⁴², присутствуют образы «Золотого дворца» и «Золотого чертога» в качестве символов ханской власти и олицетворения ордынской государственности эпохи наивысшего расцвета Улуса Джучи⁴³.

³⁹ «Когда Тайд-Дуглы-бегим (Тайдула) призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Сарая, поставила она в качестве свадебной юрты золотую юрту, оставшуюся от Узбека и Джанибек-хана... Был однако у него (Хызра) бек из [племени] найман по имени Кутлуг-Буга, который воспротивился этому. Сказал он: «Она – человек, который был подвластен Узбеку и Джанибеку. Ты [же] вырос человеком противостоящего [им рода]. Проучи ее. Не женись!»... Когда же и хан, озлившись на нее, решил разломать золотую юрту [а золото] поделить между своими казаками (*алтын термен бузып казакларынга улесдур болды*), то прослышав [о том], бегим послала к хану человека, сказала: «Пусть так не поступают. Когда нет золота [и] серебра, для человека, ставшего ханом, [золотая юрта] – сокровище. Но здание, построенное прежними добрыми [людьми] [все таки] пусть не разрушают». Не прислушался к ее словам [Хызр-хан, разломал и поделил]. (Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 112–113, 53а–54а.)

⁴⁰ «...полчища Тимура разбрелись по владениям Дештским... Завладел он движимым [имуществом] и разделил его, да недвижимым и унес его с собой... он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и [все] эти края... (Из сочинений Ибн Арабшаха // Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. С. 211).

⁴¹ Идигей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 247.

⁴² «Темный день на землю пришел.
Сотворенный Чингизом престол
Стал престолом, где кровь лилась.
Дворец ханский исчез из глаз.
Разоренный край стал пустым.
Отошли друг от друга тогда
Аждаркан и Казань и Крым,
Золотая распалась Орда». (Там же. С. 340).

⁴³ «В стольный град Идегей вступил...

Определенная символичность употребления политонимов «Орда» и «Златая Орда» прослеживается и в русских историко-литературных произведениях. Так, автором «Казанской истории» («Казанского летописца», «Истории о Казанском царстве») «золотоордынская» терминология применяется как для обозначения Джучидского государства периода зависимости от него русских княжеств⁴⁴, так и для территории подвластной ханам Большой Орды⁴⁵, а также используется в качестве одного из названий Казанского юрта⁴⁶.

Учитывая факт продолжительного пребывания автора «Казанской истории» «при дворе» казанских ханов⁴⁷, то есть в среде потомков кочевой аристократии и придворных сказителей, являвшихся главными хранителями культурно-исторического наследия золотоордынской эпохи, а также упоминаемую им работу с казанскими

Там стоит **Золотой Дворец**,
Лег на желтый мрамор багрец...
Дверь булатным открыв острием,
Избивая тех, кто стерег,

Он вступил в **Золотой Чертог**...» (Там же. С. 159).

⁴⁴ «...И от того времени обложися и нача великий князь Ярослав Всеволодич Владимирский царю Батыю во **Златую Орду** дани давати... По нем же державнии наши рустии, сынове и внуцы его, много лѣтъ выходы и оброки даваху царемъ в Златую Орду, и повинующеся имъ, и приимаху власть от нихъ вси ни по колѣну, ни по роду, но яко хто хошетъ и какъ которого царь возлюбить...» (Казанская история // Библиотека литературы древней Руси. Т. 10. [электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5148>).

⁴⁵ «...Бысть же злогордая та и великая власть варварская над Рускою землею от Батыева времени по царство тоя **Златыя Орды царя Ахмата**... прибѣжа с тоя же восточныя страны и тоя же **Болшия Орды Златыя** царь, Улус-Ахметъ имя ему... приближися к предѣлом Руския земли, и посла моление свое и смирение к великому князю Василию Васильевичю Московскому...» (Там же.)

⁴⁶ «В лѣто 6903-е посла князь великий Василей Дмитриевичъ з братом своимъ со княземъ Юрьемъ Дмитриевичемъ воя многи. И пошед к грады болгарския, по Волге стоящия; Казань, Болгары, Жукотинь, Керемечюк и **Златую Орду** повоева...» (Там же.)

⁴⁷ Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. IX. М.-Л., 1953. С. 279.

хрониками⁴⁸, наиболее вероятной выглядит гипотеза о достаточно позднем (не ранее второй половины XVI в.) лингвистическом заимствовании русскими «книжниками» политонима «Златая Орда» (от тюрк. «Алтын Орду») из позднеордынских письменных источников и/или устной исторической традиции, и дальнейшем его распространении в русских летописных сводах и историко-литературных произведениях⁴⁹.

В мусульманских письменных источниках XIII–XIV вв. также прослеживается значительное разнообразие терминов, применявшихся составителями исторических хроник и трактатов для обозначения владений потомков Джучи. Их можно разделить на две группы. К первой относятся названия, имеющие скорее этно-географическое, нежели государственное значение (Дешт, Кыпчакское царство, Дешт-и-Кыпчак, Кыпчак)⁵⁰. Тогда как ко второй группе имеют отношение термины, смысловое наполнение которых носит преимущественно политико-династийный характер («дом Джучи», «престол Джучи»⁵¹). Исходя из данного обстоятельства, можно сделать вывод о том, что этимология термина «Улус Джучи» («Джучи

⁴⁸ «О первом же начале царства Казанскаго — в кое время или како зачаса — не обрѣтохъ в лѣтописехъ русскихъ, но мало в казаньскихъ видѣхъ. (Казанская история // Библиотека литературы древней Руси. Т. 10. [электронный ресурс] <http://www.lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5148>).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. III. Новгородскія летописи (Такъ названныя Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 204; Скифская история. М., Наука., 1990. С. 8, 26, 27, 31, 39, 45, 113.

⁵⁰ Из Истории Ибн Халдуна // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 192; Из «Летописи царств и царей» Ибн ал-Фурата // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 188; Из летописи Ибн Касира // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 150; Из сочинения «Пути взоров по государствам с крупными городами» Ибн Фадлаллаха ал-Умари // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 137.

⁵¹ Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 30; Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 150.

улусы») базируется на многочисленных упоминаниях в аутентичных источниках сына Чингиз-хана – Джучи (Туши-хана), как первого правителя северо-западного улуса Монгольской Империи⁵².

Таким образом, источниковедчески обоснованными являются все вышеперечисленные терминологические обороты (Орда, Золотая Орда, Улус Джучи) присутствующие в современных научных исследованиях. В связи с чем, представляется допустимым использование в работе различных обозначений Джучидского государства в целях лексического и стилистического разнообразия.

§ 1.2. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной и зарубежной историографии.

Рассматривая тему изучения этнокультурной и этнополитической истории регионов южнорусского лесостепного пограничья в ордынскую эпоху, невозможно обойтись без обращения к работам предшествующих поколений историков, работавших в данной тематике, а также всего спектра новейших исследований соответствующего направления. Данный подход позволяет использовать для критического анализа уже представленные в научной литературе гипотезы и выводы, одновременно избегая их дублирования.

Корпус научных работ, посвященных изучению истории русско-ордынских отношений весьма обширен, и включает в себя ряд монографий, диссертационных исследований и научных статей как отечественных, так и зарубежных исследователей. Вместе с тем, следует признать, что вплоть до последнего времени, основное внимание историков привлекали различные аспекты политической истории русских земель в эпоху ордынской зависимости. Тогда как изучение этнической и этнокультурной специфики, а также вопросов, связанных с демографическим и хозяйственно-экономическим

---

⁵² Извлечения из «Истории [династии] Юань» («Юань Ши») // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 22; Из «Истории Вассафа» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 59; Из сочинений Хамдаллаха Казвини // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 66.

развитием регионов южнорусской лесостепи не получило достаточного внимания со стороны научного сообщества. Тем не менее, значительная часть работ как дореволюционных, так и советских историков не потеряли свою актуальность к настоящему времени и заслуживают пристального внимания современных исследователей.

Историю изучения регионов русско-ордынского пограничья можно разделить на несколько периодов или этапов. Начальный этап – вторая половина XIX – начало XX в. В это время появляются первые работы историков, посвященных изучению как южнорусских княжеств, так и отдельных регионов лесостепной полосы, непосредственно граничивших с владениями Улуса Джучи (Орды).

Среди наиболее значимых исследований этого периода необходимо выделить работы Д.И. Иловайского⁵³, Д.И. Зубрицкого⁵⁴, А. Мухлинского⁵⁵, М. А. Максимовича⁵⁶, В.В. Вельяминова-Зернова⁵⁷, Н.П. Дашкевича⁵⁸, П. Голубовского⁵⁹, М. Владимирского-Буданова⁶⁰, Д.И. Багаля⁶¹, Р.В. Зотова⁶², М.К. Любавского⁶³, М.С. Грушевского⁶⁴, С.Н. Введенского⁶⁵.

---

⁵³ Иловайский Д.И. История Рязанской княжества. М., 1858.

⁵⁴ Зубрицкий Д.И. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855.

⁵⁵ Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1858.

⁵⁶ Максимович М.А. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом // Собрание сочинений. Т. 1. Киев, 1876.

⁵⁷ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. В 4-х томах. СПб., 1863–1887.

⁵⁸ Дашкевич Н.П. Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды III АС. Т. 2. Киев, 1878.

⁵⁹ Голубовский П. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.

⁶⁰ Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив ЮЗР. Ч. 7. Т. 1. 1886.

⁶¹ Багаля Д.И. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882.

⁶² Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // Летописи занятий Археографической комиссии до 1882–1884 гг. СПб., 1892.

В частности, ими впервые были рассмотрены вопросы политической истории крупных государственных образований Восточной Европы (Черниговское княжество, Рязанское княжество, ВКЛ), а также отдельных регионов Южной и Северо-Восточной Руси (Болховская земля, Северская земля, Червлёный Яр, Мещера) в эпоху русского средневековья (X–XIV вв.).

М.А. Максимович и М. Владимирский-Буданов в своих работах, посвященных изучению демографических процессов в землях Юго-Западной Руси в ордынскую эпоху, обратили особое внимание на ошибочность оценок Н.П. Погодина о запустении территорий южнорусских княжеств в результате монгольского нашествия и заселении земель современной Центральной и Восточной Украины пришельцами «от Карпатских гор»⁶⁶. По мнению М. Владимирского-Буданова: «В 40-х гг. XIII в. численность населения Среднего Поднепровья и Южной Руси должна была уменьшиться, однако край вовсе не остался после татар пустынею»⁶⁷.

В свою очередь, М.С. Грушевский обратил особое внимание на социальный аспект последствий монгольского нашествия. По мнению историка, завоеватели, уничтожив княжеско-боярскую верхушку Южной Руси, способствовали созданию на южнорусских землях нового, «громадского» (общинного) социального уклада. Как отмечал исследователь: «Население нивелировалось вследствие обеднения и эмиграции богатого класса... Такое нивелирование способствовало большей демократизации общества и наоборот, находила себе опору в строе демократических общин»⁶⁸. «Киевщина превратилась в таком случае в кучу городских общин... под

---

⁶³ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910.

⁶⁴ Грушевский М.С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 3; Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. К., 1891.

⁶⁵ Введенский С.Н. Червлёный Яр // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5.

⁶⁶ Погодин Н.П. Записки о древнем языке русском // Известия императорской академии наук по Отделению русского языка и литературы. Ч. 5. Вып. 2. СПб., 1856.

⁶⁷ Владимирский-Буданов М. Ук. соч. С. 15.

⁶⁸ Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. К., 1891. С. 443, 458, 459.

непосредственным главенством татар... в Киевщине и Переяславщине княжеско-дружинный уклад после татарского погрома упал совсем»⁶⁹. В свете современных исследований, данная оценка М.С. Грушевского выглядит излишне категоричной и не соответствующей историческим реалиям.

В XIX в. выходят и первые фундаментальные труды русских историков посвященные систематизации и изучению восточных источников, в числе прочего содержащих информацию об Улусе Джучи (Золотой Орде), а также вопросам, относящимся к политической истории Монгольской империи. В этом плане, прежде всего, следует выделить работы Н.Я. Бичурина⁷⁰, В.Г. Тизенгаузена⁷¹, И.Н. Березина⁷² и В.В. Бартольда⁷³, заложившие основы российской ориенталистики и восточного источниковедения.

В 20–30-е гг. XX в., в условиях становления советской исторической науки, направления медиевистических исследований относящиеся к истории Улуса Джучи и русских княжеств периода ордынской зависимости переживают определенную стагнацию. Тем не менее и в эти десятилетия появляются значимые работы русских историков Н.И. Веселовского⁷⁴ и В.В. Мавродина⁷⁵, украинских исследователей Ф. Петруня⁷⁶ и О. Федоровского⁷⁷, а также польского

---

⁶⁹ Грушевский М.С. Ук. соч. С. 171, 175.

⁷⁰ Бичурин Н.Я. (Иакинф) История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

⁷¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884.

⁷² Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева / ВОТ. Ч. 8. СПб., 1864.

⁷³ Бартольд В.В. Образование империи Чингисхана / Записки ВОТ. Т. X. СПб., 1896.

⁷⁴ Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. Пет-роград, 1922.

⁷⁵ Мавродин В.В. Левобережная Украина под властью татаро-монголов // Ученые записки ЛГУ. 1939. №32. Вып. 2.

⁷⁶ Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі: (До питання про татарську Україну) // Східний світ. Харків, 1928; Он же. Східна межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя // Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського з нагоди шістьдесятої річниці життя та рокових роковин наукової діяльності. Т. 1. Київ, 1928.

историка С.М. Кучински⁷⁸, посвященные изучению некоторых аспектов политической истории Золотой Орды, а также административно-территориальному статусу южнорусских земель и материальной культуре населения пограничных территорий в эпоху ордынского владычества.

С 40-х гг. XX в. в отечественной медиевистике происходит возрождение интереса исследователей к теме изучения истории Джучидского государства и зависимых от него русских княжеств. основополагающими работами, давшими серьезный толчок к изучению русско-ордынских отношений стали монографии А.Н. Насонова⁷⁹, В.В. Мавродина⁸⁰, коллективный труд Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского⁸¹, а также работы В.Т. Пашуто⁸².

Важным шагом в изучении политической истории Золотой Орды, а также административно-территориальных изменений периода дезинтеграции и упадка государственных институтов Улуса Джучи, стала вышедшая в 1960 г. монография М.Г. Сафаргалиева.⁸³

Одной из немногих работ советских историков посвященных изучению вопросов экономического и этнокультурного взаимодействия славянского и тюркского населения на территории Улуса Джучи, а также проблеме положения различных социальных групп древнерусского общества в государственной системе Золотой Орды, является научное исследование М.Д. Полубояриновой, опубликованной в 1978 г.⁸⁴ На основе информации содержащейся в письменных источниках, а также анализа археологических находок,

---

⁷⁷ Федоровський О. Рештки культури татар Золотої Орди на Україні // Східний світ. Харків, 1928.

⁷⁸ Kuczynski S.M. Ziemię Czernihosko-Siewierskie pod rządami Litwy. (Праці Українського наукового інституту. Т. 33). Warszawa, 1936.

⁷⁹ Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.-Л., 1940.

⁸⁰ Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древних времен до второй половины XIV в.). Л., 1940.

⁸¹ Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.

⁸² Пашуто В.Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.; Он же. Образование Литовского государства. М., 1959.

⁸³ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

⁸⁴ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

М.Д. Полубояринова отмечает наличие значительного по численности русского населения в городских центрах ордынского государства. По мнению исследовательницы, ордынские кочевники имели серьезную зависимость от поставок продуктов земледелия и в связи с этим оказывали покровительство развитию хлебопашества на территории ордынских улусов и смежных с ними земель⁸⁵.

В 1985 г. выходит в свет фундаментальное исследование В.Л. Егорова, посвященное изучению вопросов исторической географии Золотой Орды⁸⁶. Несомненной заслугой историка является попытка создания полной и всеобъемлющей картины территориально-административного устройства Улуса Джучи и его внешних границ.

Новым подходом в изучении пограничных со степью регионов Южной Руси стал выдвинутый В.Л. Егоровым тезис о существовании т.н. «буферных зон», отделявших собственно ордынские кочевья от русских княжеств. К таковым зонам исследователь относил Болховскую землю, Поросье, полосу земель между Киевом, Каневом и Переяславлем Южным, районы Курско-Рыльского Посеймья, а так же земли Верхнего Подонья и т.н. «Тульского баскачества» располагавшиеся в среднем течении р. Упы⁸⁷. По мнению историка, «буферные зоны», располагавшиеся по периметру золотоордынских кочевий, являлись своеобразной нейтральной полосой, использовавшейся в хозяйственном отношении поочередно кочевым и оседлым населением. Не будучи включены в территориальную структуру Улуса Джучи, они, тем не менее, находились под управлением ордынских чиновников⁸⁸. Спецификой указанных территорий, с точки зрения исследователя, являлась их незаселенность, или слабая заселенность оседлым населением, вызванная постоянной угрозой со стороны кочевников⁸⁹.

---

⁸⁵ Полубояринова М.Д. Ук. соч. С. 37–38.

⁸⁶ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.

⁸⁷ Егоров В.Л. Ук. соч. 2-е изд. М., 2009. С. 31, 37, 38, 43. Он же. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 75, 78.

⁸⁸ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 2009. С. 37–38.

⁸⁹ Егоров В.Л. Ук. соч. С. 31.

К сожалению, В.Л. Егоровым не было четко сформулировано определение понятия «буферной зоны». В историко-географическом контексте данный термин обычно трактуется как территория, разделяющая враждебные государства или этнические группы⁹⁰. Вместе с тем, в современной исторической науке существует и иное определение «буферной зоны» как территории, расположенной на стыке культурно-исторических пространств, в пределах которой создавались условия для их продуктивного контакта⁹¹.

Изучению дискуссионных вопросов административно-территориального устройства Подольского, Волынского и Киевского удельных княжеств как периферийно-пограничных регионов расположенных на южных рубежах ВКЛ, а также их хозяйственно-экономического развития в составе державы Гедиминовичей посвящена опубликованная в 1987 г. монография известного советского (украинского).⁹² В своей более поздней работе Н.Ф. Шабульдо определяет статус пограничных со Степью регионов южной Руси во второй половине XIV–XV вв., как территории, находившиеся под совместным (кондоминальным) управлением со стороны Орды, ВКЛ, Польши и Венгрии. Подобный статус, по мнению историка, позволял обеспечивать относительно мирное и стабильное развитие ряда областей литовско-ордынского пограничья на протяжении длительного времени (до крымских набегов конца XV– начала XVI в.)⁹³.

---

⁹⁰ Тимошук В.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Киев, 1982. С. 86–89, 202–203; Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой // Вопросы истории. 1985. № 1. С. 8–19; Куликова Ю.В. Бунт наместников на Дунае в середине III в. // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 99.

⁹¹ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. М., 2015. С. 412. Она же. Великий Новгород конца XV в. Между Ливонией и Москвой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2013. Вып. 2; Пенской В.В. Полоцкая война. Очерки русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570. М., 2019. С. 185–186.

⁹² Шабульдо Н.Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

⁹³ Шабульдо Н.Ф. Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее новое время. Сб. статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 496–497.

Знаковой работой, положившей начало новым подходам к изучению истории южнорусских земель в ордынскую эпоху, становится вышедшая в 1987 г. монография А.А. Шенникова, посвященная изучению одного из регионов русско-ордынского пограничья, располагавшегося в лесостепной полосе Донского левобережья и носившего в русских летописных источниках название Червленого Яра⁹⁴.

Новизна взгляда исследователя на тему русско-ордынских отношений заключалась, прежде всего, в отходе от доминировавшего в советской исторической науке подхода об исключительно отрицательном влиянии Золотоордынского государства на развитие пограничных со степью южнорусских земель и однозначно конфликтных отношениях между оседлыми и кочевыми этническими группами, проживающих на одной и той же, или соседних территориях.

Согласно гипотезе А.А. Шенникова регион Среднего Подонья (Червленого Яра) представлял из себя зону совместного освоения русских земледельческих общин и родовых объединений ордынских кочевников, живших в хозяйственно-экономическом и этнокультурном симбиозе на территории хоперско-донского междуречья⁹⁵. В свою очередь Елецкое княжество классифицировалось исследователем как пограничное феодальное образование с полиэтничным населением и смешанной системой хозяйственного освоения территории Верхнего Подонья⁹⁶. Новейшие археологические исследования подтверждают полиэтничность населения лесостепного Подонья, однако ставят под сомнение тезисы автора о присутствии кочевого населения на территории Елецкого княжества и особом административном статусе Червленого Яра⁹⁷.

---

⁹⁴ Шенников А.А. Червленный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987.

⁹⁵ Шенников А.А. Ук. соч. С. 35, 96–97.

⁹⁶ Там же. С. 42.

⁹⁷ Цыбин М.В. Рецензия на книгу: Шенников А.А. Червленный Яр. Исследования по истории и географии Среднего Подонья. // История СССР. 1990. № 2. С. 192–197; Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 204.

Тем не менее, монография А.А. Шенникова стала первой работой, в которой один из регионов русско-ордынского пограничья был обозначен, как зона этнокультурных и хозяйственно-экономических контактов (контактная зона). Позднее, проблема административно-территориального статуса среднего Подонья в эпоху Золотой Орды неоднократно рассматривалась в работах воронежских исследователей Ю.В. Селезнева и А.О. Амелькина, а также казанского историка Б.Р. Рахимзянова⁹⁸.

Вместе с тем, несмотря на появление отдельных работ, представляющих нестандартные гипотезы и методы исследовательского поиска, господствующим подходом к изучению проблем русско-ордынских отношений в советской историографии являлось их рассмотрение исключительно через призму концепции антагонизма между двумя хозяйственными укладами – оседлым земледелием и кочевым скотоводством. В основе данного подхода лежал крайне субъективный и научно несостоятельный тезис К. Маркса о механизмах хозяйственной деятельности монголов на завоеванных территориях. Согласно теории немецкого экономиста и социолога, монголы: «...оставляя после себя пустыню, руководствовались тем же экономическим принципом, в силу которого обезлюдели горные области Шотландии и римская Кампания – принципом замещения людей овцами и превращения плодородных земель и населенных местностей в пастбища»⁹⁹.

Следуя в русле идеологических оценок, В.В. Мавродин оценивал последствия монгольского нашествия как крайне негативные для хозяйственного и демографического развития южнорусских земель. По мнению исследователя, после Батыевой рати: «...Запустевает Переяславщина. Вместо многочисленных городов мелькают

---

⁹⁸ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Центрально-Черноземный край в русско-ордынском пограничье (в конце XIV – начале XV века) // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов. Т. II. СПб., 2010. С. 386–392; Селезнев Ю.В. Иноконфессиональное население Улуса Джучи. Русские. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 310–316; Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемены, XV–XV вв. СПб., 2016.

⁹⁹ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. // Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М.: 2012. С. 408.

лишь «городища» – остатки некогда известных летописных городов, да кое-где на «ухожаях» появляются становища «севруков»¹⁰⁰.

В свою очередь, А.Н. Насонов особо отмечал демографический ущерб последствий набегов кочевников в Донском регионе: «Нашествие половцев, а затем татар, в некоторой мере лишило Подонье оседлого населения. Сбитое со своих мест, оно частью бежало, ища защиты и новых мест для поселения, частично обращалось в полукочевое состояние...»¹⁰¹.

Академик Б.А. Рыбаков, справедливо указывая на определенный культурный и экономический регресс русских земель во второй половине XIII в. вызванный, по мнению исследователя, последствиями «Батыевой рати»¹⁰², несколько преувеличенно считал, что монгольские: «...походы 1237–1241 гг. оказались катастрофой, уничтожившей военные резервы, именно тех княжеств, которые издавна накапливали силы для борьбы со Степью»¹⁰³.

Позднее тезис о катастрофичности последствий монгольского удара для развития южнорусских земель был поддержан В.А. Кучкиным. По оценке историка: «...после нашествия Батыя перестали существовать Переяславское княжество, фактически – Киевское и Черниговское. Область расселения древнерусского народа сократилась. Прервались связи южных и юго-западных княжеств с северо-восточными. Сошло на нет заключение политических союзов, резко ослабла торговля, нарушились культурные контакты»¹⁰⁴.

Известный советский археолог и историк Г.А. Федоров-Давыдов, в целом разделяя господствующее в советской исторической науке представление о якобы повсеместно практикуемых монгольскими правящими элитами административно-хозяйственных механизмах по отторжению значительной части земель завоеванных

---

¹⁰⁰ Мавродин В.В. Ук. соч. Изд. 2. СПб., 2002. С. 395.

¹⁰¹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2006. С. 183.

¹⁰² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 525–538.

¹⁰³ Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 152–153.

¹⁰⁴ Кучкин В.А. Русь под игом. Как это было? М., 1991. С. 28.

государств под территорию монгольских кочевий, отмечал влияние ландшафтно-географического фактора на политику Джучидов в южнорусских землях. По мнению исследователя, обилие степных просторов Дешт-и-Кыпчака в значительной степени нивелировало стремление ордынской аристократии использовать уже освоенные земельные угодья оседлого населения в пограничных со степью регионах Южной Руси¹⁰⁵.

В постсоветской историографии, вследствие исчезновения идеологических установок и отхода от марксистской парадигмы, изучение русско-ордынских отношений переходит на новый уровень. Помимо работ посвященных политической истории Улуса Джучи¹⁰⁶ и истории русско-ордынских отношений¹⁰⁷, появляются исследования, рассматривающие историческое развитие Руси, Золотой Орды и отдельных «татарских» юртов с позиций формационного и цивилизационного подходов, системного анализа, а также с применением методологии социоестественной истории¹⁰⁸.

---

¹⁰⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 28.

¹⁰⁶ Трепавлов П.П. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993; Он же. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010; Он же. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010; Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003; Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды в XIII – начале XIV в. Волгоград., 2003.

¹⁰⁷ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000; Он же. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996; Селезнев Ю.В. «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). Воронеж, 2006; Он же. Картины ордынского ига. Воронеж., 2017; Он же. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015.

¹⁰⁸ Нолев Е.В. Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2013. С. 21; Кульпин-Губайдулин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., УРПС. 2005.; Он же. Золотая Орда: судьбы поколений. М., 2006; Шамильоглу Ю. Изменения климата в Центральной Евразии и Золотой Орде // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 665–679; Он же. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество, цивилизация // Золотая Орда в мировой ис-

В частности, изучению цивилизационной специфики культурно-исторических процессов, происходивших в Золотоордынском государстве, посвящены две фундаментальные монографии М.Г. Крамаровского¹⁰⁹. Обозначая сферу военно-политического, экономического и культурного влияния империи Чингисидов широко распространенным в западной историографии термином «*Raх Mongolica*» («Монгольский мир»), охватывавшей большую часть Евразийского континента, исследователь особо подчеркивает высокую степень взаимодействия и интеграции между различными регионами Монгольской державы: «В десятках «плавильных котлов» – **контактных зонах** Империи, связанных между собой коммуникативной сетью ямов, системой монетного чекана, дальней и ближней торговлей...пришла новая модель широкого поликультурного единства. Она нашла проявление в языке, в межэтническом взаимодействии и межрелигиозном общении, наконец, в материальной культуре»¹¹⁰.

Также следует отметить четко прослеживающийся в работах современных историков отход от теории «монголо-татарского ига» как системы политического и экономического угнетения, якобы вызвавшего затяжной системный кризис русских земель. Опираясь на новейшие данные археологии, палеоклиматологии и других смежных дисциплин, а также проведя тщательный анализ письменных источников, ряд исследователей аргументированно оспорили тезис о монгольском нашествии как о некоем катастрофическом рубеже в общеисторическом развитии древнерусской цивилизации.

Так, по замечанию академика Н.А. Макарова: «Накопленные в последние десятилетия археологические материалы дают все больше указаний, что русское общество уже в первой половине XIII в.

тории. Казань, 2016. С. 679–695; Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань, 2018; Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Климатический и эпидемический факторы в истории сибирской государственности Шибанидов в XV–XVI вв. // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях. Казань, 2018. С. 229–240.

¹⁰⁹ Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001; Он же. Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.

¹¹⁰ Крамаровский М.Г. *Raх Mongolica* и проблемы глобализации культуры Евразии // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 20.

вступило в фазу глубоких внутренних трансформаций, затронувших самые различные стороны его жизни. Разрушительный монгольский удар, хронологически совпавший с периодом внутренних исторических сдвигов, обострил и ускорил их течение»¹¹¹.

Вместе с тем, отмечаемые А.Н. Макаровым «внутренние трансформации» древнерусского общества имели четко выраженную региональную специфику, достаточно четко фиксируемую как письменными источниками, так и результатами археологических исследований. Данное обстоятельство позволило известному украинскому историку и археологу Г.Ю. Ивакину высказать тезис о том, что: «...Разрушения 1237–1240 гг. касались только отдельных аспектов общекультурного развития (Южной Руси – Л. В.), а не его глубинной основы...»¹¹². По мнению исследователя: «...наблюдения за материальной и духовной культурой Южной Руси XIII–XV вв. позволяют говорить, что в середине XIII в. никакого разрыва традиции из-за монгольского завоевания не произошло... В целом, Киевская Русь как политический и культурно-исторический феномен не прекращает своего существования в 1240 г. и доживает до XV в...»¹¹³.

Характерно, что вышеобозначенные точки зрения российских и украинских исследователей фактически являются аргументированным подтверждением тезиса английского историка Дж. Феннела, высказанного им несколько ранее в одной из работ, посвященных истории средневековой Руси¹¹⁴. Оценивая состояние русских княжеств в 1240–1250 гг. исследователь отмечал, что: «Русь вовсе не была такой сокрушенной, разоренной и деморализованной, какой ее пытаются изобразить многие историки нашего времени»¹¹⁵. По мнению Дж. Феннела, фрагментарность сведений о Киеве, Чернигове и Переяславле Южном в источниках свидетельствовало не о тотальном разрушении и экономическом застое южнорусских зе-

---

¹¹¹ Макаров Н. А. Русь в XIII в.: культурная ситуация по археологическим данным // Русь в XIII в.: Континуитет или разрыв традиций? М., 2000. С. 9.

¹¹² Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 65

¹¹³ Там же. С. 65

¹¹⁴ Fennel J. The Crisis of Medieval Russia 1200–1304. London-New York, 1983.

¹¹⁵ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1980. С. 130.

мель, а скорее о прекращении местного летописания, а также разрыве политических и культурных связей между княжествами Северо-Восточной и Южной Руси¹¹⁶.

В последние десятилетия прослеживается возрождение интереса к вопросам русско-ордынского взаимодействия на территории лесостепных регионов северной периферии Улуса Джучи. В частности, ряд новых подходов к разрешению проблемы локализации русско-ордынского пограничья содержатся в работах современного украинского историка Б.В. Черкаса¹¹⁷. Согласно представлениям исследователя, границы Золотоордынского государства следует реконструировать по сетке государственно-бюрократического аппарата, который был представлен в первую очередь наместниками хана, баскаками, таможенниками (тамгачи), руководителями ямов, атаманам и другими представителями служилого чиновничества¹¹⁸. В своей докторской диссертации Б.В. Черкас высказывает гипотезу о сохранении ордынскими властями домонгольской системы административного управления на территориях регионов с оседлым населением, включенных в состав Улуса Джучи, а также констатирует достаточно тесное взаимодействие земледельческого и кочевого населения в западной части Золотой Орды. Данное взаимодействие хозяйственных укладов, по мнению автора, способствовало экономическому процветанию пограничных со Степью регионов южнорусской лесостепи в эпоху расцвета государства Джучидов¹¹⁹.

Исследования Е.В. Русиной посвящены вопросам политической истории Северной земли, а также Рыльско-Путивльского и

---

¹¹⁶ Там же. С. 130.

¹¹⁷ Черкас Б.В. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2015; Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи XIII–XIV ст.: суспільно-політичний та економічний розвиток. Диссертация на соискание ученой степени доктора ист. наук. Київ, 2015.

¹¹⁸ Черкас Б.В. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2015. С. 158.

¹¹⁹ Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи XIII–XIV ст.: суспільно-політичний та економічний розвиток. Автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук. Київ, 2015. С. 22.

Киевского княжеств во второй половине XIII – начале XVI в.¹²⁰ В целом разделяя взгляды В.Л. Егорова о существовании т.н. «буферных зон»¹²¹, Е.В. Русина отмечает формирование в ордынскую эпоху такого историко-географического феномена, как «Татарская земля», включавшего в себя ряд пограничных со степью регионов Южной Руси, вошедших в административно-территориальную структуру Золотой Орды вследствие процессов «обескняживания» и миграции тюркского населения¹²².

В совместной работе О.П. Толочко и В.М. Рички рассматриваются проблемы географической локализации одного из регионов галицко-ордынского пограничья – Болховской земли, а также административно-политического статуса т.н. «болховских князей» в эпоху монгольского нашествия и последующего становления системы государственного устройства Улуса Джучи в 40-х гг. XIII в. Проводя аналогии с сообщением хроники Магистра Рогерия о назначении монголами чиновников (*capaseos*) из представителей местного населения в завоеванных областях Венгерского королевства, исследователи приходят к выводу о принадлежности болховских князей к категории служилой аристократии Золотоордынского государства¹²³.

Теме формирования Подолии как отдельной исторической области с особой спецификой развития, располагавшейся в XIV–XV вв. в пограничном пространстве между ордынскими улусами и

---

¹²⁰ Русина Е.В. Северская земля: генезис и историческая эволюция в XV – нач. XVI в. Дисс...канд. ист. наук. Киев, 1991; Она же. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998; Она же. Україна під татарами і Литвою // Україна крізь віки. т. 6. Київ, 1998; Она же. Історія Київського князівства XIV–XV ст. у світлі нових даних // Україна крізь віки. Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смоля. Київ, 2010. С. 184–202.

¹²¹ Русина Е.В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 39.

¹²² Там же. С. 35–36.

¹²³ Толочко О.П., Ричка В.М. «Князи болоховьскии» // *Ruthenica*. Т. XIII. Київ, 2016. С. 105–106.

основной территорией Великого княжества Литовского посвящена монография О. Белецкой¹²⁴.

Вопросы политических отношений и военных конфликтов Улуса Джучи и Большой Орды с Великим княжеством Литовским и входившим в его состав Киевским удельным княжеством во второй половине XIV–XV вв. рассматриваются в работах Я.В. Пилипчука и М.А. Несина¹²⁵.

Особо следует отметить вышедший в 2016 г. тематический сборник «Золотая Орда в мировой истории», посвященный различным аспектам истории Улуса Джучи и позднеордынских государств, включая тему развития таких регионов русско-ордынского пограничья, как Червлёный Яр и Яголдаева тьма¹²⁶.

Проблемам возникновения и географической локализации одного из владений «служилых татар» на пограничных со Степью землях ВКЛ – Яголдаевой тьмы, посвящены исследования И.В. Зайцева и Е.Е. Русиной¹²⁷.

Различные аспекты ранней истории Касимовского ханства, вопросы политического статуса ордынских «служилых царевичей» и других представителей «татарских» аристократических родов находившихся на службе московских государей в XV–XVII вв., а также проблемные моменты формирования казачьих сообществ рязанско-

---

¹²⁴ Білецька О. Поділля на знамі XIV–XV ст. до витоків формування історичної області. Одеса, 2004.

¹²⁵ Пилипчук Я.В. Татары и Киевская земля (1362–1471) // Крымское историческое обозрение. Вып. 1(3). Бахчисарай-Казань, 2015. С. 91–120; Пилипчук Я.В, Несин М.А. Великое княжество Литовское и татары в период правления Александра Казимировича (1492–1506 гг.) // История военного дела: исследования и источники. Спец. вып. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. ч. II. СПб., 2016. С. 390–448.

¹²⁶ Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 311–316, 807–810.

¹²⁷ Зайцев И.В. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Яголдаева «тьма» // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 809; Русиная Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.П. Литаврина. М., 2001. С. 147.

ордынского пограничья, рассматриваются в ряде работ московского историка А.В. Белякова¹²⁸.

В 2010-х гг. выходит несколько работ, посвященных изучению отдельных регионов русско-ордынского пограничья. Так, исследование А.В. Лаврентьева посвящено изучению вопросов исторического развития и государственной принадлежности территорий Окско-Донского междуречья в контексте отношений Москвы, Рязани, ВКЛ и Орды последней четверти XIV – первой четверти XVI в. По мнению историка, указанные земли являлись объектом сложной системы межгосударственных договоров, обуславливавших их административную «особый» статус вплоть до середины XV в.¹²⁹

В монографии А.В. Шекова рассматриваются вопросы возникновения и административно-территориального положения Верховских княжеств, образовавшихся после распада Чернигово-Брянского княжества, процесс дезинтеграции которого, по мнению историка, провоцировался властями Золотой Орды и продолжался с 40-х гг. XIII до середины XIV вв.¹³⁰

Тема формирования «буферных» владений представителей ордынской аристократии на юго-восточных рубежах Рязанского и Суздальско-Нижегородского княжеств затрагивается в работах тамбовского историка и археолога С.И. Андреева, посвященных изучению регионов русско-татарско-мордовского пограничья в эпоху средневековья¹³¹. Рассматривая период ордынского владычества,

---

¹²⁸ Беляков А.В. «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI вв.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. XVII. 2005. С. 172–175; Он же. Чингисиды в России XV–XVII вв: просопографическое исследование. Рязань, 2011; Он же. Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII вв. Дисс. на соискание уч. степени док. ист. наук. Казань, 2017; Он же. Мещерские казаки // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 202–215.

¹²⁹ Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2012. С. 183–184.

¹³⁰ Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012.

¹³¹ Андреев С.И. Древнерусские поселения верховьев р. Цны XIII–XIV вв. (К вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества) // Куликово поле:

исследователь особо отмечает хозяйственно-экономические и демографические изменения, вызванные миграцией мордовского населения из пограничных со степью мокшанских земель («Пуршевой волости») в междуречье Теши и Пьяны. Данные изменения привели к усилению эрзянского княжества Алабуги, ставшего в период «Великой замятни» своего рода «буферной зоной» между землями Суздальско-Нижегородского княжества и улусами «татарских» владельцев (Тагая, Сегизбека), располагавшихся в бассейнах Мокши, Цны и среднем течении Пьяны¹³².

Несомненную научно-методическую значимость представляет ряд исследований курганского историка Д.Н. Маслоуженко, посвященных изучению этнополитических и этнокультурных процессов, происходивших на территории лесостепных регионов Западной Сибири в том числе и в эпоху существования Золотоордынского государства¹³³.

К новейшим российским исследованиям по теме русскоордынского пограничья относятся работы Е.В. Нолева¹³⁴ и Б.Д. Ря-

---

Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003. С. 48–67; Андреев С.И. К вопросу о Юго-Восточном рязанском пограничье в XII–XIV вв. // Археология Юго-Востока Руси: Материалы IV научной конференции. Елец, 2006. С. 18–34; Андреев С.И. На юго-восточном рубеже Древней Руси. Этнополитическая история населения Окско-Донской равнины в XII–XV вв. Тамбов, 2008; Андреев С.И. Русско-татарско-мордовское пограничье во второй половине XIII–XVI вв. // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 10 (126). С. 31–42.

¹³² Андреев С.И. На юго-восточном рубеже Древней Руси. Этнополитическая история населения Окско-Донской равнины в XII–XV вв. Тамбов, 2008. С. 306–307.

¹³³ Маслоуженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008; Он же. Выявление памятников золотоордынского времени на территории лесостепного Притоболья: постановка проблемы // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской конференции. Челябинск, 2015. С. 297–298; Маслоуженко Д.Н., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р. Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2015.

¹³⁴ Нолев Е.В. На северо-западных рубежах монгольской империи: русскоордынское пограничье // Власть. Т. 25. № 9. 2017. С. 167–172.

химзянова¹³⁵. По мнению Е.В. Нолева, рассматривая проблему русско-ордынского пограничья следует воздержаться от употребления термина «граница» в его современном значении, как линии раздела между двумя суверенными государствами. Более применимо в этом отношении понятие границы как зоны разделяющей этнические идентичности (русских и монголов/ордынцев) в их территориальном обособлении, поскольку центробежные и центростремительные процессы, параллельно происходившие в русских княжествах и Улусе Джучи меняли представления как о внутренних границах отдельных княжеств и улусов, так и об общей пограничной стратегии¹³⁶. Говоря о структуре русско-ордынского пограничья, исследователь отмечает ее неоднородность и выделяет следующие разновидности пограничных территорий: многокилометровые полосы отчуждения, буферные зоны и отдельные районы территории русских княжеств, вошедшие в состав административно-территориальной структуры Золотой Орды¹³⁷.

В работе Б.Р. Рахимзянова, посвященной вопросу формирования «буферных зон» на северо-восточном пограничье в позднеордынский период, высказано достаточно обоснованное мнение о значении географического фактора в отношениях между княжествами Северо-Восточной Руси и Золотоордынским государством. По мнению исследователя, чем ближе земли того или иного княжества примыкали к территории Улуса Джучи, тем более данные земли были вовлечены в мир Степи (Дешта)¹³⁸. Следует отметить, что данный тезис еще более актуален в оценке отношений с южнорусских земель с Золотой Ордой на всем протяжении ее существования.

Получение как можно более полной и объективной картины исторического развития регионов южнорусской лесостепи в ордынскую эпоху невозможно без привлечения материалов археологиче-

---

¹³⁵ Рахимзянов Б.Р. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных княжеств // Средневековые тюркско-татарские государства. 2010. № 2. Казань. С. 91–95.

¹³⁶ Нолев Е.В. Ук. соч. С. 168.

¹³⁷ Там же. С. 169.

¹³⁸ Рахимзянов Б.Р. Ук. соч. С. 94.

ских исследований и их синтеза с данными содержащимися в нарративных источниках.

Вместе с тем, не смотря на большой объем накопленного археологического материала, к настоящему времени не было проведено обобщающего исследования по теме хозяйственно-экономического и демографического развития регионов южнорусской лесостепи в период ордынского владычества, а также процессов межэтнического взаимодействия между славянскими и тюркскими этническими группами, совместное проживание которых на землях русско-ордынского пограничья фиксируется наличием многочисленных памятников материальной культуры.

В данном контексте, применение метода междисциплинарных исследований, представляющего собой синтез информации, содержащейся в письменных и археологических источниках, открывает ряд новых и перспективных направлений научного поиска.

В 50–70-х гг. XX в. системному археологическому изучению подвергаются территории, составлявшие западную часть территории Улуса Джучи, включая регионы южнорусского лесостепного пограничья. По итогам этих исследований выходит ряд работ исследователей, синтезировавших сведения письменных источников с данными археологии. К таким работам, прежде всего, следует отнести монографии П.А. Раппопорта¹³⁹, К.И. Терещука¹⁴⁰, С.А. Беляевой¹⁴¹.

Историческому развитию пограничных со Степью земель Галицко-Волынского княжества с позиций археологии были посвящены работы П.А. Раппопорта и К.И. Терещука. На основании анализа данных археологических исследований и письменных источников П.А. Раппопорт пришел к выводу о прекращении существования Болховской земли как самостоятельной административной единицы в 60-х гг. XIII в.¹⁴²

---

¹³⁹ Раппопорт П.А. Города Болховской земли // КСИИМК. 1955. Вып. 57.

¹⁴⁰ Терещук К.І. До питання про локалізацію Болоховської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976.

¹⁴¹ Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. (по данным археологии). Киев, 1982.

¹⁴² Раппопорт П.А. Ук. соч. С. 59.

В монографии С.А. Беляевой, посвященной археологическому изучению регионов Южной Руси в эпоху ордынского владычества, был поставлен под сомнение тезис о полном запустении южнорусских земель в результате монгольского нашествия. На основе собранного материала, исследовательница приходит к обоснованному выводу о достаточно плотной заселенности территории Среднего Поднепровья славянским населением в эпоху расцвета Золотоордынского государства, а также о продолжавшемся хозяйственном освоении степных районов земледельческими общинами. Помимо этого в работе представлен историко-географический очерк, в котором отсутствует четкая стратификация (разделение) собственно ордынских улусов и территории южнорусских княжеств, граница между которыми, по мнению историка, не имела четкой демаркации¹⁴³.

С 80-х гг. XX в. интенсивному археологическому изучению подвергались территории Курско-Рыльского Посеймья. Результаты исследований, относящиеся к ордынской эпохе (XIII–XV вв.), нашли отражение в работах В.В. Енукова, Г.Е. Шинакова, В.В. Приймака, А.В. Зорина, А.Г. Шпилева и А.А. Чубура¹⁴⁴.

---

¹⁴³ Беляева С.А. Ук. соч. С. 27–34.

¹⁴⁴ Енуков В.В. Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991; Он же. К вопросу о локализации древнего Липецка // Роль ранних міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993; Он же. Курское княжение в монгольское время // Деснинские древности. Брянск, 1995; Он же. Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды // Средневековая археология. 2018. № 4. С. 47–50; Шинаков Г. Е. Характер размещения древнерусских памятников на территории «Воронежских лесов» // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР / ТД республиканской конференции молодых ученых (Киев, апрель 1981). Киев, 1981; Приймак В.В. О локализации летописного города Липовицка // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992; Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. Курск, 2008; Чубур А.А. К исторической географии Посеймья и сопредельных земель в период феодальной зависимости от Золотой Орды // *Studia internationalia / Материалы II международной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 2013. С. 51–52.

В частности, комплексные исследования Посеймской экспедиции НИИ археологии юго-востока Руси КГУ, проводившиеся в 1990–1992 и 2014–2018 гг. под руководством В.В. Енукова позволили выдвинуть обоснованную гипотезу о существовании в XIV в. крупного золотоордынского торгово-ремесленного и возможно административного центра в Посеймье, известного в научной литературе под названием Ратского археологического комплекса. Находки на территории комплекса элитных ювелирных изделий и импортной поливной керамики могут свидетельствовать о проживании на нем представителей золотоордынской аристократии или служилого чиновничества¹⁴⁵.

Результаты исследований археологических объектов Тульских земель и района Куликова поля отражены в ряде работ В.П. Гриценко, А.Н. Наумова и М.И. Гоняного¹⁴⁶.

Значительные материалы по изучению истории Среднего Подонья в XIII–XIV вв., предоставили археологические исследования, проводившиеся в 80–90-х гг. XX в. кафедрой археологии и истории древнего мира ВГУ под руководством М.В. Цыбина в Хоперско-Донском междуречье. Результаты масштабного археологического

---

¹⁴⁵ Енуков В.В. Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 47–49.

¹⁴⁶ Гриценко В.П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1996; Он же. Торховское городище и его округа // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Тула, 1997; Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – первой четверти XIV вв. Тула, 2008; Гоняный М.И., Наумов А.Н. Металлургический комплекс XIV в. на поселении Монастырщина-5 на Куликовом поле // Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых публикаций в 1991–1995. М., 1996; Гоняный М.И. К вопросу о динамике заселения района Куликова поля древнерусским населением в XII–XIV вв. // На Юго-Востоке Древне Руси: историко-археологические исследования. Воронеж, 1996; Он же. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. в районе Куликова Поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 85–101; Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007. С. 78–79.

изучения региона подтвердили отрывочные сведения письменных источников о совместном проживании оседлого и кочевого населения на землях Среднего Подонья в ордынскую эпоху. Систематизация и анализ полученных данных, проведенный М.В. Цыбиным, позволил исследователю сделать вывод о включении полиэтничного населения вышеуказанного региона в экономическую и административную систему Улуса Джучи¹⁴⁷.

В 90-е гг. XX в. начинаются масштабные археологические исследования земель Верхнего Подонья и бассейнов притоков Дона (Быстрой Сосны, Красивой мечи, Вязовки и др.), составлявших основную территорию Елецкого княжества. Изучению истории этого государственного образования посвящен ряд работ Н.А. Тропина¹⁴⁸. В них были рассмотрены вопросы определения границ княжества, его административно-политического положения, а также этапов освоения и обстоятельств запустения елецких земель в XIII – начале

---

¹⁴⁷ Цыбин М.В. Юго-Восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии). Дис...канд. ист. наук. Киев, 1987; Он же. «Хождение Пименово в Цареград» и археологические реалии лесостепного Подонья // *Материалы международной научной конференции. Посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И. А. Бунина*. Елец, 1995. С. 32–35; Он же. Юго-Восток русских земель после монгольского завоевания // *Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир*. М., 1998. С. 121–124; Он же. К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов*. Волгоград, 2004; Он же. Периферия Золотой Орды в Подонье // *Краткие сообщения Института археологии*. 2007. № 221. С. 166–175; Он же. Некоторые вопросы исторической географии Среднего Подонья в эпоху Золотой Орды // *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды (Материалы Седьмой международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова)*. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 299–301.

¹⁴⁸ Тропин Н.А. К вопросу о понятии «Елецкая земля» и ее границах в XII–XV вв // *Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья*. Тамбов, 1992. С. 19–20; Он же. «Елецкая земля» и формирование ее территории в XII–XV вв. // *Археология и история юго-востока Древней Руси*. Воронеж, 1993. С. 88–91; Он же. К исторической географии Елецкой земли XIV – нач. XV в. // *Россия в X–XVIII вв. проблемы истории и источниковедения*. М., 1995. С. 586–591; Он же. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999.

XV в. По мнению исследователя, земли Елецкого княжества и всего верхнедонского правобережья не являлись «буферной зоной» русско-ордынского пограничья в силу значительной облесенности этих территорий, делавшей их непригодными для хозяйственного освоения ордынскими кочевниками¹⁴⁹. В то же время, результаты археологических исследований свидетельствуют о некоторой вовлеченности местного населения в систему торгово-экономических отношений Донского региона, относящейся к эпохе расцвета Золотоордынского государства¹⁵⁰.

В работе, посвященной историко-археологическому изучению южных территорий Рязанского княжества в XII–XV вв., Н.А. Тропин, опираясь на результаты археологических исследований и сообщения письменных источников, делает вывод о том, что монгольское нашествие не прервало жизнь на территориях рязанского лесостепного пограничья. Более того, за период второй половины XIII – первой половины XIV в. происходит значительное увеличение древнерусских поселений на землях Верхнего и Среднего Подонья¹⁵¹.

Вопросы административно-территориального устройства и политического статуса земель Верхнедонского региона, рассматриваются Н.А. Тропиным в монографии, посвященной изучению пограничных территорий Рязанского и Черниговского княжеств в XII–XV вв., вышедшей в 2006 г.¹⁵² Историк отмечает изменение характера административно-политического статуса вышеуказанных территорий, вызванный ближайшим соседством с Ордой и активизацией международной торговли в бассейне Дона¹⁵³.

В 1990-х – начале 2000-х гг., масштабным археологическим исследованиям подверглись обширные территории в бассейнах рек Орели, Сулы, Сейма и Ворсклы, являвшиеся в XI – первой половине

---

¹⁴⁹ Тропин Н.А. Елецкая земля... С. 113.

¹⁵⁰ Там же. С. 116.

¹⁵¹ Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 200–201.

¹⁵² Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского Порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006.

¹⁵³ Там же. С. 146–147.

XIII в. пограничными со Степью районами Переяславского княжества, а после монгольского нашествия вошли в состав одного из ордынских улусов. Итоги этих исследований, представленных в коллективной монографии украинских археологов О.Б. Супруненко., В.В. Приймака и К.М. Мироненко¹⁵⁴, позволяют сделать вывод о наличии достаточно многочисленного земледельческого славянского населения в лесостепных районах Переяславщины в ордынскую эпоху.

Немаловажным аспектом в изучении истории регионов южнорусской лесостепи в эпоху средневековья, является проблема влияния ландшафтно-географического и климатического факторов на специфику развития изучаемых территорий. Данное обстоятельство обосновывает необходимость привлечения работ по исторической климатологии и палеопочвоведения изучаемого макрорегиона. Из числа новейших исследований посвященных вопросам влияния климатических изменений на процессы хозяйственного освоения различными этническими группами евразийской лесостепной зоны, следует особо выделить ряд работ относящихся непосредственно к палеогеографической и палеоклиматической истории ряда регионов русско-ордынского пограничья¹⁵⁵.

---

¹⁵⁴ Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоордынського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ-Полтава, 2004.

¹⁵⁵ Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007. С. 46–47; Гласко М.П., Маркова А.К., Сычева С.А. Ландшафты Куликова поля: результаты и перспективы исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия (Труды научно-практической конференции «Куликова поле – уникальная культурно-историческая и природная территория. Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России»). Тула, 2000. С. 354–355; Александровский А.Л. Природная среда Верхнего Подонья во второй половине голоцена (по данным изучения палеопочв городищ раннего железного века) // Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. С. 196; Чендеев Ю.Г., Александровский А.Л. Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена // Почвоведение. 2002. № 4. С. 389–398.

Таким образом, в представляемой работе используется весь комплекс научных исследований, содержащих информацию по различным аспектам исторического развития регионов русско-ордынского пограничья.

§ 1.3. Основные источники темы.

Для решения поставленных в исследовании задач был привлечен широкий круг как отечественных, так и зарубежных источников, содержащих прямые или косвенные сведения по политической истории, экономике и исторической географии Улуса Джучи и южнорусских княжеств.

Письменные источники, использованные в работе можно разделить на несколько групп: 1. Древнерусские, включающие в себя летописи, историко-географические трактаты, духовные и договорные грамоты князей, грамоты митрополитов; 2. Западные, включающие путевые записки представителей дипломатических миссий, историко-географические сочинения, акты дипломатической переписки, нотариально-коммерческие акты; 3. Восточные, состоящие в основном из мусульманских, армянских, грузинских и китайско-монгольских исторических хроник и историко-литературных произведений, а так же географических трактатов и записок путешественников.

Основными древнерусскими письменными источниками, содержащими информацию об историческом развитии южнорусских земель в ордынскую эпоху, являются летописи Юго-Западной, Западной и Северо-Восточной Руси. Прежде всего, к ним следует отнести Ипатьевский и Лаврентьевский летописные своды, Новгородские летописи, Рогожский летописец, Никоновский свод, Ермолинскую летопись, летописные своды, составленные на территории ВКЛ; Уваровская и Густынская летописи, «Хроника Литовская и Жмойтская», а также великокняжеские официальные Московские летописные своды конца XV в.

Следует отметить, что большинство летописных сводов XIV–XV вв., и особенно сводов немосковских, безвозвратно пропало; огромное количество дошедших до нас текстов летописных источ-

ников подверглась редакции московских переписчиков с соответствующими искажениями исторических реалий в угоду политической конъюнктуры¹⁵⁶. В этой связи особую ценность представляют немногие, неподвергшиеся позднейшей релактуре и относительно полные списки сводов XIII–XIV вв., дошедшие до нашего времени. Это, прежде всего, Ипатьевский летописный свод, Лаврентьевская летопись, а также Новгородская первая летопись.

Наибольший объем информации о событиях, происходивших на землях Южной Руси в эпоху становления административно-территориальной системы Улуса Джучи (1242–1280-е гг.), содержит Ипатьевская летопись. Данный источник представляет из себя общерусский летописный свод южной редакции конца XIII – начала XIV в., древнейшим списком которого является Ипатьевский список XV в. составленный в Ипатьевском монастыре г. Костромы. Ипатьевская летопись включает в себя три основных памятника: ПВЛ, Киевский свод 1198 г. и Галицко-Волынскую летопись. Имеются основания полагать, что соединение галицко-волынской летописи с Киевским сводом произошло во Владимире-Волынском при князе Владимире Васильковиче¹⁵⁷.

Особую ценность для исследователя истории регионов русско-ордынского пограничья представляют содержащиеся только в Ипатьевском своде сообщения о динамике изменений административно-политического статуса Болховской земли и соседних с ней территорий, являвшихся в 40–50-х гг. территорией военного противостояния между Галицко-Волынским княжеством и Ордой. Помимо этого, в Ипатьевской летописи содержится информация об административном статусе Киевской земли как ленном владении владимирского князя Ярослава Всеволодовича, управление которым осуществлялось в 40-х гг. XIII в. княжеским наместником: «...обдержашоу Кыевь Ярославоу бояриномъ своимъ Еиковичемъ

---

¹⁵⁶ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908.; Лихачева О.П. Летопись Ипатьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I. С. 235–241.

Дмитром»¹⁵⁸, а также сведения о присутствии ордынских кочевников на землях Переяславского княжества¹⁵⁹.

События, связанные с административно-территориальными изменениями в землях Курско-Рыльского Посеймья в 80-х гг. XIII в. (баскачество Ахмата) наиболее полно изложены в Лаврентьевской летописи. Основой Лаврентьевской летописи послужил свод 1305 г. великого князя Михаила Ярославича Тверского¹⁶⁰. Однако, информативная часть летописи, описывающая события XIII в., содержит, по большей части, материалы ростовского происхождения¹⁶¹. Во второй половине XIV в. великокняжеский свод Михаила Ярославича был переписан двумя писцами при незначительном участии третьего, при этом второй основной писец назвал себя в приписке иноком (монахом) Лаврентием, от чьего имени и происходит название летописи. По свидетельству самого Лаврентия известно, что работа по созданию свода была проведена с 14 января по 20 марта 6885 (1377 г. от Р.Х.) в нижегородском Печерском монастыре по заказу великого князя Дмитрия Константиновича и по благословению епископа Суздальского Дионисия. Основной текст Лаврентьевской летописи завершается известием от 23 июня 6813 (1304/1305 г. от Р. Х.), поэтому протограф летописи определяется как «свод 1305 г.».

В части текста Лаврентьевской летописи посвященной описанию событий, происходивших в 1282–1284 гг. на землях Курского и Рыльско-Воргольского и Липовечского княжеств недостает нескольких листов. Этот пропуск был восстановлен по Симеоновской летописи (время создания которой относится к 40-м гг. XVI в.) и воспроизведен в последнем по времени издании Лаврентьевского свода¹⁶².

Летописями XV в., содержащих информацию о событиях, происходивших в регионах русско-ордынского пограничья, являются

---

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 806.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 806.

¹⁶⁰ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий. М., 1990. С. 43.

¹⁶¹ Там же. С. 34.

¹⁶² ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 481–484.

Рогожский летописец, Ермолинская и Типографская летописи, а также Московский летописный свод 1479 г.

Рогожский летописец – летопись первой половины XV в.¹⁶³ Первая часть летописи (до 6796 (1288 г.) является сокращенной компиляцией, основа которой базируется на двух протографах – суздальском летописце и выдержках из Новгородской IV летописи. Вторая часть Рогожского летописца (1288–1327 гг.) содержит текст тверского летописания, сходного с соответствующим текстом Тверской летописи XVI в. Следующая часть Рогожской летописи (1328–1374 гг.) представляет собой соединение двух источников – Тверского и общерусского, сходного с Симеоновской или Троицкой летописями. В Рогожской летописи достаточно подробно отражены события военно-политической экспансии ВКЛ в южнорусские земли, включая территорию Верховских княжеств, вплоть до бассейна Быстрой Сосны.

Ермолинская летопись, названная так по упоминанию в ней деятельности известного русского архитектора Василия Ермолина, была создана в конце XV в. По мнению А.Н. Насонова первая часть летописи (до 1417 г.) имеет общий протограф с Московским сводом 1479 г.¹⁶⁴ Известным источниковедом Я.С. Лурье было высказано предположение о том, что создатель Ермолинской летописи почти полностью заменил начальную (ПВЛ) и среднюю (XII–XIV) части протографа текстом особой обработки свода 1448 г.¹⁶⁵

Московский летописный свод 1479 г., представляющий собой образец официального, московского великокняжеского летописания конца XV в., дошел до нашего времени в Архивском списке XVII в. (так называемой Ростовской летописи), где к нему был присоединен текст Новгородского свода 1539 г. и по позднему Эрмитажному списку. Уваровский список московского великокняжеского летописания, обнаруженный М.Н. Тихомировым и изданный им под названием «Московский свод конца XV в.»¹⁶⁶, содержит уже не-

---

¹⁶³ ПСРЛ. Т. XV. Рогожская летопись. М., 1965.

¹⁶⁴ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 260–274.

¹⁶⁵ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 207.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. XXV. М.-Л., 1949.

сколько более позднюю редакцию свода 1479 г., доведенную до 1493 г.¹⁶⁷ Великокняжеское летописание 90-х гг. XV в. сохранилось до настоящего времени в виде фрагментов, присоединенных к сводам неофициального характера (Сокращенные своды конца XV в. Погодинского и Мазуринского видов, Типографской летописи, Вологодско-Пермской летописи и нек. др.)¹⁶⁸.

Особую ценность представляет сообщение Московского летописного свода конца XV в. о широкомасштабных торговых связях Московского княжества с Большой Ордой в последней трети XV в., по сухопутному маршруту, проходившему, по всей вероятности, через пограничные земли Донского Правобережья.¹⁶⁹

Одним из крупнейших летописных сводов XVI в., содержащих информацию о событиях второй половины XIII–XV в., является Никоновская летопись¹⁷⁰, составленная при дворе митрополита Даниила в конце 1520-х – начале 1530-х гг. и получившая свое название от принадлежности одного из списков патриарху Никону. Текстовую основу Никоновского свода составляет компилятивный пересказ большого числа разнообразных письменных источников более раннего времени: местных летописей, сказаний, повестей, архивных документов, житий святых, отрывков народного эпоса. В частности, по мнению А.Г. Кузьмина, сообщения Никоновского свода, относящиеся к истории Рязанского княжества XIII–XV вв. восходят к утраченному рязанскому летописанию¹⁷¹. Следует отметить, что историко-фактологический материал Никоновской летописи подвергался существенной литературной и идеологической обработке, в силу чего сведения этого летописного источника нуждаются в дополнительной перепроверке¹⁷².

---

¹⁶⁷ Лурье Я.С. Ук. соч. С. 135–136.

¹⁶⁸ Лурье Я.С. Ук. соч. С. 247.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. С. 302.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. XI–XII. Никоновская летопись. М., 1965.

¹⁷¹ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 29.

¹⁷² Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980; Насонов А.Н. «Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Кузьмин А.Г. Ук. соч. М., 1967.

Тем не менее, ценность Никоновского свода как источника по теме исследования, заключается в наличии ряда сообщений историко-географического характера, относящихся к истории пограничных с Ордой регионов южной Руси в XIV – начале XV в.¹⁷³.

В изучении событий истории Южной и Юго-Западной Руси второй половины XIV – начала XVI в. важное значение имеет информация, представленная в ряде летописных сводов Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ). На сегодняшний день известны 15 летописных источников и хроник, созданных в период существования этого государства. Старейшие среди них – Супральская и Никифоровская летописи, к ним близки Виленский, Слуцкий (Уваровский) и некоторые другие списки. Основное ядро их текста составляет т.н. «Летописец великих князей литовских», датируемый 30-ми годами XV в.

Слуцкая, или Уваровская летопись¹⁷⁴ – источник западнорусского летописания XVI в., единственный список Третьей сокращенной редакции русско-литовской летописи 1446 г. Летопись делится на две части. В первой отражены события со второй половины XIV в. до 1446 г., происходившие на территории ВКЛ. Вторая часть, летописью общерусского характера с описанием событий 970–1240 гг. Данный летописный источник достаточно подробно описывает систему управления землями Бужско-Днестровского междуречья в государственной системе Улуса Джучи, а также содержит сообщения об изменениях административно-политического положения в таком регионе русско-ордынского пограничья как Подолия в период литовской экспансии во второй половине XIV в.¹⁷⁵

Густынская летопись, получившая название по месту своего составления (Густынский монастырь под Черниговом), была создана в начале XVII в.¹⁷⁶ Сохранилась в списке 1670 г. Летопись содержит изложение русской истории со времен создания государства

---

¹⁷³ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 1965. С. 159, 225.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. М., 1880.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. М., 1880. С. 74–75. Л. 42–43.об.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Густынская летопись. СПб., 1843.; ПСРЛ. Т. XXXX. Густынская летопись / отв. ред В.А. Кучкин. СПб., 2003.

до 1597 г. Автор использовал древнерусские, польские, литовские, византийские и другие доступные ему письменные источники. Первая часть летописи носит характер неточной компиляции более ранних летописных сводов, однако вторая часть содержит ценные сведения об истории ВКЛ, Польши, Османской империи в XIV–XVI вв., а также информацию о набегах крымских татар на земли Южной Руси. Особую ценность в информативном плане представляют содержащиеся Густынской летописи достаточно подробные описания событий военно-политической экспансии ВКЛ в 60–70-х гг. XIV в. в земли русско-ордынского пограничья¹⁷⁷.

Определенная информация о событиях, происходивших на землях южнорусских княжеств в ордынскую эпоху содержится в таком позднем западнорусском источнике, как «Хроника Литовская и Жмойтская», составленном в середине XVII столетия и представляющем из себя значительный по объему обобщающий свод компилятивных сообщений¹⁷⁸. В основу текста «Хроники» положены несколько переработанный вариант работы польского хрониста Мацея Стрыйковского, выдержки из трудов М. Бельского и О. Гваньини, Синописис, различные актовые материалы, народные легенды, а также, по всей вероятности, ряд не дошедших до нашего времени источников. Вместе с тем, хронология данного свода достаточно запутанная и требует тщательной критической проверки, а ряд сведений фактического характера не находит подтверждения в более ранних летописных источниках.

Еще одним западнорусским нарративным источником, содержащим определенную (в ряде случаев уникальную) информацию об отношениях Великого княжества Литовского (ВКЛ) с Крымским ханством и Большой Ордой в XV–XVI вв. является Литовская метрика (ЛМ). Она представляет собой собрание специфических материалов (тетрадей, книг) канцелярии ВКЛ XV–XVIII вв. с копиями документов, издаваемых от имени великого князя, рады, сеймов и подлежащих неограниченному по времени хранению. В Литовской метрике также содержатся акты дипломатической переписки крымских ханов и литовских князей, в частности, тексты посольских

---

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Густынская летопись. СПб., 1843. С. 350.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. XXXII. Хроника Литовская и Жмойтская. М., 1975.

грамот крымского хана Менгли-Гирея, направленных польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV Ягелону с информацией об обстоятельствах перехода одной из лесостепных областей Большой Орды (т.н. «Семеновых людей») под юрисдикцию ВКЛ и требованием их возврата¹⁷⁹.

Важным источником по истории земель галицкого Понизья в XIV – первой половине XV в. является свод Славяно-Молдавских летописей¹⁸⁰. В частности, в данном источнике содержится уникальная информация о взаимодействии различных этнических групп (русинов, волохов, татар), населявших регион Днестровско-Прутского и Прутско-Серетского междуречий¹⁸¹.

Некоторые сведения, относящиеся к истории южнорусских княжеств, содержатся в Новгородских летописных сводах.

Новгородская IV летопись – источник XV в., дошедшая до нашего времени в двух редакциях; старшей, доведенной до 1437 г., и младшей, в основной части доводящей повествование до 1447 г.¹⁸² Информация, содержащаяся в Новгородской IV летописи, зачастую носит уникальный характер и позволяет прояснить некоторые малоизученные вопросы политической истории южнорусских княжеств. В частности, только в этом севернорусском своде сохранилось сообщение о поездке рязанского князя Олега Ингваревича Красного в Каракорум: «...Олегу Рязанский къ Канови иде»¹⁸³. Также в Новгородской IV содержится информация о наличии в первой трети XIV в. в Киеве ордынского баскака, участвовавшего в 1331 г. вместе с отрядом киевского князя Федора в нападении на церковную

---

¹⁷⁹ Литовская метрика. Т. VII. Acta Magu. Ducat. Litv., рукопись in folio нач. XVI в. Записи книги VII. Л. 59–40. // Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. II. 1506–1544 гг. СПб., 1848.

¹⁸⁰ Славяно-молдавские летописи (СМЛ). М., 1976; Суляк С.Г. Русины в молдавском летописании // Русин. 2017, № 4(50). С. 10–37.

¹⁸¹ СМЛ. М., 1976. С. 55; Летопись земли Молдавии от сотворения мира и до 1601 года. Глава XVI // Суляк С.Г. Русины в молдавском летописании // Русин. 2017, № 4(50). Приложение 2. С. 36.

¹⁸² ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. Новгородская IV летопись. Пг., 1917.

¹⁸³ ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. Новгородская IV летопись. СПб., 1848. С. 37; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 228.

делегацию новгородского архиепископа Василия Калики, с целью получения выкупа.¹⁸⁴

Особый интерес представляет содержащееся в Софийской I летописи описание событий разгрома на землях рязанско-ордынского пограничья орды «царевича» Мустафы зимой 1443/44 г., с участием на стороне рязанско-московских войск т.н. «рязанских казаков»¹⁸⁵.

Важным историко-географическим источником, содержащим информацию об административно-территориальной структуре южнорусских земель в конце XIV в. и является «Список русских городов, дальних и ближних». Наиболее точный его список помещен, по мнению М.Н. Тихомирова в Новгородской IV летописи. Исследователь относил этот памятник древнерусской письменности к произведениям, возникшим в купеческой среде Великого Новгорода¹⁸⁶. В свою очередь Л.В. Черепнин придерживался мнения, что «Список» возник в северо-восточных центрах русских земель¹⁸⁷. А.В. Подосинов считал, что первоначальный вариант «Списка» был создан в Смоленске, поскольку этот город является словно бы географическим центром списка¹⁸⁸. В то же время, Б.А. Рыбаковым было достаточно убедительно доказано южное происхождение памятника. По мнению исследователя «Список» был создан митрополитом Киприаном, или его ближайшим окружением в 90-х гг. XIV в., скорее всего в Киеве¹⁸⁹. Согласно наиболее обоснованному тезису современного украинского историка Г.Ю. Ивакина «Список» мог быть составлен в 1396–1397 г, когда Киприан находился в Киеве, где вел политические переговоры с литовскими князьями Ягайло и Витов-

---

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1–3. Новгородская IV летопись. Пг.-Л., 1915–1926. С. 263–265.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. XII. Софийская летопись. СПб., 1901. С. 61–62.

¹⁸⁶ Тихомиров М.М. Список русских городов, дальних и ближних // Исторические записки. 1952. № 40. С. 218–220.

¹⁸⁷ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства. М., 1960. С. 442.

¹⁸⁸ Подосинов А.В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов, дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 46.

¹⁸⁹ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 12–16.

том¹⁹⁰. В то же время следует отметить, что данные «Списка...» содержат ряд сведений, относящихся к более раннему времени, устаревших к моменту его создания. Так в «Списке...» указан г. «Коршев на Сосне», тогда как уже существовавший в 90-е гг. XIV в. Елец не упоминается.

Информацию об изменениях в административно-политическом статусе пограничных районов Рязанского княжества и сопредельных с ним территорий золотоордынских улусов в конце XIV–XV в. содержат духовные и договорные грамоты московских и рязанских князей¹⁹¹. Прежде всего это относится к таким пограничным с Ордой районам Поочья, как «Тула», «татарские и мордовские места», а также регион Верхнего Подонья, включая земли Елецкого княжества, прекратившего существование в 1414 г. Указанные территории длительное время носили неопределенный правовой статус, изменения которого в разные промежутки времени фиксируются текстами грамот.

К нормативно-правовым источникам относятся также и грамоты московских митрополитов Феогноста и Алексия, обращенные к православному населению ордынского улуса, располагавшегося на землях Донского левобережья¹⁹². В русских источниках он обозначался как Червлёный Яр. Тексты послания митрополитов фиксируют наличие на территории Среднего Подонья представителей как ордынской администрации (баскаков, сотников) исповедовавших православие, так и довольно многочисленного земледельческого населения, включая представителей знати (бояр) и духовенства¹⁹³.

---

¹⁹⁰ Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Киева XIII – середины XVI в. (историко-топографические очерки). К., 1996.

¹⁹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.

¹⁹² Грамота митрополита Феогноста на Червлёный Яр // Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. С. 21–22; Грамота митрополита Алексия на Червлёный Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам // АИ, т. 1, 1334–1598 гг., СПб., 1841. С. 22–23.

¹⁹³ Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. // РИБ. Т. VI. № 18. С. 163–166; Грамота митрополита Алексия на Червлёный Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам // АИ, т. 1, 1334–1598 гг., СПб., 1841. С.23.

Значительный объем сведений относящихся исторической географии лесостепного пограничья Российского государства эпохи позднего средневековья содержатся в географическом трактате – «Книге Большому чертежу», содержащей подробное описание территории Московского царства и соседних с ним государств в XVI–XVII вв. Первоначальный вариант «Книги» был составлен по указу царя Ивана IV после 1552 г. и переделан вследствие полного износа около 1600 г. Сохранившаяся до нашего времени редакция трактата составлена в 1627 г. в Разрядном приказе дьяком Афанасием Мезенцовым. «Книга Большому чертежу» в редакции 1627 г. содержит данные двух официальных источников: т.н. «старого чертежа», составленного при «прежних государевах» и «нового чертежа»; известного также как «Полю». Особую ценность представляет информация о «татарских дорогах» – «сакмах» или «шляхах», возникших в золотоордынский период и частично проходивших по территории пограничных со Степью регионов¹⁹⁴. Помимо этого в «Книге» содержатся сведения о расположении ряда населенных пунктов золотоордынской эпохи, прекративших свое существование к моменту составления трактата (Еголдаево городище и др.)¹⁹⁵.

К числу историко-литературных источников, содержащих некоторые сведения историко-географического характера о располагавшемся на границе с Ордой Елецком княжестве, а также территории ордынских кочевий в среднем Подонье, следует отнести «Хождение митрополита Пимена в Царьград». Составленное Игнатием Смолянином по итогам поездки московского церковного посольства в Константинополь в 1389 г., «Хождение...» было включено московским летописцем в текст Никоновской летописи¹⁹⁶. Согласно информации содержащейся в путевых заметках Игнатия Смолянина в данный период времени (последняя четверть XIV в.) на берегах Дона не имелось стационарных населенных пунктов¹⁹⁷.

---

¹⁹⁴ Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950.

¹⁹⁵ Ук. соч. С. 111.

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т.ХI. М., 1965. С. 95–96.

¹⁹⁷ «Бысть же сие путное шествие печально и унывливо, бяше бо пустынно зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже, ни града, ни села... пусто же все и

Вместе с тем, по данным археологических исследований, в бассейне Дона фиксируется наличие как русских, так и ордынских поселений, функционировавших вплоть до начала XV столетия¹⁹⁸. Данное обстоятельство обуславливает критический подход к информации, содержащейся в данном источнике в части историко-географических реалий среднего Подонья в конце XIV в.

Информация, относящаяся к вопросам административного статуса и датировки возникновения таких пограничных феодальных образований как Елецкое княжество, владения Мансура-Кията (официального родоначальника князей Глинских) содержится в родословных книгах Российского государства XVI–XVII вв.¹⁹⁹

Ценным источником по определению административно-политического положения областей русско-ордынского пограничья в конце XIV – первой трети XV в. являются ярлыки ордынских и крымских ханов, выдаваемых литовским князьям и польским королям на управление южнорусскими землями²⁰⁰. К их числу следует отнести тарханные ярлыки хана Токтамышша (1392 и 1393 г.), тарханный ярлык хана Тимур-Кутлуга, ярлык крымского хана Менгли-

---

не населено, нигде бо не видети человека, токмо пустыня велия и зверей множество...»ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 95–96.

¹⁹⁸ Цыбин М.В. Некоторые вопросы исторической географии Среднего Подонья в эпоху Золотой Орды // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды (Материалы Седьмой международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 301; Он же. «Хождение Пименово в Цареград» и археологические реалии лесостепного Подонья // Материалы международной научной конференции. Посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. Елец. 1995. С. 32–35

¹⁹⁹ Родословная книга. СПб., 1787. С. 1787; Роспись князей Глинских поданная в Разряд 1686 г. марта 4 // РГАДА Ф. 210. Оп. 18. Д. 87. Л. 1–2; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) Ф. 256. № 349. Приложение 3 // Очерки феодальной России. № 15. Москва. СПб., 2012. С. 179–180, 190.

²⁰⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 2. СПб., 1842. № 6; Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі: (до питання про татарську Україну) // Східний світ. Харків. 1928. № 2; Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея // Воскресенская летопись. Приложения. Рязань, 1998. С. 521–532.

Гирея (1507 г.). Оригиналы ярлыков не сохранились до нашего времени, содержание их текста дошло в переложении составителей литовских летописей и сборников официальных государственных документов. Тем не менее, анализ этих нормативно-правовых актов позволяет более точно определить административно-правовой статус ряда территорий русско-ордынского пограничья в эпоху упадка Орды и военно-политического доминирования ВКЛ в южнорусских землях.

Из числа западноевропейских источников, наибольший объем информации по административно-политическому статусу южнорусских земель в период становления ордынского государства содержится в «Истории монгалов» католического священника и дипломата Иоанна де Плано Карпини²⁰¹. Согласно решению Лионского собора, Карпини был послан папой Иннокентием IV в Монгольскую империю и по пути дважды (в 1246 и 1247 г.) посетил земли Южной Руси. Известный советский источниковед В.И. Стависский в своем исследовании убедительно доказывает наличие двух редакций «Истории монгалов». По свидетельству самого папского дипломата «История монгалов» была написана в два этапа. Первая часть преимущественно была готова еще до возвращения в Европу. Это т.н. краткая редакция «Истории» уже по дороге Карпини в Италию была распространена во многих списках. В первой редакции записок Плано Карпини отсутствуют сообщения о монгольской «политике истребления» и опустошении всей Южной Руси. Согласно гипотезе В. И. Стависского вторая редакция «Истории монгалов», с нужными исправлениями, была сделана в угоду политической конъюктуре и внешнеполитическим планам папы Иннокентия IV²⁰².

В связи с данным обстоятельством, некоторые из сообщений папского дипломата, относящиеся к описанию состояния южнорус-

---

²⁰¹ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Enrico Menesto. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1989. P. 332; Джiovани дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А. И Маленина М., 1957.

²⁰² Стависский В.И. К анализу известий о Руси в «Истории монгалов» П. Карпини в свете ее археографической традиции // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., С. 191–209.

ских земель, содержат противоречивую информацию, использование которой в исследованиях допустимо при условии дополнительного критического анализа. В частности, к таковым сообщениям следует отнести свидетельства Плано Карпини о якобы полностью разрушенном монголами Киеве, в котором, тем не менее, им же отмечается наличие тысячника, осуществлявшего управление городом вместе с представителями местной боярской аристократии, а также присутствие значительной купеческой общины европейских и ближневосточных негоциантов²⁰³. Вместе с тем, уникальными по своей ценности являются сообщения о «киевском сотнике», а также подробное описание западным путешественником системы налогообложения, установленного монголами в южнорусских землях в середине 40-х гг. XIII в., посредством проведения переписи неким «сарацином-переписчиком»²⁰⁴.

Сведения о северной границе ордынских кочевий в Правобережном Подонье и присутствии русского населения в этом регионе содержат путевые записки французского дипломата Гильома Рубрука²⁰⁵. Высокопоставленный монах-минорит Гильом (Виллем) Рубрук, возглавил посольство французского короля Людовика IX, отправленного им ко двору монгольского кагана Гуюка в 1253 г., с целью выработки общей антимусульманской политики на Ближнем Востоке. После неудачного завершения дипломатической миссии, продолжавшейся с 1253 по 1255 г., Гильомом Рубруком был написан подробный отчет о своем путешествии на Восток, названный им «Путешествие в восточные страны Виллема де Рубрука в лето благодати 1253». Наиболее полный список рукописи – Кембриджский, был опубликован английским издателем Берджероном в XVII в. Впервые на русский язык перевод путешествия Гильома Рубрука был сделан А.И. Малениным и опубликован вместе с переводом «Истории монгалов» Плано Карпини в сборнике 1911 г. (второе издание 1957 г.)²⁰⁶.

---

²⁰³ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 47, 67, 82.

²⁰⁴ Там же. С. 82, 55.

²⁰⁵ Там же. С. 109–111.

²⁰⁶ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. СПб., 1911.

Важное свидетельство о существовании труднопроходимой границы, отделявшей русские княжества от сопредельных государств, содержится в «Книге о разнообразии мира», составленной ок. 1298 г. пизанцем Рустичано со слов венецианского путешественника Марко Поло, посетившего земли державы Хулагуидов, Чагатайского улуса и империи Юань в 1270–1290-х гг.²⁰⁷ Помимо сведений исторического, экономического, политического и этнографического характера в «Книге..» имеются географические описания земель, входивших в состав монгольских государств. Следует отметить, что хотя сам Марко Поло не посещал территорию Улуса Джучи, информацию об этом государстве и соседних с ним русских землях он получил от своих ближайших родственников: отца (Николая Поло) и дяди (Матвея Поло), проживших около года при дворе правителя Орды – Берке²⁰⁸.

К числу используемых в работе источников также следует отнести путевые заметки европейских путешественников Амброджио Контарини и Гильбера де Ланоа, а также «Записки о московитских делах» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна²⁰⁹. Не относясь напрямую к изучаемому периоду, данные источники содержат ряд сведений географического, военно-политического и этнокультурного характера, относящихся к теме исследования.

Кроме того, в исследовании использовалась информация, относящаяся к истории изучаемого региона, представленная в ряде дипломатических актов восточноевропейских государств²¹⁰.

---

²⁰⁷ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. С. 327.

²⁰⁸ Там же. С. 66–67.

²⁰⁹ Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Е.Ч. Скржинская. Л., 1971; Путешествие Гильбера де Ланоа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. 2. С. 39–43; Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку, 1984; Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии в двух томах. М., 2008.

²¹⁰ Codex Diplomaticus Hungariae Ecclesiasticus ac Civilis / Studio et opera G. Fejer. Budae. 1829. Т. 3. Vol. 219, 239; Codex diplomaticus Prussiae III, 21 // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 191–192; Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. Bratislavae, 1987. Nr. 150. P. 100–102; Послание польского короля Влади-

В контексте изучения торговых путей, проходивших через земли русско-ордынского пограничья, в качестве дополнительных источников содержащих информацию о торговых путях, истории крупнейших центров международной и региональной торговли, располагавшихся на территории Джучидского государства, автором привлекались выдержки из сборников коммерческо-правовых документов Генуи и Венеции, а также трактата флорентийского финансиста Франческо Бальдучи Пеголотти «*La Pratica della Mercatura*» («Практика торговли») составленным между 1338 и 1342г²¹¹. Сведения о торговых связях и структуре товарооборота североитальянских торговых республик с Золотой Ордой и опосредованно с русскими землями, содержатся в бухгалтерских книгах (массариях) XIV–XV вв. Оригиналы массариев Кафы²¹² и Таны сохранились до нашего времени как составная часть архивов Банка св. Георгия Государственного архива Генуи и Государственного архива Венеции. Новейшее издание части генуэзских коммерческо-нотариальных документов в русском переводе вышло в 1998 г.²¹³ Торговая документация Республики св. Марка хранится в Государственном архиве Венеции. Информация из коммерческих актов и навигационных

слава Локетка, адресованное папе Иоанну XXII. Краков, 21 мая 1323 года // Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 643–644; Послание галицко-волыньских князей Андрея и Льва Юрьевичей магистру Тевтонского ордена Карлу фон Трир. Владимир, 9 августа 1316 года // Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 641–642.

²¹¹ Francesco Balducci Pegolotti. *La Pratica della Mercatura* / Ed. by Evans. Cambridge, Mass., 1936.

²¹² Автором используется вариант древнерусской транскрипции данного топонима. В западноевропейских источниках и ряде современных исследований, название города пишется согласно правилам латинской грамматики – *Saffa* (Каффа).

²¹³ Регесты документального фонда *Diversorum Filze* секретного архива Генуи, относящихся к истории Причерноморья // Причерноморье в Средние века. Вып. 3. М.-СПб., 1998.

атласов Венецианской республики с комментариями, представлена в работах известного российского византолога С.П. Карпова²¹⁴.

Отдельным комплексом письменных источников, содержащих информацию по истории и географии Улуса Джучи и зависимых от них государств (в том числе русских княжеств), являются сочинения мусульманских хронистов и географов.

Самым ранним историческим трактатом, посвященным истории монголов написанным мусульманским автором, является сочинение персидского чиновника и хрониста Ата-Мелика Джувеини. Ала ад-дин Ата-Мелик Джувеини (г. ж. 1226–1283) находился на службе монгольских правителей Хорасана, которым служил и его отец. С 654 г.х. (1256 г. Р. Х.) являлся крупным чиновником в государстве ильхана Хулагу и последующих правителей Ильханата, занимая должность наместника Багдада, Ирака и Хузистана. Его историческое сочинение «История завоевания мира» («Тарих-и-джехангуша»)²¹⁵, созданное в 1252/53–1260 гг. состоит из трех частей. Хроника Джувеини содержит информацию о внутривосточных процессах в Монгольской империи в 1240–1260-х гг. и участии в этих событиях представителей рода Джучи²¹⁶.

К ценным письменным источникам, содержащим информацию о политической истории Монгольской империи и отдельных ее частей (улусов), относится сочинение персидского историка и политического деятеля Рашид ад-Дина ал-Хамадани (ок. 1247–1318) – «Сборник летописей» («Джами ат-таварих»). Составление «Сборника» группой ученых во главе с Рашид ад-Дином началось в 1300/01 г. по повелению Газан-хана, а было закончено при ильхане

---

²¹⁴ Карпов С.П. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV – середина XV в.) // ВВ. 1986. Т. 47; Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994; Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55 (80). Ч. 1.

²¹⁵ Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Congueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A/ Boyle, introduction and bibliography by D.O. Morgan. Manchester, 1997; Джувеини Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004.

²¹⁶ Там же. Р. 240.

Улжайту в 1310/11 г. В «Сборнике летописей» содержится ценная информация о событиях, происходивших в Улусе Джучи на этапе его становления²¹⁷, а также отношениях Джучидов с администрациями великих ханов²¹⁸.

Сведения, относящиеся к истории Золотой Орды последней четверти XIV в., содержатся в исторической хронике Шереф ад-Дина Йезди (г. ж. 1405–1447) – «Книга побед» («Зафар-наме») ²¹⁹. Труд персидского хрониста является самым полным сводом данных по истории правления Тимур-ленга (Тамерлана), однако эти данные излагаются с большой долей тенденциозности, поскольку сам характер хроники носит ярко выраженный оттенок биографического прославления (панегеризма) правителя Маверанахра²²⁰.

Значительный объем информации географического и этнографического характера об Улусе Джучи содержат путевые записки мароканского путешественника Ибн Баттуты, посетившем территорию Золотой Орды в 1334 г., историко-географический трактат сирийско-египетского ученого и чиновника Фадлаллаха ал-Умари (г.ж. 1301–1349) – «Пути взоров по государствам с крупными городами» («Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар»), а также ряда других ближневосточных хронистов²²¹.

²¹⁷ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л. 1960. С. 46.

²¹⁸ Там же. С. 118–119.

²¹⁹ Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем. М.-Л., 1941.

²²⁰ Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. I. 1884. С. 178–179; Т. II. 1941. С. 121.

²²¹ Из «Подарка наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» Ибн Баттуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). Казань, 2011. С. 150–177; Фадлаллах ал-Умари. Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар (Пути взоров по государствам с крупными городами) // Тизенгаузен В. Г. СМИЗО. Т. I. Извлечения из сочинений арабских, собранные В.Г. Тизенгаузенем. СПб., 1884. С. 207–251; Из Истории Ибн Халдуна // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 192; Из «Летописи царств и царей» Ибн ал-Фурата // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 188; Из летописи Ибн Касира // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 150; Из сочинений Хамдаллаха Казвини // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по

Ряд ценных сведений по ранней истории Монгольской империи и зависимых от нее государств содержится в таком историко-литературном источнике XIII в. как «Сокровенное сказание монголов» («Монгол-ун ниуча тобчиан») ²²². В частности, в «Сказании» содержится уникальное сообщение о пребывании в Киеве монгольских военных наместников – танмачинов сразу после его завоевания войсками Чингизидов в 1240 г. ²²³

Дополнительными источниками по теме представляемого исследования является ряд армянских и грузинских исторических хроник. Некоторые сведения о ранней политической истории Золотой Орды содержатся в армянской хронике Киракоса Гандзакеци (г.ж. 1200/02–1271). – «История Армении», написанной в промежутке между 1241 и 1260 г. ²²⁴ Среди грузинских источников следует особо выделить анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. («Жамта-агмцерели») ²²⁵, представляющий значительный по объему летописный свод, достаточно подробно описывающий события монгольских завоеваний на Кавказе и Ближнем Востоке XIII в., а также события, происходившие в Грузинских государствах в период монгольского владычества в XIV в. Содержащаяся в указанных источниках информация позволяет проводить сравнительный анализ событий и фактов, относящихся к некоторым эпизодам русско-ордынских отношений.

истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). Казань, 2011. С. 63–68; Из биографии султана ал-Малика ан-Насира // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) Казань, 2011. С. 142–148.

²²² Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niruea tobeigan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М.-Л., 1941; «Сокровенное сказание монголов» // Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники // Перевод с кит., сост., вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. М., 2009.

²²³ «Сокровенное сказание монголов» // Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники // Перевод с кит., сост., вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. М., 2009. С. 310.

²²⁴ Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976.

²²⁵ Цулая Г.В. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. 7. М., 1980.

ГЛАВА II.

ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И УЛУСА ДЖУЧИ

§ 2.1. Административно-территориальная структура Монгольской империи и Улуса Джучи в XIII – первой половине XIV в.

Одним из результатов военных компаний Западного похода монголов (1236–1242 гг.) стало значительное расширение границ владений Джучидов посредством включения в состав Улуса ряда степных и лесостепных регионов Западной Сибири, Южного Приуралья, Нижнего и Среднего Поволжья, а также обширных территорий половецких и гузских кочевий от Яика до Дуная.

Появление на границах Руси нового государства имперского типа привело к значительным изменениям административно-территориального характера, затронувших, прежде всего, южнорусские земли. Для понимания причин и характера обозначенных изменений представляется целесообразным рассмотреть вопрос о специфике формирования административно-территориальной структуры Монгольской империи и Улуса Джучи.

Основным принципом административно-территориального деления империи Чингиз-хана, а также чингизидских государств, возникших после ее распада, являлась улусная система, в соответствии с которой подвластные Чингизидам земли делились на отдельные области-улусы.

Согласно информации содержащейся в «Сокровенном сказании», территориальная структура Монгольской державы впервые была утверждена личным постановлением Чингиз-хана на Ононском курултае (1206 г.) Основатель государства разделил подчиненные ему на тот момент территории племенных кочевий, на собственно ханский домен и ряд административно-территориальных округов (улусов), управление которыми было поручено его бли-

жайшим сподвижникам и родственникам (матери, дяде, братьям, сыновьям)¹.

Следует отметить, что размеры родовых владений Чингизидов не являлись постоянной величиной на протяжении всей эпохи существования монгольских государств и изменялись в результате военных компаний, сопровождавшихся присоединением к ним новых территорий или утратой контроля над отдельными регионами. Соответственно, также подвергались изменениям границы улусов и статус пограничных регионов, располагавшихся на имперской периферии.

По мере включения в состав Монгольской империи завоеванных и подвергшихся военной оккупации государств, их земли, как правило, разделялись на ряд отдельных провинций, входивших в то или иное улусное владение Чингизидов. Так, после разгрома Хорезмийской державы в 1219–1221 гг. ее территория была поделена

---

¹ «Учредив тысячи и назначив нойонов-тысячников, тут же Чингиз-хан повелеть соизволил: «Пусть позовут ко мне нойонов Боорчи, Мухали и других, которых я намерен пожаловать за особые заслуги...Когда же с помощью Вечного неба, будем преобразовывать всенародное государство....произведи ты (Шихи-Хутуху – Л.В.) мне такое распределение разноплеменного государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выделю их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами (ирген), а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми...Пусть же Боорчу ведает тьмою Правого крыла, прилегающей к Алтаю...Пусть же Мухали Го-ван ведает тьмою Левого крыла, примыкающей к Хараун-чжидуну...Пусть же он (Хоорчи – Л.В.) ведает не только над тремя тысячами Боаринов, но также и пополненными до тьмы Адаркинами, Чиносами, Тоолесами и Теленгугами...пусть он...начальствует над тьмою лесных народов...Потом Чингиз-хан обратился к Сорхан-Шираю и сказал ему...занимайте же своим кочевьем Селенгу, Меркитскую землю, и будьте вы ее невозбранными, дарханскими пользователями...Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингизхан произвел такое распределение...дал 10000 юрт матери совместно с Отчигином (дядей Ч. по отцу – В.Л.)...Чжочию (Чжучи – старшему сыну – Л.В.) выделил 9000 юрт, Чаадаю – 8000, Огодаю – 5000, Толую – 5000, Хасару (младшему брату – Л.В.) – 4000, Алчидая – 2000 и Белтугаю – 1500 юрт...» (Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrot-un niguaa tobei-gan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М.-Л., 1941. § 203, 205, 206, 207, 219, 242).

на ряд округов под управлением монгольских имперских чиновников (Махмуда Ялавача, Масуд Бека, Чин-Тимура), которые были включены в состав улусов сыновей Чингиз-хана (Чагатай и Джучи)².

В свою очередь, Тангутское государство (Си Ся), в 1209–1227 гг. находившееся в политической зависимости от монголов, но сохранявшее полное самоуправление и местную династию, после окончательного разгрома в 1227 гг. было ликвидировано как самостоятельная держава, а ее территория вошла в состав Монгольской империи как отдельная провинция под управлением сына Угэдэя – Кодана. С 1261 г. на тангутских землях был сформирован округ Си Ся синшен, вошедший в 1272 г. в состав Улуса Великого хана³.

Включение государств и народов в административно-политическую систему Монгольской империи осуществлялось как посредством завоеваний, так и в результате дипломатических договоренностей. Любое признание верховной власти великого хана (кааана) считалось подчинением и означало вхождение подчинившихся в политическую, правовую и экономическую систему державы Чингизидов. По свидетельству Ата-Малика Джувейни: «... когда они (монголы – Л.В.) приближались к какой-либо провинции, попадавшей им на пути, они посылали к ее жителям гонцов, возвещавших о появлении Чингиз-хана и предупреждавших их о том, что лучше им воздержаться от войны и вражды и не отказываться признать свою покорность, и обрушивавших на них угрозы. И когда люди решали покориться, они ставили у них шихне (представителей ханской администрации – Л.В.), выдавали им алую тамгу и удалялись...»⁴.

Исходя из данного принципа, в имперскую государственную систему были включены зависимые государства и племенные союзы, добровольно, или под угрозой военного вторжения, признавшие политическое верховенство монгольского хана и вследствие данного

---

² Сокровенное сказание монголов // Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники // Перевод с кит., сост., вводная статья и комментарии Р. П. Храпачевского. М., 2009. С. 307; Рашид ад-Дин. История завоевателя мира. Т. II. М.-Л., 1960. С. 480–481.

³ Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. § 249–250; Кычанов Е.И. История Тангутского государства. СПб., 2008. С. 672, 676, 677, 691.

⁴ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 99–100.

факта сохранившие собственную территориальную структуру, правящие династии и административное самоуправление. К их числу следует отнести племенные объединения ойратов, карлуков, енисейских киргизов и др. «лесных народов» Саяно-Алтайского региона, государство Турфанских уйгуров, Бадахшан, Киликийское царство (Малую Армению), Трапезундскую империю, а также ряд более мелких владений Центральной Азии, Тибетского и Иранского нагорий, Кавказа, Ближнего Востока и Восточной Европы⁵. Спецификой административного статуса перечисленных государств и племенных объединений являлось сохранение территориальной структуры, административное самоуправление, включая отсутствие на их землях монгольских военных контингентов, а также привилегированный статус местных правящих элит в имперской политической системе.

В частности, земли «лесных племен» Саяно-Алтайского нагорья (бурятов, тумен-киргизов и др.), добровольно подчинившиеся монголам в результате похода войск Джучи в 1207 г.: «...выразив покорность» и принеся дары «белыми кречетами и белыми соболями», были включены в состав владений старшего сына Чингиз-хана и находясь на северной периферии Монгольской империи, вплоть до 90-х гг. XIII в. имели статус регионов сохранивших внутреннее самоуправление и территориальную структуру⁶. По аналогичному принципу в состав державы Чингиз-хана вошли племенные объединения ойратов, конгиратов и карлуков⁷.

---

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга первая. М.-Л., 1952. С. 148, 225; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946. С. 25; Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 462–463; История монголов по армянским источникам. Вып. 1. СПб., 1873. С. 6; ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792.

⁶ Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 315; Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. § 239; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга вторая. М.-Л., 1952. С. 151. Кызласов Л.Р. История средневековой Тувы. М., 1969. С. 132, 134, 136.

⁷ «И когда для Чингисхана настали дни проветания и взошла звезда его удачи, он направил посланников и к другим племенам; и те кто пришел к нему с выражением покорности, как ойраты и конкураты (унгираты), были приняты в число его союзников и военноподчиненных, и они пользовались его снисхождением и благосклонностью...» (Джувейни Ата-Мелик. История завоева-

Согласно сообщению «Сокровенного сказания» уйгурский правитель (идикут) сохранил властные полномочия и административный контроль над территорией своего государства посредством дипломатических договоренностей, сопровождавшихся признанием вассальной зависимости и заключением династического брака с представительницей «золотого рода» (дочерью Чингиз-хана)⁸. В дальнейшем, в Уйгурии сохранялась династическая приемственность власти, утверждаемая решениями монгольских великих ханов и регентш⁹.

В свою очередь регион Бадахшана (Баласиана), располагаясь на Памирском нагорье и находясь в центре чингизидских владений

теля мира. М., 2004. С. 27–28); «Весною года барана, соответствующего 607 г. х. [1210–1211 гг.], Арслан-хан, хан карлуков, явился с выражением рабской покорности к Чингиз-хану и подчинился ему. В местности [по реке] Кэрулен он преподнес [ему] в знак покорности дары...» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга вторая. М., 1952. С. 163).

⁸ «В то время идикутом был некто Барчук... Когда Чингисхан стал правителем земли китаев, а его слава и рассказы о его победах достигли других государств, идикут отправил к нему (Чингиз-хану – Л.В.) Куталмыш-кайа, Умарогула и Дарбая. Чингисхана оказал этим послам всевозможные почести, но намекнул, что идикуту следует поторопиться и явиться к нему лично. Тот с готовностью повиновался этому приказанию, и по прибытии убедился в том, что все данные ему обещания были выполнены и вернулся оттуда, нагруженный дарами. Когда войско выступило против Кучлука (правителя кара-киданей – Л.В.) идикут получил приказание явиться с воинами из страны уйгуров. Повинуясь приказу, он присоединился к Чингисхану с тремя сотнями людей...когда Чингисхан лично выступил в поход против султана Мухаммеда, ему и его войску вновь было приказано садиться на коней...А когда ханские замкены вновь вернулись в монгольский лагерь и Чингисхан выступил против тангутов, он также повинуясь приказу, выдвинулся со своей армией из Бежбалька...В благодарность за верную службу Чингисхан отличил его великими милостями и знаками внимания и обещал ему в жены одну из своих дочерей...» (Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 31–32).

⁹ «Через некоторое время...идикута не стало. Тогда ко двору прибыл его сын Кешмеш, стал идикутом и женился на Аладжин-беки. Через короткое время идикут Кешмеш также скончался; и по распоряжению ханши Туракины его место занял его брат Салинди, который стал идикутом. Он прочно утвердился на троне и снискал высокое уважение...» (Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 32).

в Центральной Азии, вошел в состав Монгольской империи, сохранив статус автономного государственного образования. Подобный статус обеспечивался Бадахшану на условиях признания формальной зависимости и даннических выплат, косвенные свидетельства чему содержится в записках Марко Поло и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Венецианский путешественник, посетивший Среднюю Азию предположительно в 1272 г. описывает Бадахшан как фактически самостоятельное государство¹⁰. Согласно контексту сообщения Рашид ад-Дина, первую данническую выплату от правителя Бадахшана монголы получили в 1219 г., во время военной экспедиции Джэбэ-нойона, направленной против кара-киданьского гурхана Кучлука.¹¹ Однако полноценное оформление вассально-даннических отношений, вероятно, произошло в 1221 г., на заключительном этапе Хорезмийской кампании Чингиз-хана¹². Впоследствии, «государь Бадахшана» упоминается в хрониках Рашид ад-

---

¹⁰ «В Баласиане народ мусульмане; у него особенный язык. Большое царство; цари наследственные...В той области (Баласиане – Л.В.) водятся драгоценные камни балашы...Посылает их царь со своими людьми другим царям..., одним как **дань**, другим по дружбе (по всей вероятности, даннические выплаты предзназначались правителям монгольских государств, окружавших владения «царя» Баласиана – Л.В.)...В том царстве много узких проходов, неприступных мест много, и вражеских нападений народ не боится. Города их и крепости на высоких горах, в неприступных местах. Люди здешние отличные стрелки и охотники». (Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. С. 107).

¹¹ «Монгольское войско преследовало по пятам Кушлука, и повсюду, где бы он не останавливался, его гнали с места. В конце концов, он сбился с пути среди гор, в пределах Бадахшана; [монголы] его схватили в ущелье, которое называют Сарыколь, убили его и вернулись назад. С Бадахшана они [монголы] получили огромную военную добычу [состоящую] из наличных денег и драгоценных камней» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. Книга вторая. С. 183–184).

¹² «Когда они (монголы – Л.В.) закончили грабить и убивать, он (Чингиз-хан – Л.В.) удалился в район Кангурта и Шумана, где провел зиму...и послал войска для захвата целого Бадахшана и всей той страны, и завоевал и покорил все народы, одни добротой, но большинство жестокостью; так что во всем этом крае не осталось и следов от его противников...» (Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 88).

Дина в качестве потенциального союзника правителя улуса Орды ичена, джучида Баяна в период военного противостояния с чингизидами Кублуком, Хайду и Дувой, осуществивших нападения на районы Припамирья¹³.

Вхождение Киликийского царства (Малой Армении) в государственную систему Монгольской империи произошло после ряда дипломатических визитов посольских миссий и представителей правящего дома к командующему монгольскими войсками в регионе Ближнего Востока (Бачу (Байджу) – нойону), правителю Улуса Джучи – Бату, а также в ставку великих ханов Гуюка и Мункэ (Менгу)¹⁴.

В отдельную группу следует выделить государственные образования, подчинившиеся монголам в результате военных действий, со-

---

¹³ «Затем к каану послал гонца Баян, из дома Орды... [Гонец передал] «Пусть наше войско сразу выступит оттуда с востока, [нас поддержит] государь Бадахшана, который постоянно терпит от них невзгоды, а с запада всегда окажет поддержку войско государя ислама Газан-хана... и мы окружим Дуву и Кайду со всех сторон и одним разом покончим с ними» (Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 47; Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кипчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013. С. 141).

¹⁴ «...Царь Хетум, владевший Киликией и тамошними областями, видя что султан [Рума] понес поражение от них (монголов – Л.В.), отправил к ним посланцев с богатыми приношениями, чтобы заключить с ними соглашения о мире и покорился им... [Посланцы], прибыв к Великому двору... были представлены Бачу-ноину (Байджу-нойону – Л.В.), жене Чармагуна – Элтина-хатун и другим великим вельможам... [Татары] заключили с царем союз, и по обычаю своему, дали грамоту, называемую эль-тамгой... он отправил брата своего Смбага, который был полководцем его с подарками и подношениями к Гиуг-хану, и тот с честью возвратился с грамотой о признании... А когда воцарился Мангу-хан, великий военный начальник Батыи, носивший титул царского отца... послал [людей] к царю Хетуму с [приглашением] приехать повидать его и Мангу-хана... Отправившись в путь... в день праздника Воздвиженья креста были представлены Мангу-хану, восседавшему во всем величии своей славы. Преднеся подарки, [царь Хетум] по достоинству был почтен им. Он пробыл в Орде пятьдесят дней, [хан] пожаловал ему указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его...» (Киракос Гандзакец. История Армении / перевод Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 178, 222–224).

хранив при этом значительную часть суверенитета и правящие элиты. К таковым следует отнести Корею (Корё), владения грузинских Багратидов, Иконийский (Румский) султанат, Болгарское царство, а также большую часть земель Руси. Перечисленные государства признавали политическую зависимость от великого хана или глав улусов, выражавшуюся в выдаче ярлыков на правление, а также включались в имперскую систему налогообложения, отличительным признаком которой являлось проведение переписей с участием монгольских фискальных чиновников. Помимо этого, в ряде случаев происходило включение некоторых регионов вышеуказанных государств (как правило, смежных с монгольскими кочевьями) в состав чингизидских улусов.

Таким образом, в государственной структуре Монгольской империи можно выделить четыре типа административно-территориальных единиц:

1. Кочевые угодья (монг. *нутаг*, тюрк. *юрт*), располагавшиеся в степной и лесостепной ландшафтных зонах и составлявшие основную часть территории улусов представителей «золотого рода» и монгольской служилой аристократии.

2. Имперские региональные провинции, образованные на землях завоеванных и подвергшихся военной оккупации государств, включенных в состав владений Чингизидов.

3. Зависимые государства и племенные объединения, добровольно признавшие сюзеренитет Чингизидов и сохранившие полное административное самоуправление.

4. Государственные образования, признавшие зависимость от Монгольской империи после проведенных против них военных компаний.

По аналогичному принципу имперского государственного устройства формировалась и территориальная структура Улуса Джучи, включавшая в себя регионы располагавшиеся в различных ландшафтных зонах и имевших разный административно-правовой статус. Ввиду отрывочности сведений содержащихся в письменных источниках, вопросы формирования административно-территориальной системы Золотоордынского государства до настоящего времени являются предметом научной дискуссии. Наиболее полный

историографический обзор и анализ источниковедческой базы по данной тематике представлен в работах казахстанских историков К.З. Ускенбая, А.К. Кушкунбаева и Ж.М. Сабитова¹⁵.

Вместе с тем, не вызывает сомнений тот факт, что территорию собственно ордынских улусов составляли обширные степные пространства половецких кочевий и других тюркоязычных племен Северо-Западной Евразии (гузов, канглов, кимаков и др.), а также ряд регионов южнорусской и южносибирской лесостепи, кавказских предгорий и лесостепных районов Среднего Поволжья, пригодных для сезонных перекочевок. После монгольского завоевания они были разделены на ряд административно-территориальных единиц, находившихся под управлением монгольской служилой аристократии (темников, тысячников, сотников)¹⁶.

Согласно достаточно аргументированной гипотезе К.З. Ускенбая, после завершения Западного похода Улус Джучи был разделен на два фактически независимых государства – Улус Бату и Улус Орды-ичена (старшего сына Джучи), при номинальном признании политического верховенства потомков Бату над другими ветвями Джучидов¹⁷. Данная структура административного устройства владений Джучидов в целом соответствовала общемонгольской системе военно-территориальных округов («крыльев»): правое (монг.

---

¹⁵ Ускенбай К.З. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак Орда и Кок Орда // Тюркологический сборник. М., 2006. С. 373–381; Сабитов Ж.М. Улусы Джучидов в 1242–1266 годах // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. 2. Казань, 2012. С. 46–63; Сабитов Ж.М., Кушкунбаев А.К. Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак Орды и Кок Орды // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 60–72.

¹⁶ Грамоты митрополитов Феогноста и Алексия на Червленый Яр // Памятники древнерусского канонического права. Ч. I // РИБ. Т. VI. № 18. С. 163–166; Pistarino G. Noti Genovese in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponso (1360–1361). Borgighera. Sacerdoteanu A. 1971. P.16, 22, 175; Русцев Н.Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Strtum plus. 1999. № 5. С. 388.

¹⁷ Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и-Кипчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013. С. 119.

«бараунгар», тюрк. «он кул»), левое (монг. «джунгар», тюрк. «сол кул»), и центр (монг. «голун улус», тюрк. «кул»)¹⁸.

Учитывая тематику исследования, автору представляется целесообразным ограничить анализ территориальной структуры Улуса Джучи его правым (западным) «крылом», непосредственно граничившим с русскими княжествами.

Наиболее ранние сведения о территориальной структуре джучидских владений располагавшихся к западу от Волги содержатся в путевом отчете Плано Карпини. По сообщению папского дипломата, пограничные со «странами Запада» земли к западу от Днепра составляли единый административно-территориальный округ, находившийся под общим управлением Куремсы (Курумиси мусульманских источников), в состав которого, по всей вероятности, входило шесть «темничеств» (десятитысячных улусов). В пользу данной гипотезы может свидетельствовать оценка Плано Карпини потенциальных военно-мобилизационных возможностей Куремсы, приводимая в записках путешественника¹⁹. Степные и лесостепные районы Днепровского левобережья составляли владения Мауци (Могучея русских летописей), а территория донского Правобережья входила в состав улуса Картана²⁰. Земли Волго-Донского междуречья, также граничившие с землями русских княжеств, согласно сообщению Гильома де Рубрука, являлись улусными владениями сына Бату – Сартака, в то время как территория Приазовья и Северного Причерноморья, непосредственно примыкающие к Крыму, а

---

¹⁸ Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. § 269; Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической приемственности. М., 1993. С. 96, 97; Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и-Кипчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013. С. 83–84; Он же. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак Орда и Кок Орда // Тюркологический сборник. М., 2006. С. 373–374; Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. Ук. соч. С. 67.

¹⁹ «А этот вождь является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада... как мы слышали, этот вождь имеет под своей властью шестьдесят тысяч вооруженных людей». (Путешествие в Восточные страны. М., 1957. С. 69).

²⁰ Там же. С. 69, 70.

также сам полуостров, входили в улус монгольского военначальника Скатая²¹.

В конце 50-х гг. XIII в. общее управление западными улусами Джучидов переходит от Куремсы к Бурундаю, ставшему, по сообщению Ипатьевской летописи «на местах Куремсиных»²². Однако как минимум три из шести «темничеств» во второй половине XIII в. продолжали оставаться под контролем сыновей Куремсы – Абаджи, Караджи и Янджи, отмечаемых египетским хронистом Рукн-ад-Дином Бейбарсом в качестве активных участников военного противостояния между ханом Токтой и джучидом Ногаем (внуком седьмого сына Джучи – Бувала (Мувала), являвшегося в 80 – 90-х гг. XIII в. фактическим правителем ордынских улусов к западу от Днепра²³. Украинским историком Б.В. Черкасом была предпринята попытка территориальной локализации улусных владений сыновей Куремсы. Согласно гипотезе исследователя, они могли включать в себя ряд регионов в степной и лесостепной полосе Днепровско-Бужского междуречья (от Поросья до Южного Буга и Синих Вод), непосредственно примыкая к землям Киевского и Галицко-Волынского княжеств²⁴. В результате подавления мятежа сыновей Куремсы войсками Ногая в 1299 г., их кочевья перешли в состав владений сыновей Ногая – Джели, Теки и Турая, также являвшихся улусбеками²⁵.

Помимо вышеуказанных улусов, на определенном этапе в сфере политического влияния Ногая входили улусы Маджи, Судуна, Утраджа, Ак-Буги и Тайта, перешедших в 1300 г. с 30 тысячами воинов на сторону хана Токты²⁶. По всей вероятности, владения вышеперечисленных монгольских нойонов располагались на землях Днепровского левобережья, что обусловило их легкую откочевку на территорию, контролируемую ханской администрацией. После раз-

---

²¹ Там же. С. 103, 110–111.

²² ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 846.

²³ Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 61–62.

²⁴ Черкас Б.В. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 166.

²⁵ Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 61–62.

²⁶ Там же. С. 62.

грома и гибели Ногая и его старших сыновей, земли к западу от Днепра были разделены Токтой на улусные владения между одним из сыновей хана – Тукул-Бугой (Тук-Бугой), братьями Токты – Сарай-Бугой и Бурлюком, а также оставшимся в живых сыном Куремсы – Янджи, получившем улус своего погибшего брата Абаджи²⁷. Мятеж Сарай-Буги и сына Ногая – Турая, подавленный Токтой в 1302 г. привел к новым изменениям в управлении западными улусами Орды. Владения казненного Сарай-Буги были переданы второму сыну Токты – Ильбасару²⁸.

По мнению Ж.М. Сабитова, вышеуказанные изменения административно-территориальной структуры западного «крыла» Улуса Джучи, могут являться свидетельством проведения Токтой ряда структурных изменений в государственной системе Золотой Орды, направленных на более тесную интеграцию большей части улусов с ханским доменом, посредством назначения улусбеками близких родственников хана²⁹. Основываясь на отрывочной информации содержащейся в письменных источниках, можно выделить в качестве улусных владетелей сыновей Токты – Тукул-Бугу и Ильбасара, а также братьев хана – Бурлюка, Тудана и Сарай-Бугу (погибшего в 1302 г.)³⁰. Наибольшее затруднение представляет локализация улуса Тудана, сведения о владениях которого практически отсутствуют в нарративных источниках. Вместе с тем, исходя из сообщений русских летописей о том, что общее управление ханскими войсками направленными Токтой в 1293 г. против владимирского князя Дмитрия Александровича было поручено Тудану (Дюдене русских летописей)³¹, допустимо высказать осторожное предположение о расположении улусных владений этого представителя правящего рода в северной части Волго-Донского междуречья, в непосред-

---

²⁷ Там же. С. 64; Из энциклопедии Ан-Нувайри // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 114.

²⁸ Там же. С. 65.

²⁹ Сабитов Ж.М. Административная реформа хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань, 2012. С. 234.

³⁰ Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 64, 65.

³¹ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 527.

ственном соседстве с территорией Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств.

После захвата власти ханом Узбеком (1313 г.), сопровождавшейся гибелью ряда влиятельных Джучидов³², была проведена еще одна масштабная административно-территориальная реформа с разделом всей территории Улуса Джучи на области-тумены, руководство которыми осуществляли назначаемые ханскими указами эмиры-темники³³. Однако определить конкретную локализацию большинства золотоордынских улусов в период правления ханов Узбека и Джанибека представляется крайне затруднительным, ввиду незначительности информации, представленной в источниках по данному вопросу.

Помимо улусов-кочевий, в государственную структуру Золотой Орды входил и ряд зависимых государств, расположенных на периферии владений Джучидов. К таковым следует отнести большую часть русских княжеств, в определенные периоды времени Грузию, Болгарское царство, Сербское королевство, княжества Валахии, а также ряд государственно-племенных объединений Северного Кавказа, верхнего Поволжья и Южной Сибири.

К настоящему времени, в исторической науке не сложилось однозначного мнения по вопросу административного статуса русских земель в составе Монгольской империи и Улуса Джучи. По мнению ряда исследователей, русские княжества являлись самостоятельными государственными образованиями, находившимися в политической зависимости от Золотой Орды, которая выражалась в выплате дани, получении ярлыков на княжение и участия в военных мероприятиях Джучидов³⁴.

---

³² СМИЗО. Т. I. СПб., 1884. С. 174–175; Из летописи Шайха ал-Барзали // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 121.

³³ Сабитов Ж.М. Административная реформа хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань, 2012. С. 232, 233, 235, 237; Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010. С. 91.

³⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009. С. 10–16; Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 190. С. 190–191; Halperin Ch.J. Russia and the Golden

Действительно, ряд сообщений европейских путешественников и мусульманских ученых-энциклопедистов, могут являться свидетельством определенной административной автономии русских княжеств. В частности, венецианский путешественник Марко Поло, описывая земли «Росии» (Руси) выделяет их в отдельную «большую страну», правители которой находятся в даннической зависимости от золотоордынских ханов³⁵. Аналогичная информация содержится в труде египетского ученого и государственного деятеля Фадлаллаха ал-Умари, обозначавшего земли Руси, Черкесии и Алании как зависимые от Джучидов, но управляемые своими «царями» народы³⁶. О территориальной обособленности русских княжеств, располагавшихся большей частью в лесной ландшафтной зоне и не входивших в состав собственно ордынских улусов, свидетельствует сообщение Гильома Рубрука³⁷. В свою очередь Шихаб ад-Дин ал-Калкашанди, описывая территориальное устройство Золотой Орды конца XIV–начала XV в., выделяет русские земли (ас-Саклаб) в отдельный округ, расположенный за пределами ее границ³⁸.

Horde. The Mongol Impct on Medieval Russian Histori. Bloomington, 1985. P. 63.

³⁵ «Росия – большая страна на севере... Тут много царей и свой собственный язык... Дани они никому не платят, только немного царю Запада, а он татарин и называется Тактактай (Токта)». (Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. С. 327).

³⁶ «У султана этого государства (Золотой Орды – Л.В.) рати Черкесов, Русских и Ясов. То жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых... Они [Черкесы, Русские, Ясы] не в силах сопротивляются султану этих стран, и потому [обходятся] с ним как подданные его, хотя у них и есть [свои] цари. Если они обращались к нему с повинованием, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами...» (Из сочинений Ибн Фадлаллаха ал-Умари «Пути взоров по государствам с крупными городами» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи. Казань, 2011. С. 130–131).

³⁷ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 108, 109–110.

³⁸ «...Это государство (Улус Джучи – Л.В.) расположено на севере в направлении на восток. Его границы – это страна Китай (ас-Син) на его востоке, страна славян (ас-Саклаб) и соседние с ней северные области, Хорасан и

В то же время, не лишена аргументации и гипотеза современных российских историков В.В. Трепавлова и Т.Р. Галимова о включенности русских земель в «золотоордынское пространство» в качестве отдельной административно-территориальной единицы – т.н. «Русского улуса»³⁹. Данная гипотеза исследователей базируется на сообщении одного из русских нарративных источников, обозначивших территорию Руси как «землю канови и Батыевъ»⁴⁰, а также информации присутствующей в восточных хрониках и трактатах, согласно которой русские земли входили в западное «крыло» Улуса Джучи⁴¹, по всей вероятности имея статус личных владений хана («царевъ оулуй») ⁴². Не вызывает сомнений и интеграция русских княжеств в экономическое пространство «Рах Татаріса» посредством торгового взаимодействия и выстраивания системы налогообложения по общеимперским образцам.

Рассматривая обозначенную проблему, следует отметить, что вхождение русских земель-княжеств в государственную систему империи Чингизидов не являлось единовременным событием и определялось рядом факторов (ландшафтно-географическим расположением отдельных земель, спецификой их административно-политического статуса в период монгольского нашествия, а также особенностями отношений княжеских домов с правящей элитой Джучидского государства).

Данное обстоятельство актуализирует подробный анализ административно-политического статуса южнорусских княжеств в государственной системе Монгольской империи и Джучидского государства.

прилегающие к нему южные области, [наконец], пролив на западе, пограничный с Румским морем...» (Из сочинения Шихаб ад-Дина ал-Калкашанди «Светоч для подслеповатого в искусстве писца» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи. Казань, 2011. С. 201).

³⁹ Трепавлов В.В. «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. 2021. № 1. С. 11–15; СМАЗО. Алматы, 2005. С. 161, 200; Галимов Т.Р. О вхождении древнерусской знати в состав элит Золотой Орды (постановка вопроса) // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 261, 263.

⁴⁰ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 2000. С. 156.

⁴¹ СМАЗО. Алматы, 2005. С. 252, 409.

⁴² ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 58.

§ 2.2. Рязанская земля.

Рязанская земля, принявшая на себя первый удар объединенной армии Чингизидов зимой 1237/38 г., понесла в результате монгольского нашествия значительные демографические и материальные потери⁴³. Прямым следствием военного разгрома стало оформление политической зависимости Рязани от Монгольской империи и Улуса Джучи, а также изменения административно-территориального характера на южных и юго-восточных рубежах княжества.

Одними из наиболее дискуссионных являются вопросы о административно-политическом статусе и состоянии правящих элит Рязанского княжества в первое десятилетие после монгольского нашествия. Следует отметить, что информация о событиях, происходивших в Рязани в первые десятилетия после «Батыевой рати» носит фрагментарный и зачастую противоречивый характер полулегендарного свойства. Это может объясняться как прекращением в это время собственно рязанского летописания, так и некоторой обособленностью Рязанского княжества от основных политических центров Северо-Восточной и Южной Руси. В связи с данным обстоятельством, исследователями зачастую привлекались не только сведения летописных сводов, но и такой историко-литературный источник, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», являвшейся частью цикла повестей о Николе Заразском.

В частности, ряд дореволюционных, советских и современных российских историков широко и зачастую некритично использовали сведения содержащиеся в «Повести... для реконструкции генеалогического древа рязанских князей, а также событий, происходивших в период монгольского нашествия и становления политической зависимости Рязанского княжества от Монгольской империи и Улу-

---

⁴³ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 460; ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 778–779; Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 350–360; Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 51–52.

са Джучи⁴⁴. Как следствие, в отечественной историографии сложился ряд устоявшихся, но не соответствующих историческим реалиям представлений о административно-политическом статусе княжества в государственной системе империи Чингизидов в 40–50-х гг. XIII в., а также внешнеполитической деятельности первого правителя Рязани эпохи ордынской зависимости. Аргументированное опровержение историографических мифов представляется необходимым элементом восстановления достоверной картины исторических событий, относящихся к периоду становления рязанско-монгольских политико-дипломатических отношений.

В данном контексте, особую актуальность приобретает проблема достоверности информации, имеющейся как в летописных, так и историко-литературных источниках. Рассматривая вопрос о соответствии историческим реалиям сведений, содержащихся в «Повести о разорении Рязани Батыем», необходимо отметить, что в исторической науке не сложилось однозначного мнения о времени составления цикла вышеуказанного произведения древнерусской литературы. По мнению А.Г. Кузьмина, «Повесть о разорении Рязани Батыем» тесно связана с летописным сказанием о нашествии Батые на Рязанское княжество, присутствующим почти во всех позднейших летописных сводах⁴⁵. В свою очередь филолог Д.С. Лихачев, указывая на наличие в тексте архаичных литературных форм и стилистических оборотов, относил появление начального, краткого варианта «Повести...» к концу XIV в.⁴⁶ С другой стороны, недавними исследованиями Б.М. Клосса, В.А. Кучкина и А.О. Амеликина

---

⁴⁴ Тихомиров Д.П. Исторические исследования о генеалогии князей: Рязанских, Муромских и Пронских с приложением родословных росписей. М., 1844. С. 12–17; Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, 1238 по 1405 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. СПб., 1891. Т. 2. С. 568–572; Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1997. С. 69–73; Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 131–134; Почакаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2007. с. 188.

⁴⁵ Кузьмин А.Г. Летописные известия о разорении Рязани Батыем // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1963. № 2. С. 55–70.

⁴⁶ Лихачев Д.С. Повести о Николе Зарзском // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. С. 32–33.

был доказан факт позднего (XVI в.) происхождения цикла повестей о Николе Заразском, включающем в себя и «Повесть о разорении Рязани Батыем»⁴⁷.

Кроме того, следует учитывать, что большинство историко-литературных произведений Древней Руси представляют собой эклектичный синтез реальных исторических событий и религиозных сочинений, зачастую не имевших между собой непосредственной связи. Так, «Повесть о убиении Батыя», созданная в конце XV в., отразила в идеологически переработанном виде события, связанные с монгольским вторжением в Венгрию 1285 г., на которую наслонились мотивы преданий о победе венгерского короля Ласло IV над половцами в битве у озера Худ (1282 г.), а также отдельные эпизоды жития св. Саввы Сербского⁴⁸.

Ввиду указанной специфики древнерусских «Повестей», представляется весьма вероятным, что базисной основой исторических сведений для автора (или авторов) цикла повестей о Николе Заразском послужили не дошедшие до нашего времени рязанские летописи, а также переработанные в контексте библейских сюжетов и житий христианских мучеников устные предания Рязанщины, легендарно отразившие реальные исторические события, в том числе эпизод, связанный с гибелью в ставке хана Менгу-Тимура сына Олега Ингваревича – Романа Ольговича Рязанского (19 июля 1270 г.)⁴⁹.

Данное обстоятельство не позволяет рассматривать «Повесть...» в качестве аутентичного эпохе и заслуживающего абсолютного доверия источника. Вместе с тем, представляется целесообразным использовать в данном исследовании информацию, содержащуюся в «Повести...», в контексте проведения сравнительно-

---

⁴⁷ Амелькин А.О. О времени создания и литературной истории цикла Повестей о Николе Заразском // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. С. 91; Кучкин В.А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002; Клосс Б.М. История создания Повести о Николе Заразском // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002.

⁴⁸ Горский А.А. «Повесть о убиении Батыя» и русская литература 70-х годов XV века // Средневековая Русь. Часть 3. М., 2001. С. 197–198.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. С. 150; Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. С. 199–203.

го анализа как можно большего числа нарративных источников, с целью выявления механизмов формирования историографических мифов и возникновения на их основе ряда ошибочных гипотез.

Согласно сведениям летописных и историко-литературных источников, первые контакты рязанского княжеского дома с дипломатическими представителями и военно-политической элитой Монгольской империи произошли накануне вторжения войск Чингизидов в пределы русских земель поздней осенью 1237 г.⁵⁰ Провал переговоров о заключении мирного соглашения послужил формальной причиной вторжения монгольских войск в пределы Рязанского княжества. По сообщениям летописных источников, во время военных действий зимы 1237/38 гг. погибает вся семья рязанского князя Юрия Ингваревича, возглавившего вместе с братьями (Олегом и Романом Ингваревичами) сопротивление завоевателям⁵¹.

Заслуживает внимания тот факт, что в русских нарративных источниках содержится несколько различных версий поведения и гибели рязанского князя Юрия Ингваревича. Лаврентьевская летопись сообщает о его гибели во время штурма Рязани монгольскими войсками: «...Татарове же взаша град . Резань . того же м сца въ . кѧ . днѣ и пожгоша весь . и княза и х Юрьѧ оубиша . и княгиню его...»⁵². Новгородская I летопись, отмечая факт руководства обороной Рязани князем Юрием Ингваревичем, умалчивает о его судьбе после падения города: «...князь же Рязаньскыи Юрьѧ затворися въ граде с людми; князь же Романъ Ингоровичъ ста битися противу ихъ съ своими людьми...»⁵³. Согласно информации содержащейся в Ипатьевском своде рязанский князь был захвачен в плен во время

---

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 514; Повесть о разорении Рязани Батыем (Рукопись РГБ, Волоколамское собр., вг. треть XVI в., лл. 229–258) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс] <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/>

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 778; ПСРЛ. Т. III. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 75, 287; ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. С. 92. Л. 132.

⁵² ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л. 1926–1928. Стб. 515.

⁵³ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 75, 287.

взятия города и казнен позднее: «...взяша градъ Рязань копьемъ. изведше на лъсти княза Юрья. и ведоша Прыньскоу бѣ бо в то времѣ княгини его Прыньскы. изведоша княгиню его на лъсти оубиша Юрьѣ наза и княгини его . и всю землю избиша ...»⁵⁴. В то же время пронскому князю Кир Михайловичу удается уйти с частью дружины на территорию Владимирского княжества: «...кюръ Михайловичъ же оутече со своими людми . до Соуждала...»⁵⁵. Позднее, этот представитель рязанского княжеского дома был отмечен составителем Ипатьевского свода в качестве одного из участников сражения под Коломной⁵⁶.

Летописные и историко-литературные источники более позднего времени (Никоновском своде, «Повести о разорении Рязани Батыем») также содержат различные версии гибели рязанского князя и членов его семьи во время событий зимы 1237/1238 г.. Согласно сообщению Никоновской летописи «...Князи же Рязанстїи и Муромстїи и Пронстїи изшдше противу безбожных, и сотвориша съ ними брань, и бысть сеча зла и одолеша безбожнїи Измаилтяне, и бежаша князи во грады своя»⁵⁷. После поражения рязанско-пронско-муромских дружин последовала осада Рязани и других городов, завершившаяся массовой гибелью населения и правящей верхушки: «Татарове же, рассвирепеше зело начаша воевати землю Рязанскую съ великою яростию, и грады ихъ разбивающе, и люди секуще и жгуще, и поплениша ю и до Проньска. И придоша окаяннїи иноплеменицы подъ град ихъ столный Рязань месяца декабря в 6 день, и острогом оградиша его, князи же Рязанстїи затворишася во граде съ людми и крепко бившеся и изнемогоша. Татарове же взяша градъ ихъ Рязань того же месяца въ 21, и пожгоша весь. А князя великого Юрья Ингваровича убиша, и княгиню его и иныхъ князей побиша»⁵⁸. Информация о гибели всей семьи князя Юрия присутствует и в Типографской летописи⁵⁹.

---

⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 778.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 779.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 779.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. IX, X. Никоновская летопись. М., 1965. С. 105–106.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. IX, X. Никоновская летопись. М., 1965. С. 105–106.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. С. 92. Л. 132.

В свою очередь мусульманские и китайские хроники, содержащие сведения об осаде и взятии Рязани объединенными силами Чингизидов, не упоминают о полевым сражении монголов с рязанскими дружинами, а также ничего не говорят о судьбе Юрия Ингваревича, равно как и о других представителях рязанского княжеского дома⁶⁰. Вышеуказанные разночтения в источниках свидетельствуют о том, что сообщения о событиях начального этапа монгольского нашествия на Русь, доходившие до основных центров летописания во второй половине XIII – XIV вв. носили отрывочный и противоречивый характер, что еще более затрудняет реконструкцию реально происходивших исторических событий. Вместе с тем, учитывая значительные аналогии в описании начального этапа военной компании монголов 1237–1238 гг. присутствующие в хронике Рашид ад-Дина и «Юань-ши», с информацией, содержащейся в ранних русских летописных сводах, наиболее вероятной представляется гибель семьи Юрия Ингваревича при взятии монгольскими войсками административных центров княжества – Рязани и Пронска.

В январе 1238 г. в битве под Коломной погибает еще один представитель рязанского княжеского дома – Роман Ингваревич⁶¹. Таким образом, в результате зимней компании монгольских войск (декабрь 1237 – январь 1238 г.) Рязанское княжество подверглось полному военному разгрому, сопровождавшемуся гибелью значительной части политической элиты, включая представителей правящей династии. Данное обстоятельство делает актуальным вопрос о административно-политическом статусе и системе управления рязанско-пронских земель в начальный период ордынской зависимости (1238–1252 г.).

А.Г. Кузьмин, проведя анализ летописных сообщений относящихся к политической истории Рязанского княжества XIII в., пришел к выводу о легендарности сведений «Повести о разорении Рязани Батыем» относящихся к эпизоду возвращения князей Ингваря Ингваревича (ум. в 1235 г.) и Михаила Всеволодовича (погиб в 1217 г.) в Ря-

---

⁶⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. С. 38; Кычанов Е.И. Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 18. 1999. С. 165.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 515.

заны и Пронск сразу после разорения княжества⁶². Опираясь на данный вывод советского историка американский исследователь Ч. Гальперин, а также современный российский историк и археолог Г.А. Шебанин высказали предположение о непосредственном управлении рязанскими землями монгольской администрацией в первые 14 лет после нашествия⁶³. В то же время, отсутствие в источниках какой-либо информации способной подтвердить вышеуказанную гипотезу исследователей, не позволяет принять ее в качестве установленного факта.

Согласно устоявшимся нормам древнерусской «лествичной» традиции наследования престола, после гибели правящего князя и его сыновей наиболее вероятным претендентом на рязанский стол являлся выживший в военной катастрофе сын Ингваря Ингваревича и племянник Юрия Ингваревича – Олег Ингваревич Красный, сообщения о котором сохранились в ряде летописных источников⁶⁴.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» содержится информация, как о гибели целого ряда рязанских и союзных им князей в битве с монголами на южных границах княжества, так и о якобы состоявшемся пленении и позднейшей мученической гибели Олега Ингваревича: «...И бысть съча зла и ужасна...Ту убиен бысть благовѣрный князь великии Георгий Ингворевич, брат его князь Давид Ингворевич Муромский, брат его князь Глѣб Ингворевич Коломенский, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныя и воеводы крѣпкыя, и воинство....А князя Олга Ингворевича яша еле жива суща....Царь Батый видя Олга Ингворевича велми красна и храбра и изнемогаючи от великих ран, и хотя его изврачевать от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингворевич укори

---

⁶² Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 175–176.

⁶³ Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 51; Шебанин Г.А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 464.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М., 2000. С. 228; ПСРЛ. Т. XVI. Летопись Авраамки. М., 2000. Стб. 52; ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 165; ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л. 1926–1928. Стб. 473; ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 247.

царя Батыя, и нарек его безбожна, и врага христианска. Окаяный Батый и дохну огнем от мерскаго сердца своего, и въскоре повелѣ Олга ножи на части роздробити. Сии бо есть вторый страстроположник Стефан приа венецъ своего страдания от всемилостиваго бога и испи чашу смертную своєю братею ровно»⁶⁵.

Рассматривая данное сообщение литературно-исторического источника следует учитывать, что цикл повестей о Николе Заразском, в который входит и «Повесть о разорении Рязани Батыем», был создан в период жесточайшего военного противостояния Московского царства (включившего к тому времени в свой состав земли Рязанского княжества) с «татарскими» государствами, позиционировавшими себя наследниками Золотой Орды (Крымское и Казанское ханства). Сама «Повесть...» была написана автором (авторами) в панегирическом стиле с целью прославления династии рязанских князей и всех русских воинов, противостоящих военной угрозе со стороны степняков-иноверцев. В данных обстоятельствах вполне закономерно выглядит представленное в «Повести...» окончание истории «пленения» Олега Ингваревича как его мученической гибели за христианскую веру с отсылками к житиям раннехристианских мучеников.

Кроме того, идентичность описаний казни Романа Рязанского, содержащейся в Московском летописном своде, с аналогичным эпизодом «Повести о разорении Рязани Батыем», относящимся к гибели Олега Красного в ставке Батыя⁶⁶, свидетельствует о намеренном или ошибочном перенесении составителем «Повести...» событий, связанных с казнью в ставке хана Менгу-Тимура рязанского князя Романа Ольговича (1270 г.), являвшегося сыном Олега Ингваревича Красного, во времена монгольского нашествия.

---

⁶⁵ Повесть о разорении Рязани Батыем (Рукопись РГБ, Волоколамское собр., вт. треть XVI в., лл. 229–258) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс] <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/>

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. С. 150; Повесть о разорении Рязани Батыем (Рукопись РГБ, Волоколамское собр., вт. треть XVI в., лл. 229–258) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс] <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/>

Принимая во внимание вышеизложенные аргументы, а также учитывая сообщения ряда ближневосточных хронистов (Джувейни, Вассафа) о религиозной индифферентности и веротерпимости Бату⁶⁷, можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что сообщение литературно-панегирического произведения XVI в. о казни князя Олега Ингваревича в монгольском плену является позднейшей исторической легендой, не имеющей подтверждения в аутентичных эпохе письменных источниках.

Еще одним историографическим мифом, получившим широкое распространение в отечественных и отчасти в зарубежных исторических исследованиях является тезис о продолжительном (по А.Н. Насонову 10-летнем) «ордынском пленении» Олега Ингваревича⁶⁸. Данный тезис основывается на отрывочном сообщении Лаврентьевской летописи, датировавшей возвращение Олега Ингваревича из Орды 6760 (1252) г. (без указания времени и обстоятельств появления рязанского князя в ставке Бату): «...Пустиша Татарове Сѡлга княза Рязаньского. в свою землю...»⁶⁹, а также позднейших летописных сводах середины XVI–XVII вв. прямо указывавших на длительный (14-летний) срок пребывания рязанского князя в ордынском плену: «Олега с собой сведе, а был 14 лет в Орде и прииде опять на свою отчину»⁷⁰.

Вместе с тем, в более ранних летописях не содержится информации о столь длительных сроках пребывания в монгольском (ордынском) «плену» как рязанских, так и в целом русских князей на

---

⁶⁷ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 183–184; Juvaini Ata-Malik. The Histori of the World-Congueror / Transl. From text of Mirsa Muhammad Qazvini by J. A/ Boyle, introduction and bibliographi by D.O. Morgan. Manchester, 1997. P. 267; Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.-Л., 1941. С. 84.

⁶⁸ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006. С. 238; Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 48.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л. 1926–1928. Стб. 473.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 247; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 256. № 349. Л. 291.

протяжении всего периода ордынской зависимости⁷¹. Данное обстоятельство позволяет поставить под сомнение достоверность сведений присутствующих в Воскресенской летописи и родословных списках представителей московской аристократии, время составления которых приходится на эпоху, отделенную от описываемых событий тремя столетиями. В то же время, московским историком А.В. Кузьминым, на основе исследований ряда северорусских летописных сводов была доказана ошибочность утвердившегося в научной литературе постулата о политическом «заложенничестве» рязанского князя в ставках монгольских правителей, в период с 1237 по 1252 г.⁷² Тем не менее, тезис о многолетнем «ордынском плене» Олега Красного, продолжает встречаться в работах современных исследователей⁷³.

Первое упоминание о деятельности Олега Ингваревича как правителя Рязанской земли содержится в тексте Новгородской IV летописи, отмечающей начало поездки рязанского князя в ставку великого хана («каана») 1242 г.: «Иде Александр къ Батыю царю, а Олегъ Рязанский къ Канови иде»⁷⁴. Исходя из данного сообщения можно констатировать, что Олег Красный стал первым русским князем получившем вызов от центральных властей Монгольской империи.

Указанная поездка вполне соответствовала имперской политической традиции посещений зависимыми правителями ставок великих ханов, глав улусов, а также мест пребывания некоторых представителей имперской военной элиты, не принадлежавших к «золотому роду», но имевших полномочия региональных наместников

---

⁷¹ Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017. С. 105.

⁷² Кузьмин А.В. Рязанские, Пронские и муромские князья в XIII – середине XIV века (историко-генеалогическое исследование) // Записки отдела рукописей РГБ. Статьи и сообщения. М., 2008. Вып. 53. С. 111–136.

⁷³ Гальперин Ч. Ук. соч. С. 48; Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2007. С. 188; Майоров А.В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/ Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 179–180.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. Новгородская IV летопись. СПб., 1848. С. 37; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М., 2000. С. 228.

(Чормагун, Байджу-нойон). В частности, в 40–50-х гг. XIII в. подобные поездки совершали не только представители русских княжеских домов, но и ряд правителей государств признавших сюзеренитет Чингизидов и стремившиеся заручиться их поддержкой в борьбе с внешними врагами или внутрдинастическом противостоянии (грузинские царевицы Давид Нарини и Давид Улу, сельджукские султаны Изз ад-Дин Кей-Кавус II и Рукн ад-Дин, правитель Киликийской Армении – Хетум I)⁷⁵.

В ряде случаев поездкам указанных правителей в ставку великого хана предшествовало посещение ими ставок глав улусов или монгольских военачальников. Так, Хетум I, перед поездкой к великому хану Мунке в 1253 г., посетил месторасположение Бачунойона «...военначальника татарских войск расположенных на востоке...»⁷⁶, а Ярослав Всеволодович получив в 1245 г. вызов от имени великого хана, предварил свою поездку посещением ставки правителя Улуса Джучи, по всей вероятности, для получения предварительной инвеституры на Владимирское княжение. По сообщению Новгородской I летописи в 1245 г.: «князь Ярославъ Всеволодиць позван цесарем татарским, и иде в татары къ Батыеву, воеводе татарську»⁷⁷. К сожалению, как и в случае с Олегом Ингоревичем Рязанским, русские летописи не содержат никаких сведений о результатах поездки Ярослава Всеволодовича, ограничиваясь кратким сообщением о его кончине во время возвращения на Русь осенью 1246 г.: «...Тое же весни Ярославъ князъ . снѣ Всеволожь . престависа во иноплеменницѣхъ . и да ѿ Кановичъ . мѣа . семъ т . въ . лѣ . на паматѣ . стго Григорья»⁷⁸.

По аналогии с приведенными примерами допустимо высказать гипотезу о том, что перед поездкой рязанского князя «къ канови» произошло посещение Олегом Красным ставки Бату. Оно могло

---

⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 470, 471, 472, 274; Киракос Гандзакечи. История Армении. М., 1976. С. 180–181, 222–224; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. с. 120.

⁷⁶ Киракос Гандзакечи. Ук. Соч. С. 222.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. III. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 297.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 471.

состояться как во временном промежутке между кампанией 1237/38 и началом похода в Европу (1240 г.), так и непосредственно перед поездкой в столицу империи, после возвращения Джучидов в половецкие степи весной 1242 г. Вместе с тем, отсутствие в источниках какой-либо информации по данному вопросу, относит вышеизложенную гипотезу к сфере гипотетических предположений.

По мнению А.Н. Насонова, Олег Ингваревич удерживался в ставке Великого хана с 1242 по 1252 г.⁷⁹ Однако данный тезис исследователя опровергается сообщением новгородской летописи Авраамки, отмечавший под 1243 г. возвращение рязанского князя на родину: «прииде Олегъ отъ Кана»⁸⁰. Таким образом, поездка Олега Ингваревича к «Кану» заняла около, или чуть больше года и, по всей вероятности, завершилась получением ярлыка на княжение от Туракины (вдовы великого хана Угэдэя), являвшейся временной правительницей Монгольской империи в период «междоцарствия» (1241–1246 гг.)⁸¹.

Основанием для подобного предположения могут являться сообщения Ата-Малика Джувейни и Киракоса Гандзакечи о результатах поездок в ставки великих ханов правителей государств, признавших политическую зависимость от Чингизидов. Так, после избрания в 1246 г. великим ханом Гуюка, ряду правителей вассальных государств, присутствовавших на курултае, были вручены ярлыки подтверждающие их властные полномочия: «А султаном Рума он (Гуюк – Л.В.) назначил султана Рукн ад-Дина, поскольку тот явился к нему заявить о своей покорности...И ярлыки были выданы султанам Такавора и Алеппо»⁸². Главным итогом поездки царя Малой (Киликийской) Армении Гетумом (Хетумом) I в ставку великого хана Мункэ [Мэнгу] в 1253 г. стало подтверждение привелегиро-

---

⁷⁹ Насонов А.Н. Ук. соч. С. 238.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. XVI. Летопись Авраамки. М., 2000. Стб. 52.

⁸¹ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 165–166; Juvaini Ata-Malik. The Histori of the World-Congueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle, introduction and bibliography by D.O. Morgan. Manchester, 1997. P. 240; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. С. 118.

⁸² Джувейни Ата-Мелик. Ук. соч. С. 177.

ванного статуса армянского правителя как вассала-союзника Монгольской империи, а также освобождение армянской церкви от налогов: «...Преподнеся подарки, [царь Хетум] по достоинству был почтен им [Мэнгу]...[хан] пожаловал ему указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его; он [Мэнгу] пожаловал также грамоту, освобождавшую повсеместно церкви [от пода-тей]»⁸³.

Заслуживает внимания и тот факт, что в год возвращения Олега Ингваревича Красного в вставку великих ханов был направлен сын владимирского князя Ярослава Всеволодовича – Константин Ярославович: «В лѣтѣ . ꙗ̅ . ѵ̅ . нѣ . [6751 (1243)] Великий князь Ярославъ . поѣха в Татары к Батыеви . а снѣ своего Константина посла къ Канови ...»⁸⁴. Разбор причин и целей поездки Константина Ярославовича не является целью данного исследования, однако следует отметить, что успешное возвращение на родину рязанского князя могло оказать определенное влияние на решение Ярослава Всеволодовича об отправке своего сына в ставку Туракины. Характерно, что согласно сообщению Лаврентьевской летописи, поездка Константина Ярославовича «к Кановичам» также заняла около двух лет: «В лѣтѣ . ꙗ̅ . ѵ̅ . нѣ . [6753 (1245)] Князь Константинъ Ярославичъ . приѣха ис Татаръ . ѿ Кановичъ къ вѣдо своему с ч с̅ тью .»⁸⁵.

После успешного возвращения рязанского князя из ставки Туракины сведения о нем вновь прерываются. Следующее по времени упоминание Олега Красного в русских летописях относится к 1250 г. По сообщению Вологодской летописи: «князь Олег Рязанской пошел в Орду и всадиша его в садъ»⁸⁶. Причины ареста рязанского князя не отражены в письменных источниках и находятся в сфере предположений исследователей. По мнению А.В. Кузьмина политические репрессии в отношении правителя Рязани могли быть связаны с попытками Даниила Галицкого и митрополита Кирилла

---

⁸³ Киракос Гандзакечи. Ук. соч. С. 224.; Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. М.: 1962. С. 67–70.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 470.

⁸⁵ Там же. Стб. 470.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 165.

создать антиордынскую коалицию из русских княжеств, в которую попытались привлечь и Олега Ингваревича⁸⁷. Основанием для данного тезиса, на взгляд исследователя, является сообщение В.Н. Татищева о приезде в Рязань митрополита Кирилла в 1250 г., основной целью поездки которого по землям Северо-Восточной Руси, согласно гипотезе А.В. Кузьмина, являлась организация антиордынского военно-политического союза⁸⁸.

Рассматривая вопрос о причинах вызова в Орду и ареста рязанского князя в 1250 г., следует отметить, что первым предположение о существовании антимонгольского альянса русских князей на раннем этапе формирования политической зависимости сформулировал А.Н. Насонов, по мнению которого перед событиями 1252 г. («Неврюевой рати») Андрей Ярославович Владимирский: «сделал **как будто** попытку войти в соглашение с Даниилом Галицким, рассчитывая очевидно, на военную помощь от папы (римского первосвященника – Л.В.)»⁸⁹. По всей вероятности, эта догадка исследователя в значительной степени определялась идеологическими установками советской историографии, базисом которых являлось гипотетическое умозаключение К. Маркса о неких попытках князя Андрея Владимирского «противиться монголам», представленное в «Хронологических выписках» немецкого экономиста и философа⁹⁰.

Позднее В.В. Каргалов, сконцентрировав представления советских историков о политике проводимой русскими князьями в отношении Золотой Орды на рубеже 1240–1250-х гг., сделал вывод о складывании к этому времени антимонгольской коалиции. По мнению исследователя в эту коалицию вошли сильнейшие русские князья того времени – Андрей Ярославович Владимирский, Даниил Романович Галицкий и Ярослав Ярославович Тверской⁹¹.

---

⁸⁷ Кузьмин А.В. Ук. соч. С. 42.

⁸⁸ Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1964. Т. 5. С. 40; Кузьмин А.В. Ук. соч. С. 42.

⁸⁹ Насонов А.Н. Ук. соч. С. 240.

⁹⁰ Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946. С. 145.

⁹¹ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 141, 142.

Вместе с тем, сам факт посещения митрополитом Кириллом Рязани, сведения о котором содержатся лишь в исторических трудах В.Н. Татищева и отсутствуют в дошедших до нас летописных источниках, не может являться свидетельством светской политико-дипломатической деятельности первосвященника РПЦ. Наиболее вероятной целью возможного визита киевского митрополита в Рязань могла быть ревизия Рязанской епархии недавно утвержденным предстоятелем Русской Православной Церкви, равно как и других епархий Северо-Восточной Руси. По достаточно обоснованному предположению Т.Р. Галимова, после легитимации статуса Кирилла, произошедшей в результате поездки в Никею в 1250 г., главной задачей нового митрополита являлось сохранение контроля над епархиями Северо-Восточной Руси и недопущение церковного сепаратизма местных епископий (в первую очередь Ростовской, Владимирской и Новгородской), находившихся под ктиторским покровительством Ярославичей, а также других удельных князей и боярской аристократии⁹². В пользу данной гипотезы свидетельствует сообщение Лаврентьевской летописи об утверждении Кириллом новгородского епископа Далмата, рукоположенного в сан новым главой Русской церкви. Характерно, что во время поездки в Новгород митрополита сопровождал ростовский епископ, являвшийся старейшим иерархом Залесской Руси после гибели владимирского епископа Митрофана во время штурма города монгольскими войсками зимой 1238 г.⁹³

Единственным свидетельством союзнических отношений Даниила Романовича и Андрея Ярославовича может служить сообщение Лаврентьевской летописи о бракосочетании владимирского князя и дочери Даниила Галицкого в 1250 г.: «...Тое же зимы вжени сѧ князъ Ярославичъ Андрѣи. Даниловною Романовича. и вѣнча и митрополитъ в Володимери оу стѣе Бѣи. съ епѣпмъ Кириломъ и много весельѧ быс»⁹⁴. Однако ни вышеприведенное летописное сообщение, ни дальнейшее развитие военно-политических событий

---

⁹² Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань, 2019. С. 123–125.

⁹³ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 472.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 472.

не позволяют говорить об антиордынской направленности данного союза, скрепленного династическим браком. В частности, Е.И. Иванова отмечает отсутствие согласованных антиордынских действий между Андреем Ярославовичем Владимирским и Даниилом Романовичем Галицким в период «Куремсиной» и «Неврюевой» «ратей»⁹⁵. Также следует отметить, что заключение в 1250 г. мирного соглашения между Даниилом Галицким и венгерским королем Белой IV, сопровождавшегося бракосочетанием сына галицкого князя Льва Даниловича и дочери правителя Венгрии⁹⁶, не повлекло за собой создание военного союза двух государств направленного против Золотой Орды. На это указывает как отсутствие сообщений о совместных действиях галицко-волынских и венгерских войск в военных компаниях Даниила Галицкого в период «Татарской рати» (1253–1257 гг.), так и неокказание военной поддержки галицко-волынским князьям со стороны Белы IV во время подхода войск Бурундая к границам владений Романовичей в 1258 г. Учитывая вышеизложенные аргументы можно сделать вывод о том, что тезис о создании в начале 50-х гг. XIII в. «антимонгольской коалиции» русских князей представляется лишь гипотезой, не имеющей под собой доказательной базы в письменных источниках.

Реальную причину вызова Олега Ингваревича в ставку Бату можно выявить, применив методику сравнительно-исторического анализа. Аналогичный случай вызова и временного ареста правителя зависимого от монголов государства зафиксирован в армянских и грузинских источниках. По сообщению армянских хроник: «...в году 698 (1249 г.) Бачу (Байджу-нойон, командующий монгольской армией на Ближнем Востоке с 1242 г. – Л.В.) и его знатные люди заподозрили грузинского царя и других князей [в намерении] восстать, схватили грузинского царя Давида, а всех остальных заковали в цепи и приговорили к смерти. С божьей помощью им удалось

---

⁹⁵ Иванова Е.И. К вопросу об ордынской политике Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (52). 2013. С. 46.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 809.

избежать этой участи...»⁹⁷. Анонимный грузинский «Хронограф» уточняет, что подозреваемым удалось оправдаться на суде, после чего они были признаны невиновными и освобождены⁹⁸. В 1271–1272 гг., сельджукский визирь Фахр ал-Дин Али был подвергнут процедуре судебного разбирательства в ставке ильхана Абаги, по результатам которого был лишен государственных должностей, однако сохранил жизнь и свободу.⁹⁹ По предположению С.П. Карпова, на яргу рассматривался проступок трапезундского василевса Георгия Комнина, плененного монголами в 1280 г., после чего он вернулся в собственные владения¹⁰⁰.

В то же время, представители аристократии зависимых от монголов государств, уличенные в отношениях с враждебными государствами или подготовке мятежа, были казнены по приговорам ханского суда. К числу таковых следует отнести грузинского амирспасалара Закарэ¹⁰¹ и визиря Румского (Иконийского султаната) – Муин-ад-дина Перване¹⁰².

---

⁹⁷ Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / пер. с древнеарм., предис. и прим. А.Г. Галстяна. М., 1962. С. 26; История монголов по армянским источникам. Вып. 1. СПб., 1873. С. 8.

⁹⁸ Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. 7. М., 1980. С. 198.

⁹⁹ Arsarrayi Kerimuddin Mahmud. Musmeret ul-ahbar. Ankara, 1944. P. 93–94; Ibn Bibi. Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure d'après l'brege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Leiden, 1902. P. 320; Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 374.

¹⁰⁰ Карпов С. П. Ук. соч. С. 374.

¹⁰¹ «В ту пору отпал от каана [Хулагу – Л.В.] ...амирспасалар Закарэ, человек, украшенный всякими добродетелями...и бежал он в Кутаиси к Нарину Давиду, ибо ему вменяли в вину вторжение войска Берка. А царь [Давид Нарин] же доброжелательно его приветил, провел [с ним] немного времени. Затем каан клятвенно привел его [Закарэ – Л.В.] к себе...и казил он амирпасалара Закарэ, человека честного и знаменитого» (Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. М., 2005. Вып. 1. С. 93–94).

¹⁰² «В конце концов вышел указ, чтобы его [Муин-ад-дин Перване – Л.В.] взяли под стражу. Когда вернулись гонцы от Бундукдара [мамлюкского султана Египта Рукн-ад-дин Бейбарса Бундукдари – Л.В.], они рассказали, что Бундукдар говорил: «Я де пришел по просьбе Перван, потому что он пообещал, когда я приду в Румское владение, он передаст [его] мне, а когда я туда

На основании вышеприведенных примеров, допустимо высказать предположение о том, что вызов в Орду Олега Красного мог быть спровоцирован доносом и имел своей целью проведение судебного расследования. Учитывая тот факт, что ярлык, подтверждавший княжеские полномочия Олега Ингваревича, был получен в ставке Туракины-хатун и, по всей вероятности, был впоследствии подтвержден великим ханом Гуюком, после его избрания в 1246 г., у Джучидов могли иметься некоторые основания для подозрений в политической нелояльности правителя Рязанского княжества. Вероятно, процедуры судебного разбирательства по уложениям Ясы были проведены и в отношении рязанского князя, по результатам которых он был полностью оправдан.

Длительность пребывания рязанского князя в ставке Бату может объясняться нестабильной политической ситуацией в Монгольской империи, сложившейся после скоропостижной кончины великого хана Гуюка в 1248 г., и развернувшейся в 1248–1251 гг. борьбой за власть между различными ветвями Чингизидов. В этот период времени все внимание Джучидов было сосредоточено на проведении всемонгольского курултая и поддержке своего кандидата (Мэнгу) на ханский престол¹⁰³. Кроме того, согласно сообщению Ата-Малика Джувейни, судебные процедуры на *яргу* могли иметь многомесячную продолжительность, в зависимости от сложности разбираемого дела¹⁰⁴.

Примечательно, что в 1252 г. состоялась поездка Александра Ярославича Невского в ставку Бату. По мнению Ю.В. Селезнева, этот визит в Орду был вызван необходимостью подтверждения полномочий на великое княжение Владимирское в связи с избранием зимой 1251 г. нового великого хана Менгу¹⁰⁵, хотя источники это

пришел, он убежал. Когда донесли эти слова Абагу-хану, он приказал, чтобы его казнили. Первого числа месяца раби-аль-авваль 676 г. х. (2 августа 1277 г.) на летнем становище в Аладаге он был умерщвлен рукою Кучюк-Тугчи» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946. С. 89).

¹⁰³ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 403–414; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. С. 129–130, 131.

¹⁰⁴ Джувейни Ата-Малик. Чингисхан. История завоевания мира. М., 2004. С. 354–355.

¹⁰⁵ Рашид ад-Дин. Ук. соч. Т. II. М.-Л., 1960. С. 132.

не фиксируют¹⁰⁶. Вместе с тем, летописное сообщение фиксирует утверждение за Александром Ярославичем великокняжеского титула: «...В лѣтѣ . ꙗꙑ . ѡ . ѡ . [6760 (1252)] Иде ꙗꙑ Александръ князь . Новгородскыи Ярославич . в Татары . и ѡпустиша и с ч с тью великою . давшѣ юму старѣишинство во всеи братыи юго...»¹⁰⁷. Вероятно, тогда же произошло подтверждение княжеских полномочий рязанского князя Олега Ингваревича Красного. В 1252 г. Олег Ингваревич был освобожден из заключения и вернулся в Рязань: «...Тогож лѣта . Пустыша Татарове ꙗꙑлга княза Рязаньского . в свою землю...»¹⁰⁸.

Княжеские полномочия сохранялись за Олегом Ингваревичем вплоть до его кончины в 1258 г. После смерти Олега Красного в 1258 г. рязанский стол переходит по прямой линии к его сыну Роману Ольговичу, правившему 12 лет, вплоть до своей гибели в ставке хана Менгу-Тимура в 1270 г.¹⁰⁹ Несмотря на казнь рязанского князя, обвиненного, по мнению ряда исследователей, в государственной измене и оскорблении представителей «Золотого рода»¹¹⁰, власти Улуса Джучи сохраняют права на престол за его сыновьями – Ярославом Романовичем и Федором Романовичем, с вероятным разделением княжества на два удела – Рязанский и Пронский. Косвенным свидетельством этому могут служить сообщения Лаврентьевской летописи о кончине братьев Романовичей отмеченных разными владельческими титулами: «В лѣтѣ А [6802 (1294)]. Тое же зимы . Престависѣ Февдоръ кнѣзь Рязанскыи...В лѣтѣ . ꙗꙑ . ѡ . т . зѣ [6807 (1299)] ...Престависѣ князь Ярославъ Проньскыи»¹¹¹.

---

¹⁰⁶ Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017. С. 113.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 473.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 473.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. С. 150.

¹¹⁰ Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. СПб., 2012. С. 279, 280, 281; Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. С. 200, 203.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 483, 485; Кузьмин А.В. Ук. соч. С. 43.

§ 2.3. Переяславская земля.

Следующей южнорусской землей, подвергшейся разгрому монгольскими войсками в 1239 г. стало Переяславское княжество, основная территория которого занимала лесостепные районы водоразделов Трубежа, Супоя и Сулы, располагаясь в непосредственной близости от половецких кочевий Днепровско-Донского междуречья. Данная особенность географического расположения княжества обуславливала административно-территориальный статус Переяславщины как пограничного владения (удела) на юго-восточных рубежах «Русской земли»¹¹².

Являясь на протяжении XI – первой половины XII в. одним из наиболее динамично развивавшихся регионов Южной Руси, во второй половине XII столетия, вследствие непрекращающихся конфликтов между Мономашичами и Ольговичами, Переяславская земля переживает хозяйственно-экономический упадок, сопровождавшийся постепенным уменьшением политического статуса княжества и его военного потенциала¹¹³. Так, в летописном перечне князей, участников битвы на Калке (1223 г.) отсутствует упоминание о переяславском князе как участнике русско-половецкой коалиции¹¹⁴. Данный факт, по оценке некоторых исследователей, может являться свидетельством утраты Переяславлем политической субъектности как отдельного княжеского стола и превращением его в первой трети XIII столетия в «рядовую крепость на окраине Руси»¹¹⁵. Однако этот тезис опровергается сообщением Лаврентьевской летописи, согласно которому в 1227 г. Переяславская земля была передана владимирским князем Юрием Всеволодовичем в качестве удела

---

¹¹² Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006. С. 63.

¹¹³ Ищенко А.С. Переяславль Южный в политической структуре Древней Руси // Палеороссия: Древняя Русь во времени, в личностях и идеях. Выпуск 8. 2017. С. 272–274.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 506.

¹¹⁵ Коринный Н.Н. Переяславская земля. X – первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 68; Ищенко А.С. Ук. соч. С. 274.

своему брату Святославу¹¹⁶, последнее упоминание о деятельности которого относится к 1234 г.¹¹⁷

Характерно, что в летописных сообщениях, посвященных взятию Переяславля монгольскими войсками в 1239 г. не содержится упоминаний о князе, руководившем обороной города. Указанное обстоятельство позволяет высказать предположение, что к моменту монгольского нашествия Переяславская земля управлялась представителями местной боярской аристократии, признававших номинальную власть князей занимавших киевский «стол».

Географическое расположение Переяславской земли, как стратегически важной в военном отношении территории, прикрывающей с юга и юго-востока подходы к Киеву и плотно заселенным районам Среднего Поднепровья, не могло не остаться незамеченным фактором для монгольских военачальников, составлявших планы военных компаний Западного похода.

По сообщению Ипатьевской летописи, после завершения военных действий против княжеств Северо-Восточной (Залесской) Руси, Бату: «...поча посылати на град Роусьские . и взать град Переяславль копьемь . изби весь . и цркъвь архангла Михаила скроуши . и сосоуды цркъвныае . бещисленые . злата . и драгаго каменьа . взать . и епспа прпд бнаго Семевна оубиша...»¹¹⁸. Лаврентьевская летопись отмечает взятие монголами значительного числа пленных из числа горожан: «...Тогож лѣ . Татарове взаша . Переяславль Рускыи . и епспа оубиша и люди избиша . а град пожьгоша вгнем . и люди . и полна много вземше вѣдоша...»¹¹⁹. По всей вероятности, руководство монгольскими войсками штурмовавшими Переяславль Русский осуществлялось Мэнгу (Мункэ, Меньгуканови русских летописей), подход корпуса которого к Киеву со стороны днепровского Левобережья фиксируется Ипатьевской летописью в год, предшествующий осаде Киева («...Меньгоуканови же . пришедшоу сгладать град Кыева . ставшоу же емоу на внои странѣ Днѣстра . во градька

---

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1926–1928. Стб. 450.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1926–1928. Стб. 460.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 781–782.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 469.

Пѣсочного видивъ градъ . оудивисѧ красотѣ его . и величествоу его...»)»¹²⁰.

После разгрома 1239 г. первым упоминанием Переяславля в русских летописных источниках является сообщение о проезде посольства Даниила Галицкого по переяславским землям на пути в ставку Бату в 1245 г.: «...и прииде Переяславлю и стрѣтоша Татаровѣ ѡтоуда же ѣха къ Коуремѣсъ...»¹²¹. Характерно, что в отличие от Киева, Галицко-Волынская летопись не отмечает наличие в Переяславле представителей русской администрации. В то же время, источник фиксирует пребывание на переяславских землях ордынцев («татар»), что является косвенным свидетельством включения территории княжества в состав одного из ордынских улусов.

Рассматривая административно-политический статус Переяславщины в период становления государственной структуры Улуса Джучи следует учитывать тот факт, что практически вся территория Переяславского княжества располагалась в лесостепной ландшафтной зоне, пригодной для хозяйственного использования кочевниками. Помимо этого, население южных и юго-восточных районов Переяславской земли в значительной степени состояло из союзных тюркоязычных кочевников-конфедератов, расселившихся в переяславско-половецком пограничье еще в домонгольскую эпоху. Сообщения о «переяславских торках» и их городах содержатся в Ипатьевской летописи.¹²² Шесть ближайших к Переяславлю безымянных крепостей с фортификацией кочевнического типа, а так же известные по летописям торческие «города» основанные в конце XI в. – Саков, Баруч, Бронь Княж являлись укрепленными пунктами области расселения «переяславских торков»¹²³.

По оценке Ю.Ю. Моргунова, районы компактного расселения кочевников-федератов на землях Переяславщины следует локализовать бассейнами Сулы, Супоя, а также междуречьем Нижнего Удая и Снипорода, то есть территориями располагавшимися на границе с

---

¹²⁰ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 782.

¹²¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 806.

¹²² ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 289, 290.

¹²³ Моргунов Ю.Ю. Городища кочевников приграничья Южной Руси // Материалы IV научной конференции. Елец. 2006. С. 165.

половецкими кочевьями¹²⁴. Данное обстоятельство могло послужить дополнительным стимулом для включения земель на водоразделах Трубежа, Сулы, Псла и Ворсклы в территориальную структуру Улуса Джучи.

Исходя из вышеизложенных аргументов, можно констатировать, что к основным определяющим факторам включения Переяславской земли в административно-территориальную структуру Улуса Джучи следует отнести географическое расположение Переяславщины в лесостепной ландшафтной зоне, необходимой для продуктивной хозяйственной деятельности золотоордынских кочевников, наличие значительного по численности тюркоязычного населения, а также отсутствие в Переяславле местной княжеской династии и вероятной гибели большей части представителей местной боярской аристократии.

В пользу гипотезы о включении Переяславских земель в состав Золотоордынского государства свидетельствуют и данные археологических исследований древнерусских поселений, располагавшихся на территории Переяславского княжества. В частности, находка бронзовой монгольской пайцзы в районе городища Лубен¹²⁵ указывает на пребывание в данном населенном пункте (или его окрестностях) представителей золотоордынской администрации.

Еще одним косвенным свидетельством ликвидации монголами Переяславского княжества как отдельной административно-территориальной единицы является сохранившееся в Тверской летописи свидетельство о судьбе Переяславской епископии. Согласно летописному сообщению после монгольского разгрома и гибели епископа Симеона в Переяславле прекращается функционирование епископской кафедры: «...а сей бысть Семіон 9 епископ Переяслав-

---

¹²⁴ Моргунов Ю.Ю. Еще раз о «Переяславских торках» // РА. № 1. 2000. С. 27–28, 30–31, 33–34.

¹²⁵ Супруненко О.Б., Приймак В. В., Мироненко К.М. Старожитності золотоордынського часу Дніпровського лісостепного Лівобережжя. Київ-Полтава. 2004. С. 6, 23.

лю, то и последний...от того донныне безъ пяти летъ 300 летъ какъ тамо епископа нетъ, а и градъ безъ людей»¹²⁶.

В контексте данного сообщения, следует принимать во внимание тот факт, что в домонгольскую эпоху и в первые десятилетия ордынского владычества (до учреждения в 1261 г. Сарайской епархии) существование всех епископских кафедр на Руси (за исключением Новгородской епископии) непосредственным образом было связано с поддержкой церковных структур княжескими администрациями. Князья выступали не только в качестве инициаторов возведения кандидатов на архиерейские должности, но и обеспечивали материальную составляющую церковной организации (десятина от взимания судебных пошлин, отчисления от торговых пошлин, передача церкви земельной недвижимости и денежных вкладов)¹²⁷.

Таким образом, вышеприведенное летописное свидетельство о прекращении функционирования Переяславской епископии с 1239 г. и последующем запустении города свидетельствует об отсутствии в Переяславле русской княжеской администрации на протяжении без малого трех столетий. По мнению Т.Ю. Фоминой, длительное отсутствие в Переяславле княжеского стола привело к тому, что в 60-х гг. XIII в., по инициативе киевского митрополита Кирилла, Переяславская кафедра вошла в состав Сарайской епископии¹²⁸. Однако восстановления епископского центра непосредственно в Переяславле так и не произошло¹²⁹.

Следует отметить, что в литовских летописных сводах XVII в. – «Хронике Литовской и Жмойтской» и «Хронике Быховца» содер-

---

¹²⁶ ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. Стб. 373–374.

¹²⁷ Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М. 1976. С. 143–144, 146, 147–148, 155–156; Фомина Т.Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 75, 245–249.

¹²⁸ Фомина Т.Ю. Епископальная структура Руси в период монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 260.

¹²⁹ Галимов Т.Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII – первой трети XIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета: история. Вып. 52. 2012. № 25 (279). С. 104–114.

жится упоминание о князе Олеге Переяславском (Olhom Pereslwlskim), как одном из участников коалиции южнорусских князей, дружины которых якобы были разбиты литовским князем Гедимином в битве на р. Ирпень в 1322 г.¹³⁰ Данное сообщение позволило Р.В. Зотову выдвинуть гипотезу о возможном управлении Переяславской землей в первой половине XIV в. представителями черниговской династии Ольговичей¹³¹.

Однако в Густынской летописи, датирующей сражение на Ирпене 1305 г., переяславский князь не упоминается в числе ее участников¹³², а в Ипатьевском летописном своде отсутствует информация о самой битве. Галицкий летописец ограничивается констатацией факта активизации военных действий литовцев в связи с приходом к власти Гедимины: «В лето 6813 (1305)...Нача княжити Кгедеминъ Витунувичъ въ Литве, и воева на Русь крепко»¹³³. Противоречивость вышеприведенных летописных свидетельств, ставит под сомнение достоверность сообщений поздних литовских хроник, относящихся к событиям начала XIV в. и не позволяет признать факт существования в золотоордынскую эпоху Переяславского княжества как отдельного государственного образования.

Согласно гипотезе украинского историка О.В. Юрченко, Переяславская земля изначально была включена в состав т.н. «Сарайской тьмы», включавшей в себя, по мнению исследователя, огромные территории «межириччя Дніпра та Волги», являясь, в его представлении, некой «буферной зоной» между Киевской и Чернигов-

---

¹³⁰ ПСРЛ. Т. XXXII. Хроники Литовская и Жмойтская и Быховца. Летописи Барлакубовская, Аверки и Панцирного. М., 1975. С. 37–38, 137.

¹³¹ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве въ татарское время. СПб., 1892. С. 113–114.

¹³² «В лѣто 6813. 1305. Паки Гедиминъ, князь Литовский, Овруче и Животовъ взять под княземъ Киевскимъ Станиславом. В то же время и самого князя Станислава Киевьского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского, и прочихъ порази и Киевъ под нимъ взять и потом Каневъ, Черкасы, Путывль, Бранско и Вольнь» (ПСРЛ. Т. II. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 128).

¹³³ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1845. С. 227.

ской «тьмами»¹³⁴. В качестве обоснования вышеуказанной локализации Переяславщины О.В. Юрченко использует сведения содержащиеся в источнике последней четверти XV в. – ярлыке крымского хана Менгли-Гирея, датированного 1482 г. Однако следует учитывать тот факт, что данные представленные в жалованной грамоте правителя Крымского юрта скорее отражали реалии административно-территориального устройства Улуса Джучи позднеордынской эпохи, нежели начального периода становления Золотоордынского государства.

Более ревалентными в этом вопросе являются сообщения источников XIII столетия. В частности, по свидетельству Платона Карпини, в середине 40-х гг. XIII в. степные (и вероятно лесостепные) регионы Днепровского Левобережья входили в состав улуса Мауци¹³⁵. Тогда как Ипатьевская летопись отмечает посещение Даниилом Галицким ставки Куремсы, располагавшейся в 1245 г. в окрестностях Переяславля¹³⁶. Учитывая то обстоятельство, что владения Куремсы достаточно четко локализируются на территории Днепровского Правобережья¹³⁷, более вероятным выглядит предположение о временном характере пребывания вышеуказанного ордынского аристократа на землях Днепровско-Сульского междуречья. В последней трети XIII в. земли Среднего Поднепровья входили в зону влияния Ногая, после разгрома и гибели которого в 1300 г., могли быть включены в состав владений одного из близких родственников или приближенных нойонов хана Токты, либо вошли в состав собственно ханского домена. Таким образом, следует констатировать, что территория Переяславского княжества начиная с 40-х гг. XIII в. была напрямую интегрирована в административно-территориальную структуру Улуса Джучи, находясь под управлением ордынских чиновников вплоть до периода «Великой замятни» (60-е г. XIV столетия).

---

¹³⁴ Юрченко О.В. Політична історія Переяславщини другої половини XIII – XVI ст. // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. Вип. 13. 2002. С. 153.

¹³⁵ Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 70.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 806.

¹³⁷ Путешествие в Восточные страны... М., 1957. С. 69, 70.

§ 2.4. Черниговская земля.

Первым удельным владением Чернигово-Северской земли, подвергшейся военному разгрому и разорению монгольскими туменами весной 1238 г., стало Козельское княжество, земли которого оказались на пути возвращения корпуса Бату в степи после завершения зимней компании 1237/38 гг. После продолжительной (пяти-недельной осады), столица княжества – г. Козельск был взят объединенными силами туменов Бату, Кадана и Бури¹³⁸. В 1239 г. на восточные, центральные и южные области княжества обрушился основной удар монгольской армии. 18 октября 1239 г. Чернигов был взят штурмом, разграблен и сожжен: «...в то же время посла на Черниговъ. вбстоупиша градъ в силѣ тажцѣ . слышавъ же Мъстиславъ Глѣбовичъ . нападение на градъ иноплемьныхъ . приде на ны со всеми вои . бившимъса имь . побѣжень быс Мъстиславъ . и множество ѿ вои его избьенымъ быс . и градъ взаша и запалиша вгньмь епсѣпа вставиша жива . и ведоша и во Глоуховъ . . . .»¹³⁹.

Согласно вышеприведенным летописным сведениям, организатором военного сопротивления монгольским войскам являлся один из младших представителей династии Ольговичей - князь Мстислав Глебович, в то время как глава черниговского княжеского дома Михаил Всеволодович, после непродолжительного пребывания в Киеве, скрылся за рубежами русских земель: «...В лѣтѣ . ꙗко . ѿ . мѣ . [6746 (1238)] Михаилъ бѣжа по сѣоу своемъ передъ Татары Е Оугры . а Ростиславъ Мъстиславичъ . Смоленского сѣдѣ Къевѣ...»¹⁴⁰. В 1242 г. Михаил Всеволодович возвращается на Русь. По сообщению Ипатьевской летописи местом пребывания князя становится некий «остров» (острог-?) под Киевом¹⁴¹. Данный факт может свидетельствовать об отсутствии у Михаила Всеволодовича военно-

---

¹³⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 780–781; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. С. 39.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 782.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 782; ПСРЛ. Т. VI. Софийская I летопись старшего извода. М., 2000. С. 301; ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. С. 374.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 789.

политического ресурса для восстановления контроля не только над Киевом, но и над своим родовым уделом – центральными областями Черниговщины и разоренной столицей княжества, возможно находившейся в это время под управлением монгольских чиновников или другого русского князя из династии Ольговичей.

Дошедшие до нашего времени летописные источники не фиксируют наличие в Чернигове монгольских чиновников, «посаженных» сразу после взятия города войсками Чингизидов. Единственное упоминание о некоем «черниговском баскаке Иване Шаине» содержится в позднейшем источнике XVII – родословной рязанских бояр Измайловых. Однако приложенная к основному тексту родословной «жалованная грамота» рязанского князя Олега Ингваревича¹⁴² большинством исследователей признается фальсификатом позднейшего времени¹⁴³. Вместе с тем, учитывая отмечаемый в летописях факт наличия баскаческих «дворов» в некоторых других крупнейших административных центрах русских княжеств (Владимире, Киеве, Ростове)¹⁴⁴, нельзя полностью исключать саму возможность нахождения в Чернигове представителей джучидской администрации.

В 1245 г. черниговский князь предпринял безрезультатный визит ко двору венгерского короля Белы IV¹⁴⁵, после возвращения от которого отправился в ставку главы Джучидов: «...ѡтоуда еха Ба-

---

¹⁴² Грамота рязанского великого князя Олега Ингваревича «мужу честну» Ивану Шае // РГАДА. Ф. 135. Приложение. Рубр. IV. № 2. Л. 1.

¹⁴³ Каштанов С.М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. (Опыт первичной классификации). ВИД. Л., 1976. Т. VIII. С. 77; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 20–21; Дедук А.В. Грамоты «великого» князя рязанского Олега Ингваревича Ивану Шае // Вестник РГГУ. 2015. № 9. С. 55–67.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 88, 319; ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись. М., 2000. Стб. 406; ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1–3. Новгородская IV летопись. Пг.-Л., 1915–1926. С. 263–265; Золотая Орда в источниках: В 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники (Перевод Р.П. Храпачевского). М., 2009. С. 310.

¹⁴⁵ «Въ лѣтѣ . њѢ . ѡ . . нѣ . [6753 (1245)] Слышавъ же корола Михаилъ . вдавъ дочѣръ за снѣ его и бѣже Оугры король же Оугорьскыи . и снѣ его Ростиславъ . ч сѣ ти емоу не створиста . вн же розгнѣвавса на снѣ . возвратиса Черниговоу...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 795).

тыеви прося волости своее ѿ него...»¹⁴⁶. В тексте летописного сообщения не содержится информации о вызове в ставку Бату черниговского князя, что не исключает добровольный характер поездки. Вместе с тем, агиографическое «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» увязывает поездку Михаила Всеволодовича в Орду с проведением властями Улуса Джучи серии дипломатических акций, направленных на установление политической зависимости тех русских княжеств, правители которых к 1245 г. не имели подтверждения своих властных полномочий от Чингизидов: «...Начаша ихъ звати татарове нужею, глаголаше: «Не подобаеть жити на земле канови и Батыеви, не поклонившеся има. Мнози бо ехаша и поклонишася канови и Батыеви»¹⁴⁷.

Учитывая, что именно 1245 г. летописями датируются посещения ставки Бату несколькими князьями Северо-Восточной Руси: «...Тогож . лѣт . Великыи князъ Ярославъ . и с своею братъ ею . и с сыновци поѣха в Татары к Батыеви...»¹⁴⁸, а также поездка в Орду Даниила Романовича Галицкого¹⁴⁹, представляется вполне вероятным наличие официального вызова и для Михаила Всеволодовича Черниговского перед поездкой, закончившейся его гибелью¹⁵⁰.

В 1246 г. в Орде погибает еще один представитель династии Ольговичей – князь Андрей Мстиславович Черниговский. По сообщению Плано Карпини этот русский правитель был казнен за то, что: «...что уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя это не было доказано, он все таки был убит»¹⁵¹.

Анализируя данное сообщение, следует отметить, что обвинение монголов в отношении черниговского князя, вероятно, носили формальный характер и не укладывались в рамки монгольского

---

¹⁴⁶ Там же. Стб. 795.

¹⁴⁷ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., С. 156.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л., 1926–1928. Стб. 471.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 805–806.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л., 1926–1928. С. 471; Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. 2006. С. 138–154; Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. С. 191–198.

¹⁵¹ Путешествие в восточные страны... М., 1957. С. 29.

обычного права, регламентировавшего наказания за конокрадство. По сообщению Ибн Батуты, отмечавшего в своих записках в том числе и некоторые правовые обычаи ордынских кочевников: «...тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину и вместе с тем дать ему девять таких же [коней], а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывается овца»¹⁵². Марко Поло также указывает на возможность выкупа жизни конокрады выплатой десятикратного к цене украденной лошади штрафа: «Кто украдет коня или что-либо другое – тому за это смерть; мечом разрубают его; а кто может дать выкуп, заплатить против украденного в десять раз, того не убивают»¹⁵³.

Таким образом, даже наличие доказанного факта воровства лошадей не влекло за собой незамедлительной казни обвиняемого, а в случае с Андреем Мстиславовичем этот факт, по свидетельству Плано Карпини, был недоказан. В этой связи можно предположить, что действия ордынских властей в отношении русского князя имели политическую подоплеку и были обусловлены неприятием Джучидами кандидатуры Андрея в качестве правителя Черниговского княжества.

Возможным объяснением такого неприятия может служить династическая принадлежность Андрея Мстиславовича. В отечественной историографии не сложилось однозначного мнения, к какой из ветвей черниговского дома принадлежал казненный в Орде князь¹⁵⁴. По наиболее аргументированной версии, он мог являться сыном Мстислава Святославовича Черниговского, погибшего в битве на Калке в 1223 г.¹⁵⁵ Основанием для подобного предположения является упоминание в Елецком и Северском синодиках «в[еликого] к[нязя] Пантелеимона Мстислава Черниг[овского]» и

---

¹⁵² Из «Подарка наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» Ибн Батуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) Казань, 2011. С. 154.

¹⁵³ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. С. 131.

¹⁵⁴ Селезнев Ю. В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017. С. 136.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л., 1926–1928. Стб. 446.

его сыновей, князей Дмитрия, **Андрея**, Иоанна и Гавриила¹⁵⁶. Учитывая, что Мстислав Святославович принимал активное участие в боевых действиях против монгольских войск (битва на Калке, 1223 г.)¹⁵⁷, у Бату могли иметься обоснованные сомнения в политической лояльности его сыновей.

После казни Андрея Мстиславовича в ставку главы Улуса Джучи приехал младший брат погибшего черниговского князя «с женою убитого... с намерением упросить его (Бату – Л.В.) не отнимать у них земли...»¹⁵⁸. Приезд в Орду вдовы казненного князя является уникальным случаем в истории русско-ордынских отношений. Помимо вышеописанного прецедента, в русских летописных источниках не зафиксировано ни одной поездки княжеских вдов в ханскую ставку за весь период ордынской зависимости. Вместе с тем, в записках Плано Карпини упоминается факт поездки на ханский суд вдовы «царя Георгиании» (Грузии), с целью защиты наследственных прав сына, оспариваемых его сводным братом-бастардом¹⁵⁹.

Принимая во внимание данную аналогию, допустимо высказать предположение о том, что посещение вдовой Андрея Черниговского ставки монгольского правителя может объясняться стремлением княгини сохранить наследственные права на часть удела погибшего мужа. О наличии у жены убитого князя неких «земель» свидетельствует и вышеприведенное сообщение папского дипломата.

Следует отметить, что нормы древнерусского права разрешали наследование недвижимого имущества (в том числе и земельных уделов) «в кормлю» княжескими и боярскими вдовами. До нашего времени дошло 36 документов, в которых встречаются упоминания о наследовании знатными женщинами уделов после смерти мужа.

---

¹⁵⁶ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 25; Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов, 1874. С. 39, 41.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 741–743.

¹⁵⁸ Путешествие в Восточные страны... М., 1957. С. 30.

¹⁵⁹ Там же. С. 56.

Среди них 5 документов являются завещаниями великим княгиням, 9 – удельным княгиням¹⁶⁰. Вместе с тем, имущественные права княжеских вдов сохранялись лишь в случае сохранения их вдовьего статуса «до живота» (т.е. до смерти). В случае же повторного замужества, женщина теряла права на наследство покойного мужа: «А поидет замуж, иное и не дати участок ничего, и участка ей в земле нет»¹⁶¹. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что вдовы погибших или умерших русских князей, как правило, не выходили повторно замуж, предпочитая сохранять свой вдовый статус, гарантировавший возможность владения наследственным уделом. По наблюдению А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского в русских летописях, относящихся к домонгольскому времени нет ни одного свидетельства, согласно которому русский князь-христианин взял бы в жены вдову другого русского князя¹⁶².

Не исключено, что овдовевшая супруга князя Андрея также исполняла функции регентши черниговского престола до возможного утверждения в Орде княжеских полномочий деверя (брата мужа). Примеры женского регентства княжескими вдовами при несовершеннолетних сыновьях прослеживаются в сообщениях русских летописных источников, относящихся к домонгольской эпохе. Первой из таких регентш являлась вдова князя Игоря Старого, Ольга, взявшая властные полномочия по управлению княжеством после гибели мужа в 945 г.¹⁶³. В 1209–1226 гг. вдова галицкого князя Романа Мстиславича, Анна («великая княгиня Романова») играла весьма значимую роль в политической борьбе за Галицко-Волинский стол, развернувшейся после смерти ее мужа в 1205 г.¹⁶⁴ Однако отсутствие в источниках сведений о наличии (или отсутствии) у

---

¹⁶⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (АСЭИ) М., 1952–1964. Т. I. № 472, 562; Т. II. № 184, 264; Т. III. № 256; Духовные и договорные грамоты (ДДГ). М., 1950. № 1, 3, 4, 12, 17, 20, 61, 71, 74, 84, 86, 98.

¹⁶¹ ДДГ. М., 1950. № 61, 98.

¹⁶² Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: Матримониальные стратегии и легенды власти // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2014. Вып. 1. С. 12–13.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 40–45.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись СПб., 1908. Стб. 718, 721, 727.

Андрея Мстиславича Черниговского наследников мужского пола оставляет предположение о регентстве вдовы в качестве гипотетического предположения, основанного на логических допущениях и исторических аналогиях.

Согласно сообщению Плана Карпини, во время пребывания в Орде младшему брату Андрея Мстиславича было выдвинуто условие «...чтобы он взял в жены жену вышеупомянутого родного брата своего...согласно обычаю татар»¹⁶⁵. Черниговский княжич категорически отверг требования монгольского правителя, заявляя, «что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону»¹⁶⁶. Однако, несмотря на отказ: «...Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее (вдову Андрея – Л.В.) и принудили их одинаково совокупится сочетанием не условным, а полным»¹⁶⁷. В записках одного из участников посольской миссии Плана Карпини, францисканского монаха Бенедикта Поляка, оставившего собственный отчет о событиях путешествия, данный эпизод описывается несколько иначе: «...они (монголы – Л.В.) принудили младшего брата князя Андрея (убитого ими по ложному обвинению) взять в жены вдову брата, уложив их на одно ложе в присутствии других людей»¹⁶⁸. Разногласие в сообщениях источников не позволяет сделать однозначное заключение о том, носил ли обряд бракосочетания по «татарскому обычаю» формальный характер, или же сопровождался реальными сексуальными действиями «новобрачных».

Следует отметить, что унаследование жены покойного брата являлось древней степной традицией, практиковавшейся со времен хунну. Вдова старшего брата становилась женой младшего, который был обязан о ней заботиться как о своей любимой жене¹⁶⁹. Су-

---

¹⁶⁵ Путешествие в Восточные страны.... М., 1957. С. 30.

¹⁶⁶ Там же. С. 30.

¹⁶⁷ Там же. С. 30.

¹⁶⁸ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 г. СПб., 2002. С. 118.

¹⁶⁹ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. М.-Л., 1950–1953. С. 40.

ществование аналогичной традиции у монголов отмечается в ряде письменных источников¹⁷⁰.

Вместе с тем, ни один средневековый источник не сообщает об обычае публичного полового акта новобрачных, равно как и принуждения к замужеству или женитьбе. Вдовы монгольских великих ханов Угедэя и Гуюка – Туракина и Огул-Гаймиш, ставшие регентшами имперского престола после смерти мужей в 1242–1246 и 1248–1251 гг. соответственно, не выходили повторно замуж¹⁷¹. Старшая жена Бату – Боракчин-хатун, после смерти мужа заключила брачный союз с пасынком (сыном покойного супруга от другой жены) – Туканом¹⁷², однако, вдова хана Менгу-Тимура – Джиджек-хатун, казненная по приказу Ногая около 1281–1282 г., по сообщению арабского хрониста Бейбарса «...правила [государством]...в царствование [своего сына] Туда-Менгу» не заключая повторного брака¹⁷³. Не вступала в брачные отношения с родственниками покойного мужа и вдова хана Узбека – Тайдула-хатун, оказывавшая большое влияние на политические процессы в Улусе Джучи и после смерти мужа¹⁷⁴.

На основании вышеуказанных фактов можно сделать вывод о том, что обычай заключения брака между вдовой и младшим братом (или иным младшим родственником умершего) являлся желательным, однако не носил обязательного характера.

---

¹⁷⁰ Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 26–27; Марко Поло. Книга о разнообразии мира. М., 2018. С. 128; Из «Цветника истории земель Востока» Хетума Патмича // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 335.

¹⁷¹ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 166, 181; Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Manchester, 1997. P. 240, 263.

¹⁷² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 150.

¹⁷³ Там же. С. 109.

¹⁷⁴ Из биографии султана ал-Малика ан-Насира // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 144–145.

В русском каноническом праве, регулировавшем брачные отношения, существовал прямой запрет на браки между людьми, находящимися в свойстве между собой. Согласно «Уставу о брацах», сохранившемся в русских Кормчих XIII–XV в. а также источнике церковного права XVI в. – «Мериле праведном», браки в двухродном свойстве (между одним овдовевшим супругом и кровными родственниками другого), на основании решения Собора 997 г., запрещались до шестой степени родства¹⁷⁵.

В то же время, в монгольской бытовой культуре отсутствовало понятие «свойства». По свидетельству Гильома Рубрука: «Они (монголы – Л.В.) соблюдают первую и вторую степени родства, свойства же не признают ни в какой степени. Именно они женятся вместе, или последовательно на двух сестрах»¹⁷⁶.

Кроме того, заключение брака по «татарскому обычаю» в ордынском кочевье не подразумевало проведения обряда венчания, являвшегося необходимым условием признания законности христианского брака. Согласно каноническому уложению русского церковного права: «без венчания женитва беззаконна есть и неблагословенна и нечиста...»¹⁷⁷. Данное обстоятельство придавало монгольскому брачному обычаю дополнительный элемент «беззакония».

Таким образом, требование Бату о заключении брака между вдовой и младшим братом Андрея Черниговского, противореча древнерусским правовым нормам, полностью соответствовало обычному праву монголов. В таких условиях даже потенциальное согласие родственников казненного черниговского князя принять условия, выдвинутые правителем Улуса Джучи, вступало бы в аб-

---

¹⁷⁵ «О брацах расужения» (Сде известно разделение възбраненных браков и законных) // Мерило праведное. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. Фонд 304. I. Л. 219–226; Павлов А.А. 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. С. 109.

¹⁷⁶ Путешествие в Восточные страны... М., 1957. С. 101.

¹⁷⁷ Памятники русского права (ПРП). Вып. I. Памятники права Киевского государства. М., 1952. УЯ. Ст. 5. С. 267; Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины / Изд. С.И. Смирнова. М., 1913. XIX. Ст. 11. С. 115; Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 104.

солютное противоречие с церковными законами и мировоззренческими установками представителей русской знати.

В данном контексте допустимо высказать предположение о провокационном характере действий ордынских властей. По мнению Р.Ю. Почекаева, карательная акция Бату была направлена на дискредитацию младшего брата князя Андрея в глазах русских, с целью исключения его из числа претендентов на черниговское княжение¹⁷⁸.

Вместе с тем, нельзя исключать и иные причины, объясняющие действия ордынских властей. Требование о заключении брака «согласно обычаю татар» (т.е. степному обычному праву) могло иметь своей целью проверить политическую лояльность младшего брата казненного Андрея Черниговского перед принятием решения о передаче ему прав на княжеский стол. Принимая во внимание тот факт, что Джучиды незадолго до описываемых событий уже дважды сталкивались с нарушением этикетных установок и правовых норм представителями черниговского княжеского дома (Михаилом Всеволодовичем и Андреем Мстиславовичем), действия правителя Ордынского государства представляются в значительной степени оправданными или, по меньшей мере, логичными.

Вторым вероятным вариантом объяснения действий Бату в отношении представителей одного из южнорусских княжеских домов, могло быть стремление привести систему административно-политической власти в Черниговском княжестве в соответствие с представлениями властей Улуса Джучи, ликвидировав то двоевластие, которое возникло после казни князя Андрея. Косвенным подтверждением подобного двоевластия является совместная поездка брата и вдовы казненного князя в ставку Бату.

Дальнейшая судьба подвергшихся насилию брата и вдовы Андрея Мстиславовича не известна. Исходя из того, что следующим упоминаемым в источниках черниговским князем является представитель другой ветви Ольговичей, вполне вероятно, что подвергнутые насилию родственники Андрея Мстиславовича были отстране-

---

¹⁷⁸ Почекаев Р.Ю. Батый. Хан который не был ханом. СПб., 2007. С. 196.

ны (или добровольно отказались) от наследования Черниговского стола и, вероятно, приняли монашеский постриг.

На сохранение в Чернигове русской княжеской администрации после трагических событий 1246 г. указывает сообщение Плано Карпини о встрече на галицко-ордынской границе некоего «посла» черниговского князя, выехавшего с папским посольством из ставки Бату¹⁷⁹.

К сожалению, Карпини не указывает имени черниговского князя, чей посол сопровождал европейских дипломатов на обратном пути. По мнению Р.В. Зотова им мог быть упоминаемый в Любецком синодике Лаврентий Всеволод Ярополчич Черниговский¹⁸⁰. Дополнительным, хотя и косвенным свидетельством занятия этим князем черниговского стола является сообщение Ипатьевской летописи от 1261 г. о свадьбе черниговского князя Андрея Всеволодича и дочери Василька Романовича Волынского.: «...Въ лѣтѣ . ꙗ҃с . џ . ꙗ҃ѣ . [6769 (1261)]... свадьба бысѣ оу Василка . князѣ . оу Володимерѣ городѣ . нача ѿдавати . дщерь свою . Сѹлгоу . за Андрѣа князѣ . Всеволодича . Черниговоу бѣшеть же тогда братъ Василковъ Данило князь со вѣѣима сѣма своима . с Лвомѣ и со Шварномѣ . и инѣхъ князѣи много . и боарѣи много . и бывшоу же веселью в лето 6769 (1261)...»¹⁸¹. Данное сообщение позволяет высказать предположение о том, что упоминаемый летописью черниговский князь Андрей Всеволодич являлся сыном Всеволода Ярополчича, занимавшего черниговский стол во второй половине 40-х – 50-х гг. XIII в.

Последними представителями династии Ольговичей, отмеченными в Любецком синодике титулом Черниговских князей, являются брянский князь Роман Старый и его сын Олег-Леонтий Романович. Степень родства Романа с Михаилом Черниговским до настоящего

---

¹⁷⁹ «И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Олоха (Oloha) и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руси» (Путешествие в Восточные страны... М., 1957. С. 82).

¹⁸⁰ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве въ татарское время. СПб., 1892. С. 26.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 848.

времени остается предметом научной дискуссии¹⁸². А.А. Горский, признавая Романа Брянского сыном Михаила Всеволодовича полагает, что черниговский стол он занял не позднее 60-х гг. XIII столетия¹⁸³. Важнейшим направлением деятельности Романа Брянского являлась организация обороны от усиливавшейся военной экспансии литовских князей-кунигасов. Значительные набеги литовских отрядов на брянско-черниговские земли отмечаются Ипатьевской летописью в 1261, 1263 и 1264 гг.¹⁸⁴ В 1274 г. брянский князь участвовал в неудачном походе ордынско-русских войск на Литву¹⁸⁵.

В некотором роде уникальным свидетельством является сообщение Любецкого синодика о демографическом состоянии Чернигово-Брянского княжества по итогам правления сына Романа Старого – Олега-Леонтия Романовича, оставившего после себя «дванадесать тем людей»¹⁸⁶. По всей вероятности, зафиксированная в синодике численность взрослого мужского населения княжества, являлась отражением результатов ордынской переписи («числа»), проведенной властями Улуса Джучи в 1274–1275 гг. на территории большей части русских земель¹⁸⁷. Вопрос о сохранении административного контроля брянских князей над Черниговом после кончины Олега Романовича остается предметом научной дискуссии, ввиду крайне незначительного объема сведений письменных источников, относящихся к политической истории Чернигово-Северской земли последней четверти XIII–XIV вв.

---

¹⁸² Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды). Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. Воронеж. 2014. С. 247; Беспалов Р.А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2001, Вып. 13. С. 74–76.

¹⁸³ Горский А.А. Брянская альтернатива: несостоявшаяся столица Русского государства // Родина. 2003. № 11. С. 44.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 840, 848, 860–862.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 872.

¹⁸⁶ Зотов Р.В. Ук. соч. С. 84–85.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. Ч. Вып 1. С. 243; ПСРЛ. Т. XVI. Летопись Авраамки. СПб., 1889. С. 55; ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись. М., 1965. С. 152.

Административно-политическая нестабильность, вызванная репрессиями ордынских властей в отношении ряда представителей династии черниговских Ольговичей (Михаила Всеволодовича, Андрея Мстиславича и его младшего брата), а также рядом причин внутривосточного характера, активизировала процессы дезинтеграции Черниговского княжества. В 40-х гг. XIII в. происходит выделение в самостоятельные государственные образования Брянского, Глуховско-Новосильского, Карачевского и Тарусского уделов¹⁸⁸. Во второй половине XIII столетия южные районы Чернигово-Северской земли (Стародубский, Рыльский и Курский уделы), располагавшиеся в непосредственной близости от ордынских владений, также становятся самостоятельными княжениями, свидетельством чему являются неоднократные поездки их князей в ставки ордынских правителей¹⁸⁹.

Таким образом, административно-территориальная структура Чернигово-Северской земли претерпела значительные изменения уже в первые десятилетия ордынской зависимости. В результате ряда политических действий Бату, целью которых являлось утверждение на черниговском столе лояльных Джучидам представителей княжеского дома Ольговичей, произошло усиление процессов дезинтеграции Черниговщины, приведшее окончательному распаду княжества на отдельные, фактически независимые удельные владения местных династий.

§ 2.5. Киевская земля.

Киевское княжество, являвшееся на протяжении X–XII вв. административно-политическим центром Древнерусского государства, ко времени монгольского нашествия в значительной степени

---

¹⁸⁸ Редкие источники по истории России (РИИР). Вып. 2. М., 1977. С. 41, 111–112.

¹⁸⁹ Зотов Р.В. Ук. соч. С. 27, 28; Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. 1996. Вып. 1. С. 5–57; Он же. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовечского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории (сборник статей). Липецк, 1996. С.7–39.

утрачивает свое прежнее значение, становясь объектом борьбы между наиболее могущественными княжескими домами (галицко-волынскими Романовичами, черниговскими Ольговичами, смоленскими Ростиславичами и владимиристо-суздальскими Всеволодовичами). Участие киевского князя Мстислава в антимонгольской коалиции и последующий разгром русско-половецких войск в битве на Калке (1223 г.) усилил процесс дальнейшего ослабления военного потенциала Киевской земли. Вместе с тем, территория Среднего Поднепровья продолжала оставаться одним из наиболее густонаселенных и экономически развитых регионов Древней Руси, а киевский княжеский стол формально считался «старейшим» столом «Руской земли» (в широком значении этого термина).

Особенностью территориальной структуры Киевского княжества являлось наличие на южных рубежах Киевщины своеобразной буферной зоны в Поросье, отделявшей наиболее заселенные и развитые в хозяйственно-экономическом отношении области Среднего Поднепровья от половецких кочевий. При активном участии союзных кочевников («черных клобуков»), киевскими князьями была создана система пограничных укреплений, состоявшая из двух линий т.н. «Змиевых валов» и нескольких десятков крепостей¹⁹⁰. Административными и хозяйственно-экономическими центрами региона являлись г. Торческ и Юрьев, имевшие полиэтничное, славяно-тюркское население¹⁹¹. Несмотря на значительную степень административной автономии кочевых федератов, их земли были включены в административно-территориальную и политическую структуру Южной Руси. Характерно, что в описании завершающего этапа За-

---

¹⁹⁰ Квітницький М. Пороська захісна лінія: етапи формування та розвитку (у світлі писемних та археологічних джерел) // Місце и значення Поросья в історії України (IX–XVII ст.): Матеріали науково-практичної конференції. Корсунь-Шевченківський. 2007. С. 124–143; Моця А.П. Южная «Русская земля». Киев, 2008. С. 67, 69; Шинаков Е.А. Переселенческая политика киевских князей в контексте государствогенеза // Исследования по русской истории и культуре: Сб. статей к 70-летию профессора И.Я. Фроянова. М., 2006. С. 129–132.

¹⁹¹ Рыбаков Б.А. Торческ-город Черных клобуков. // Археологические открытия 1966. М., 1967; Куза А.В. Древнерусские поселения // Древняя Русь (город, замок, село). М., 1985. С. 56–59; Моця А.П. Ук. соч. С. 67, 69.

падного похода монгольских войск хулагуидский хронист Рашид ад-Дин обозначает Киевскую землю как «страну русских и народа черных шапок»¹⁹², не выделяя область расселения торкопеченежских союзников Киева в качестве отдельного государственного образования.

Рассматривая вопросы административно-политического статуса Киевской земли в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи, следует отметить, что сведения о Киеве относящиеся к 40–90-м гг. XIII в. имеют отрывочный и крайне противоречивый характер. Ввиду данного обстоятельства, историческая реконструкция административного статуса и территориальной структуры Киевщины в период ордынского владычества представляется достаточно затруднительной, но необходимой исследовательской задачей.

Согласно сообщению «Сокровенного сказания» сразу после взятия Киева (Керман-Кива) армией Чингизидов в городе были оставлены монгольские чиновники: «Посланные в помощь Субетао царевичи Бату, Бури, Гуяк, Мунке и все другие царевичи... совершенно разгромили и полонили Орусутов. Они полностью покорили Асутов и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-Кива и прочих городов, поставили даругачинов и танмачинов и возвратились на родину»¹⁹³.

Данное свидетельство не противоречит сообщениям других источников об административной политике монголов на завоеванных территориях. Так, хулагуидский хронист Рашид ад-Дин, описывая события Хорезмийского похода Чингиз-хана отмечает: «...Во всех завоеванных городах он (Чингиз-хан – Л.В.) посадил правителей (шихнэ)»¹⁹⁴. Аналогичное свидетельство имеется в династической хронике «Юань-ши», согласно сообщению которой, после завоевания Хорезмийской державы и прилегающих земель, монголы: «установили порядок в разных городах Западного края и поставили

---

¹⁹² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. С. 45.

¹⁹³ Золотая Орда в источниках: в 5. т. Т. 3. Китайские и монгольские источники (Перевод Р.П. Храпачевского). М., 2009. С. 310.

¹⁹⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Ч. 2. М.-Л., 1952. С. 225.

там даругачи надзирать за ними»¹⁹⁵. Информация о существовавшей в Монгольской империи практики назначения в завоеванные города военных наместников, осуществлявших управление и надзор за завоеванными территориями совместно с чиновниками покоренных стран, перешедшими на службу Чингизидам, также содержится в «Сокровенном сказании»: «После окончательного покорения Сартаульского народа, Чингиз-хан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов... Из Сартаульских же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях...»¹⁹⁶.

Основными направлениями деятельности даруг (даругачинов) в эпоху становления государственной структуры Монгольской империи были; поддержание порядка в недавно завоеванном регионе (подавление восстаний, борьба с разбойниками), а также обустройство системы административного управления территориями, включенными в державу Чингизидов¹⁹⁷. В частности, по сообщению южнокитайской государственной хроники «Мэн-да бэй-лу», после взятия монголами чжурчженской столицы, мусульманин («сартаул») Джафар получил должность «главного даругачи» и «был оставлен охранять Джунду вместе со всеми полководцами»¹⁹⁸.

В свою очередь, по данным китайских источников переведенных П.И. Кафаровым¹⁹⁹, танмачины являлись монгольскими воен-

---

¹⁹⁵ Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 159.

¹⁹⁶ Там же. С. 307–308.

¹⁹⁷ Маслова С.А. Даруги и баскаки: соотношение должностей // Средневековая Русь: вопросы медиевистики. №4 (58). 2014. С. 24; Она же. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2015. С. 67; Она же. Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестник. Т. 10 [157]. Монгольские завоевания и Русь. С.80–108.

¹⁹⁸ Мункуев Н.Ц. Мэн-да бэй-лу – важный источник по истории древних монголов // Мэн-да бэй-лу. «Полное описание монголо-татар». М., 1975. С. 36.

¹⁹⁹ Петр Иванович Кафаров (архимандрит Палладий) (г. ж. 1817–1878) – глава Российской православной миссии в Пекине (1849–1859 и 1865–1878 гг.).

ноначальниками низшего ранга, командовавшими вспомогательными отрядами (тама), набираемых из представителей покоренных народов. Подразделения «тама» использовались в качестве передовых отрядов монгольских войск в период боевых действий, а в мирное время из них формировали подразделения для несения гарнизонной и караульной службы на завоеванных территориях²⁰⁰. О достаточно низком статусе танмачинов в системе военной иерархии Монгольской империи свидетельствует сообщение «Сокровенного сказания» об угрозе великого хана Угэдэя поставить своего сына Гуюка, нарушившего одно из положений Ясы, во главе авангардных штурмовых отрядов: «...вот возьму да поставлю тебя танмачиновоеводой, да велю взбираться на стены крепко кованные, пока ты под корень не ссучишь себе ногтей со всей пятерни!»²⁰¹.

Вместе с тем, при определенных обстоятельствах, танмачины могли быть наделены полномочиями осуществлять гражданский (в том числе судебный и фискальный) контроль над завоеванными землями. В частности, согласно информации содержащейся в «Монгол-ун ниуча тобчиан», нойон Чормагун (Чормахан), возглавлявший в 1230-х гг. монгольские войска на действовавшие на Кавказе и Ближнем Востоке, был назначен великим ханом Угэдэем танмачином «Багдадского народа», с обязательством сбора и отсылки в Каракорум ежегодной дани скотом и ремесленными изделиями²⁰². В данном случае административный статус Чормагуна, судя по всему, подразумевал совмещение полномочий военного наместника и главного фискального чиновника (баскака).

Таким образом, земли Среднего Поднепровья первоначально были включены в имперскую административно-территориальную систему уже в 1240 г. и в первые годы после завоевания управля-

---

Один из основоположников российской академической синологии. Автор ряда работ по китайской и монгольской истории.

²⁰⁰ «Огэдай...для охранения Бяньлана и Бейпина, поставил в них таньмачи...Назначение полков таньмачи было заменять, в войнах, сражениях, войска монгольские, и держать в повиновении покоренные народы...» (Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 155, 255).

²⁰¹ Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 310–311.

²⁰² Там же. С. 309–310, § 274.

лись непосредственно монгольскими чиновниками. Однако уже к середине 40-х гг. XIII в. источники фиксируют факт присутствия в Киеве представителей русской княжеской администрации.

В частности, Ипатьевская летопись, описывая поездку Даниила Галицкого в ставку Бату (1245–1246 гг.), отмечает пребывание в Киеве наместника владимирского князя Ярослава Всеволодовича²⁰³. Киевский «тысячник» упоминается и в записках Платона Карпини, дважды посещавшим город (зимой 1246/47 гг. и на обратном пути, летом 1247 г.)²⁰⁴

По всей вероятности, права на управление Киевской землей в качестве своеобразного ленного (пожалованного) владения были получены Ярославом во время его первого визита в ставку Бату, который состоялся в 1242/43 гг. Согласно сообщению Лаврентьевской летописи, основным итогом поездки стало утверждение за владимирским князем его великокняжеского статуса²⁰⁵.

Появление в городе полномочного представителя великого князя не могло не сказаться на общей стабилизации общественной жизни и восстановлении ряда общественных и государственных институтов. В частности, к середине 40-х гг. XIII в. относятся первые сообщения о возобновлении внешнеторговых связей Киева с представителями европейских и ближневосточных купеческих корпораций²⁰⁶. Несколько позднее, усилиями нового предстоятеля РПЦ – Кирилла, происходит восстановление Киевской митрополии, как главного центра высшего церковного управления в русских землях.²⁰⁷

---

²⁰³ ...Обдержашоу Киевъ Ярославову боариномъ. своимъ. Еиковичемъ . Дмитромъ...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 806).

²⁰⁴ Путешествие в восточные страны... М., 1957. С. 68.

²⁰⁵ «В лѣтѣ . № . ѱ . на . [6751 (1243)] Великийи князъ Ярославъ . поѣха в Татары к Батыеви . а сна своего Константина посла къ Канови . Батыи же почти Ярослава великого ч съ тью и мужи его . и ѿпусти и речъ ему . Ярославъ буди ты старѣи всѣмъ княземъ . в Русскомъ азыцѣ . Ярославъ же възвратиса в свою землю с великою ч съ тью» (ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л. 1926–1928. С. 326).

²⁰⁶ Путешествие в Восточные страны... М., 1957. С. 82).

²⁰⁷ Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань, 2019. С. 121–126.

Вместе с тем, представляется крайне маловероятным полное отсутствие военно-административного контроля над центральными, наиболее густо заселенными районами Киевской земли со стороны Джучидов, заинтересованных как в контроле за сбором налогов с местного населения (в отношении которого были проведены переписные мероприятия уже в 1245 г.)²⁰⁸, так и обеспечении безопасности торговых коммуникаций в Среднем Поднепровье с целью получения стабильных доходов от взимания торговой пошлины (тамги).

В данном контексте особого внимания заслуживает сообщение Плано Карпини, о встрече им в ставке Куремсы: «Киевского сотника Монгрота и его товарищей...», которые сопровождали папских дипломатов «некоторую часть дороги»²⁰⁹. Согласно наиболее точным переводам списков «Истории монгалов» имя киевского сотника читается как **Hongrot** или **Nongrot**²¹⁰. Учитывая тот факт, что «Словарь древнерусских личных собственных имен» не содержит имени, которое можно было бы соотнести ни с одним из трех вышеуказанных вариантов²¹¹, наиболее вероятной представляется гипотеза французского исследователя П. Пеллиу, высказавшего предположение о том, что имя киевского сотника могло иметь основу в его этнической принадлежности к племени онгиратов/конгиратов²¹².

А.А. Горский определяет статус Хонгрота как одного из монгольских чиновников, отвечавших за сбор дани в Киевской земле²¹³.

---

²⁰⁸ Воротынцев Л.В. Кем был «Сарацин» – переписчик, упоминаемый в «Истории монгалов» Плано Карпини (к вопросу о проведении первой ордынской переписи на Руси в 1245 г.) // Золотоордынская цивилизация. № 10. Казань, 2017. С. 135–139.

²⁰⁹ Там же. С. 81, 82.

²¹⁰ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Enrico Menesto. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1989. P. 331.

²¹¹ Тушков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1909.

²¹² Paul Pelliot. Recherches sur les chretiens d'Asie central et d'Extreme. Orient. Paris: Impr. nationale, 1973. P. 21, 68 (1).

²¹³ Горский А.А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Средневековая Русь: вопросы медиевистики. № 3 (57). М., 2014. С. 120–121; Он же. Утверждение власти Монгольской империи

Не отрицая возможности исполнения киевским сотником обязанностей фискального чиновника, следует отметить, что согласно информации содержащейся в ряде источников, в военно-административной системе Монгольской империи сотник являлся, прежде всего, военным начальником соответствующего его рангу подразделения²¹⁴.

В данном контексте, допустимо высказать предположение о том, что упоминаемый Карпини монгольский «сотник» мог быть т.н. «охранным воеводой» (танмачином), имевшим в своем подчинении военный отряд, размещенный на землях Среднего Поднепровья в виде «застав» и «караулов», как для осуществления контроля над покоренной территорией, так и для защиты Киева и его окрестностей от внешних и внутренних угроз (литовских набегов, разбоев).

Свидетельства о «сетевой» структуре военно-административного контроля над завоеванными территориями в Монгольской империи содержится в отчете сунского дипломата Сюй Тина, посетившего владения Чингизидов в 1235–1236 гг. Описывая систему административного управления завоеванными монголами землями империи Цзинь (Северным Китаем), южнокитайский сановник отмечал следующую особенность: «...Внутри городов, округов и уездов...не было ни одного воина [татар], только за пределами городов, в селах имелись конные дозоры, разбросанные по всем направлениям и хозяйничавшие [в тех местах]...»²¹⁵.

Учитывая тот факт, что в 40-х гг. XIII в. Улус Джучи являлся составной частью Монгольской империи, представляется весьма вероятным, что вышеописанная практика размещения воинских контингентов на завоеванных территориях, имевших значительное по численности население, действовала и в западных владениях державы Чингизидов. Косвенным свидетельством этому служат со-

---

над Русью: региональные особенности // «...Бещисленные рати и великия труды...». Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 127–128.

²¹⁴ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 23; Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. С. 129–130, 147; Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 49.

²¹⁵ Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 66.

общения Плано Карпини о монгольских «заставах», неоднократно встречавшихся папскому дипломату во время проезда по территории джучидских улусов, граничивших с русскими землями²¹⁶.

Специфика административно-территориального устройства Улуса Джучи, базировавшегося на общеимперских стандартах *Yeke Mongyol Ulus*, в некоторой степени усложняет проблему определения русско-ордынской пограничной зоны на землях Днепровского Правобережья, оставляя ее предметом научной дискуссии. Так, В.Л. Егоровым была высказана гипотеза о существовании в Среднем Поднепровье некой пограничной «буферной зоны», якобы занимавшей значительную территорию между Киевом и Каневом и разделявшую русские земли и собственно монгольские владения. Согласно представлениям исследователя, указанный район находился под управлением монгольских чиновников, но в то же время не был включен в территориальную структуру Золотоордынского государства²¹⁷. Вместе с тем, следует отметить, что теоретические построения В.Л. Егорова содержат необъяснимые противоречия (в частности, наличие управленческой администрации является ключевым фактором государственной принадлежности территории), не имеют доказательной базы в источниках и по факту являются гипотетическим конструктом, основанном на ряде допущений и аналогий.

Исходя из данного обстоятельства, более вероятной представляется гипотеза о наличии «естественной границы» между территорией Киевского «наместничества» и собственно монгольскими владениями, включавшими в себя земли Южного Поросья (кочевья «черных клобуков»). В пользу данного предположения свидетельствуют и особенности ландшафтной структуры бассейна р. Рось, на северном берегу которой фиксируется наличие крупного лесного массива (т.н. «Каневского леса»), занимавшего значительное пространство от Канева до Юрьева и являвшегося естественным северным рубежом джучидских улусов в данном регионе²¹⁸. Сообщение же Плано Карпини, отметившим в своих записках, что первым го-

---

²¹⁶ Там же. С. 68, 81.

²¹⁷ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 2009. С. 12–15.

²¹⁸ Любавский М.К. Русская колонизация. М., 2014; Зайцев М.В. Историческая география России. Саратов, 2006. С. 69.

родом на южных рубежах Киевщины, находившимся «...под непосредственной властью татар», являлся Канев²¹⁹, может являться свидетелем сохранения монголами контроля над этим городом, являвшимся стратегически важным пунктом транзитной торговли по Днепровскому речному маршруту²²⁰.

Определение временного промежутка, в течение которого право на Киевское княжение сохранялось за династией Ярославичей, представляется крайне затруднительным, ввиду отрывочности и сомнительности сведений содержащихся в поздних летописных сводах. Согласно сообщению Лаврентьевской летописи, в результате поездки в ставку Великого хана сыновей Ярослава Всеволодовича – Александра и Андрея Ярославичей состоявшейся в 1249–1250 гг. киевские земли были отданы под управление Александра Ярославовича: «...Приѣха ѿАлександръ . и Андрѣи ѿ Кановичъ . и приказаша ѿАлександрови Къевъ . и всю Русь|скуюю землю . а Андрѣи съде в Володимери на столѣ...»²²¹.

Известным медиевистом В.И. Стависским была выдвинута гипотеза о том, что последним из владимирских князей, носившим титул великого князя Киевского, был брат Александра Невского – Ярослав Ярославич²²².

В свою очередь, Густынская летопись именуется киевскими князьями не только младшего брата Александра Невского – Ярослава Ярославича: «В лето 6779 (1271)...преставися Ярослав Ярославичъ, великий князь Московский и Киевский»²²³, но и Ивана Даниловича Калиту: «В лето 6813 (1305)...начать въ Кіеве княжити Иоанъ Даниловичъ Калита, внук Ярослава»²²⁴. Вместе с тем, под тем же 1305 годом Густынский летописец отмечает наличие в Киеве некоего князя Станислава, носящего владельческий титул «князя Киевско-

---

²¹⁹ Путешествие в Восточные страны... М., 1957. С. 67.

²²⁰ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 528, 541.

²²¹ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 472.

²²² Ставиский В.И. «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика Древней Руси (тезисы докладов). М., 1988. С. 95–100.

²²³ ПСРЛ. Т. II. Густынская летопись. СПб., 1848. С. 344.

²²⁴ Там же. С. 348.

го»: «Паки Гедемин, князь Литовкій, Овруче и Житомиръ взять подь княземъ Кіевскимъ Станиславом...»²²⁵. Данное противоречие не позволяет считать достоверными сведения Густынского летописного свода, относящиеся к политической истории Киевского княжества начала XIV в.

Современным украинскими исследователями Я. Книшем и Л.В. Войтовичем было высказано предположение о переходе Киевской земли в 90-х гг. XIII в. под контроль галицко-волынского княжеского дома, непосредственное управление которой якобы осуществляли галицкие наместники из числа служилых князей²²⁶. Однако отсутствие информации в аутентичных эпохе письменных источниках, способной подтвердить гипотетические построения Я. Книша и Л.В. Войтовича, позволяет отнести их в разряд недоказуемых предположений.

Более обоснованной и аргументированной представляется гипотеза О.В. Русиной о переходе в 1280–1290-х гг. земель Среднего Поднепровья под управление династии Путивльских князей, получивших от Джучидов ярлык на управление киевским уделом. В качестве обоснования своей версии, исследовательница приводит сообщения Новгород-Северского синодика, в котором Путивльские князья Иоанн, его сын Владимир Иоанович, а также Андрей Овруцкий (возможно брат Владимира) с сыном Василием отмечены владельческими титулами киевских князей²²⁷.

Вместе с тем следует отметить, что датировка возможного перехода Киевской земли к представителям различных княжеских домов Южной, Юго-Западной и Северо-Восточной Руси во второй половине XIII – первой половине XIV в. представляется достаточно условной, ввиду крайне немногочисленных и отрывочных сообщений по этому вопросу в письменных источниках.

---

²²⁵ Там же. С. 348.

²²⁶ Книш Я. Невідомий київський князь першої чверті XIV століття. С. 266. [электронный ресурс] <http://www.insst-ukr.lviv.ua>; Войтович Л.В. Польський король Казимир III і боротьба за спадщину Романовичів // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип.46. Львів, 2011. С.12.

²²⁷ Русіна О.В. Україна під татарами і Литвою // Україна крізь віки. Т. 6. Київ. 1998. С. 32–33. [электронный ресурс] <https://www.rulit.me>

Тем не менее, сообщения Новгородской IV и Софийской I летописей о князе Федоре Киевском, осуществившего с отрядом ордынского баскака («в 50 человек розбоем») нападение на новгородского владыку Василия Калику, возвращавшегося в 1331 г. из поездки в Константинополь, с целью грабежа и получения выкупа («окупа»)²²⁸, позволяет сделать вывод о сохранении системы кондоминального (совместного) управления Киевской землей и в первой половине XIV в.

Крайне скудная информация, содержащаяся в письменных источниках, не дает возможности точно определить династическую принадлежность князя Федора. По мнению одних исследователей, он мог быть одним из представителей династии черниговских Ольговичей²²⁹. Другие склонны видеть в нем князя Федора Святославовича, владельца Вязьмы и Дорогобужа, происходившей из династии смоленских Ростиславичей²³⁰. Согласно гипотезе Ф.М. Шабульдо, киевским князем Федором являлся один из братьев литовского князя Гедемина, принявший православное крещение и получивший в управление Киев и северную часть Киевского княжества, якобы отошедшего под контроль ВКЛ в результате похода 1324 г.²³¹

Таким образом, на основании комплексного анализа письменных источников можно сделать вывод о том, что после монгольского завоевания территория Киевского Поднепровья была выделена в отдельную административную единицу, управление которой на начальном этапе осуществлялось представителями монгольской военной администрации. Впоследствии, Киевская земля была преобразована в ленное владение, ярлыки на управление которым в 1242–1263 гг. получали представители владимирского княжеского

---

²²⁸ (ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись. М., 2000. Стб. 406; ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1–3. Новгородская IV летопись. Пг.-Л., 1915–1926. С. 263–265).

²²⁹ Квашинин-Самарин Н. По поводу Любецкого Синодика // ЧОИДР. 1873. Кн. 4. С. 223; Зотов Р.В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 120.

²³⁰ Дашкевич Н. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 60–66. Прим. 5; Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 161.

²³¹ Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 29–30.

дома с сохранением ордынского военного присутствия. В конце XIII – первой половине XIV в. управление киевскими землями переходит к представителям других княжеских домов Южной Руси, осуществлявших управление совместно с представителями ордынской администрации (баскаками).

§ 2.6. Галицко-Волынская земля.

Особую политическую линию власти Золотой Орды проводили в отношении Галицко-Волынской земли, разделенной к моменту монгольского нашествия на два фактически самостоятельных княжеских удела под управлением братьев Даниила и Василька Романовичей. Спецификой государственного устройства Галицкого и Волынского княжеств являлось наличие многочисленных и влиятельных групп местной аристократии, имевших значительную административно-политическую и хозяйственно-экономическую автономию, позволявшую им в ряде случаев проводить самостоятельную внешнюю политику.

Рассматривая проблему определения административно-политического статуса владений Романовичей в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи на начальном этапе становления политической зависимости, следует отметить достаточно ограниченный объем информации, содержащейся в письменных источниках по вышеуказанному вопросу. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным использование методов сравнительно-исторического анализа и исторического моделирования, с целью составления максимально полной и объективной картины исторических событий. Указанные методы предполагают изучение максимально широкого круга источников, имеющих отношение не только к истории Юго-Западной Руси и соседних с ней государств, но также и Монгольской империи, имевшей унифицированную систему дипломатических отношений с вассальными государствами, располагавшимися на ее периферии.

Разгром монгольскими войсками Черниговского и Переяславского княжеств (1239 г.) и выход туменов Чингизидов к границам Киевской земли, находившейся на тот момент времени в зоне поли-

тических интересов Романовичей, поставил перед правящей верхушкой Галицкого и Волынского княжеств вопрос о тактике взаимодействия с представителями «золотого рода» возглавлявшими в Западном походе отдельные корпуса монгольской армии.

Согласно гипотезе А.В. Майорова, поддержанной канадским исследователем М. Димником, первые контакты Даниила Галицкого, а также некоторых других русских князей (Мстислава Глебовича и Владимира Рюриковича) с представителями монгольской военно-политической элиты состоялись уже в 1239 г., свидетельством чему, по мнению исследователей, являются как сообщения ряда северорусских летописей (Софийской 1-й летописи, Новгородской 4-й, Новгородской Карамзинской)²³², так и отрывочного свидетельства о недатированной поездке Даниила Романовича к «князю Тартар», содержащегося в жалованной грамоте венгерского короля Белы IV выданной в 1244 г. некоему Николаю сыну Обичка из Суд²³³. Указанного в грамоте «князя Тартар» А.В. Майоров идентифицирует как одного из Чингизидов, участвовавших в Западном походе, внука Чингисхана и сына Тулуя – Менгу (Мункэ)²³⁴.

Вместе с тем, характер и результаты этой возможно имевшей место встречи остались неотмеченными как в русских, так и европейских письменных источниках. Данное обстоятельство не позво-

---

²³² ПСРЛ. Т. VI. Софийская 1-я летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 301; Майоров А.В. Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментариев к Галицко-Волынской летописи) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2009. Т. 60. С. 311–326.

²³³ Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Т. 2. Bratislaviae, 1987. Nr. 150. P. 100–102; Майоров А.В. Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батые на Южную Русь. Данные венгерских и русских источников о контактах Даниила с татарами // Русин. 2013, № (31). С. 53–77; Он же. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Ч. 1 // ROSSICA ANTIQUA. 2012. № 1.(5). С. 33–94; Он же. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 97–98; Димник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014, № 1(35). С. 18, 27.

²³⁴ Майоров А.В. Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батые на Южную Русь. Данные венгерских и русских источников о контактах Даниила с татарами // Русин. 2013, № (31). С. 71.

ляет согласится с категоричным выводом исследователя о заключении в 1239 г. политических соглашений между галицким князем, его союзниками и одним из монгольских «царевичей»²³⁵.

Анализ дипломатических стратегий, применявшихся монголами на протяжении всего периода их экспансионистской политики показывает, что территории государств, добровольно признавших зависимость от державы Чингизидов, как правило, не подвергались военному разгрому. В частности, добровольное признание в 1211 гг. правителем государства турфанских уйгуров политической зависимости от Монгольской империи, обеспечило неприкосновенность его владений в период активных военных действий войск Чингиз-хана в Центральной Азии. Аналогичная политика впоследствии проводилась и наследниками основателя державы или их региональными представителями²³⁶. Так, в результате соглашений заключенных в 1243 г. правителем Киликийской Армении – Хетумом I с командующим монгольскими войсками на Ближнем Востоке и Малой Азии – Бачу (Байджу) – нойоном, земли Киликии не были затронуты боевыми действиями, в отличие от соседних государств, включая княжества Великой Армении²³⁷. В равной степени, не понесли значительного ущерба и владения т.н. «болховских князей», заключивших соглашения с монголами при подходе туменов Чингизидов к границам их земель²³⁸. Исходя из вышеприведенных примеров, можно сделать вывод о том, что сам факт интенсивных боевых действий монгольских войск на территории Галицко-Волынской земли, сопровождавшийся взятием ряда городов, включая «стольные» Галич и Владимир-Волынский, может являться свидетельством того, что в 1240 г. Чингизиды не рассматривали владения Романовичей как территорию союзного или зависимого государства²³⁹.

---

²³⁵ Майоров А.В. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 98, 103.

²³⁶ Джувеини Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 31–32; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М., 1952. С. 163.

²³⁷ Киракос Гандзакети. История Армении. М., 1976. С. 155–157; 165–167; 178–179.

²³⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792.

²³⁹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 786, 788.

В свою очередь П.С. Стефанович, основываясь на своей версии анализа вышеуказанной грамоты Белы IV, выдвинул тезис о начале политических контактов Даниила Галицкого с представителями дома Джучи в период между 1242 и 1244 г.²⁴⁰ В то же время, в силу отрывочности и краткости вышеприведенного сообщения, представляется затруднительным определить интенсивность и правосубъектность дипломатических контактов Романовичей с Джучидами в первой половине 40-х гг. XIII в.

Следует отметить, что описываемые в летописных источниках события, происходившие в Галицко-Волынской земле в период с 1241 по 1245 г. (подавление враждебных Романовичам боярских группировок, а также нейтрализации военных угроз со стороны претендента на галицкий стол (Ростислав Михайлович Черниговский) и поддерживавших его соседних государств²⁴¹), свидетельствуют об абсолютно суверенной внутренней и внешней политике князей-соправителей, направленной на восстановление административно-территориальной структуры княжества, стабилизацию военно-политической обстановки и восстановлению хозяйственно-экономического потенциала. Таким образом, можно констатировать, что прохождение монгольских войск через Галицко-Волынские земли в 1240 г. не привело к немедленному установлению политической зависимости княжества от Джучидов и Каракорума. Аналогичным образом сохранили статус независимых от монголов государств также подвергшиеся военному разгрому соседние с владениями Романовичей Венгерское королевство и польские княжества.

Первое официальное ордынское посольство, прибытие которого в Галич следует датировать 1245 г., было послано из ставки Могучея (Мауци имевшего, согласно контексту сообщения Платона Карпини, более высокий статус в правящей элите Монгольской империи нежели наместник западных областей Улуса Джучи – Куремса²⁴². Учитывая данное обстоятельство, а также вероятную принадлежность «Мо-

---

²⁴⁰ Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–130 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 122–123.

²⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 789, 790, 792, 795, 796, 797.

²⁴² Путешествие в Восточные страны... М., 1957. С. 70.

гучея» к представителям «золотого рода», можно предположить, что инициатива предъявления политического ультиматума Даниилу и Васильку Романовичам исходила непосредственно от Мауци, без санкции старших Джучидов. По мнению ряда исследователей, требования «Могучея»²⁴³, предполагали переход галицких земель под прямое управление монгольских чиновников²⁴⁴. В таком случае, поездку галицкого князя в ставку Бату следует рассматривать как попытку нейтрализации военной угрозы исходившей от Могучея, посредством признания политической зависимости на более выгодных для себя условиях и подтверждения властных полномочий (инвеституры) от верховного правителя Улуса Джучи. Косвенными аргументами в пользу данной гипотезы являются приведенные летописцем слова Даниила о решении ехать в ставку главы Джучидов, с целью сохранения административного контроля над собственным уделом²⁴⁵, а также отсутствие сведений о посещении галицким князем ставки Мауци, что являлось прямым нарушением дипломатического этикета²⁴⁶. Подобное поведение правителя Галича может объясняться неже-

---

²⁴³ «...«Въ лѣтѣ ꙗко ѡ . . ѿи . [6758 (1250)] Приславшоу же Могоучѣви . **посолю свои** к Данилови и Василкови. боудоушо има во Дороговьскыи да и Галичь быс в печали величѣ. зане не оутвердилъ бѣ землѣ . еѣ города....» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 805–806).

²⁴⁴ Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. Т. 10 [157]. М., 2014. С. 60; Стефанович П.С. Ук. соч. С. 123; Димник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014, № 1(35). С. 30. Наиболее вероятным представляется вариант размещения в административных центрах Галичины военных отрядов баскаков (даругачи) с целью установления фискального контроля над удельными владениями («полуотчиной») Даниила Романовича.

²⁴⁵ «...и доумавъ с братомъ своимъ . и поѣха ко Батыеву. река не дамъ полоу вѣины своеи. но ѣдоу к Батыеву самъ . изииде же на празникъ стѣо Дмитръѣ. помоливса Бѣу . и приде Киевоу. ...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 805–806).

²⁴⁶ Согласно сообщению Киракоса Гандзакеци правитель Киликийской Армении Хетум I, получив вызов из ставки Бату «...с приглашением приехать посетить его и Мангу-хана...», по дороге посетил не только ставку правителя Улуса Джучи, но также ставки Байджу-нойона («военноначальника татарских войск, расположенных на Востоке») и Сартака, старшего сына и

лением Даниила Романовича принимать условия, озвученные в требованиях «могучеевых» послов.

Кроме того, заслуживает внимания сообщение Плано Карпини о получении «охранной грамоты» (проездного ярлыка) для «господина Даниила» послами волынского князя у неназванного представителя правящей элиты Орды²⁴⁷. Данное свидетельство папского посланника позволяет выдвинуть гипотезу о признании Васильком Романовичем политической зависимости от Джучидов ранее 1245 г., либо о наличии неких сепаратных соглашений с Куремсой, контролировавшим территорию по которой пролегал маршрут Даниила. Характерно, что Ипатьевская летопись отмечает факт посещения ставки Куремсы галицким князем по пути к месту расположения кочевья Бату²⁴⁸.

Исходя из летописной информации о весьма благосклонном приеме, оказанном галицкому князю Джучидами²⁴⁹, можно сделать вывод о том, что владения Даниила и Василька были признаны «землей канови и Батыеви» и получили статус вассальных государств, расположенных на западной границе Улуса Джучи и соседствовавших с враждебными монголам странами (Венгрией, Польшей, Литвой).

Сообщение о существовании в Монгольской империи территорий с особым статусом содержится в записках Плано Карпини: «Они (монголы – Л.В.) берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают

наследника Бату («который был христианином по вере»). (Киракос Гандзакци. История Армении / Пер. с древнеарм., предис. и коммент. Л.А. Ханларян (Памятники письменности Востока. LIII). М., 1976. С. 222–223).

²⁴⁷ «...В это время, по споспешествующей нам милости божией, туда прибыл Господин Василько, князь Руссии, от которого мы вполне узнали о настроении Татар. Именно он посылал туда своих послов, которые вернулись к нему и брату его, Даниилу, с охранной грамотой для проезда к Бату для господина Даниила...» (Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 66).

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 806.

²⁴⁹ «... бывшоу же князю оу них днии. к̄. и . е̄. ѿпоущень быс̄ и пороучена быс̄ земля его емоу иже бѣахоу с нимь . и приде в землю свою...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 808).

с ними так сказать участливо, чтобы те не привели на них войска, или чтобы другие не страшились передаться им»²⁵⁰. К таковым народам папский дипломат относил «обезов» (абхазов или абазинов) и «георгиан» (грузин)²⁵¹, что не исключает существование на границах Улуса Джучи и других государственных образований с подобным статусом.

Согласно гипотезе А.А. Горского, зависимые от монголов государства сохранившие внутреннее самоуправление, к числу которых, помимо русских княжеств, исследователь относит Корею, Грузинское царство, Киликийскую Армению, Трапезундскую империю и Румский султанат, рассматривались Чингизидами в качестве плацдарма для дальнейших завоеваний²⁵². Вместе с тем, следует отметить, что большая часть из перечисленных исследователем государств располагались в регионах, не представлявших интереса для кочевников с точки зрения хозяйственно-экономического использования вследствие их ландшафтно-географического расположения. К таковым территориям, помимо отмеченных А.А. Горским, можно отнести сохранивших внутреннее самоуправление и правящие династии высокогорный регион Бадахшана (Баласиана), владения правителей Герата, южноиранскую полупустынную область Луристан и ряд других регионов, включая горно-лесистые районы галицкого Прикарпатья²⁵³. Данное обстоятельство в значительной обуславливало сохранение административной автономии вышеуказанных территорий в государственной системе Монгольской империи.

Наличие автономного статуса предполагало получение ряда административно-политических преференций, косвенные свидетельства о которых в отношении Галицко-Волынского княжества прослеживаются в письменных источниках.

---

²⁵⁰ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57.

²⁵¹ Там же. С. 57.

²⁵² Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. Т. 10 (157). М., 2014. С. 9.

²⁵³ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. С. 107; Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 47; Тимофеев И.В. Ибн Батута. М., 1983. С. 108; Тулибаева Ж.М. Мирза Улутбек о Чингизидах на троне Ирана: правление Улджайту-хана и Абу-Саида Бахадур-хана // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, №2. С. 434.

Прежде всего следует отметить, что в отличие от летописных сводов Северо-Восточной Руси, галицко-волынские летописи не содержат информации о переписных мероприятиях проводимых монгольскими фискальными чиновниками на землях княжества, как в период проведения общеимперской переписи 1257–1259 гг., так и джучидских «чисел» в 1245–1246 и 1274–1275 гг. Вместе с тем, не подлежит сомнению сам факт даннических выплат галицких князей в Золотую Орду, сохранявшихся вплоть до завоевания основной территории Галицко-Волинского княжества польским королем Казимиром III Великим в 1349 г. В частности, в анонимном «Описании Восточной Европы» («*Descriptio Europe Orientales*»), составленном в 1310–1311 гг., содержится упоминание о даннической зависимости «Рутении» от «татар»²⁵⁴. Аналогичное сообщение содержится в письме польского короля Владислава Локетка римскому папе Иоанну XXII (от 21 мая 1323 г.). Сообщая понтифику о смерти галицко-волинских князей Андрея и Льва Юрьевичей, Владислав указывает на ежегодные выплаты ими дани в Орду²⁵⁵. По всей вероятности, именно заин-

---

²⁵⁴ «*Olim fuit hes terra sub imperio, postmodum sub vngaria, nuns autem est sub tribute tatarorum...*» [«Некогда та земля (Рутения, Галицко-Волинская Русь – Л.В.) была под империей, потом под Венгрией, теперь же она данница татар...»] (Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 231, 232).

²⁵⁵ «...*Hinc est, quod Sanctitati vestre insinuacione preseccium cum dolore reverencius intimamus, quod ultimi duo principes Ruthenorum de gente schismatica, quos immedatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Thartarorum hbebamus, decesserunt ex has luce, ex quorum interitu nobis et terries nostris ex vicinitali Thartarorum, quos de certo credimus, terram Ruthenorum nostris metis contiguam, de qu annua tribute percipereconsueverunt occupare perturbation indicibilis, nisi Omnipotentis Dea et vestra gracia affuerit, imminebit...*» [По той причине мы с болью сообщаем с чрезвычайным почтением вашему святейшеству извещением настоящего, что два последних князя рутенов из народа схизматиков, которые были непосредственно для нас непреодолимым щитом против жестокого народа тартар, ушли из того света. По причине их смерти из-за соседства с тартарами – которые, в чем мы уверены без всяких сомнений, захватят землю рутенов, смежную с нашими пределами, из которой они имели обыкновение получать ежегодную дань, – над нами и нашими землями нависнет опасность неминуемого потрясения, если только не окажет по-

тересованностью в сохранении статуса западнорусских земель как податной территории Джучидов, налоги с которой шли в ханскую казну, можно объяснить масштабную военную помощь, оказанную ханом Узбеком правителю Галича – Дмитрию Дедько для отражения нападения войск польского короля Казимира III в 1341 г.²⁵⁶

В данном контексте представляется целесообразным рассмотреть вопрос о датировке начала даннических выплат в Орду, а также структуры налогообложения в Галицко-Волынских землях на всем протяжении периода ордынской зависимости.

По мнению В.Т. Пашуто, регулярные выплаты «татарщины» (ордынского «выхода») с Галицко-Волынских земель начинаются с конца 50-х гг. XIII столетия, после военно-дипломатических акций Бурундая, завершившихся, по мнению исследователя, установлением баскаческой системы сбора налогов²⁵⁷. Аналогичный тезис о том, что сбором «выхода» в Галицко-Волынских землях занимались представители золотоордынской администрации был высказан современным российским историком П.С. Стефановичем²⁵⁸.

Представленная гипотеза вступает в некоторое противоречие с сообщением галицкого летописца о требованиях монголов платить дань с земель подконтрольных Даниилу Галицкому, без упоминания о приезде монгольских «численников»²⁵⁹. Учитывая, что вышеуказанное сообщение прямо соотносится с описанием поездки старшего из Романовичей в ставку Бату, можно сделать вывод о том, что согласие на уплату «выхода» являлось неотъемлемым условием получения галицким князем ярлыка на княжение. Кроме того, в летописных сводах отсутствуют сведения о пребывании в Галиче, Владимире-Волынском и других городах княжества ордынских фискальных чиновников – баскаков, за исключением сообщения Ипатьевской летописи о вре-

---

мощь Всемогущий Бог и ваша милость...»] (Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 643, 644).

²⁵⁶ Хаутала Р. Ук. соч. С. 713.

²⁵⁷ Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 298.

²⁵⁸ Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–130 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 132–133.

²⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 808.

менном пребывании ордынского баскака в г. Бакота, располагавшемся в зоне военного противостояния Романовичей с Куремсой, а также баскаках Подолии, являвшейся в 1260–1360-х гг. частью ордынских владений в бужско-днестровском регионе²⁶⁰. Заслуживает внимания тот факт, что галицкий летописец прямо увязывает сообщение о пленении бакотского баскака с восстановлением Даниилом Романовичем административного контроля над этим городом: «...изъѣхавше аѣша . Милѣѣ баскака . и приведе Левъ . Мѣлѣѣ шѣю си . и бы^ѣ паки Бакота . королева шѣѣ его...»²⁶¹.

В связи с данным обстоятельством, возникает вопрос о наличии или отсутствии в Галицко-Волынских землях необходимой для сбора необходимых налоговых выплат централизованной системы учета населения и материальных ценностей. Для прояснения обозначенной проблемы, следует обратиться к содержащимся в Ипатьевской летописном своде сообщениям о проведении администрацией Романовичей локальных опросно-переписных мероприятий на территории Галицко-Волынской княжества в 40-х и 80-х гг. XIII столетия.

В частности, после ареста самозванных «владельцев» Галича («попова внука» Доброслава Судеича) и Перемышля (боярина Григория Васильевича) и восстановления власти Романовичей над большей частью территории княжества, галицкий летописец отмечает проведение «ближником» Даниила – печатником Кириллом, весной-летом 1242 г. неких мероприятий в Бакоте, проводимых по поручению братьев-князей и преследовавших цель: «...исписати грабительства нечѣтвухъ боаерь оутиши землю...»²⁶². Весьма вероятно, что подобные мероприятия проводились и в иных «землях» Галицко-Волынского княжества, находившихся под временным контролем групп местной боярской аристократии.

Петербургским исследователем Д.Г. Хрустальевым было высказано предположение о том, что данная акция проводилась с целью сбора доказательств для суда над незаконными «держателями зем-

---

²⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 829; ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. М., 1980. С. 74–75. Л. 43. об.

²⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 828–829.

²⁶² ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 791.

ли», по аналогии с проведенной в 1275 г. английским королем Эдуардом I Плантагенетом хозяйственно-административной ревизии – т.н. «Изысканий старьевщика» (Ragman quest), политической целью которой являлся сбор информации о злоупотреблениях баронов во время феодальной войны 1263–1267 гг., для дальнейшего судебного разбирательства²⁶³. Если принять данную гипотезу исследователя как соответствующую историческим реалиям, то весьма вероятной, хотя и не отмеченной в летописи целью акции, являлось стремление Даниила Галицкого и Василька Волынского составить представление о демографическом и хозяйственно-экономическом состоянии Галицко-Волынских земель после монгольского нашествия и получить доказательства вины «державцев».

Аналогичные переписные мероприятия во владениях Романовичей проводились и позднее, в частности, во время правления детей Даниила и Василька – Льва Даниловича Галицкого, Мстислава Даниловича Луцкого и Владимира Васильевича Волынского. Во время похода армий хана Тула-Буги и Ногая в Малую Польшу и Венгерское королевство ордынские войска дважды заходили на территорию Романовичей. В 1287 г. пребывая в окрестностях Владимира-Волынского, «Татаровъ»: «...насилъе велико творахоу в городъ . и пограбиша товара бещисленое множество и конии...»²⁶⁴. Возвращаясь из похода, армия хана Тула-Буги: «...и стоаеша . на Лвовъ землѣ . бѣ . недѣ ли . кормачесь . не воююче и не дадахоуть . ни из города вылѣсти . в зажитѣе .... и оучиниша землю поустоу всю...»²⁶⁵. После отхода ордынских войск в Степь, Лев Данилович провел ревизию хозяйственно-демографического положения Галицкого княжества: «По ѡшествии жиѣ Телебоужинѣ и Ногаевѣ . Левъ князь сочте колко погигло воѣ его землѣ людии што поимано . избито и што ихъ Бжїею волею изъмерло . поль трѣтїи . падесать . тысячѣ...»²⁶⁶.

Приведенное сообщение свидетельствует как о существовании в княжеской канцелярии переписных списков предшествующего

---

²⁶³ Хрусталев Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40-гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 232.

²⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 892.

²⁶⁵ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 894

²⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 895.

периода, без которых невозможно было бы провести сравнительный анализ убыли населения, так и об умении галицких чиновников проводить переписные мероприятия.

Таким образом, следует согласиться с тезисом А.А. Горского о том, что переписи населения галицко-волыньских земель, по итогам которых платился ордынский «выход», могли проводиться властями княжества самостоятельно²⁶⁷. Контраргумент П.С. Стефановича о невозможности подобных мероприятий из-за отсутствия в домонгольской Руси традиции переписи податного населения²⁶⁸ не выглядит достаточно убедительно, вследствие наличия устойчивых и многоуровневых связей галицко-волыньских князей с рядом европейских государств, а также с Византийской (позднее Никейской империей), откуда Романовичами могли быть заимствованы механизмы проведения переписных мероприятий²⁶⁹.

О привилегированном политическом статусе галицко-волыньских князей свидетельствует и отмеченная в летописных источниках возможность привлекать на военную службу кочевых федератов («половцев Даниловых»)²⁷⁰. В частности, в Ипатьевском своде имеется сообщение о наличии в войсках Даниила Романовича отрядов союзных половцев орды Тигака²⁷¹. Ввиду краткости летописного сообщения невозможно сказать с определенностью о том, было ли санкционировано властями Улуса Джучи участие половецкой конни-

---

²⁶⁷ Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // «...Бещисленья рати и великия труды...». Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 136–138.

²⁶⁸ Стефанович П.С. Ук. соч. С. 132.

²⁶⁹ Майоров А.В. Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // ROSSICA ANTIQUA. 2011. С. 60–99; Киселев М.В. Внешняя политика Даниила Галицкого на рубеже 1240-х–1250-х годов // Исторический формат. 2015. № 4. С. 328–339; Фроянов И.Я. Галицко-Волыньская Русь: между Византией, монголами и Римом (достижения и проблемы новейшей историографии) // Русин. 2016, № 4(46). С. 76, 77, 80; Киселев М.В. «Вторый по Соломоне»: «царственный образ» Даниила Галицкого и политическое наследие Византии // Русин. 2017, № 1 (47). С. 34–49.

²⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 818.

²⁷¹ «В ъ лѣ ꙗ . ꙗ . ѡ . ꙗ . [6761 (1253)] Данило же поиде с братомъ Василкомъ . и со снѣмъ Лво^м . и с Половци со сватомъ . своимъ Тѣгакомъ . и приде к Пиньскоу...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 818).

цы в военных операциях Романовичей против литовцев, или же являлось следствием двусторонних договоренностей Даниила и Тигака (являвшегося родственником (сватом) галицкого правителя). Вместе с тем, следует учитывать тот факт, что именно самовольное переселение половецкого племенного объединения Котьяна в пределы Венгерского королевства стало причиной ультимативного послания, направленного Бату от имени великого хана Угэдэя королю Беле IV с требованием изгнания куманов из Венгрии²⁷². Игнорирование Белой IV этих требований привело к вторжению монгольских войск в земли королевства в 1241 г.²⁷³

Дополнительным свидетельством «особых» отношений Джучидов и Романовичей в период с 1245 по 1253 г. является сообщение галицкого летописца о наличии у дружинников Даниила Романовича монгольских доспешных комплексов во время т.н. «Штирского» похода галицко-волинских дружин в 1252 г.: «...Нѣмци же дивашеса вроужью Татарьскомоу бѣша бо кони в личинахъ . и в коарѣхъ кожанныхъ. и людѣ во арыцѣхъ...»²⁷⁴. По сообщениям ряда источников, данный вид защитного вооружения являлся достаточно распространенным в среде монгольских кочевников²⁷⁵, однако технология их изготовления, описанная Плано Карпини и Сюй Тином, была достаточно сложной²⁷⁶ и вряд ли могла быть заимство-

---

²⁷² Хаугала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатань». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. С. 389.

²⁷³ Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 27–42, 45–48, 54–57.

²⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 814.

²⁷⁵ Кулешов Ю.А. «Монгольская латная конница» – историческая реальность или научная спекуляция? (К вопросу о тактике монголо-татар в период Великого завоевания) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань, 2012. С. 160, 169, 170.

²⁷⁶ «Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на коне, а на нижнем – в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле» (Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 50); «Они [черные татары] имеют на воору-

вана русскими ремесленниками-невольниками, бежавшими из ордынских улусов во владения Даниила Галицкого, первые летописные сообщения о которых датируются 1259 г.²⁷⁷. Столь же маловероятной выглядит версия о появлении у галицких дружинников монгольских кожаных доспехов как военных трофеев, ввиду отсутствия в летописных источниках сообщений о значительных военных столкновениях галицко-волынских дружин с ордынцами вплоть до 1253/54 гг. Учитывая отсутствие информации об экспорте оружия из Улуса Джучи в сопредельные государства, а также наличие в Монгольской империи системы государственных арсеналов из которых оружие выдавалось военным начальникам для последующей раздачи подчиненным им воинам²⁷⁸, наиболее обоснованной представляется гипотеза о получении комплексов защитного вооружения во время посещения Даниилом Орды, как подарка правителя Улуса Джучи галицкому князю в качестве подтверждения его особого «союзнического» статуса. На подобный статус, помимо прочего, указывает и церемония приема галицкого князя в ставке Бату, практически полностью аналогичная приему посла южнокитайской империи Сун – Сюй Тина, в ставке великого хана Угэдея, в 1235 г.²⁷⁹

жении доспехи «ивового листа» и [похожие на] сито плетеные доспехи, кожа [сплетена] в 6 слоев» (Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 61).

²⁷⁷ «...идахоу днь и во днь и оуноты . и мастерѣ всацци бѣжахоу ис Татарь . сѣдѣлници и лоучници . и тоулници . и коузницѣ желѣзоу и мѣди и среброу . и бѣ жизнь . и наполниша дворы . вкр^с ть кра^д поле села...» (ПСРЛ, Т. II. СПб., 1908. Стб. 843).

²⁷⁸ Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 203, 206–207; Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niruea tobeigan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. М.-Л., 1941. С. 173, § 234.

²⁷⁹ «Впервые прибыв в золотой шатер татарского владетеля, [я] пил прозрачный кумыс сладкого вкуса... Называют его «черный кумыс», вероятно потому, что прозрачный, а значит кажется черным [как дно и стенки сосуда]...Только в тот единственный раз [мне] удалось пить [черный кумыс. В других местах [я] больше никогда не был удостоен подношения таких изысканных яств. Кроме того, [когда я был] во второй раз в золотом шатре, [мне] прислали виноградное вино, которым наполнили стеклянную бутылку» (Зо-

О достаточно номинальной степени зависимости Галицко-Волынского княжества от Орды свидетельствует и факт военного противостояния Романовичей с наместником Западного крыла Улуса Джучи – Куремсой в 1253/54–1258 гг.²⁸⁰ Действия Даниила Галицкого и Василька Волынского в период «татарской рати» свидетельствуют не о «попытках ослабления «ига»²⁸¹, а о практически полном выходе Романовичей из системы политических договоренностей с Бату, заключенных по результатам визита галицкого князя в ставку главы Джучидов (1245/1246 гг.) и восстановлении государственного суверенитета Галицко-Волынской земли сохранявшемся вплоть до конца 50-х гг. XIII в.

По мнению Е.И. Ивановой, военные действия между Даниилом и Куремсой носили локальный характер и могли рассматриваться правителем Улуса Джучи как конфликт двух вассалов, не влиявший на поступления даннических выплат с Галицко-Волынских земель, включая пограничные районы²⁸². Однако данная гипотеза исследовательницы опровергается сообщением летописи о поведении Даниила Романовича при подходе к границам княжества армии Бурундая²⁸³. В контексте того обстоятельства, что основной целью Бу-

---

лотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 64–65). Для сравнения: «...во ть ча^с позванъ Батьемъ . избавлень бы^с Бмъ . и злого и^х бѣшениа . и кудѣшства . и поклонисѧ по вбѣчаю ихъ . и вниде во вежю его . рекшоу емоу Данило чему еси давно не пришелъ . а нынѣ вже еси пришелъ . а то добро же . пьеши ли черное молоко . наше питье кобылии коумоузъ . вномоу же рекшоу . доселѣ есмь не пиль . нынѣ же ты велишь пью . вн же рче ты оуже нашъ же Тотаринъ . пии наше питье вн же испивъ . поклонисѧ по вбѣчаю ихъ . изьмолва слова своа . ре^с идоу поклонить^с . великою кнагини . Баракъчинови . ре^с иди шедь поклонисѧ по вбѣчаю . и присла вина чюмъ и ре^с не вбыкли пити молока . пии вино...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 807).

²⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 829, 838, 840.

²⁸¹ Стефанович П.С. Ук. соч. С. 131.

²⁸² Иванова Е.И. К вопросу об ордынской политике Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (52). 2013. С. 44.

²⁸³ «...донже приде Боуранда . со силоу великою . посла же послы . к Данилови река идоу на Литвою . вже еси миренъ поиди со мною . Данилови же сѣдшоу с братомъ со сѣмъ . печальнымъ бывше . гадахоуть . вѣдахоуть бо . аще Даниль поедеть . не боудеть с добромъ . сгадавше вси . и еха Василко за брата

рундая являлось возобновление военно-политической активности Чингизидов на европейском направлении²⁸⁴, уход правителя Галича на территорию соседних, враждебных монголам государств, фактически подтверждал его статус правителя «ратного» Орде.

В результате проводимой Бурундаем политики, сочетавшей в себе методы военного давления с рядом дипломатических акций, произошло повторное включение Галицко-Волыньских земель в государственную структуру Улуса Джучи на основе системы новых договоренностей. Подобные военно-политические акции проводились в 40–50-х гг. XIII в. и в других частях Монгольской империи. В частности, по сообщению Ата-Мелика Джувейни, после избрания Гуюка великим ханом (1246 г.): «...стало известно, что китайская страна Манцзы, которая была самой отдаленной его частью, освободилась от зависимости и перестала повиноваться им, он отправил Субутай-бахадур и Джаган-нойона с сильным войском и многочисленной армией в тот край; а также в Тангут и Солонкай...»²⁸⁵.

. и проводи брать до Берестяѣ . и посла с нимъ люди своѣ . и помолвиса Бѣу стмѣу Спѣо . избавникоу... и бысѣ вѣсть из Ляховѣ . оу корола Данила . аѣко Татаровѣ на Ѧтвазѣхъ... Татаромѣ же приехавшимѣ во Ѧтвазѣ . ѡта быста посла и прашаше гдѣ есть Данило вна же ѡвѣщаста в Милници есть . внѣм же рекшимѣ аѣко то есть мирникъ нашъ брать его воевалъ с нами тоуда идемъ . сторожем же изминовшимсѣ с ними . вни же проидоша . ко Дорогычиноу . бысѣ же вѣсть Данилоу послаша Лва и Шварна вонъ и Володимера река имъ . аще вы боудете оу мене . вамъ ездѣти в станы к нимъ....Данилоуви . вл^ччи же приехавшию к Данилови (кназю) . и нача емоу повѣдати в бывше^м и впалоу Боурандаевоу сказа емоу . Данилови же оубоавшоуса . побѣже в Ляхы . а из Ляховѣ побѣже во Оугры...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 850).

²⁸⁴ Американский исследователь П. Джексон предлагает рассматривать внешнюю политику Берке и походы Бурундая в контексте имперской стратегии монголов, направленной на подчинение Чингизидам государств Ближнего Востока и Европы (Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. London, 2005. P. 123–124). Согласно гипотезе российского историка А.А. Порсина, военная компания Бурундая была прямой инициативой центральных властей Монгольской империи (Порсин А.А. Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан. 2020. С. 299–302).

²⁸⁵ Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004. С. 177.

Именно с повторным признанием Романовичами (за исключением старшего представителя династии) сюзеренитета Джучидов следует связывать прибытие в ставку Бурундая волынского князя Василька Романовича и сына Даниила Романовича – Льва Даниловича, а также разрушение укреплений ряда городов и крепостей Галицко-Волынской земли, выполненное по требованию Бурундая²⁸⁶. Аналогичные действия монгольских военачальников отмечены в сообщениях персидских хронистов, посвященных описанию ряда эпизодов военных компаний Чингизидов на Ближнем Востоке. Так, во время прохода войск Хулагу по землям Иранского нагорья (1256–1257 гг.) ряд местных правителей явились в ставку ильхана с признанием политической зависимости и просьбой о подтверждении своих властных полномочий посредством получения ярлыка. При этом условием выдачи ярлыков на правление было требование монголов разрушить крепостные стены городов и замков²⁸⁷.

Согласно сообщению Рашид ад-Дина, одним из условий мирного соглашения с багдадским халифом ал-Мустансимом, было выдвинутое Хулагу требование о разрушении крепостных стен городов во владениях халифа²⁸⁸. Таким образом, исходя из вышеприве-

---

²⁸⁶ «...и приде вѣсть тогда . Данилови князю и к Василкови . вже Боуронда идеть . вкаѣ нныи проклатыи и печална бы ъ брата в томъ . велми . прислалъ бо блше тако река . вже есте мои мирници срѣтъа ма . а кто не срѣтитъ мене . тыи ратныи мнѣ...и срѣте и оу Шоумьски . и приде Василко со Львомъ . и со влѣ кою . передо нь с дары . вномоу же великоу впалоу . створшоу на Василка кнѣа и на Лва . влѣ ка стоаеше во оужасти величѣ . и потомъ реѣ Боуронда Василкови . вже есте мои мирници . розмечетеѣ городаи своѣ всѣ . Левъ розмета . Даниловъ и Стѣжекъ . ѿтолѣ же пославъ . Львовъ розмѣта . а Василко пославъ Кремланѣчь розмета...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 849).

²⁸⁷ «В ту неделю прибыл Шамс ад-Дин, правитель крепостей Кухистана и попросил ярлык. После этого он, вместе с чиновниками Рукн ад-Дина отправился в путь, чтобы начиная с Гирдкуха уничтожить все крепости, числом более пятидесяти, которые все еще оставались в области Кухистан...И явились правители из Дайламана, Ашкавара, Тарума и Харамы. Они были приняты в число верных слуг государя и получив ярлыки, разрушили свои крепости». (Джувейни ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 462–463).

²⁸⁸ «Признак покорности и единодушия в том, чтобы ты во время похода на врага оказал помощь войском...Если ты разрушишь крепостные стены, за-

денных сообщений, допустимо высказать предположение о том, что ярлыки подтверждавшие владельческие полномочия на галицкие и волынские земли были выданы Бурундаем от имени Берке Льву Даниловичу и Василько Романовичу Волынскому, после выполнения требований обозначенных монгольским военным начальником.

Современным украинским исследователем Л.В. Войтовичем, была высказана гипотеза о сохранении Даниилом Галицким статуса независимого от Орды правителя и после своего возвращения из Венгрии, состоявшегося, по мнению историка, в 1262 г.²⁸⁹ Учитывая отсутствие сообщений в письменных источниках о поездках галицкого князя в ставки Берке и Бурундая, тезис Л.В. Войтовича представляется небезосновательным. Вместе с тем, следует учитывать тот факт, что не имея ярлыка на княжение, выданного от лица нового правителя Улуса Джучи – Берке (или великого хана), Даниил не имел статуса легитимного правителя в государственной системе Монгольской империи и Золотой Орды. Данное обстоятельство не исключает вероятной передачи им части владельческих полномочий своему сыну Льву, ставшего галицким князем после смерти отца в 1264 г.²⁹⁰

В целом, период 1258–1280-х гг. характеризуется усилением военно-политического влияния Орды на Галицко-Волынское княжество, следствием чего стала как большая, по сравнению с предыдущим периодом, степень вовлеченности правящей элиты княжества в военные акции Джучидов (русско-ордынские походы на Литву в 1257/1258, 1277 гг. и Польшу в 1259/1260, 1287/1288 гг.)²⁹¹, так и серьезная военно-политическая поддержка галицко-волынских князей со стороны представителей правящей элиты Золотой Ор-

---

сыплешь рвы и явишься повидать нас, препоручив государство сыну...если ты будешь повиноваться нашему указу, то нам не придется враждовать...а если не послушаешься, тогда я погляжу какова воля Божья» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946. С. 34–35).

²⁸⁹ Войтович Л. Польський король Казимир III і боротьба за спадщину Романовичів // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип.46. Львів, 2011. С.11.

²⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 862.

²⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 847, 849–855, 876.

ды²⁹². В то же время, власти Улуса Джучи не предпринимают попыток серьезного ограничения властных прерогатив Романовичей в вопросах внутреннего управления и престолонаследия, вследствие чего принцип династической преемственности наследования галицко-волинских земель сохраняется вплоть до смерти правнуков Даниила Романовича – Андрея и Льва Юрьевичей (начало 20-х гг. XIV в.)²⁹³.

Подводя итог, следует отметить региональную специфику административно-политического статуса южнорусских княжеств в государственной системе Монгольской Империи и Улуса Джучи. Так, Рязанское княжество в целом сохранило свою территориальную структуру и административную автономию на условиях признания политической зависимости и получения ярлыка в результате поездки Олега Ингваревича Рязанского в ставку великих ханов (1242–1243 гг.), а также последующего подтверждения полномочий в 1252 г. В то время как расположенные в лесостепной полосе земли Переяславщины были непосредственно включены в состав одного из ордынских улусов. Основная территория Киевской земли и сам Киев, в 40-х гг. XIII в. получили статус ленного владения и были переданы под управление представителям Владимирского княжеского дома при сохранении присутствия на киевских землях монгольских воин-

---

²⁹² «Въ лѣтѣ . № . ѡ . пѣ . [6782 (1274)] посла в Татары ко великому ц с рви . Менгоутимереви . проса собѣ помочи оу него на Литвоу . Менгоутимерь же да емоу рать . и Агоурчина с ними воеводу и Заднѣпрескыи князи всѣ да емоу в помочь . Романа Дѣбраньского . и снѣмъ Сѡлгомъ . и Глѣба княза Смоленского иньныхъ князи много тогда бо бахоу . вси князи . в воли в Тотарьской...». (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. Стб. 871–872.); «Въ лѣтѣ . № . ѡ . пи [6788 (1280)]...Левъ восхотѣ собѣ части (собѣ) в землѣ Ладьской. города на Вькраини. еха к Ногаеви вканыному проклѣтому. помочи собѣ проса . оу него на Лахы . внѣ же да емоу помочь вканынаго Кончака . и Козѣа . и Коубатана . зимѣ же приспѣвши . и тако поидоша . Левъ радѣ поиде с Татары и со снѣмъ своимъ Юрьемъ...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 881).

²⁹³ Письмо Владислава Локетка папе Иоанну XXII от 21 мая 1323 г. // Боле-слав-Юрий II, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 152; Хаугала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 643–644.

ских контингентов и чиновников. Черниговское княжество, в силу ряда факторов (политические репрессии Джучидов в отношении ряда черниговских князей, кризис системы престолонаследия, сепаратистские тенденции), утратило территориальное единство, распавшись на несколько фактически независимых уделов (Брянский, Новгород-Северский, Стародубский, Путивльский и др.). В свою очередь княжеские уделы братьев Романовичей (Даниила Галицкого и Василька Волынского) а впоследствии и их наследников, получили особый политический статус вассально-союзнических государственных образований, расположенных на границах враждебных монголам государств (Венгрии, Польши, Литвы).

ГЛАВА III.

РУССКО-ОРДЫНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В 1240–1340-х гг.

§ 3.1. Типология границ и пограничных территорий Монгольской империи и Золотой Орды.

Одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов, относящихся к теме изучения административно-территориальной структуры Монгольской империи и Улуса Джучи (Золотой Орды) является проблема типологизации и локализации границ и пограничных зон во владениях Чингизидов. Вместе с тем, соединив и проанализировав разрозненные сообщения письменных источников, представляется возможным составить общую картину системы территориальных разграничений в Чингизидских государствах XIII – первой половины XIV вв.

По сообщению персидского историка Ата Мелика Джувейни уже на начальном этапе формирования имперской государственной структуры улусы-юрты сыновей Чингиз-хана были выделены в отдельные административно-территориальные единицы с четко определенными границами: «Когда во времена правления Чингиз-хана размеры царства стали огромны, он дал каждому удел для его пребывания, которое они называют *юрт*...Своему старшему сыну Туши (Джучи – Л.В.) он (Чингиз-хан – Л.В.) отдал область, простирающуюся от Каялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара, и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня. Чагатай получил территорию, простирающуюся от земли уйгуров до Самарканда и Бухары...Земли Толи (Толюя – Л.В.) также лежали по соседству и располагались в середине державы, как центр в круге»¹.

Информация о наличии в Монгольской империи внутри административных границ между улусными владениями кочевой аристократии содержится и в путевых отчетах южнокитайских дип-

---

¹ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 30; Тизенгаузен В.Г. СМАЗО. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 150.

ломатов первой половины XIII в. В частности, по сообщению представителя сунского двора Сюй Тина, посетившего с дипломатической миссией ставку великого хана Угэдэя в 1235–1236 гг., границы улусов представителей «Золотого рода» (Чингизидов), а также представителей служилой аристократии имели четкую территориальную привязку: «В их [монголов] землях, по которым [я, Сюй] Тин, проехал в Шамо, всякий – от татарского правителя, незаконных цариц, царевичей, принцесс [членов] рода правителей и ниже – имеет определенные границы [владений]»². В свою очередь, Чжан Дэ Хой указывал на ландшафтно-климатическую специфику границ монгольских кочевий: «монголы, с наступлением лета, кочуют по высоким и прохладным местам, а к зиме перекочевывают в места более теплые, открытые на полдень, где только можно доставать топливо и воду. По прошествии этих периодов, они переходят с одного места на другое... Таковы потребности и обычаи страны»³.

Этот же принцип территориального устройства соблюдался и в Улусе Джучи являвшимся, на начальном этапе своего существования, составной частью Монгольской империи.

Согласно свидетельству французского дипломата Гильома де Рубрука, посетившего владения Джучидов в 1253–1254 г.: «они (монголы – Л.В.) поделили между собой Скифию... и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью. Именно зимой они спускаются к югу, в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные»⁴.

Исходя из вышеприведенных сообщений, можно сделать вывод о том, что основную территорию монгольских улусов составля-

---

² Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 47.

³ Арх. Палладий (Кафаров). Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в монголию в первой половине XIII столетия // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. 9–10. Иркутск, 1867. С. 586; Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия. [электронный ресурс] <http://www.vostlit.info>

⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 45, 91.

ли земли, пригодные для традиционной формы кочевнической хозяйственно-экономической деятельности, основу которой составляло отгонное скотоводство.

После распада Монгольской империи (1269 г.), пограничные территории чингизидских государств, приобретают статус государственных границ, постоянная охрана которых осуществлялась регулярными воинскими подразделениями улусбеков, получавших земельные пожалования в областях, граничивших с сопредельными государствами. Так, согласно свидетельству Рашид ад-Дина, внук великого хана Угэдэя – Янгичар, имевший владения на границах с Улусом Джучи, ведал «войском всей пограничной линии»⁵. Также хулагуидским хронистом отмечается практика размещения отдельных воинских контингентов по всему восточному пограничью улуса великого хана Хубилая⁶, от границ со степными улусами Хайду и Дувы на северо-востоке, до предгорий Тибета на юге⁷.

Аналогичная система военной инфраструктуры пограничного контроля действовала и в улусах Джучи и Хулагу. По информации, содержащейся в трактате персидского хрониста Шихаб ад-Дина Фазлаллаха Йазди, в 1318–1319 гг. охрана границы между Золотой

⁵ Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (12266–1359 гг.) Казань, 2011. С. 30.

⁶ «С обеих сторон по границе стоят войска и караулы, они охраняют [ее] и бдительно стерегут. Иногда происходят и сражения. Граница владений каана тянется с упомянутой стороны к востоку на один месяц пути. В большинстве тех мест имеются необходимые войска и караулы. Начиная с востока [по границе] посажены царевичи и эмиры с войском.» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л., 1960. С. 184–185).

⁷ «В [самом] начале восточной границы сидит с войском царевич Камила, брат бабки каана по отцу, ниже его Куркуз-гургэн, зять каана, а ниже его Чункур, сын Токтака, одного из великих эмиров Кубилай-каана, а еще ниже Нанкидай, сын Баяна-Кубукчи...А потом [граница] доходит до области Тангут...Ниже его – пределы Караходжо, города уйгуров...Он находится между пределами каана и Кайду...Ниже сидят царевичи Агичи, внук Чагатая, и Чупай, сын Алгу. А ниже – труднопроходимые горы Тибета, о которых [уже] упоминалось...» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л., 1960. С. 185; Караев О.К. Чагатайский Улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. С. 31–32).

Ордой и владениями Хулагуидов в районе Дербента (Железных ворот) со стороны Ильханата была поручена эмиру Тарамтазу, командовавшему тысячным корпусом (хазаре-и-хассе)⁸. Сообщение об обязательной службе в ордынских «караулах» на внешних границах джучидских владений с сохранявшими на тот момент независимость сообществами аланов и лесгов (лестгин) содержится в записках Гильома Рубрука: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине»⁹. Кроме того, в источниках имеются упоминания и о существовании внутри административных границ между отдельными улусами Золотоордынского государства. В частности, Плано Карпини, описывая территориальную структуру Улуса Джучи, отмечает наличие отдельных тысячных корпусов, кочевавших по обеим берегам Яика (Урала), являвшейся пограничной рекой между владениями Бату и Орду-ичена¹⁰. А упоминание в послании митрополита Алексия «караулов», располагавшихся в бассейне р. Хопер, может являться свидетельством наличия службы пограничного контроля и в регионах русско-ордынского пограничья¹¹.

Таким образом, обобщая сообщения источников, можно сделать вывод о наличии в Монгольской империи и государствах Чингизидов образовавшихся после ее распада как внешних, так и внутренних границ. Внутри административные границы между собственно монгольскими улусами и территорией зависимых от Чингизидов народов и государств, судя по отрывочным сообщениям источников, опреде-

⁸ Из «Истории Вассафа» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (12266–1359 гг.) Казань, 2011. С. 60.

⁹ Путешествие в восточные страны... М., 1957. С. 186.

¹⁰ «...четвертая (река – Л.В.) называется Яик (Яес), у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны...» (Путешествие в восточные страны... М., 1957. С. 70); Ускенбай К.З. Ук. соч. С. 119.

¹¹ «Благословение Алексия, митрополита всея Руси, ко всем крестьянам, обретающимся в пределе Червленого Яру и по караулом возле Хопор, до Дону... и к баскакам и к сотником и к бояром» (Грамота митрополита Алексия на Червленный Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам // АИ, т. 1, 1334–1598 гг., СПб., 1841. С. 22–23.

лялись ханскими ярлыками или распоряжениями региональных наместников и, по всей вероятности, не имели четкой демаркации, зачастую проходя по границе ландшафтных зон и естественных преград (реки, горы, крупные лесные массивы, пустыни)¹².

В частности, подобную ситуацию можно проследить в территориальной структуре Турфанской Уйгурии и Киликийской Армении. Согласно информации приводимой Ата Меликом Джувейни, владения Чагатая простирались «от земли уйгуров»¹³, отделенных от монгольских кочевий пустынным массивом Такламакан, а также горными районами Памира и Тань-Шаня. В период военного противостояния между Хубилаем и Хайду (70-е гг. XIII в.) районы Восточного Притяньшанья, включая Турфанский оазис, неоднократно подвергались вторжениям монгольских войск, сохраняя, тем не менее, значительную степень административно-территориальной самостоятельности¹⁴.

В свою очередь, границы владений Гетума I (правителя Киликийской Армении) и его наследников с владениями Хулагуидов, на первоначальном этапе определялись посредством соглашений армянского правителя, как с командующими монгольских войск на Ближнем Востоке (Чормагуном, Байджу, Хулагу), так и с центральными властями Монгольской империи, и в последствии не претерпели серьезных изменений в виду ландшафтной специфики основной территории Киликии, а также наличия в данном регионе районов, в гораздо большей степени подходящих для ведения скотоводческого хозяйства кочевников. В пользу данного предположения свидетельствует сообщение Марко Поло об использовании иранскими монголами в качестве территории для летних перекочевок предгорий Большого Кавказа¹⁵. По свидетельству армянского хро-

---

¹² Козин С.А. Ук. соч. М.-Л., 1941. § 207; Истoрия монголовъ по армянскимъ источникамъ. Вып 1. СПб., 1873. С. 5–6, 10.

¹³ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 30.

¹⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л., 1942–1960. С. 185; Караев О.К. Чагатайский Улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. С. 30–31.

¹⁵ «Великая Армения.... страна большая, и летом, скажу вам, приходят сюда толпы левантйских татар, потому что во все лето тут привольные пастбища

ниста Вардана в качестве зимних кочевий ильханом Хулагу была выбрана Муганская степь, а летовок (яйлак) Даранская равнина (Даран-дашт)¹⁶. Указанные регионы использовались иранскими монголами в качестве сезонных перекочевок и при приемниках Хулагу (в частности ильхане Абаке (Абаге)¹⁷, являясь в определенные периоды объектом территориальных притязаний со стороны золотоордынских ханов.

По всей вероятности, по аналогичному принципу «*Limites naturales*» («Естественных границ») строилась и система разграничения территории ордынских улусов с землями южнорусских княжеств. Включение лесостепных регионов Восточной Европы в административно-территориальную структуру Улуса Джучи полностью соответствовало распространенной в Чингизидских государствах практике включения в состав собственно монгольских кочевий некоторых территорий сопредельных зависимых государств, как правило из числа пригодных для сезонного скотоводства кочевников.

Лесостепные районы Днестровско-Днепровского и Днепровско-Донского водоразделов, составлявших в домонгольскую эпоху пограничную со Степью периферию южнорусских княжеств, в силу своего ландшафтно-географического положения также представляли интерес для хозяйственного использования ордынскими кочевниками, следствием чего стало их включение в административно-территориальную структуру Джучидского государства уже на начальном этапе его становления.

Вместе с тем, распространенное в российской исторической науке представление о русско-ордынском пограничье как о якобы безлюдной (или малозаселенной) «буферной зоне», располагавшейся между территорией русских княжеств и золотоордынскими улусами¹⁸, представляется несколько преувеличенным и не имеет до-

---

для скота; и живут здесь татары с своими стадами летом, а зимою их нет...» (Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. С. 81).

¹⁶ История монголовъ по армянскимъ источникамъ. Вып. 1. СПб., 1873. С. 15.

¹⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-Таварих). Т. III. М.-Л., 1946. С. 120.

¹⁸ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985; Чернецов А.В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия

статочных обоснований, как в сообщениях письменных источников, так и в данных, полученных в результате археологических исследований регионов южнорусской лесостепной полосы.

§ 3.2. Галицко-Ордынское пограничье.

Одним из наиболее полно освещенных в летописных источниках примеров изменений административно-территориальной структуры южнорусских княжеств, произошедших в результате монгольского нашествия и последовавшего за ним включения русских земель в государственную структуру империи Чингизидов, представляются события, происходившие в 40–60-х гг. XIII в. в регионах Побужья (Болховской земли, Подолии) и Днестровско-Прутского междуречья (Понизья).

Рассматривая вопросы исторического развития указанных регионов Юго-Западной Руси, являвшихся в домонгольскую эпоху восточной и южной периферией Галицко-Волынского княжества, непосредственно граничившей с половецкими кочевьями¹⁹, следует отметить существующую в историографии проблему географической локализации Болховской земли. На начальном этапе исследований истории данного региона М.П. Дашкевичем была высказана гипотеза, согласно которой под Болховым следует понимать земли располагавшиеся на правом берегу р. Горыни и доходившие в южном направлении до Случи и Буга²⁰. Позднее, рядом украинских и российских археологов были уточнены границы Болховской земли как области, включавшей территорию от Колодяжина до Бужска и от Изяславля до р. Гнилопяти²¹.

как хронологического рубежа // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 18–34.

¹⁹ Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948. С. 127, 128.

²⁰ Дашкевич М.П. Еще разыскания и вопросы о Болхове и болховцах // Университетские известия. К., 1899, Кн. 1., Критика и библиография. С. 1–63.

²¹ Раппопорт П.А. Города Болховской земли // КСИИМК. 1955. С. 48–72; Терещук К.И. До питання про локалізацію Болховської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 164–172; Моргунов Ю.Ю. Горо-

Не менее дискуссионным в исторической науке являются и вопросы политико-административного статуса «болховских князей», а также этнической принадлежности населения данного региона. Часть дореволюционных российских историков относила «болоховцев» к древнеславянскому населению Побужья (летописным уличам), а их «владетелей» к черниговской ветви Рюриковичей (Ольговичам)²², в то время как представители т.н. «южнорусской школы» высказывали гипотезу о существовании общинного («городского») устройства Болховских земель, управлявшихся представителями древней племенной аристократии или выбираемыми местным населением «лучшими мужами»²³.

В свою очередь, западноукраинские историки Д. Зубрицкий и И. Шараневич выдвинули тезис о полиэтничном составе населения Болховской земли, состоявшей, по мнению исследователей, из представителей обрусевших тюркоязычных кочевых этносов (крещеных половцев) и славяно-тюркских метисов, которые несли военную службу на степном пограничье Галицко-Волынського княжества²⁴. Позднее данный тезис был поддержан современным российским археологом и историком Ю.Ю. Моргуновым. Согласно гипотезе исследователя, ряд пограничных населенных пунктов, расположенных в верховьях Тетерева, Южного Буга, Случи и, отчасти Горыни, составляли оборонительную линию восточно-волынського

дища кочевников приграничья Южной Руси // Материалы IV научной конференции. Елец, 2006. С. 166.

²² Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. Ч. 323. 1899. С. 358; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3. СПб., 1818, прим. 346; Т. 4. СПб., 1819, прим. 20, 102; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Вид. 2-е. Кн. 1. СПб., б.г., 811, прим 1.

²³ Антонович В. Историко-топографический очерк Южной Руси // Институт рукопису НБУ ім. В. Вернадського. Ф. I. Спр. № 8083. 50–50 зв; Дашкевич Н.П. Болховская земля и ее значения русской истории. Эпизод из истории Южной Руси в XIII и XIV столетиях. Киев, 1876. С. 33; Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885. С. 110; Грушевский М.С. Історія України-Руси. Т. 3. Львів, 1905. С. 159–160.

²⁴ Зубрицкий Д. История древнего Галицко-Волынського княжества. Львов, 1855. Ч.3. С. 138; Шараневич И. История Галицко-Владимирской Руси. От найдавнішних времен до року 1453. Львов, 1863. С. 104.

сектора системы защитных рубежей «Русской земли», а в 40–70-е годы XII в. передавались во временное держание волынским князьям и могли заселяться выходцами из «Поля»²⁵. В Ипатьевском своде содержится отрывочное сообщение, позволяющее предположить наличие «своих поганых» на землях галицко-волынского пограничья. Описывая события княжеской междоусобицы 1150 г. галицкий летописец отмечает переход князя Изяслава: «...на Гольско. да Кунилю . в Черныѣ Клобоукы. и тоу приѣхаша к нему вси Чернии Клобочи . с радостию великою . всеми своими полкы...»²⁶. К настоящему времени, летописный Гольск достаточно четко отождествляется с Гульским городищем на р. Случ²⁷, что позволяет достаточно четко локализовать район проживания союзных галицким князьям торко-печенежских федератов. Косвенным, но достаточно объективным подтверждением кочевнического присутствия в Болховской земле является специфика фортификационных сооружений крепостей Болховщины, аналогии которой просматриваются в укреплениях «черных клобуков» Поросья²⁸.

В 1240 г., при подходе к границам княжества монгольских туменов, болховские владельцы заключили с Чингизидами некое соглашение, позволившее «князьям» сохранить свои уделы в неприкосновенности²⁹. Исходя из сообщения летописи, можно сделать вывод о том, что Болховская земля получила статус территории с автономным управлением, добровольно подчинившейся монголам с условием выплаты продовольственного натурального налога продуктами земледелия³⁰. Наиболее вероятным объяснением соглашения болховской аристократии с монголами может служить наличие враждебных отношений местных элит с династией Романовичей. Накануне монгольского нашествия, в 1235–1236 гг. галицкие бояре в союзе с болховскими владельцами составили коалицию против Даниила Галицкого и Василька Волынского и упорно противостоя-

²⁵ Моргунов Ю.Ю. Ук. соч. С. 165–167.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 396.

²⁷ Моргунов Ю.Ю. Ук. соч. С. 165.

²⁸ Там же. С. 166–168.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792.

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792.

ли им, пока не были разбиты армией торков и киевлян (полк Данила Нежировича) в битве у Каменца (1235 г.)³¹. Ввиду отсутствия в летописных источниках информации о казни или длительном заточении Болховских князей после разгрома антикняжеской коалиции, допустимо предположить, что после непродолжительного плена Романовичи вернули им владельческие полномочия, с возможным условием принесения вассальной клятвы на верность.

Свидетельства об умении монгольских военачальников использовать в целях снабжения войск дипломатические договоренности с правящими элитами отдельных регионов имеются не только в европейских, но и в мусульманских источниках, содержащих информацию о военных компаниях Чингизидов в Средней Азии и на Ближнем Востоке.

Согласно сообщению хулагуидского хрониста Рашид ад-Дина, во время зимовки войск Чингиз-хана в 1223 г. в местности Буй-Кубур, правитель области – Салар-Ахмад: «...подвязал пояс повиновения и выполнил все, что было возможно по части подготовки фуража и всего необходимого для снаряжения войска» (монголов – Л.В.)³². Аналогичным образом правители Хамадана и Тебриза предоставляли туменам Субэдэя и Джебе верховых лошадей и скот для провианта во время прохождения их войск по землям Северного Ирана и Южного Кавказа (1221–1222 гг.)³³.

Аналогичные эпизоды прослеживаются и в ряде военных компаний наследников Чингиз-хана. Так, в самом начале ближневосточного похода внука Чингиз-хана – Хулагу, «падишахам и султанам Иранской земли были посланы ярлыки», в которых правителям ряда небольших государств Иранского нагорья предлагалось оказы-

³¹ «Въ лѣтѣ . № 5 . ѡ . мѣ . [6743 (1235)] Придоша Галичане на Каменецъ . и вси Болоховьскыи князи с ними . и повоеваша по Хомороу . и поидоша ко Каменцю... в то же время . послалъ блшѣ Володимиръ . Данилови помощь Торцькы и Данила . Нажировича . Данилови же боаре выехавши ис Каменца . снемьшеса со штрокы . и постигоша ѣ и побѣжени быша невѣрнии Галичане . и вси кнзи Болоховьскыи . изоимани быша . и приведоша е Володимѣръ . ко кнзю Данилови...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 774).

³² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга вторая. М.-Л., 1952. С. 225.

³³ Там же. С. 227.

вать проходившим по их территории монгольским войскам всемерное материальное и продовольственное обеспечение: «Если вы, прибыв своей особою, окажете помощь и поддержку войском, оружием и припасами, [ваши] владения, войска и жилища останутся вам и усердие ваше будет одобрено»³⁴. В результате: «...султаны и малики каждого владения из пределов Ирана направились на служение к его высочеству...все с подобающими дарами»³⁵. Несколько позднее, прежде чем начать осаду Багдада: «[Хулагу] отправил гонцов к Хусам ад-Дину Акка, бывшему со стороны халифа хакимом в Дептенге и его округе, таившему обиду на [халифа] Мустасима по религиозным причинам, и потребовал [явится к нему]. Хусам ад-Дин без колебаний вверил Дептенг своему сыну эмиру Са'ду и тотчас явился на служение. Хулагу оказал ему большое благоволение и милость и удостоил разрешения вернуться обратно...»³⁶.

По мнению О.П. Толочко и В.М. Рички соглашения, заключенные Чингизидами с правящей верхушкой Болховской земли следует рассматривать как «инфраструктурный проект», имеющий аналогии с политикой монголов в других землях подвергнувшихся нашествию³⁷. Вместе с тем, необходимо отметить, что попытка исследователей провести прямые аналогии «болховских князей» с «канесиями» (*caneseos*) венгерской Трансильвании, упоминаемыми в хронике Магистра Рогерия, представляется не вполне обоснованной. В отличие от трансильванских «канесиев», непосредственно назначенных монгольскими военными начальниками из представителей населения проживавшего на территориях подвергшихся прямой военной оккупации, представители болховской аристократии лишь получили подтверждение своих властных полномочий от Бату, или кого либо из представителей «золотого рода»³⁸. Учитывая данное

³⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946. С. 25.

³⁵ Там же. С. 25.

³⁶ Рашид ад-Дин. Джамии-ат-таварих. Баку, 2011. С. 51.

³⁷ Толочко О.П., Ричка В.М. «Князи болоховьскии» // *Ruthenica*. Т. XII. Київ, 2016. С. 106–107.

³⁸ «...**Назначили** канезиев, то есть бальи, которые следили за справедливостью, заботились о лошадях, животных, оружии, имуществе и одежде...а было канезиев всего почти сто...» (Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 51–52). Для срав-

обстоятельство, более обоснованным представляется определение статуса болховских князей как местных династов, признавших политическую зависимость от Монгольской империи, с обязанностью выплаты натурального продовольственного налога (тагара).

О наличии неких политических договоренностей болховских владетелей с монголами, свидетельствует сообщение Ипатьевской летописи о том, что в период подавления Даниилом Галицким сепаратистских группировок боярской знати в 1241 г., правящие элиты Болховской земли рассчитывали на поддержку монголов в военном противостоянии с Романовичами «...æко ѿ Тотарь болшоую надежоу имѣахоу...»³⁹. Однако вследствие нахождения в этот период времени монгольских войск в Венгрии⁴⁰, Чингизиды не смогли оказать серьезной военной помощи своим «служебникам».

Воспользовавшись благоприятной внешнеполитической ситуацией, Даниил Романович направляет в Болховские земли значительные силы под руководством одного из своих ближайших сподвижников – «печатника» Кирилла. Поход галицких дружин закончился взятием городов «Деревичь Гоубинь, Кобоудь, Коудинь городѣць, Божьскыи Дадьковъ»⁴¹, а так же опустошением Болховской земли, которую Кирилл «плѣнивъ» и «пожегъ»⁴².

Допустимо предположить, что после успешной военной кампании Кирилла в 1241 г. болховские владетели восстанавливают вассальные отношения с галицким княжеским домом, сохраняя при этом значительную степень административно-управленческой автономии. В значительной мере этому способствовало и географическое расположение уделов болховских «князьцов», находившихся между землями Романовичей и владениями монгольского наместника Куремсы, который, по сообщению Плано Карпини являлся:

нения: «...**вст**авили бо ихъ Татарове. да имъ врють пшеницю и проса. Даниль же...рекшоу Болеславоу . почто соуць вошли во землю мою . æко не вдахъ имъ реки. и не соуць вои твои. но соуць . **всобнии князи**...» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792).

³⁹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792.

⁴⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. С. 46.

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792.

⁴² ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792.

«...господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох»⁴³. В частности, Ипатьевская летопись отмечает попытки политического лавирования владетеля Кременца – Андрея: «...Андрѣви же на двое боудуощоу. вьогда взывающоуся королевъ есмь . вьогда же Татарьскимь . держащоу неправдоу во срѣдци ...»⁴⁴. О сохранявшейся вплоть до середины 50-х гг. XIII в. проордынской ориентации правящих кругов ряда районов галицко-ордынского пограничья, свидетельствует летописное обозначение населения региона Верхнего Побужья как «людей Татарьских», а также ряда побужских городов как «сѣдациа̃ . за Татары»⁴⁵.

По всей вероятности, именно неопределенность административно-территориальной принадлежности пограничных земель Бужско-Днестровского междуречья послужила основной причиной военного конфликта между Даниилом Галицким и наместником западных владений Джучидов. В историографии присутствует несколько гипотез объясняющих причины галицко-ордынского противостояния. Так, М.С. Грушевский определял цель похода Куремсы на Бакоту и Кременец как поддержку антикняжеского выступления болховских владетелей⁴⁶. В аналогичном ключе А.Н. Насонов рассматривал действия монгольского военачальника как попытку подчинения пограничных с Ордой территорий Галицко-Волынского княжества⁴⁷. По мнению В.Т. Пашуто перед наместником западного улуса была поставлена задача не только защитить Болховскую землю и Киевщину от угрозы военной экспансии галичан, но и занять всю Юго-Восточную Русь⁴⁸.

⁴³ Путешествие в восточные страны... М., 1957. С. 69.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 829; Юсупович А. «На двое будущу»: баскаки в Галицком княжестве в XIII в. // *Colloquia Russia*. Серия I. Том. 2. Князівства Галицкой і Волынской земель в міжнародних відносинах XI–XIV ст. Мат. II Міжнародної наукової конференції, Івано-Франківськ (10–22 жовтня 2001 р.). С. 89.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 838.

⁴⁶ Грушевский М.С. История Украины-Руси. Т. III. Львов, 1905. С. 84.

⁴⁷ Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2006. С. 240. прим.2.

⁴⁸ Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 282.

Несколько иной подход в оценке данных событий прослеживается в работах современных исследователей. В частности, согласно гипотезе Р. Хауталы, формальным предлогом к началу боевых действий послужила попытка Куремсы распространить на пограничные земли практику проведения общеимперских переписей⁴⁹. В свою очередь Е.И. Ивановой было высказано предположение о том, что военная реакция Куремсы была вызвана территориальными претензиями галицкого князя⁵⁰. На наш взгляд, наиболее аргументированной и взвешенной представляется оценка военного противостояния между Романовичами и Куремсой как пограничного конфликта, основной целью которого являлось установление одной из сторон полного контроля над буферными территориями галицко-ордынского порубежья, располагавшимися в Среднем и Верхнем Побужье.

По сообщению Ипатьевской летописи, относящей начало боевых действий к 1255 г.: «...приѣхаша Татарѣ. ко Бакотѣ . и приложиса Милѣи к нимъ . Данилови же пошедшоу на воину . на Литвою на Новъгородокъ . посла снѣ си Лва на Бакотоу посла Левъ дворьского передъ собою . изъѣхавше аша . Милѣа баскака . и приведе Левъ . Мѣлѣа вѣю си . и бысѣ паки Бакота . королева вѣа его .... Потом же Коуремьса приде ко Креманцю . и воева . вколо Креманца ....и не оуспѣвше ничто оу Креманца . и възвратишася во страны своа...»⁵¹.

После завершившихся неудачей набегов монголов на пограничные с Ордой земли Галицкого княжества⁵², Даниил и Василько Романовичи проводят ряд военных компаний против болховских владетелей и городов Верхнего Побужья, пользовавшихся политическим покровительством Орды: «...По рати же Креманецкой Коуремьсинѣ . Даниль възд виже рать . противоу Татаромъ . сгадав с братомъ . и со снѣомъ . посла Деонисиа Павловича . вза Межибжье . потомъ же воевахоуть . люде Данилови же и Василкови Болоховъ .

⁴⁹ Хаутала Р. От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 283.

⁵⁰ Иванова Е.И. К вопросу об ордынской политике Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (52). 2013. С. 44.

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 828–829.

⁵² Там же. Стб. 829.

а Лвови Побожье и люди Татарьскыѧ . веснѣ же бывши. посла снѧ своего Шварна на Городокъ . и на Сѣмоць . и на вси городы . и взѧ Городокъ . и Сѣмоць . и всѣ городы . сѣдащиѧ . за Татары Городе-скъ . и по Тетереви до Жедьчевьева... Шварно же приде поймавъ городы всѧ . и по немь придоша Бѣлобережцѣ . и Чарнатинци и вси Болеховци...»⁵³.

Таким образом, к 1256 г. Романовичи на некоторое время восстанавливают административный контроль над Побужьем, а также землями в бассейнах Случа и Тетерева, имевших до этого статус территории, находившейся в политической зависимости от Орды («сѣдащиѧ за Татары»). Вероятно тогда же, в территориальную структуру владений Даниила Галицкого включаются и районы галицкого Понизья, располагавшиеся в Днестровско-Прутском междуречье.

Рассматривая вопрос об административно-территориальных изменениях на южных и восточных рубежах Галицкого княжества, происходивших во второй половине XIII – первой трети XIV вв., необходимо учитывать сообщения византийских хроник, отмечающих повторное завоевание монголами земель Пруто-Днестровского междуречья в 60-х гг. XIII в.⁵⁴ Данные территориальные изменения, с большой долей вероятности, могут быть соотнесены с военно-дипломатической деятельностью нового наместника западных улусов Орды – Бурундая, «ставшего» в 1258 г. «на местах Куремсиных»⁵⁵.

В 70–90-х гг. XIII столетия степные и лесостепные районы Днестровско-Дунайского региона входили в состав владений Ногая. В частности, упоминание неких земель «оросов» и «улагов» («авлаков», волохов), которые являлись «...юртом и местопребывани-ем...» могущественного ордынского аристократа, содержится в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина⁵⁶.

---

⁵³ Там же. Стб. 838.

⁵⁴ Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. 6. СПб., 1862. С. 316–320.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 846.

⁵⁶ История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Алматы, 2006. С. 122–123.

Согласно гипотезе Н.Д. Русева, после расправы золотоордынских властей с Ногаидами, значительное содействие в которой законным властям Орды было оказано со стороны болгарского царя Теодора Свентослава⁵⁷, хан Токта передал в ленное управление правителю Болгарии, находившейся в политической зависимости от правителя Улуса Джучи, земли от Дуная до Днестра⁵⁸. Данный тезис молдавского исследователя был оспорен румынским историком В. Спинеем, предположившим, что административная юрисдикция правителя Болгарии распространялась исключительно на болгарские общины региональных городских центров⁵⁹. Вместе с тем, следует отметить, что реальный контроль над оседлым населением лесостепных и предгорных районов Днестровско-Дунайского и Пруто-Серетского междуречий в период ордынского владычества осуществлялся правящими элитами различных этнических групп «страны влахов и руссов» («билад авлак-ва-р-рус»), проживавших на данных территориях и подчинявшихся золотоордынским улусбечкам⁶⁰.

Аналогичным образом не находит четких отражений в источниках вопрос об административно-территориальной принадлежности земель среднего и верхнего Побужья в 1260–1360-х гг., являясь до настоящего времени предметом научной дискуссии. Ф.М. Шабульдо, основываясь на сообщении письма польского короля Владислава Локетка римскому папе Иоанну XXII (от 21 мая 1323 г.)⁶¹,

---

⁵⁷ Тизенгаузен В. Г. СМАЗО. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 117.

⁵⁸ Русев Н.Д. Два варианта городской истории средневекового Причерноморья – Белгород и Олешье // Генуэзская газария и Золотая орда. Кишинев. Stratum Plus, 2015. С. 23.

⁵⁹ Спинеи В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 747.

⁶⁰ Коновалова И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1991. С. 73–75, 91–92; Русев Н.Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Молдавия в «темные века». Кишинев, 1999. С. 380–38.

⁶¹ Куник А.А. Объединительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных

содержащего указание на опасность захвата Галицкой Руси ордынцами в связи с гибелью (*interitu*) князей-соправителей Льва и Андрея Юрьевичей, и якобы возникавшую в связи с этим угрозу «татарского» вторжения в Малую Польшу, делает вывод о наличии в начале 20-х гг. XIV в. военного конфликта между Золотой Ордой и Галицко-Волынским княжеством. По мнению историка, после укрепления власти хана Узбека, ордынские власти могли предъявить территориальные претензии относительно возврата ранее захваченных галичанами пограничных территорий⁶².

Аналогичной гипотезы о наличии военного конфликта между галицко-волынскими князьями и ханом Узбеком, а также о сохранении правителями Галицко-Волынского княжества контроля над лесостепными районами Бужско-Днестровского междуречья вплоть до 1321–1327 гг. придерживаются и некоторые современные российские и украинские исследователи⁶³. Однако в виду того обстоятельства, что никаких конкретных данных, подтверждающих само существование галицко-ордынского противостояния в первой четверти XIV в., а также информации способной дать представление о размерах и последствиях гипотетического военного давления Золотой Орды на Галицко-Волынское княжество в 20-е гг. XIV в. не сохранилось, то и сам факт подобного противостояния является лишь предположением историков, основанных на ряде допущений и анализе общеполитической ситуации⁶⁴.

текстов // Болеслав-Юрий, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований. СПб., 1907. № 4. С. 152; Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 643–645.

⁶² Шабульдо Н.Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 23.

⁶³ Пилипчук Я.В. Эмир Димитрий и Центрально-Восточная Европа в XIV в. // Золотоордынская цивилизация. № 7. 2014. С. 298; Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–130 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 129–130.

⁶⁴ В частности, факт наличия в тексте послания галицко-волынских князей Андрея и Льва Юрьевичей к магистру Тевтонского Ордена Карлу фон Триру (от 9 августа 1316 г.) обещаний обороны территории Ордена от ордынцев («татар»): «C[a]eterum terras vestras fideliter praemunire curabim[us] pr[a]e

В то же время, косвенным подтверждением достаточно длительного пребывания земель днестровско-бужского междуречья в составе Золотоордынского государства является сообщение Уваровской летописи обозначившей ордынских эмиров Хаджибея, Кутлубуку и Димитрия, разгромленных литовцами в битве на Синих Водах в 1363 г., как «отчичей и дедичей» Подольской земли⁶⁵, то есть владельцами данной территории в третьем поколении. В данном контексте, наиболее вероятной представляется гипотеза о включении районов Среднего и Верхнего Побужья в административно-территориальную структуру Улуса Джучи в конце 50-х – начало 60-х гг. XIII в., произошедшего в результате военно-политической деятельности Бурундая.

Таким образом, на основании вышеприведенного анализа сообщений письменных источников можно сделать вывод о том, что в 40-х и повторно в 60-х гг. XIII в. ряд территории Днестровско-Прутского и Пруто-Серетского междуречий, а также ряд лесостепных районов в верхнем течении Южного Буга, Днестра и Случи, были включены в состав улусных владений золотоордынской аристократии и находились под контролем Джучидов как минимум до начала 60-х гг. XIV в. Во второй половине XIV– начале XV вв. вышеуказанные регионы русско-ордынского пограничья входят в состав ВКЛ и Молдавского княжества, сохранив полиэтничный состав населения и оставаясь зоной интенсивных этнокультурных и хозяйственно-экономических контактов⁶⁶.

Tataris, dum[m]odo nobis constiterit, et ab hostili quolibet invasore» («Кроме того, мы позаботимся защищать спереди ваши земли от татар, когда это от нас потребуются, и от другого враждебного захватчика») (Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С.640–642), совершенно не означает наличия военного противостояния между Романовичами и Джучидами (Стефанович П.С. Ук. соч. С. 130), а является традиционным дипломатическим оборотом с перечислением потенциальных угроз.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. М., 1880. С. 74–75. Л. 42 об.

⁶⁶ Русев Н.Д. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии // Русин. 2005, № 2(2). С. 98–99; Он же. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Молдавия в «темные века». Кишинев, 1999. С. 394–398; Шорников П. Славяно-

§ 3.3. Черниговско-Ордынское пограничье.

Рассматривая вопросы трансформации территориальной структуры Черниговского княжества, последовавшей в результате военного разгрома владений Ольговичей туменами Чингизидов в 1239 г. и последовавших за этим процессов становления политической зависимости чернигово-брянских князей от властей Улуса Джучи, следует учитывать, как географическую, так и этническую специфику южной (лесостепной) периферии Чернигово-Северских земель в период, предшествующий монгольскому нашествию. Прежде всего, необходимо отметить, что районы черниговско-половецкого пограничья включали в себя обширные лесостепные территории, располагавшиеся в междуречье Ворсклы, Северского Донца и Оскола, а также бассейне Тихой Сосны, по линии древнерусских городищ Холки, Мохнач, Гайдары, Крапивное, составлявших цепь сторожевых крепостей на границе с Полем⁶⁷.

Этнический состав населения вышеуказанного региона включал в себя как славянские, так тюркские элементы, представляя из себя зону совместного хозяйственного освоения русских земледельческих общин и родо-племенных объединений кочевых федератов черниговских князей, упоминание о которых как о союзниках Ольговичей содержатся в Ипатьевской летописи⁶⁸.

Археологические исследования данного региона фиксируют совместное или соседнее проживание различных этнических групп на ряде объектов, локализуемых на пограничных со степью территориях Черниговского княжества. К таковым населенным объектам следует отнести достаточно крупное поселение Ницахи, на р.

молдавский этнокультурный синтез. XIV–XVII вв. // Русин. 2006, № 4(6). С. 106–117; Суляк С. Молдавская Русь (к 650-летию образования молдавской государственности) // Русин. 2010, № 2 (20). С. 11–13.

⁶⁷ Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 275–300; Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006. С. 260.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. Стб. 428, 638; Сытый Ю.Н. Ковуи на Черниговском Задесенье // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 8. Минск, 1996. С. 217–219.

Ворсклица, Гочевский археологический комплекс на р. Псел, а также большой некрополь у хут. Могилки на р. Мерле. Полиэтническое, оседло-кочевое население проживало также и в бассейне Северского Донца, составляя крупную агломерацию населенных пунктов (Харьковское городище, Крапивенский археологический комплекс, летописный Донец), «закрывавшую» один из самых опасных участков черниговско-половецкого пограничья. Данный район являлся самым южным, выдвинутым в степь форпостом владений черниговских князей⁶⁹.

Кроме того, летописные источники содержат свидетельства о проживании в ряде населенных пунктов черниговского Задесенья отдельных групп служилых половцев. В частности сообщение Ипатьевской летописи от 1158 г. свидетельствует о присутствии союзных кочевников в некоторых городах южной Черниговщины: «...повѣдъ Гевргии. и речѣ Стѣславъ . и ѿ вижъ мое смирение . колико на сѧ поступахъ . не хотя крови пролити . хрсѣ тьѣньски и ѿицины своеѧ погубити . взати Черниговъ съ зѣ ю городъ пустыхъ Моровиескъ. Любескъ. Сѣргошъ. Всеволожь. а въ нѣхъ сѣдѣть псареве же и Половци...»⁷⁰. По мнению ряда исследователей, указанные в летописи «пустые» города, составляли еще одну оборонительную линию защиты от набегов половцев⁷¹ и, вероятно, представляли собой типичный для южнорусского пограничья тип сторожевых крепостей с гарнизонами, состоящими из княжеских «послужильцев» и кочевых федератов, основным занятием которых являлось несение военной службы на южных рубежах Чернигово-Северской земли.

Монгольское нашествие и процессы дезинтеграции Черниговского княжества во второй половине XIII в. повлекли за собой значительные территориальные изменения на южной и юго-восточной

⁶⁹ Дьяченко А.Г. Славянские памятники VIII – середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Харьков, 1983. С. 14–15.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 500; Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв: избранные труды. М., 2009. С. 62.

⁷¹ Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв: избранные труды. М., 2009. С. 63; Коваленко В.П., Ситий Ю.М. «Своі погани» Чернігівських князів // Стародавній Іскоростень і словянські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 122, 126, 132, 134–135.

периферии Чернигово-Северских земель. Данные изменения практически не нашли отражения в аутентичных эпохе нарративных источниках, что оставляет проблему локализации черниговско-ордынского пограничья в сфере исследовательских гипотез и попыток историко-географических реконструкций. Так, по предположению В.Л. Егорова северная граница ордынских улусов на левобережье Днепра проходила по нижнему течению р. Псел с последующим отступлением ее к югу в среднем течении р. Ворсклы и далее на восток вдоль ее левого берега несколько южнее современного Харькова⁷². Согласно гипотезе А.К. Зайцева «естественной границей» собственно черниговских земель с владениями Орды в 40–80-х гг. XIII в. следует считать верхнее течение р. Псел, являвшейся устойчивой границей княжества с половецкими кочевьями в XII – первой трети XIII в.⁷³

География археологических находок, относящихся к золотоордынской эпохе свидетельствует о включении в сферу хозяйственной деятельности ордынских кочевников водоразделов рек Сулы, Хорола, Псла и Ворсклы при сохранении славянского земледельческого населения на приречных участках. Присутствие двух вариантов материальной культуры, представленных в районах среднего течения Северского Донца и Ворсклы, являются неоспоримым свидетельством относительно мирного сосуществования тюркского и славянского населения в районах русско-ордынского пограничья⁷⁴. Расположение в непосредственном соседстве кочевнических некрополей, включая захоронения золотоордынской знати, а также древнерусских земледельческих поселений и могильников, также свидетельствует о совместном проживании в данном регионе разных этнических общин в рамках Джучидского государства⁷⁵.

---

⁷² Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 38.

⁷³ Зайцев А.К. Ук. соч. С. 80.

⁷⁴ Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // *Stratum*. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань-Симферополь-Кишинев, 2015. С. 467.

⁷⁵ Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоордынского часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ-Полтава, 2004. С. 53–54.

В последней четверти XIII в. происходит переход ряда районов Южного Посеймья под непосредственное управление ордынских чиновников из числа представителей мусульманской купеческой общины («ордынских гостей»). События, связанные с учреждением Курского баскачества и возникновением слобод баскака Ахмата в 1288–1289 гг., достаточно хорошо изучены и представлены в отечественной и зарубежной историографии⁷⁶, однако некоторые аспекты данной темы требуют дополнительного рассмотрения и анализа.

Прежде всего, остаются не до конца выясненными причины, повлекшие переход Курской земли, изначально управлявшейся князьями местной династии, под непосредственный контроль ордынской администрации. Последним представителем династии курских правителей, сведения о котором сохранились в письменных источниках, следует считать князя Василия Дмитриевича, упоминаемого в Любецком синодике как убитого «от татар»⁷⁷. В дошедших до настоящего времени летописных источниках не содержится информации о гибели южнорусских удельных князей во время боевых действий с ордынцами («татарами») в период второй половины XIII – начала XIV в. В связи с данным обстоятельством, допустимо высказать предположение о казни Василия Дмитриевича в ханской ставке, после чего земли выморочного (то есть не имевшего законных наследников) Курского удела были переданы властями Улуса Дучи под прямое управление «откупившему» баскаческий ярлык «бесерменину» Ахмату, принадлежавшего, по всей вероятности, к сообществу т.н. «ортаков», занимавшихся международной торговлей и имевших тесные связи с представителями правящих элит чингизидских государств.

---

⁷⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М., 1992; Насонов А.Н. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 266, 270; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 39–40; Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996. С. 5–57; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-Москва, 1997. С. 189–190; Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 92–97.

⁷⁷ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 27, 28.

Данные действия властей Золотой Орды в целом укладываются в фиксируемые летописными источниками изменения административно-фискальной политики, произошедшие после «воцарения» Туда-Менгу (1281г.)⁷⁸, В частности, именно к 80-м г. XIII в. относится сообщение Никоновской летописи о частичном возвращении в фискальную систему Улуса Джучи налоговой практики т.н. «откупов», отмененных после истребления монгольских «численников» и откупщиков во время восстания ряда городских общин Северо-Восточной Руси в 1262 г. : «Бе убо обычай царем ордынским и князем его на всей русской земле дань взимати, овогды же убо откупаху даньския пошлыны русских князей, овогды же сами князи на своих княжениях забираху дани и отвожаху во Орду, овогда же...ординския гости...откупаху дани в русских княжениях, и тако корысть себе приобретаху»⁷⁹. Приведенное сообщение полностью соответствует информации об обстоятельствах возникновения ордынского баскачества в Курской земле, содержащейся в Лаврентьевской летописи: «Того же лѣта...сътворися зло в княжѣнии Курския области, бѣше нѣкто бесерменин злѡхитр и велми зол, имя ему Ахмат, держашѣ баскачество Курскаго княжения, откупаша у татар дани всякия и тѣми даньми вѣлику досаду творяшѣ князем и чѣрным людѣм в Курском княжѣнии, насилиѣ творяху христианом, сущим Курския волости, около Воргола и около Рылска пусто створиша»⁸⁰. Таким образом, в период правления «хана-дервиша» Туда-Менгу, представители мусульманских деловых кругов получают юридически оформленное право не только на сбор налогов, но и на непосредственное управление некоторыми русскими землями.

Еще одной причиной включения территории Курского княжества в административно-территориальную структуру Орды могло являться то особое экономическое значение, которое представлял для властей Улуса Джучи регион Курско-Рыльского Посеймья, являвшийся в домонгольскую и ордынскую эпохи одним из немногих регионов Южной Руси имевших крупные залежи железной руды и об-

---

⁷⁸ Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. I. СПб., 1884. С. 68, 104.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись. СПб., 1885. С. 162.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 481.

ладавший специалистами по технологиям ее обработки⁸¹. В частности, согласно данным новейших археологических исследований, в верхнем течении р. Псел располагался большой древнерусский металлургический комплекс (площадью более 10000 м²), время существования которого датируется второй половиной XIII – XIV вв.⁸² В данном контексте передача властями Золотой Орды административного управления территории Курского Посеймья назначенному баскаку-откупщику выглядит, как стремление поставить под контроль производство стратегически важного сырья и производимых из него ремесленных изделий.

В пользу данного предположения свидетельствует активная деятельность Ахмата по созданию и заселению достаточно крупных торгово-ремесленных поселений – «свобод» (слобод), находившихся под прямым управлением ордынских чиновников. Согласно тексту летописного сообщения заселение «свобод» производилось по принципу добровольного привлечения всех желающих: «...Æще же к тому наряди двѣ свободы в отчинѣ СѸлга, князя Рьлскаго и Ворголскаго, и оумножишася люди в свободах тех, **с всѣх сторон снѣдшѣся...**»⁸³. По всей вероятности переселенцам предоставлялись определенные налоговые льготы и другие экономические преференции, о чем косвенным образом свидетельствует этимология слова «слобода» («свобода»), как поселения лично свободных крестьян или ремесленников⁸⁴. По мнению М.Д. Полубояриновой основание Ахматом слобод произошло по личной инициативе откупщика и: «...Скорее всего было самодеятельной попыткой искусственно создать города по примеру быстро возникавших на пустом

⁸¹ Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде //Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 213.

⁸² Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 208; Зорин А.В. Цитадель Гочевского поселения (начало исследования городища Царский дворец у с. Гочево Беловского района Курской области) // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XIII–XIV веках. Тула, 2005. С. 80.

⁸³ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 481–484.

⁸⁴ Этимологический словарь русского языка Г.А. Крылова. СПб., 2005. [электронный ресурс] URL: [http:// www.krylov.lehicography.online](http://www.krylov.lehicography.online); Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова. М., 2011. [электронный ресурс] URL: [http:// www.ozhegov.lexicography.onlaine](http://www.ozhegov.lexicography.onlaine)

месте золотоордынских городов»⁸⁵. В то же время, нельзя исключать и вариант получения Ахматом особых полномочий, по созданию ремесленной инфраструктуры на землях новообразованного административного округа.

Следующим вопросом, требующим отдельного рассмотрения, является оценка характера взаимодействия между администрацией ордынского баскака, а также жителями «свобод» с соседними русскими удельными княжествами Южного Посеймья. Согласно сообщению Лаврентьевской летописи, жители «свобод»: «...насилиѣ творяху христианом, сущим Курскыя волости, около Воргола и около Рьльска пусто створиша...»⁸⁶. Исходя из данного сообщения летописного источника, можно сделать вывод о том, что отношения «свобожан» с коренным населением курских, рьльских и липицко-воргольских земель, носили ярко выраженный конфронтационный характер, направленный на максимальную концентрацию материальных ресурсов региона на территориях подконтрольных баскаческой администрации.

Вероятно, именно противоправные действия людей Ахмата, приведшие к разорению и опустошению земель Рьльско-Воргольского и Липовечского уделов послужили причиной ходатайства русских князей к хану Тула-Буге о ликвидации баскаческих поселений: «Князь же СѸлѣг идѣ в орду о том с жалобою к царю Телѣбузѣ, по думѣ и по слову с сродником своим Святославом, князѣм Липовичским. Царь же Телѣбуга, дав приставы князю СѸлгу, что будѣт ваю людей в свободах тѣх, тѣх людей выведита в свою волость. А свободы те разгонита, якоже и бысть»⁸⁷.

Следует отметить, что первая попытка ликвидации «свобод» предпринятая в 1289 г. (по В.А. Кучкину) князьями Олегом Рьльским и Святославом Липовецким сопровождалась разграблением имущества «свобожан» и другими карательными мерами: «И пришѣд князь СѸлег и Святослав с Татары, повелеша людѣм своим пограбити обѣ те свободы, а иных поимати, а иных поковати по-

---

⁸⁵ Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 43.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 481–484.

⁸⁷ Там же. Стб. 481–484.

велѣ, а свои люди выведѣ в свою отчину»⁸⁸. Допустимо предположить, что «поимке» и аресту подверглись жители слобод, занимавшихся, в том числе, разбоем и грабежами княжеских владений.

Характерно, что после возрождения слобод в результате карательной акции войск Ногая, поддержавшего претензии Ахмата на восстановление ордынской администрации в Курской земле, летописями фиксируется присутствие значительного числа «слободжан» в отрядах ордынских чиновников. В частности, описывая эпизод связанный с разгромом баскаческого отряда дружинниками князя Святослава Липовецкого, летописец отмечает этнический состав «слободжан»: «В лѣт . ꙗ̄с̄ . ѱ̄ . ѳ̄ [6792]... Два бесурмѣнина ис свободы в другую свободу, а Руси с ними боле 30 человек. Слышав же Липовичьскыи князь Святослав, здумав с своею дружиною бѣз Сѹлговы думы, достерегься на пути розбои створи: самѣ 2 братѣника бесермѣнина та оутекла, а Руси избил 25 и 2 бесермѣнина...»⁸⁹. Характерно, что после вышеописанного инцидента жители слобод, лишившись защиты со стороны ордынских чиновников предпочли бегство, подчинению власти русского князя: «Того жѣ лѣта, по Велицѣ дни в неделю Фомину, побѣгоста 20 братѣника та бесермѣнина к Курску, а на заоутрѣи в понедѣльник побежа вся свобода та и другая; и тако разоидошася обе свободы бесермѣньские...»⁹⁰. Исходя из данного сообщения летописи, можно сделать вывод о том, что несмотря на сохранявшуюся в регионе военно-политическую нестабильность и угрозу репрессий со стороны лишенных родовых уделов князей, определенная часть русского населения Посеймья продолжала придерживаться проордынской ориентации, составляя население «свобод» и входя в состав баскаческих отрядов.

Еще одним дискуссионным вопросом является проблема определения административно-территориального статуса земель Курско-Рыльского Посеймья в государственной системе Золотой Орды. Так, судя по апелляциям на действия Ахмата в ставку хана, князья соседних с Курском Рыльского и Липовецкого уделов, на началь-

⁸⁸ Там же. Стб. 481–484.

⁸⁹ Там же. Стб. 485–486.

⁹⁰ Там же. Стб. 485–486.

ном этапе существования Курского баскачества сохраняли статус официальных правителей своих наследственных владений, непосредственно граничивших с территорией подконтрольной баскаку.

Однако в результате дальнейших военно-политических событий княжеской междоусобицы начала 90-х гг. XIII в., завершившийся гибелью как Святослава Липовечского, убитого по «цесареву слову» (приказу хана – Л.В.) дружинниками рыльского князя, так и Олега Рыльского с двумя сыновьями, Рыльский и Липовечский уделы лишаются правящих князей и законных наследников престола⁹¹. Оставшийся в живых брат Святослава – Александр (убийца Олега Рыльского и его малолетних сыновей), по всей вероятности, не мог претендовать на наследование Липовечского удела ввиду открытого сопротивления решениям ордынских властей и предпринятому им самосуду. В данных обстоятельствах, в случае признания Рыльских и Липовецких земель выморочными землями они также могли быть переданы Ногаем под контроль ордынского баскака.

Одним из важнейших последствий перехода Южного Посеймья под непосредственное управление золотоордынских чиновников стала интеграция данного региона в экономическую систему Улуса Джучи, сопровождавшаяся интенсификацией этнокультурного взаимодействия. В частности, на территории населенного пункта на р. Рать, известного в научной литературе под названием Ратского или Бесединского городища, помимо артефактов, относящихся к материальной культуре древнерусского населения, были обнаружены многочисленные находки бронзовых и золотых изделий с арабскими надписями и ордынской орнаментацией, джучидских монет и неполивной ордынской керамики, встречающейся на Руси крайне редко⁹². Данное обстоятельство позволяет квалифицировать Ратский комплекс как крупнейший торгово-ремесленный центр Посеймья золотоордынской эпохи, имевший полиэтничное население и вероятно являвшийся административной «столицей» региона в конце XIII – первой половине XIV в.

---

⁹¹ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 483–486.

⁹² Енуков В.В. Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 47–49; Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края (с древнейших времен до XVII в). Курск, 2008. С. 354–355.

§ 3.4. Рязанско-Ордынское пограничье.

Во второй половине XIII – первой половине XIV в. происходит ряд территориально-административных изменений на пограничных с Ордой землях Рязанского княжества. Определение времени и географических границ этих изменений представляет значительную проблему вследствие отрывочности и краткости сообщений письменных источников, содержащих информацию по данному вопросу.

Следует отметить, что вопрос о южных и юго-восточных границах Рязанского княжества в домонгольскую эпоху до настоящего времени не нашел однозначного разрешения в исторической науке и является предметом научной дискуссии. По мнению Д. Иловайского и М.К. Любавского, южная граница Рязанщины в XII в. доходила до низовьев р. Воронеж⁹³. П. Голубовский и А.Е. Пресняков отодвигали южные рубежи княжества к низовьям р. Хопер⁹⁴. В свою очередь А.Н. Насонов относил земли Среднего Подонья к территории половецких кочевий, частично заселенных выходами из Чернигово-Северских земель⁹⁵.

По мере археологического изучения территории бассейна Дона и притоков Оки появляются новые гипотезы о локализации южных рубежей Рязанской земли. В частности, В.П. Даркевичем был выдвинут тезис о включении в «пределы» Рязанщины территории лесостепного Прихоперья⁹⁶, вызвавший аргументированную критику ряда современных исследователей, указавших на несоответствии тезиса В.П. Даркевича результатам исследований объектов, отно-

---

⁹³ Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 109–110; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 66–68.

⁹⁴ Голубовский П. Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар // Университетские известия. № 6. Киев, 1883. С. 331–335; Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 226.

⁹⁵ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006. С. 192.

⁹⁶ Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 438–439.

сящихся к материальной культуре западнокипчакских племен, маркирующих границу половецких кочевий в Донском Левобережье⁹⁷. Согласно гипотезам Н.А. Тропина и С.И. Андреева, базирующихся на результатах многолетних археологических исследований южных и юго-восточных территорий Рязанщины, накануне монгольского нашествия владения рязанских князей включали земли, располагавшиеся в бассейне р. Воронеж и ее притоков, доходя на юго-востоке до верхнего течения р. Цны. В Правобережном Подонье к владениям рязанских князей относились земли в бассейнах рек Упа, Красивая Меча и Быстрая Сосна, непосредственно граничивших в этом районе с юго-восточным порубежьем Черниговского княжества»⁹⁸.

Столь же неоднозначными являются оценки степени и локализации территориальных изменений, произошедших на южном порубежье Рязанской земли в результате монгольского нашествия и становления Золотоордынского государства. По оценкам некоторых исследователей, южная часть рязанских владений к востоку от Дона, во второй половине XIII в. не достигала верховий Воронежа, ограничиваясь междуречьем Прони и Рановы⁹⁹. Согласно гипотезе Г.А. Шибанина уже на начальном этапе становления политической зависимости (между 1237 и 1252 г.) могло произойти включение коломенского удела и «лопастенских мест», а также части рязанских земель в Донском Правобережье в административно-территориальную систему Улуса Джучи¹⁰⁰.

---

⁹⁷ Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII–XIV вв. в Подонье // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж, 1993. С. 122; Андреев С.И. Половецкие каменные изваяния Тамбовщины // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, Рис. 1.

⁹⁸ Тропин Н.А. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв.: формирование и развитие региона // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 248.

⁹⁹ Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 144–145; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 2009. С. 43.

¹⁰⁰ Шибанин Г.А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 446.

Вместе с тем, учитывая крайне немногочисленный объем информации, содержащейся по данному вопросу в письменных и археологических источниках, следует отметить значительную условность вышеуказанных гипотез, основанных на ряде предположений и логических допусков. В частности, единственным сообщением, косвенно маркирующим северную границу ордынских кочевий на правобережье Дона в этот период времени, является свидетельство западноевропейского дипломата Гильома де Рубрука переправлявшегося через Дон во время своего путешествия ко двору Великого хана в 1253 г.: «Упомянутая река (р. Дон – Л.В.) имеет также на западном берегу большой лес. Выше этого места татары не поднимаются в северном направлении, так как в это время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу...»¹⁰¹.

Вышеприведенное сообщение Гильома де Рубрука о «большом лесе», являвшемся северной границей ордынских кочевий в середине XIII в. на Донском Правобережье¹⁰², может свидетельствовать о прохождении рязанско-ордынского порубежья в данном регионе по ландшафтной границе лесостепных и лесных районов Верхнего Подонья располагавшихся севернее устья р. Воронеж. Согласно данным палеогеографических исследований, большие лесные массивы на правом берегу Дона в XIII–XIV вв. располагались в районе современного г. Задонска и нижнем течении р. Быстрой Сосны¹⁰³.

Исходя из данного обстоятельства, наиболее вероятным выглядит предположение о том, что ордынские кочевья в этом регионе ограничивались слабозалесенными землями в среднем течении Дона, а район Верхнего Подонья сохранил свою принадлежность к административно-территориальной структуре Рязанского княжества.

---

¹⁰¹ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 110.

¹⁰² Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 109–111.

¹⁰³ Тропин Н. А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 30–31; Задонский уезд: Атлас Задонского уезда: в 3 ч. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 732–734.

В то же время ряд районов рязанско-ордынского пограничья на южных и юго-восточных рубежах княжества мог представлять хозяйственный интерес для кочевников вследствие их ландшафтной пригодности к использованию в качестве скотоводческих угодий. К таким территориям следует отнести ряд остепененных районов Среднего Поочья, располагавшихся в бассейнах притоков Оки (Прони, Рановы, Пары, Цны), как бы вклиниваясь в Рязанскую землю несколькими лесостепными «языками». Самым западным из них являлось обширное ополье на левом берегу среднего течения Прони («Михайлово поле»). В начале XIII в. земли к югу от Прони именовались «Половецким полем»¹⁰⁴, что свидетельствует о значительной остепненности этого района. На востоке степной клин простирался далеко на север вдоль левого берега Цны, до ее впадения в Мокшу. Еще один «язык» степей тянулся вдоль левого, западного берега р. Пары. И наконец, значительных размеров ополье, окруженное со всех сторон лесами, занимало пространство междуречья Прони и ее притока Рановы¹⁰⁵.

Локализация кочевнических захоронений (включая погребения кочевой аристократии) на территории Донского левобережья¹⁰⁶, позволяет выдвинуть гипотезу о принадлежности вышеобозначенных районов к территории одного из золотоордынских улусов, использовавшейся кочевниками в качестве летних пастбищ¹⁰⁷.

О непосредственном соседстве ордынских улусов с землями Рязанского княжества свидетельствует упоминание в московско-рязанских договорах 1381, 1402 и 1434 г. неких «татарских мест», располагавшихся на рязанско-ордынском пограничье и присоеди-

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л. 1926–1928. Стб. 432.

¹⁰⁵ Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю., Челяпов В.П. Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 336

¹⁰⁶ Цыбин М.В. Периферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 221. М., 2007. С. 168–171. Рис. 1.

¹⁰⁷ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Центрально-Черноземный край в русско-ордынском пограничье (в конце XIV – начале XV века) // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов. Т. II. СПб., 2010. С. 390.

ненных рязанскими и московскими князьями к своим владениям в период «Великой замятни»¹⁰⁸.

Косвенным свидетельством расположения «татарских мест» на землях Донского левобережья может являться их упоминание в договоре 1402 г. в связке с «мордовскими местами»: «А что будет отец наш князь великий Дмитрий Иванович отоимал Татарская места и Мордовска места... и та места мне князю Великому Василью Дмитриевичу. А что будеть отнял отец твой князь великий Олег Иванович Татарская места и Мордовска, а та тебе и есть»¹⁰⁹.

Вместе с тем, следует отметить, что определение географического расположения «татарских мест» вызывает значительные затруднения вследствие отрывочности и краткости сообщений письменных источников и до настоящего времени остается предметом научной дискуссии. Так, В.Л. Егоров локализовывает «татарские места» на правобережье р. Оки, в бассейне рек Мокши и Цны, относящихся к местам расселения мордовских племен Поочья¹¹⁰. Аналогичная точка зрения на проблему представлена в работах А.А. Горского и А.В. Дедука¹¹¹. Тогда как ряд современных историков и археологов локализуют «Татарские места» на территориях водораздела между Окой и верховьями Дона (район Куликова Поля), относя к ним междуречья рек Непрядвы, Красивой Мечи, Упы и Зуши, а также – левобережный бассейн верхнего и среднего течения р. Упы¹¹². Однако при подобной локализации «татарских мест» необ-

¹⁰⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ). М.-Л. 1950. С. 30.

¹⁰⁹ ДДГ. М., 1909. С. 105.

¹¹⁰ Егоров В.Л. Историческая география... С. 52.

¹¹¹ Горский А.А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей во второй половине XIII–XV в. М., 2010. С. 97. Прим. 408; Он же. Московские «примыслы» вне Северо-Восточной Руси // СР. Вып. 5. М., 2004. С. 166–169; Дедук А.В. К вопросу о расположении «мест татарских и мордовских» московско-рязанских договорных грамот XIV–XV вв. // СР. Вып. 12. М., 2016. С. 124.

¹¹² Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж. 2004. С. 205; Бурцев И.Г. Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV–XVI вв.: На пути под руку Москвы // Историческая демография. М.- Сывтывкар, 2012. № 2(10). С. 59–60; Бурцев

ходимо учитывать тот факт, что палеопочвенные исследования в районе Куликова поля свидетельствуют о значительной залесенности левобережья р. Непрядвы в ордынскую эпоху¹¹³, что не позволяет относить вышеуказанный район к местам «татарских» кочевий.

Помимо сведений о наличии на южных и юго-восточных рубежах Рязанского княжества т.н. «татарских» и «мордовских» «мест», в русских актовых источниках XIV–XV вв. сохранились свидетельства о временном административно-фискальном контроле ордынских чиновников над одним из районов рязанско-ордынского пограничья в бассейне р. Упы («место Тула»).

Датировка перехода указанного района под управление баскаков «двора» Тайтуглы-хатун (Тайдулы) не отмечена в источниках и находится целиком в сфере предположений исследователей. Согласно гипотезе В.Л. Егорова появление ордынских «буферных зон» в Донском Правобережье следует датировать второй половиной XIII в.¹¹⁴ В то же время, первые упоминания «места Тулы» в княжеских договорах и духовных грамотах как владений жены хана Узбека, не позволяют относить переход данного района рязанского пограничья к ордынским владениям ранее первой половины XIV столетия¹¹⁵.

Учитывая сообщения ряда источников о привелегированном положении и значительном политическом влиянии Тайдулы при дворе Узбека¹¹⁶, достаточно вероятным выглядит предположение о

И.Г., Шеков А.В. О методе комплексного использования источников в исторической географии (на примере Окско-Донского водораздела в XIV–XVI вв.) // Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2013. Вып. II. С. 153–154.

¹¹³ Зайцев А.К. Где находилось «место рекемое Березуй», «Сказания о Мамаевом побоище»? // Верхнее Подонье: Природа, Археология, История. Тула, 2004. С. 7.

¹¹⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 2009. С. 42–43.

¹¹⁵ «А что место князя великаго Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне Тула как было при царице при Тайдуле и коли ее баскаци ведали и то ся князю великому Олгу не вступати и князю великому Дмитрию» (Духовные и договорные грамоты (ДДГ). М.-Л., 1950. С. 29).

¹¹⁶ Из «Подарка наблюдателей по части диковин стран и чудес путешествий» Ибн Батуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории

передаче одного из районов русско-ордынского пограничья в «ведание» баскакам «двора» старшей жены хана уже в 30-х гг. XIV в. Однако нельзя исключать и возможную взаимосвязь передачи земель в бассейне р.Упы во владение Тайдулы с обстоятельствами восхождения на престол хана Джанибека в 1342 г. По уникальному сообщению анонимного автора биографии египетского султана ал-Малик ан-Насира решающую роль в захвате власти Джанибеком сыграла его мать Тайдула-хатун¹¹⁷. Поддержка вдовствующей ханши и эмиров ее партии, сыгравших ключевую роль в возведении Джанибека на сарайский престол, могла повлечь за собой определенные земельные пожалования, в качестве материального вознаграждения со стороны нового хана.

Следует отметить, что традиция наделения земельными улу-сными владениями ханских матерей восходит к временам становления административно-политической системы Монгольской империи¹¹⁸. О практиковавшимся в XIV в. в гос. Хулагуидов обычае наделения ханских жен – хатуней отдельными участками, налоги с

Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 162; Письмо Римского папы бенедикта XII Тайдуле-хатун // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 292–293.

¹¹⁷ «...Когда царь Узбек умер, то эмиры государства постановили, чтобы средний сын его, Джанибек, правил государством до времени прибытия старшего брата его, Тинибек. Узнав о смерти отца своего, Узбекхана, Тинибек вернулся, направляясь к Сараю, чтобы сесть на престол царский. Когда он приблизился к нему, то царь Джанибек посоветовался с матерью своей и сказал ей: «Вот теперь является брат мой, чтобы отнять у меня царство». Все три брата были единоутробные братья, но мать любила Джанибека больше других двух. Они [Джанибек и мать] сговорились с эмирами выйти к брату его Тинибеку навстречу и, сошедшись с ним, убить его. Они отправились к нему, и когда он был перед ними, то они, овладев им, убили его в городе Сарайчуке и вернулись к царю Джанибеку, чтобы уведомить его о случившемся. Затем он стал опасаться за что-то младшего брата своего, Хыдрбека, убил его также, стал царствовать самодержавно...» (Из биографии султана ал-Малика ан-Насира // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) Казань, 2011. С. 144–145).

¹¹⁸ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монгольского, введ. коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М., 1973 (Памятники письменности Востока. X). С. 186.

которых шли в их личный доход, сообщает в своих путевых записках североафриканский путешественник Ибн Баттута: «Женщины у тюрок и монголов, весьма счастливы. Когда тюрки и монголы пишут приказ, они составляют его от имени султана и его жен – хатуней. У каждой хатуни есть свои земли, податные участки...»¹¹⁹.

Таким образом, наиболее вероятным временем передачи «места Тулы» в «ведение» чиновников «двора» Тайдулы являются 30–40-е гг. XIV столетия. По мнению А.П. Григорьева к южным и юго-восточным границам Рязанского княжества также примыкали и «тюмены» (улусы) родственников матери хана Джанибека¹²⁰.

Административным центром «тульских владений» Тайдулы, по всей вероятности, являлось Торховское городище, располагавшееся в десяти километрах от современной Тулы, с обширным посадом и густозаселенной сельской округой¹²¹. Данный район, как и территория Южного Посеймья, отличался значительной концентрацией железоплавильных мастерских, сосредоточенных в среднем течении р. Вединец и нижнем течении р. Мокрая Гобола. Заслуживает внимания и тот факт, что в археологических находках, относящихся к местному металлургическому производству золотоордынской эпохи, прослеживаются ремесленные традиции характерные для территории Верхнего Прикамья, что может свидетельствовать о присутствии на данной территории мастеров из ордынских улусов верхнего и среднего Поволжья¹²².

Контроль Тайдулы над землями верхнедонского Правобережья («местом Тулой») осуществлялся, по всей видимости, вплоть до ее гибели в 1361 г. в результате переворота Хызра, убившего также

---

¹¹⁹ Тимофеев И.В. Ибн Баттута. М., 1983. С. 121.

¹²⁰ Григорьев А.П. Ярлык Мухамеда Бюлека митрополиту Михаилу // Мамай. Опыт исторической антологии. Казань. 2010. С. 24.

¹²¹ Гриценко В.П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1996; Он же. Торховское городище и его округа // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Тула, 1997.

¹²² Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – первой четверти XIV вв. Тула, 2008. С. 34, 181.

ставленника влиятельной правительницы – хана Науруса и сторонников беклярбека Могол-Буки – «моалбузину чадь»¹²³.

Подводя итог, следует отметить, что прямым следствием монгольского нашествия и последовавшего за ним становления административно-территориальной структуры Золотоордынского государства (Улуса Джучи) стало включение ряда регионов лесостепной полосы, в домонгольский период являвшихся пограничными с половецким «Подем» землями южнорусских княжеств, в территориальную структуру Улуса Джучи. К таковым регионам следует отнести земли ликвидированного монголами Переяславского княжества, южные и восточные районы Галицко-Волынского княжества (Болховская земля, Понизье), Киевское Поросье, а также лесостепные районы Черниговского и Рязанского княжеств. Данные регионы, войдя в состав ордынских улусов, были включены в хозяйственно-экономическую и административную систему Джучидского государства и управлялись ордынскими чиновниками, в ряде случаев при прямой поддержке части лояльного к новой власти полиэтничного населения указанных регионов.

---

¹²³ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 532.; Почекаев Р.Ю. Золотая Орда в 1358–1362 гг.: династический кризис и феномен самозванства // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 44.

ГЛАВА IV.
РЕГИОНЫ РУССКО-ОРДЫНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
В ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
УЛУСА ДЖУЧИ

§ 4.1. Торговые пути и их влияние на экономическое развитие пограничных территорий.

Одним из факторов, непосредственным образом влиявших на экономическое развитие регионов русско-ордынского пограничья, являлся процесс вовлеченности земель Южной Руси в систему международной, а также региональной русско-ордынской торговли, значительная часть маршрутов которой проходила по территории приграничных районов.

По вполне обоснованному мнению американского исследователя Чарльза Гальперина, историческая картина монгольского влияния на экономику Руси не ограничивалась исключительно разорением и опустошением территорий, но также включала в себя и инкорпорацию русских земель в систему международной торговли «Татарского мира» («*Rax Tatarica*»)¹, созданной Чингиз-ханом и его наследниками и охватившей к концу XIII столетия практически всю территорию Евразийского континента².

В то же время в отечественной историографии, преобладающим до настоящего времени, является сформулированное советскими историками представление об исключительно отрицательных экономических последствиях вхождения русских земель в государ-

---

¹ Francesco Balducci Pegolotti. *La Pratica della Mercatura* / Ed. by Evans. Cambridge, Mass, 1936. P. 23–25.

² Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 22.

ственную систему Монгольской империи и Улуса Джучи³. Согласно оценке одного из ведущих современных исследователей торговли средневековой Руси В.Б. Перхавко: «Опустошительное монгольское нашествие нарушило устоявшийся и постепенно ускорявшийся ход экономической жизни большинства русских земель. Самый тяжкий урон от Батыевого погрома понесли города Северо-Восточной и Южной Руси. На время остановились традиционные торговые связи, погибли и попали в плен сотни ремесленников. Установившееся почти на два с половиной столетия ордынское иго...намного замедлило экономическое развитие русских земель, а значит и ростков предпринимательства»⁴.

Вместе с тем, объективный анализ торговых связей и экономического развития русских земель в ордынскую эпоху не позволяет согласиться со столь категоричным заключением.

Действительно, военные компании Чингизидов 1236–1242 гг. нанесли серьезный ущерб инфраструктуре налаженных торговых коммуникаций, по которым в домонгольскую эпоху осуществлялись коммерческие контакты между купеческими корпорациями Центральной Азии, Среднего Поволжья и Южной Руси. Весьма значительно пострадали такие крупнейшие торгово-ремесленные центры как Ургенч, Биляр, Киев⁵. Также были разрушены, пришли в упадок и прекратили свое существование ряд городов и торговых факторий, располагавшиеся на караванном маршруте Булгар-Киев⁶.

В тоже время, необходимо отметить, что практически сразу после завершения Западного похода главой Улуса Джучи – Бату стала проводиться политика, направленная на привлечение эконо-

---

³ Кучкин В.А. Русь под игом. Как это было. М., 1991. С. 23, 28; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., Академический проект. 2016. С. 488–489.

⁴ Перхавко В.Б. Торговля и торговцы Средневековой Руси. М., Академический проект. 2018. С. 435.

⁵ Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. С. 86–87; ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 460; ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. Стб. 785.

⁶ Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001. С. 11,45; Тропин Н.А. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье / Евразийская лесостепь в эпоху металла // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999. С. 144.

мически активного населения, ушедшего в соседние страны от неурядиц военного времени. В частности, согласно сообщению армянского историка Киракоса Гандзакеци, после возвращения из Венгрии: «начали являться к нему [Бату] цари и царевичи, князья и **купцы** – все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И Бату судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил, его области и владения, и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его»⁷. Закономерным следствием данной политики стало достаточно быстрое возрождение торгово-экономической деятельности практически на всем пространстве владений Джучидов, сопровождавшееся восстановлением сухопутных и речных маршрутов, переживавших временный упадок во второй половине 30-х – начале 40-х гг. XIII в.⁸, а также активизацией ремесленного производства в ряде городских агломераций Поволжья и Средней Азии⁹.

Аналогичной стратегии экономического развития, основным элементом которой являлось включение торговых корпораций Улуса Джучи в систему международной транзитной торговли, осуществляли и приемники Бату. В частности, о заинтересованности Джучидов в налаживании торговых отношений с купеческими корпорациями Северной Европы (прежде всего Немецкой Ганзой (Hansa Theutonicorum)) прямо указывает требование хана Менгу-Тимура, высказанное им в послании к владимирскому князю Ярославу Ярославовичу: «Менгу Темирово слово ко Ярославу князю: дай пути немецкому гостю на свою волость. От князя Ярослава ко рижанам, и к болшим и к молодым, и кто гостит, и ко всем вам путь чист есть по моей волости: а кто ко мне ратный, с тим я сам ведаю; а гостю чист путь по моей волости»¹⁰. С приходом к власти в Улусе

---

⁷ Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. с древнеарм., предис. и коммент. Л.А. Ханларян (Памятники письменности Востока LIII). М., 1976. С. 218.

⁸ Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань. 2000. С. 126.

⁹ Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. С. 17–19.

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). М.-Л., 1949. С. 57.

Джучи сына Менгу-Тимура – Тохты, после продолжительного периода военно-экономического противостояния, происходит восстановление торговых связей между Золотой Ордой и государством Хулагуидов¹¹.

В данном контексте следует согласиться с мнением И.М. Миргалеева, отметившего, что ведущая роль Золотоордынского государства на международной авансцене средневековой Евразии, в первую очередь, определялась его экономической мощью, сформировавшейся в результате вхождения Улуса Джучи в систему трансевразийской торговли, охватившей к концу XIII в. обширные территории от Каракорума до Кафы и от Гуанчжоу до Акикула¹². Таким образом, интеграция русских земель в систему трансевразийских торговых коммуникаций т. н. «Монгольского мира» («*Rex Mongolica*»), несомненно, способствовала интенсификации экономических контактов между Русью и рядом регионов Средней Азии, Кавказа и Южного Ирана, а также появившимися несколько позднее торговыми факториями североитальянских республик в Крыму и Приазовье¹³.

Стимулирование властями Улуса Джучи хозяйственно-экономической деятельности на подвластных им территориях не могло не отразиться на развитии русско-ордынских торговых связей. В частности, Гильом де Рубрук, посетивший владения Джучидов в середине 50-х гг. XIII в. отмечал активную деятельность русских купцов в Северном Причерноморье: «На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источ-

---

¹¹ «...Когда Токтай сделался наследником царства Менгу-Тимура, то путем неоднократного приезда послов и частых сношений, [снова] был открыт путь торговцам и ортакам и изготовлены средства для безопасности и спокойствия странствующих; область Аран взволновалась от множества повозок, рабов, коней и овец; товары и редкости тех стран, после [своего] прекращения в течение стольких лет, [опять] получили обширнейшее обращение...» (Из «Истории Вассафа» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань., 2011. С. 56.)

¹² Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 157.

¹³ Крадин Н.Н. Восточная Европа и монгольская глобализация // *Stratum plus*. № 5. 2016. С. 7–25.

ники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей Руси ездят туда за солью, и со всякой нагруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги, стоящих пол-иперпера»¹⁴.

Со значительной долей вероятности можно высказать предположение, что в данном отрывке речь идет об использовании в середине XIII в. русскими купцами маршрута т.н. «Соляного шляха», торгового пути домонгольского времени не потерявшего своей значимости и после нашествия. Беря начало в Киеве «шлях» проходил вдоль русла Днепра, пресекая несколько переправ (Кременчугскую, Переволочинскую (при устье Ворсклы), Микитина Рога (близ сов. г. Никополь), Кызыкерменскую), далее поворачивая на юг и через степные районы Черной долины доходя до Перекопа¹⁵.

Вышеприведенное свидетельство французского дипломата позволяет составить некоторое представление о структуре товарообмена и системе торговых отношений между русскими землями и ордынскими улусами на раннем этапе становления хозяйственно-экономической системы Улуса Джучи.

Согласно сведениям, приводимым Гильомом де Рубруком, торговые коммуникации в днепровско-донском регионе осуществлялись посредством использования сухопутных путей (шляхов, сакм), а основными товарами закупаемыми русскими купцами являлись соль и хлопчатобумажная ткань («хлопчатая бумага»). Она же использовалась в качестве уплаты торговой пошлины. В своих записках путешественник указывает в числе экспортных товаров привозимых купцами в Солдайю т.н. бумазею (*gambasio*)¹⁶. По всей вероятности, данным термином обозначалась, среднеазиатская ткань «занданечи» (рус. «зеньдень», или «зендянь»), производимая из хлопка в г. Зендень

---

¹⁴ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 90–91.

¹⁵ Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948. С. 106.; Филиппчук Я.В. Дашт-И Кипчак на перехресті торгових шляхів // Східний світ. 2013, № 2–3. С. 59.

¹⁶ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 88.

близ Бухары, треть которой принадлежала Джучидам¹⁷. Главным товаром русских купцов, по всей вероятности, являлись разнообразные меха, сведения о завозе которых в генузские фактории «из северных стран» также содержатся в записках Рубрука¹⁸.

Стабильное функционирование сухопутных торговых коммуникаций обеспечивалось наличием разветвленной сети инфраструктурных объектов (торговых факторий, караван-сараяв, пунктов переправ через реки, поселений с товарным производством продовольствия), располагавшихся на маршрутах прохождения купеческих караванов.

Красноречивое описание эффективности системы обслуживания купеческих караванов, действовавшей на землях золотоордынского улуса в эпоху, предшествовавшую разгрому Улуса Джучи войсками Тимур-ленга (Тамерлана), содержится в арабском источнике первой половины XV в. «Айджайиб ал-макдур фи тарих-и Таймур» («Чудеса предопределения в судьбах Тимура»). По свидетельству автора сочинения, мусульманского чиновника и путешественника Шихабеддина Ахмеда ибн-Мухаммеда (Ибн-Арабшаха), на путях прохождения основных маршрутов трансевразийской торговли располагалось множество стационарных населенных пунктов и стоянок кочевого населения (айлов), жители которых занимались обслуживанием путешествующих негоциантов¹⁹.

---

¹⁷ Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. (К идентификации ткани «занданечи») // СА. 1961. № 2. С. 77; Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М., 1963. С. 210; Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. II. М.; Л., 1941. С. 81–82.

¹⁸ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 88.

¹⁹ «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма да едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до Крыма, а переход этот около 3 месяцев. Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корму для лошадей и не брали с собою проводника вследствие многочисленности народов, да обилия безопасности, еды и питья у живущих там людей. Путешествовали они не иначе, как от одного племени до другого, и останавливались только у того, кто [сам] предлагал у себя помещение...» (Тизенгаузен В. Г. СМИЗО. Т. I. СПб., 1884. С. 460; Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 208.).

Аналогичные объекты инфраструктуры обслуживания сухопутной торговли существовали и в районах русско-ордынского пограничья. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение Гильома де Рубрука, отмечавшим существование в ордынских владениях Среднего Подонья русского поселения («поселка русских»): «...устроенном по приказу Бату и Сартака»²⁰. Описанный французским дипломатом поселок располагался на речной переправе и основной обязанностью его жителей было обеспечение перевоза через Дон «купцов и послов»²¹.

К сожалению, вопросы становления и развития торговой инфраструктуры на землях русско-ордынского пограничья не нашли достаточного отражения в письменных источниках золотоордынской эпохи, однако данная лакуна может быть отчасти заполнена посредством применения метода исторической реконструкции, с широким привлечением данных археологии.

Так, согласно результатам исследований Э.Е. Кравченко, в среднем Подонцовье фиксируется наличие целого ряда поселений золотоордынской эпохи (Царицино, Райгородок, Лисичанское), располагавшихся в непосредственной близости от бродов-переправ²². Аналогичная ситуация прослеживается и в районе сульско-ворсклинского междуречья, где отмечается концентрация «кустов» земледельческих поселений функционировавших на протяжении XIII–XIV вв. в непосредственной близости от ряда переправ Днепровского Левобережья (Градской, Переволочинской, Кременчугской и ряда других)²³. По всей вероятности, подобное расположение населенных пунктов может свидетельствовать об их включе-

---

²⁰ Путешествие в Восточные страны...С. 109.

²¹ Там же. С. 109.

²² Кравченко Э.Е. Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца в XIII–XIV вв. (влияние природно-географического фактора на заселение территории) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 287–289.

²³ Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоордынского часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ-Полтава, 2004. С. 38.

нии в систему обслуживания торговых маршрутов, проходивших по землям русско-ордынского пограничья.

Помимо многочисленных направлений сухопутной караванной торговли, через пограничные со Степью регионы южнорусского лесостепного пограничья проходил ряд речных маршрутов, связывавших русские княжества с крупнейшими торговыми центрами Волжско-Каспийского и Азовско-Черноморского регионов. К таким маршрутам, прежде всего, следует отнести Волго-Окский, Днепровский и Донской пути.

Так, послы египетского султана эль-Мелика аз-Захыра Бейбарса I, направлявшиеся в ставку Берке в 1263 г. отмечали присутствие на Волге «судов русских»²⁴. Данный факт является несомненным свидетельством значительной коммерческой активности русских купцов на торговом маршруте Волго-Каспийского речного маршрута уже на начальном этапе становления золотоордынской государственности.

В свою очередь, Днепровско-Черноморский маршрут («Гречник»), несмотря на разорение Киева и ряда населенных пунктов Среднего Поднепровья в период монгольского нашествия, также продолжал активно использоваться представителями европейских и ближневосточных купеческих корпораций. Подтверждением данному тезису служит сообщение Плано Карпини о присутствии в Киеве многочисленного контингента иностранных купцов. Перечисляя свидетелей своего путешествия, он называет представителей бреславского купеческого сообщества: «...ехавших с нами вплоть до Киева... а равно многих других купцов, как из Польши, так и из Австрии, прибывшими в Киев после нашего отъезда к татарам. Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Руссию через землю татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли татар. Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский, а так же Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский: это более главные. Другие, менее важные суть: Марк, Генрих, Иоанн, Вазий. Другой Генрих, Бонади-

---

²⁴ Тизенгаузен В.Г. СМАЗО. Т. I. СПб., 1884. С. 63.

ес, Петр Пасхалий: было еще и много других, но имена их нам неизвестны»²⁵.

Анализируя текст сообщения П. Карпини можно прийти к выводу о том, что уже в середине 40-х гг. XIII столетия Киев являлся достаточно крупным логистическим центром международной торговли, осуществлявшейся как по сухопутному маршруту домонгольского времени²⁶, так и по речному (Днепровскому) пути, являвшемся наиболее безопасным и удобным направлением для европейских, византийских и ближневосточных негроциантов, заинтересованных в ведении коммерческой деятельности в южнорусских землях.

В этой связи закономерным выглядит наличие монгольской администрации в Каневе, отмеченное в записках папского дипломата²⁷. В домонгольский период Канев являлся важным транзитным пунктом на торговых путях среднего Поднепровья²⁸, сохранив свое стратегическое значение и в ордынскую эпоху. С большой долей вероятности можно предположить, что именно в Каневе размещались ордынские тамгачи – чиновники ответственные за взимание торговых пошлин (тамги).

В конце XIII – начале XIV в. происходит значительный спад активности торговых коммуникаций в Днепровско-Черноморском регионе. Главной причиной этого процесса являлись последствия затяжной междоусобной войны в Улусе Джучи между Тохтой и Ногаем, оказавшей значительное негативное влияние на хозяйственно-экономическое развитие Северного Причерноморья. Начавшись в 1293 г. она продолжалась до 1300 г. и нанесла катастрофический ущерб, как среднеднепровскому региону, так и крупнейшим торговым центрам Крыма.

Так, в 1298 г. Ногай отправил своего внука Актаджи «в земли Крымские...» с целью безвозвратного заимствования денежных

---

²⁵ Путешествие в Восточные страны... С. 82–83.

²⁶ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 363.

²⁷ Путешествие в восточные страны... С. 57.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 528, 541.

средств у купеческих сообществ одного из крупнейших торговых центров Черноморского региона – Кафы. Когда «...Тот [Актаджи] пришел в Кафу...и потребовал от его жителей денег...они убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая...который отправил в Крым огромное войско в сообществе Маджи, одного из эмиров. Оно ограбило его (город), сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен, находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Са-рукерман, Кырк-Ер, Керчь и другие»²⁹.

На рубеже 1298–1299 гг. правитель западного «крыла» Орды нанес удар по Судаку: «...он приказал войскам окружить его (город) и стал требовать к себе одного за другим (жителей Судака), истязал его и отбирал все имущество, а затем убивал его, так что умертвил всех, кто (оставался) в городе. После этого он поджег его (Судак) и уничтожил его до тла...Причиной этому было то, что пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими царями, один из них был...Токтай...Это и побудило его к тому, что он сделал»³⁰.

Не способствовало развитию транзитной торговли и обострившееся к концу XIII в. венецианско-генуэзское соперничество в Северном Причерноморье. В 1296 г. генуэзская фактория Кафа была подвергнута разорению во время рейда в Северное Причерноморье венецианского флота под командованием Джованни Соранцо³¹.

Таким образом, разгром основных торговых центров Крыма в конце XIII привел к временному упадку торговли по Днепровскому торговому пути. После поражения и гибели Ногая в 1300 г. происходит резкий упадок Киева и его окрестностей³².

Вместе с тем, было бы преувеличением говорить об окончательном прекращении торговой деятельности на вышеуказанном маршруте. После стабилизации политической системы Золотой Орды про-

---

²⁹ Тизенгаузен В.Г. Ук. соч. Т. I. СПб., 1884. С. 111–112.

³⁰ Там же. С. 195.

³¹ Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 23; Lane F. C. Venice, une repubique maritime. Paris, 1985. P. 130–131.

³² ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – М., 2001. С. 182.

исходит постепенное возрождение экономической активности в Черноморско-Днепровском регионе. Интенсификация коммерческих контактов южнорусских купеческих корпораций с торговыми центрами Черноморского региона в значительной степени способствовали хозяйственно-экономическому развитию среднеднепровского региона в период расцвета Золотоордынского государства. Вплоть до последней трети XV в. Киев продолжал оставаться достаточно крупным центром международной транзитной торговли. Вместе с тем, по свидетельству венецианского дипломата Амброджио Контарини, посетившим земли среднего Поднепровья в 1474 г. к этому времени Днепровский речной маршрут утрачивает свою прежнюю безопасность вследствие окончательной деградации социально-политических институтов позднеордынских квазигосударственных объединений³³.

Резкий упадок торговли по Днепровскому торговому пути отмечаемый в последней четверти XV столетия следует связывать с двумя событиями. Захватом в 1475 г. Кафы османским экспедиционным корпусом Гедик Ахмед-паши и опустошительным разорением Киева и его округи крымскими татарами Менгли-Гирея в 1482 г.³⁴

Возникновение нового речного пути в Подонье, ставшего одним из основных маршрутов, обеспечивавших торговые связи Рязанского княжества, а также земель Северо-Восточной Руси с Азовско-Черноморским регионом, приходится на эпоху политической стабильности в Улусе Джучи, начало которой датируется временем завершения военного противостояния между Тохтой и Ногаем (начало XIV в.).

Ключевое значение для становления Донского пути, имело появление в 30-х гг. XIV в. венецианской торговой фактории Тана, ставшей одним из крупнейших центров международной транзитной торговли в Азово-Черноморском регионе. Появление в северном

---

³³ «Город [Киев] стоит у границ с Татарией, в нем собирается некоторое количество купцов с пушниной, вывезенной из Верхней России; объединившись в караваны, они идут в Кафу, однако часто бывают захвачены, как бараны, татарами» (Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 211).

³⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921. С. 194; ПСРЛ. Т. XXX. Псковская первая летопись. М., 1837. С. 160.

Приазовье первых североитальянских торговых факторий фиксируется источниками уже во второй половине 60-х гг. XIII в.³⁵ Однако полномасштабный официальный договор, регламентирующий коммерческую деятельность венецианских купцов во владениях Джучидов был заключен лишь в 1332 г., по результатам дипломатической миссии Андреа Дзено в ставку хана Узбека. По этому соглашению венецианцы получали в свое распоряжение земельный участок в устье Дона. Размер торговой пошлины – «императорского комеркия» (*comercium imperiale*), выплачиваемого купцами ханской казне составлял 3% от общей стоимости товара³⁶.

Параллельно с венецианско-ордынским соглашением 1332 г., в это же время представителями Республики Святого Марка был заключен торговый договор с персидским ильханом из династии Хулагуидов – Абу-Саидом, согласно которому венецианские купцы получали прямой доступ к южному ответвлению Великого Шелкового пути, проходившего по территории Средней Азии (Чагатайский улус), Иранскому нагорью (владения персидских Ильханов), Сирии и Малой Азии. Условия соглашения определяли параметры коммерческих отношений купеческих корпораций Востока и представителей венецианских деловых кругов в Тебризе и Трапезунде³⁷.

Таким образом, к первой трети XIV в. регион Северного Приазовья входит в систему т.н. «левантийской» торговли североитальянских республик (Венеции и Генуи). Согласно документам тор-

---

³⁵ Карпов С.П. Когда и как возникла Тана? / О происхождении итальянской фактории на византийской окраине // Византийский временник. М., Т. 57. С. 5, 14, 18.

³⁶ Thiriet F. Regestes des de liberations du Senat de Venise concernant la Romanie. Paris – la Haye. 1958–1961. doc. 28, a. 1333. Febr. 8.

³⁷ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А.А. Березный. Л., 1990. Вып. 13. С. 74–107; Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 51;

говой отчетности в 1340-х гг. объем товаров, вывозимых венецианцами Таны, в отдельные годы мог достигать до 2280 тонн грузов³⁸.

Основные объемы товарной номенклатуры доставлялись в Тану по сухопутным маршрутам, проходившим по землям Южного Прикаспия и Северного Кавказа (Тебриз-Дербент-Маджары-Тана), а также северному ответвлению трансевразийской торговой магистрали (т.н. «Шелкового пути») – Ургенч-Сарайчук-Хаджи-Тархан-Тана. Однако некоторые группы товаров (меха, воск, мед) поступали в венецианскую факторию из земель Северо-Восточной Руси по Донскому речному пути. В свою очередь, в русские земли из Таны поступали товары, производимые в регионах Северного, Восточного и Южного Причерноморья. Согласно данным археологических исследований, наиболее распространенными товарами для оседлого населения Верхнего и Среднего Подонья являлись тарная и столовая керамика из Трапезунда, Северного Кавказа и Восточного Крыма, недорогие ювелирные украшения, а также соль³⁹.

Следует отметить, что обстоятельства возникновения и этапы функционирования Донского пути практически не отражены в письменных источниках и могут быть лишь отчасти реконструированы посредством анализа данных археологических исследований региона. По оценке С.И. Милованова, в первой трети XIV в. торговые коммуникации в Азово-Донском регионе ограничивались лишь нижним течением Дона, а становление маршрута на всем протяжении речной артерии исследователь относил к 40-м гг. XIV в.⁴⁰ Следует отметить, что торговые коммуникации по данному маршруту носили, прежде всего, транзитный характер, вследствие чего доста-

---

³⁸ Карпов С.П. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 2001. С. 233, 235.

³⁹ Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006. С. 141–142; Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001. С. 17, 24.

⁴⁰ Милованов С.И. Донской торговый путь в среднем и верхнем течении в XIV–XV вв. по нумизматическим материалам // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв.: Сб. статей / Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2005. С. 136.

точно трудно определить реальную степень вовлеченности местного населения в систему торговых отношений.

Единственным письменным источником, содержащим некоторую информацию о маршруте прохождения купеческих и посольских караванов от верховий Дона до его устья является отчет Игнатия Смолянина, одного из участников церковного посольства русской митрополии в Константинополь, составленном по итогам миссии в 1391–1395 гг. В историографии данный отчет, первоначально являвшейся отдельным сочинением, а позднее включенный в состав летописных сводов XV–XVI вв., известен под названием «Хождение Пименово в Царьград». В данном сочинении достаточно подробно описывается маршрут продвижения делегации московского митрополита Пимена в Константинополь (Царьград). По всей вероятности, церковное посольство двигалось по направлению уже освоенному купеческими сообществами Рязанского и Московского княжеств. Согласно сообщению Игнатия Смолянина, путь митрополичьих ладей, начинаясь в Москве, проходил до Коломны и Переяславля-Рязанского, от которого суда тянули волоком до Дона. От верховий реки и до Таны путешествие проходило исключительно по речному маршруту⁴¹.

Рязанские купеческие караваны, вероятнее всего, начинали свое движение напрямую от Переяславля-Рязанского, по Оке и Прони и проходили в Дон через волок у Иван-озера. По сообщению Сигизмунда Герберштейна, Иван-озеро (Iwanowosero), являлось истоком Дона (Танаиса)⁴². Согласно информации содержащейся в Книге Большому Чертежу «река Донъ вытекла изъ Иваня озера...да из тогожь Иван озера потекла река Шать и пала в реку въ Упу»⁴³. Учитывая расположение рязанских крепостей Новый Ольгов (в устье р. Прони) и Корнике (у истоков Прони), допустимо предположить, что основной задачей данных укрепленных пунктов являлось обеспечение безопасного прохождения купеческих судов на Пронско-Донском участке торгового пути.

---

⁴¹ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 95–97.

⁴² Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 137.

⁴³ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 78.

В 40-50-х гг. XIV в. происходит резкий спад торговой деятельности купеческих корпораций Генуи и Венеции в Приазовье, вызванный последствиями вооруженных столкновений между ордынскими и итальянскими купцами, произошедшими в Тане в 1343 г. После этих событий ханом Джанибеком был аннулирован договор о торговых льготах венецианским и генуэзским торговцам и произведена конфискация всех принадлежащих им товаров⁴⁴. Только в 1358 г. дипломатической миссии Джованни Квирины и Франческо Бон удалось добиться у хана Бердибека разрешения возобновить торговую деятельность венецианских купцов в Тане⁴⁵.

Вместе с тем, следует отметить, что начиная со второй половины XIV в., происходит значительное изменение структуры товарооборота североитальянских торговых факторий, являвшееся следствием общего кризиса международной торговли, вызванного распадом общего экономического пространства «Рах Татарика», а также пандемией т.н. «Черной смерти», охватившей практически все пространство Евразийского континента. Так, во второй половине XIV – первой половине XV в., на первые места в венецианском экспорте из Азовско-Черноморского региона выходят продукты питания (соленая рыба, икра, зерно) и рабы⁴⁶.

В течении XV в. происходит неуклонный упадок венецианско-ордынской торгово-ремесленной агломерации, вызванный неоднократными разорениями города отрядами соперничавших группировок ордынской аристократии (наиболее значимые 1410,

---

⁴⁴ Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55 (80). Ч. 1; Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Джанибека венецианцам Азова в 1347: Реконструкция содержания / Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред Н.Н. Дьяков. СПб., 1995. Вып. 15. С. 36–83; Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник. М.; Л., 1949. Т. 2 (27). С. 248–249.

⁴⁵ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Бердибека венецианским купцам Азова от 1358 г.: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Б.Н. Мельниченко, А.В. Попов. СПб., 1995. Вып. 16. С. 24–66.

⁴⁶ Thiriet F. Regestes des de liberations du Senat de Venise concernant la Romanie. Paris – la Haye. 1958–1961. Vol. 1–3. P. 247. № 2072 от 20.08.1427.

1411 гг. и 1418 г.)⁴⁷. В 1476 г. Тана захватывается турецкой армией Гедик Ахмед-паши⁴⁸ и включается в систему экономических связей «Рах Османика».

Наиболее известным торговым маршрутом, проходившим по территории галицко-ордынского пограничья, являлся т.н. «Татарский путь (шлях, дорога)», наиболее раннее свидетельство о котором содержится в венецианском документе середины XIV в., упоминающем торговую магистраль под названием «Via Tatarica»⁴⁹.

Отрывочность и эпизодичность упоминания в источниках этого торгового пути оставляет открытым для научной дискуссии время его возникновения. По мнению автора работы, первый этап функционирования «Татарского пути» следует отнести к концу XIII – началу XIV вв., характеризуем активизацией торговых отношений в регионе Северного Причерноморья после завершения внутриордынского противостояния (война Токты и Ногая), а также нормализации отношений между Улусом Джучи и гоосударством Хулагуидов⁵⁰. Аналогичную точку зрения была высказана К.К. Хромовым, уточнившим, что полноценное становление данного торгового маршрута, по всей вероятности, следует относить к временам правления хана Узбека, характеризующихся как период политической стабильности и активного развития торгово-экономических коммуни-

---

⁴⁷ Prost M. A. *Les Chroniques venetiennes* // *Revue des questions historiques*. Paris, 1882. Т. XXXI. P. 512–555; Sanuto M. *Vitae ducum venetorum* // *Rerum Italicarum scriptores ab anno aerae cristianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum*. Т. 22. Mediolani, 1733. Col. 854, 923.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXIV. Пр., 1921. С. 194.

⁴⁹ Thomas G.M. *Diplomatarium Veneto-levantinum siva Acta etdiplomata res venetas graeca atque levantis illustrantia*, Pars 1: 1300–1350. Venetiis: Sumptibus Societatis, 1880. P. 267, № 139 (1); *Regestes des deliberations du senat de Venise concernant la Romanie* / par F. Thiriet. Paris La Hye: Mouton, 1958. Т. 1 (1329–1399). P. 54.

⁵⁰ Воротынцева Л.В. «Татарский» торговый путь («Via Tatarica») в системе международной торговли XIII–XV вв. // *Золотоордынское обозрение*. 2019. Т. 7, №1. С. 82.

каций на всех территориях Улуса Джучи⁵¹. К середине XIV столетия «Татарский путь» активно использовался итальянскими (преимущественно генуэзскими), польскими, русскими, а также армянскими и ордынскими купцами для транзитной торговли с Галицко-Волынским княжеством, Польским королевством и Венгрией.

Также в исторической науке не сложилось однозначного мнения и о локализации вышеуказанного международного торгового маршрута. К настоящему времени в работах исследователей представлены два варианта. По мнению А.М. Арсланова «Татарский путь» проходил от Солхата (являвшегося перевалочной базой товаров, поступавших в Кафу) к Перекопу, далее к переправе через Днепр у Тавани и вдоль побережья Черного моря, через городище Маяки к Ак-Керману. От Ак-Кермана караваны поворачивали на север и через ордынские городища Костешты и Старый Орхей (Янги-Шехр) проходили в Каменец-Подольский, Теребовль, Золочев и Львов⁵². Методологической основой для вышеуказанного варианта маршрута «Татарского шляха» послужил анализ ряда юридических, коммерческих и административных актов конца XIII – XIV вв., а также информация, содержащаяся в средневековых географических атласах (в частности в «Каталанском атласе»)⁵³. Перечень товаров и валют, представленных в этих документах позволяет исследователю выдвинуть версию о маршрутах, по которым осуществлялись поставки, а также о перевалочных пунктах на торговом пути, проходившем по северному побережью Черного моря.

Минусом данного метода является отсутствие учета ландшафтно-географической составляющей, а также событий военно-политической истории региона. Данные факторы оказывали значительное влияние на функционирование как международных, так и

---

⁵¹ Хромов К.К. Локализация Азово-Черноморского участка торговой дороги Татарский шлях из Азака во Львов (по нумизматическим данным) // Золото-ордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 277.

⁵² Арсланов А.М. Ук. соч. С. 16.

⁵³ Balard M. Genes et L'outré-mer 1, Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. Paris: Mouton & Co. 1973. P. 203–204; Balard M. Genes et la mer Noire (XIII-e – XV-e siècles) / M. Balard // Revue Historique. Vol. 270. Paris, 1983. P. 52–53.

региональных торговых путей, их игнорирование приводит к серьезному искажению общей картины экономической истории.

Несколько иной методологический подход представлен в работах украинского исследователя К.К. Хромова. Основой его метода локализации маршрута «Татарского пути» является синтез данных представленных в нумизматическом материале ордынской эпохи из региона Северного Причерноморья и Днестровско-Бужского междуречья, с данными исторической географии, реконструированной в результате системного археологического исследования указанных территорий, а также гидрологии Бужско-Днестровского региона.

Сопоставляя данные нумизматики и ландшафтно-географических локаций К.К. Хромов приходит к выводу о том, что основной маршрут «Татарского шляха» пролегал от важнейших центров транзитной евразийской торговли Азовско-Черноморского региона – Каффы (в конце XIII в.) и Азака (с начала 20-х гг. XIV в.), до Львова, через Днепровский лиман, от Аджигола к крепости Балыкля и переправу у Маяков, далее вдоль правого берега реки Южный Буг, русел рек Чичиклеи и Кодымы с последующим уходом по водоразделу между реками Днестр и Южный Буг в направлении Каменца. Кроме того, исследователь предположил наличие ответвлений «Татарского пути» на Северский Донец, Таванскую переправу (путь на Киев и Торговицкое городище), а также в Крым⁵⁴.

Данный метод локализации маршрута «Татарского» торгового пути представляется достаточно объективным, однако принимая его, следует также учитывать сообщения письменных источников фиксирующих периоды активизации и спада трансевразийской торговли, а также события «Великой замятни» (периода междоусобных войн в Улусе Джучи в 1361–1380 гг.) и похода Тамерлана (1395 г.), оказывавших непосредственное влияние на функционирование торгово-ремесленных центров Орды (в частности Азака), а также на

---

⁵⁴ Хромов К.К. Блукаючи шляхами «Via Tatarica» (проблеми визначення торгових шляхів джучидської доби на теренах сучасної України) // Український нумізматичний щорічник. Випуск 3. 2019. С. 62; Он же. Локалізація Азово-Черноморського участка торговий дороги Татарський шлях із Азака во Львов (по нумізматическим даним) // Золотоордынське обозрення. 2020. Т. 8, №2. С. 274–283.

безопасность прохождения товарных потоков по землям Северного Причерноморья и Бужско-Днестровского междуречья.

Для исследуемой в данной работе темы детальное определение маршрута «Татарского пути» не имеет принципиального значения, поскольку в обоих вариантах, представленных в исторических исследованиях, он проходил по территории одного из регионов русско-ордынского пограничья – Бужско-Днестровскому междуречью (Подолии). Включение Пруто-Днестровского региона в систему трансевразийской торговли значительно активизировало экономическое развитие территорий, располагавшихся на вышеобозначенном международном маршруте. Археологические исследования населенных пунктов ордынской эпохи в Приднестровье позволяют сделать вывод о развитой инфраструктуре обеспечения купеческих караванов, проходивших по территории региона. Так на ряде поселений (Синие Воды, Янги-Шехр) обнаружены типичные для ордынских торгово-ремесленных центров элементы городской застройки – бани с водопроводом, печи-гандыры, караван-сарай⁵⁵.

Следует отметить, что археологически фиксируется наличие у ордынских городищ Костешты и Янги-Шехр густозаселенной сельской округи⁵⁶, что свидетельствует об активном хозяйственном освоении нижнего Поднестровья земледельческим населением в эпоху функционирования «Татарского пути» и его региональных ответвлений.

Структура товарооборота «Via Tatarica» определялась транзитным характером торговых отношений, осуществлявшихся по указанному маршруту. Из владений Джучидов в Восточную и Центральную Европу по «Татарскому пути» осуществлялись поставки как импортных, так и местных товаров (шелк, пряности, благовонные масла и драгоценности, поступавшие на европейские рынки из Персии и Юго-Восточной Азии, а также скот и продукты животноводства (кожи, шерсть), меха, мед, воск, ремесленные изделия, ви-

---

⁵⁵ Козир І.А., Чорний О.В. Локалізація місця битви на Синніх Водах 1362 р. у світлі нових джерел // Український історичний журнал. Київ. 2012. № 2. С. 20–22.

⁵⁶ Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII вв. // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 7. Кишинев, 1974. С. 38.

на, рабы, лекарственные растения).⁵⁷ В свою очередь основные позиции в перечне товаров поставляемых восточноевропейскими купеческими корпорациями в улусы Золотой Орды занимали фландрские, английские и силезские шерстяные сукна, а так же различные ремесленные изделия из Западной Европы⁵⁸.

Характерно, что в XIV в. одним из основных товаров экспорта из Ак-Кермана в Европу становится пшеница, поступавшая из Днестровско-Дунайского региона. Средневековый коммерческий трактат «*La practica della mercatura*» («Практика торговли») содержит информацию о том, что в 1324–1336 гг., после непродолжительного перерыва вызванного экономическими санкциями Республики Святого Георгия против Болгарского царства, зерно из Подунавья и Приднестровья в значительных объемах экспортировалось на рынки Перы и Генуи⁵⁹.

С началом «Великой замятни» в Улусе Джучи «Татарский путь» постепенно начинает приходить в упадок. Согласно свидетельствам западных путешественников Гильбера де Ланоа и Амброджио Контарини «*Via Tatarica*» лишился своей привлекательности уже в последней четверти XIV в. ввиду отсутствия безопасности⁶⁰. В XV в. т.н. «Татарский путь» почти не упоминается в источниках. К этому времени значительная часть западной торговли Золотой Орды переносится на «Молдавский (Волошский) путь» («*Via Valahica*»), прохо-

---

⁵⁷ Осипян О.Л. Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточной Европы во второй половине XIII – первой половине XV в. // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2012. Вып. 5. С. 64.

⁵⁸ Арсланов А.М. Арсланов А.М. Сухопутные торговые маршруты в западной торговле Золотой Орды второй половине XIII – первой половины XIV в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. «Грамота». Тамбов, 2014. № 6 (44) в 2-х частях. Ч. II. С. 16–17.

⁵⁹ Pegolotti F.B. *La pratica della Mercatura*. The mediaval Academy of America. Cambridge, Massachusetts, 1936. P. 42.

⁶⁰ Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XVI в. Л., 1971. С. 211–213; Путешествие Гильбера де Ланоа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. 2. С. 39–43.

дивший значительно южнее прежнего маршрута⁶¹. Упадок «Татарского пути» в это время был вызван рядом причин. Общим кризисом международной торговли, политической нестабильностью в Улусе Джучи, а также литовской и молдавской военной экспансией в Днестровском регионе. Указанные факторы привели к переориентации товарных потоков по более безопасным направлениям.

Еще одним торговым маршрутом, оказавшим определенное влияние на развитие регионов, расположенных на северной периферии Улуса Джучи, включая районы рязанско-ордынского пограничья, являлся трансконтинентальный торговый путь, соединявший сибирские владения империи Юань и Джучидского государства с крупнейшими торговыми центрами Поволжья, Южной Руси и Азовско-Черноморского региона.

Наиболее полное описание этого торгового пути содержится в сочинении арабского историка и географа Фадлалаха ал-Умари. В своем географическом трактате «Масалик ал-Абсар фи Мамалик ал-Амсар» («Пути взоров по государствам с крупными городами») он, со ссылкой на болгарского ученого Масуда и арабского путешественника Хасана эр-Руми, описывает маршрут, проходивший от некой местности Акикул, находившейся в 20 днях пешего пути от Булгара в Сибирь («страну Чулыман»)⁶².

По мнению А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «страна Чулыман» располагалась в Верхнем Прикамье (земля «Вису» раннесред-

---

⁶¹ Крот В.А. Торговля Польши с Турцией в Причерноморье (XV – первая половина XVI в.) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С. 88. Арсланов А.М. Ук. соч. С. 17.

⁶² «За Акикулом, говорил он [Масуд – Л.В.] [следуют] Сибирь и Ибиль, потом за ними земля Чулыман. Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее в землю Хатайскую, в которой [находится] Великий Кан...Когда же путешественник, говорил он, едет на Запад от него [Чулымана], то он приезжает в землю русских, потом в страну Франков и к обитателям Западного моря» (Фадлаллах ал-Умари. Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар (Пути взоров по государствам с крупными городами) // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи. Казань, 2011. С. 135).

невековых источников) со столицей в Акикуле (Афикуле)⁶³. Однако, согласно вышеприведенному сообщению ал-Умари, «Чулыман» располагался не только в отдалении от Акикула, но и за пределами земель «Сибирь» и «Ибирь» и непосредственно граничил с «Хатайской землей», то есть Улусом Великого хана (империей Юань).

Наиболее обоснованной гипотезой расположения области «Сибирь» считается ее локализация в лесостепных районах Западной Сибири (бассейн р. Иртыш и его притоки)⁶⁴. В данном контексте, более плодотворным выглядит предположение М.Г. Сафаргалиева о нахождении «страны Чулыман» арабских средневековых источников на территории верховий Оби и Енисея⁶⁵, а точнее в бассейне р. Чулым. Подтверждением данного тезиса служат сообщения в актовых материалах Сибирского воеводства XVII в. о «Чулымских князьях», владения которых располагались на территории современных Тувы и Хакасии⁶⁶.

По всей вероятности, именно по р. Чулым проходила граница между Улусом Великого хана и Улусом Джучи. В пользу данного предположения свидетельствует сообщение египетского географа Валид ад-Дина ибн Халдуна, определявших владения Джучидов в Сибири как: «...простирающиеся...до Джульмана...»⁶⁷.

С 1207 г. многочисленные племена Южной Сибири и Саяно-Алтайского нагорья входят в состав Монгольской империи⁶⁸. После распада единой Монгольской державы земли енисейских киргизов входят в состав Империи Юань. Включение южносибирских наро-

---

⁶³ Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды КААЭ. Выпуск 4. Пермь, 2007. С. 4–12; Белавин А.М., Крыласова А.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афикула) в Пермском крае // Научный Татарстан. Казань, 2009. № 2. С. 19.

⁶⁴ Бояршинова Население Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. С. 38–39; Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. С. 21.

⁶⁵ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 215.

⁶⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. СПб., 1937. С. 412–413.

⁶⁷ Тизенгаузен В. Г. Ук. соч. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 380.

⁶⁸ Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. С. 174–175; Кызласов Л.Р. История средневековой Тувы. М., 1969. С. 132.

дов в имперскую экономическую систему привело к значительному оживлению хозяйственной жизни вышеуказанных территорий. По свидетельству Рашид ад-Дина: «в областях Киргиз и Кэмкэджит много городов и селений»⁶⁹. Археологические исследования в Туве выявили существование значительного числа неукрепленных городищ монгольской эпохи (Ден-Терек, Оймак, Менигейское, Могойское, Элегетское, Эртине-Булакское)⁷⁰, что подтверждает информацию персидского хрониста. При монголах в Туве появляются фактории мусульманских купцов, которые проживали в городах, ведя широкую караванную торговлю⁷¹.

Фадлаллах ал-Умари, со ссылкой на мусульманского путешественника Номана ал-Хорезми, прямо указывает на наличие тесных торговых отношений между Булгарским улусом и Чулыманом: «...купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера»⁷².

Многочисленные археологические находки вещей западноевропейского производства, а также изделий относящихся к аскизской культуре, сделанные в Западной Сибири, Приуралье, Поволжье, на Оке, Дону, Днепре и Немане⁷³, позволяют реконструировать примерный маршрут вышеуказанного трансевразийского торгового пути.

Начинаясь в Каракоруме (позднее в Ханбалыке), он проходил через земли енисейских киргизов (г. Кемджикет), Барабинскую степь, бассейны рек Тобол и Тура (до Тюмени). Далее путь пролегал по южноуральскому маршруту до Булгара. Фадлаллах ал-Умари, со ссылкой на мусульманского путешественника Номана

---

⁶⁹ Рашид ад-Дин. Ук. соч. Т. II. Кн. 1. С. 150.

⁷⁰ Кызласов Л. Р. Ук. соч. С. 140

⁷¹ Там же. С. 140; Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве // СА. 1963. № 2. С. 203–210.

⁷² Фадлаллах ал-Умари. Ук. соч. С. 137.

⁷³ Борисенко А.Б., Худяков Ю.С. Значение Булгарского пути в поступлении западноевропейского импорта в Западную Сибирь в XII–XIII вв. // Средневековая Казань: возникновение и развитие (Материалы Международной науч. конф. сост. В Казани 1–3 июня 1999 г.). Казань, 1999. С. 251–255; Кызласов Л.Р. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII–XIV вв. в связи с политическим положением в Азии // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 103–106.

Эльхорезми, прямо указывает на наличие тесных торговых отношений между Булгарским улусом и Чулыманом: «Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера»⁷⁴. Подтверждением посещения «чулыманскими» (хакасскими) купцами Верхнего Прикамья служат многочисленные находки предметов аскизской культуры на Рождественском археологическом комплексе (Карагайский район Пермского края), ассоциируемого А.М. Белавиным с городом Акикулом (Афикулом) восточных источников, являвшимся одним из центров транзитной торговли Северного Поволжья⁷⁵.

От Булгарского улуса товары южносибирского происхождения расходились как в северном (Акикул, Югра), так и в юго-западном направлениях. Определение русского участка северного трансконтинентального маршрута представляет значительную трудность ввиду отсутствия информации в письменных источниках. В связи с этим важнейшее значение представляют результаты археологических исследований.

Находки многочисленных артефактов относящихся к аскизской археологической культуре средневековых хакасов (енисейских киргизов) на территории крупных населенных пунктов Верхнедонского региона (Лавское городище, городище Устье-3)⁷⁶, позволяют высказать предположение о транзите «чулымских» товаров по окско-донскому маршруту.

---

⁷⁴ Фадлаллах ал-Умари. Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар (Пути взоров по государствам с крупными городами) // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи. Казань, 2011. С. 135, 137.

⁷⁵ Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск 4. Пермь, 2007. С. 4–12.

⁷⁶ Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. в районе Куликова Поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2005. С. 91; Тропин Н.А. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 144.

Наиболее вероятным представляется прохождение ладейных караванов от Булгара по Волге и Оке до устья р. Прони. На участке водораздела Оки и Дона существовало несколько возможных вариантов прохождения торговых судов: 1) по рекам Пронь-Ранова-Рясское поле-Ряса-Воронеж-Дон; 2) Пронь-Ранова-Кочур-Дон; 3) Пронь-Мокрая Тобола-верховья Дона⁷⁷, а также по Прони в Дон через Иван-озеро. Вместе с тем, не следует исключать и вариант существования сухопутных маршрутов проникновения южносибирских товаров в окско-донской регион.

С активизацией трансевразийской транзитной торговли, может быть связано появление такого относительно крупного торгово-ремесленного центра в бассейне р. Быстрой Сосны, как Лавское городище, достигшего своего расцвета во второй половине XIII – первой половине XIV в.

О достаточно оживленных торговых связях населения Посеймья и его включенности в систему международных торговых маршрутов свидетельствуют многочисленные находки монетных кладов XIII–XV вв. в районе Курска и Ратского городища, а так же обилие археологических артефактов на территории Гочевского археологического комплекса, относящихся к материальной культуре Золотой Орды (в том числе произведенных в торгово-ремесленных центрах Булгарского улуса)⁷⁸.

Упадок Окско-Донского маршрута, вероятно, следует относить к концу XIV – началу XV столетия, когда в результате ордынских набегов происходит запустение Верхнедонского региона и ликвидация инфраструктуры, обеспечивавшей функционирование торгового пути.

---

⁷⁷ Шебанин Г.А. Окско-Донской путь XII – начала XIII в. в свете новых археологических данных // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 119.

⁷⁸ Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования посада Гочевского археологического комплекса (летописного Римова) в 2003–2004 гг. // Материалы IV научной конференции. Елец, 2006. С. 230; Зорин А.В., Шпилев А. Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. Курск, 2008. С. 95. Рис. 1.

Восстание «красных повязок» в империи Юань (1351–1368 гг.), завершившееся крушением монгольской династии, а также междоусобные конфликты, разразившиеся во второй половине XIV в. в Чагатайском улусе и Улусе Джучи нанесли серьезный урон международной торговле. Опустошительные походы Тамерлана, направленные против Золотой Орды и Могулистана, привели в полное расстройство систему трансевразийских торговых маршрутов, проходивших по территории Улуса Джучи⁷⁹. Одновременно с этим, к концу XIV столетия происходит становление альтернативного Южного трансевразийского торгового маршрута, в значительной части подконтрольного Тимуридам⁸⁰.

Одним из последствий упадка северного направления трансевразийских торговых коммуникаций, вызванных процессами дезинтеграции монгольских государств и эпидемии «Черной смерти», становятся серьезные изменения в структуре русско-ордынской торговли, все большее значение в которой к концу XIV в. стали приобретать сухопутные торговые маршруты, по которым осуществлялись торговые связи княжеств Южной и Северо-Восточной Руси с Большой Ордой и Крымом в последней четверти XV в.⁸¹

К сожалению, русско-ордынские торгово-экономические отношения позднеордынского периода достаточно слабо отражены как в русских, так и зарубежных письменных источниках. Тем не менее, отрывочные сведения, содержащиеся в русских летописях, позволяют получить некоторое представление о масштабах торговых связей ордынских купеческих корпораций (ортаков) с княжествами Северо-Восточной Руси.

Так, Никоновская летопись отмечает прибытие в 1398 г. «Тохтамышева посла царева Темир-Хози», который: «...был на Ря-

---

⁷⁹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 5 т. Алматы, 1997. Т. 2. С. 212.

⁸⁰ Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 158.

⁸¹ Наумов А.Н. Водораздельные городища и сухопутные дороги на водоразделе Оки и Дона в развитом Средневековье (К вопросу о методике археологического поиска) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула, 2007. С. 112.

зани, у великого князя Олега Ивановича Рязанского, а с ним много Татар и коней и гостей»⁸². По сообщению Московского летописного свода, пришедший в 1476 г. из Большой Орды в московские земли купеческо-посольский караван из Большой Орды состоял из нескольких тысяч купцов: «Того же лета [6982 (1476) года – Л.В.] месяца июля 7 пришел из Орды Микифоръ Басенков с послом царевымъ Ахмутом блшиа орды с Кара Кучумом, а с ним множество татаръ пословых было 6 сот, коих кормили, а гости с коньми и со иным товаром было 3 тысячи и двести, а коней продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много...»⁸³. Подобная концентрация купцов и товаров, двигавшихся в сопровождении многочисленных воинов ханских посольств, по всей вероятности, позволяла обеспечивать максимальную безопасность и прибыльность торговли.

Локализация сухопутных торговых маршрутов позднеордынского времени достаточно затруднена, в виду отсутствия какой-либо информации по этому вопросу в летописных источниках XIV–XV вв. Тем не менее, допустимо высказать предположение, что передвижения огромных табунов и купеческих караванов осуществлялось по установившейся в эпоху расцвета Джучидского государства системе сухопутных дорожных коммуникаций, проходивших по территории регионов южнорусского лесостепного пограничья. В географических трактатах и административных актах Российского государства XVI–XVII вв. они именуется шляхами или дорогами (Изюмская дорога, Кальмиусская дорога, Муравский шлях)⁸⁴. В частности, наиболее удобным маршрутом продвижения торговых караванов (равно как и военных отрядов) к столице Рязанского княжества являлся один из «заволжских» шляхов (сакм), описание которого содержится в источнике XVII в. – «Выписке в Разрядѣ о построении новых городовъ

---

⁸² ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. СПб., 1897. С. 167.

⁸³ ПСРЛ. Т. XXV Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. С. 302.

⁸⁴ Книга Большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная въ Розрядѣ и списанная въ книгу 1627 года. Издание второе. СПб., 1838. С. 10–25; Выписка в Разрядѣ о построении новых городовъ и черты 7189–1681 // ГПИБ. Вып. XXXIII [25 октября – 2 декабря 1891] – 182. Известия Тамбовской учетной архивной комиссии. Тамбов. 1892. С. 49.

и черты». Согласно представленной в нем информации, в направлении русских земель степная дорога проходила «...промежь рѣкъ Хапра и Суры, чрезъ реки Лѣсной и Польной Воронежи, на Рязкіе и на Рязанскіе и на Шацкіе мѣста...»⁸⁵. В свою очередь, оптимальным вариантом осуществления коммерческого взаимодействия купеческих корпораций «Ахматовой Орды» с Московским княжеством, являлись «дороги» проходившие по землям Днепровско-Донского междуречья – Кальмиусский и Муравский шляхи, проходившие «...межь Сѣверскаго Дона и рѣкъ Мерла и Ворскла...на Сѣверскія и на иныя тамошніе места...»⁸⁶.

В постордынскую эпоху подобная практика торговых отношений Российского государства с племенными объединениями кочевников, осуществляемая по сухопутным торговым путям (сакмам, шляхам), получила достаточно широкое распространение в контексте коммерческих связей между Московским царством и Ногайской ордой, а несколько позднее и с владениями калмыкских тайшей⁸⁷.

Таким образом, подводя итоги можно констатировать, что длительное существование разветвленной системы торговых коммуникаций, охватывавших практически всю территорию Улуса Джучи (включая районы русско-ордынского пограничья), не только способствовало возрождению прежней экономической жизни оседлого населения, но и в ряде случаев приводило к интенсификации процессов хозяйственного освоения регионов южнорусской лесостепи в эпоху расцвета Золотоордынского государства.

---

⁸⁵ Выписка в Разрядѣ о построении новых городовъ и черты 7189–1681 // ГПИБ. Вып. XXXIII [25 октября – 2 декабря 1891] – 182. Известия Тамбовской учетной архивной комиссии. Тамбов. 1892. С. 49.

⁸⁶ Там же. С. 49.

⁸⁷ Продолжение древней российской вивлиофики (ПДРВ). СПб., 1786–1801. Т. 8. С. 219, 223–333, 249, 289, 293, 301, 322; Т. 9. С. 1, 16, 36, 72, 79, 90, 105, 152, 189, 218, 238, 296, 301; Т. 10. С. 14, 89, 153, 210, 212; Т. 11. С. 94–96; Калмыцкие дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа Посольской канцелярии 1618–1737 гг. РГАДА. Ф. 119. Оп.1. Д. 8. Л. 2.

§ 4.2. Поселенческая структура и процессы хозяйственного освоения регионов русско-ордынского пограничья во второй половине XIII – первой половине XV в.

Включение ряда пограничных со Степью территорий южно-русских княжеств в состав ордынских улусов во второй половине XIII в. повлекло за собой значительные изменения в поселенческой структуре и процессах освоения лесостепных регионов русско-ордынского пограничья оседлым земледельческим населением.

По мнению В.Л. Егорова, прямым следствием монгольского нашествия стало резкое прекращение освоения славянскими земледельческими общинами районов лесостепной полосы в результате отхода русского населения на север, по причине постоянной военной опасности со стороны ордынских кочевников. Именно с этим оттоком оседлого населения исследователь связывал появление на русско-ордынском пограничье малозаселенных районов, т.н. «буферных зон», отделявших, по мнению историка, земли русских княжеств от территории ордынских кочевий⁸⁸.

Тезис В.Л. Егорова о запустении пограничных со Степью территорий южнорусских княжеств был впоследствии поддержан и развит А.В. Чернецовым, высказавшем мнение о том, что в результате монгольского нашествия и установившейся впоследствии системы политической зависимости русских земель от Золотой Орды расширило территорию т.н. «зоны страха», появившейся, по оценке исследователя еще в домонгольскую эпоху и повлекло за собой временное прекращение русской земледельческой колонизации пограничных со Степью регионов⁸⁹.

Действительно, в ряде пограничных со степью районов южно-русских княжеств археологически фиксируется значительное уменьшения числа стационарных поселений, прекращение функци-

---

⁸⁸ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 2009. С. 31; Он же. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начала истории (сборник статей). Липецк, 1996. С. 73.

⁸⁹ Чернецов А.В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 15.

онирования которых датируется второй половиной XIII в. Особенно серьезный урон понесли земли, оказавшиеся на пути прохождения монгольских туменов. Так, из 36 поселений, существовавших в домонгольскую эпоху в Пронско-Рановском ополье (Рязанское княжество), 10 не пережили события зимы 1237/38 г. При этом, в последующие десятилетия был полностью заброшен участок на р. Ранове у Княжого городища, существенно (с 12 до 6) сократилось число поселений на р. Моше⁹⁰. В сельской округе Старой Рязани после Батыева нашествия численность поселений также резко сокращается: из 29 населенных пунктов продолжают существовать лишь 6, и еще 9 можно отнести к числу новообразованных⁹¹.

Определенные демографические потери понесли некоторые регионы Южной Руси в результате мероприятий первой переписи, проведенной во владениях Джучидов Масуд-беком в середине 40-х гг. XIII в.⁹² По сообщению Плано Карпини: «...в бытность нашу в России, был прислан туда один Сарацин, как говорили, из партии Куюк-каана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он увел всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые изыскивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той стране, название которого мы не умеем пе-

---

⁹⁰ Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю., Челябинов В.П. Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 356.

⁹¹ Стрикалов И.Ю. Округа Старой Рязани в XII–XV вв. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 227.

⁹² Воротынцев Л.В. Кем был «Сарацин» – переписчик, упоминаемый в «Истории монгалов» Плано Карпини (к вопросу о проведении первой ордынской переписи на Руси в 1245 г.) // Золотоордынская цивилизация. № 10. Казань, 2017. С. 135–139.

редать по латыни, а по немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба»⁹³.

По свидетельству папского дипломата ордынскими властями была установлена достаточно жесткая система административного управления русским населением, проживавшим на территориях непосредственно включенных в территориальную структуру Джучидского государства: «Башафов (Baschathos), или наместников своих, они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться...и если люди какого нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы говорят им, что они не верны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар...как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле татар (весна 1246 г. – Л.В.), с одним городом, который они сами поставили над русскими в земле Команов»⁹⁴.

Вместе с тем, было бы ошибкой сводить все изменения в процессах демографической динамики южнорусских земель второй половины XIII-XIV вв. к последствиям монгольского нашествия. Известный советский историк и археолог В.О. Довженок одним из первых обратил внимание на тот факт, что далеко не все древнерусские поселения Поднепровья домонгольской эпохи запустели в результате «Батыевой рати»⁹⁵. По мнению исследователя: «...имелись, видимо, и какие-то иные обстоятельства, которые принуждали население уже после татарского нашествия оставлять насиженные места»⁹⁶. Так, одним из важнейших факторов, оказывавших непосредственное влияние на демографические процессы и развитие поселенческой структуры территории Древней Руси, являлись системные климатические изменения, происходившие на Среднерусской равнине в эпоху средневековья.

---

⁹³ Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1956. С. 55.

⁹⁴ Там же. С. 56.

⁹⁵ Там же. С. 76–82.

⁹⁶ Довженок В.О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.76–82.

Рассматривая данную проблему, следует отметить, что хозяйственное развитие регионов Восточной Европы (включая земли Руси и Орды) в XII–XIV вв. проходило в более влажную и прохладную фазу климатических ритмов. Период 1100–1360 гг. характеризуется палеоклиматологами как отрезок времени с двумя максимумами увлажненности лесной и лесостепной зон (1100–1180 и 1280–1360 гг.). Указанные изменения привели к значительной трансформации природно-ландшафтных ареалов в ряде регионов лесной и лесостепной зон Северной Евразии⁹⁷.

В частности, согласно результатам новейших палеопочвоведческих исследований территории юго-западного пограничья Рязанского княжества (район Никольского городища), достаточно значимым, если не определяющим фактором в запустении ряда славянских и мордовских поселений Среднего Поочья в XIII–XIV вв. стало резкое увеличение количества выпадающих в регионе осадков, вызвавших повышение уровня почвенно-грунтовых вод, усиление паводков и заболачивание земель⁹⁸. Данные процессы затрудняли (а в ряде случаев делали невозможным) ведение сельскохозяйственной деятельности, что в свою очередь вызывало миграцию местного земледельческого населения в соседние регионы.

Таким образом, следует согласиться с тезисом Н.А. Макарова, согласно которому процесс запустения значительного числа древнерусских поселений во второй половине XIII в. был вызван не только последствиями монгольского нашествия, но также, в значительной степени, являлся «отражением структурных изменений, обусловленных собственной внутренней логикой развития тех или иных территорий и природными факторами»⁹⁹.

---

⁹⁷ Клименко Л.В., Слепцов А.М. Комплексная реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // Известия Русского географического общества. Т. 135. Вып. 6. С. 45–53.

⁹⁸ Канищев В.В., Ковалева Н.О., Ковалев И.В. Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований // Вестник ТГУ, Т. 17. Вып. 16, 2012. С. 1542.

⁹⁹ Макаров Н.А. Русь в XIII в.: культурная ситуация по археологическим данным // Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? Тезисы докладов Международной конференции. М., 2000. С. 5–9.

После стабилизации военно-политической ситуации и начала становления административно-территориальной структуры Улуса Джучи, во второй половине XIII в. происходит возобновление процесса освоения пограничных со Степью регионов русским земледельческими общинами. Данные археологических исследований однозначно свидетельствуют о расширении хозяйственной деятельности славянского населения в лесостепных районах русско-ордынского пограничья во второй половине XIII – первой половине XIV в. В частности, именно в этот период происходит значительное увеличение числа новообразованных поселений русских земледельцев в бассейне р. Быстрая Сосна, нижнем течении р. Воронеж, Костенковско-Боршевском Подонье, Прихоперье, Побитюжье, а также Донском Белогорье¹⁰⁰. В междуречье Прони и Рановы также отмечается рост численности древнерусских поселений, стабильно функционировавших на протяжении длительного времени¹⁰¹.

В регионе Верхнего Подонья фиксируется почти двукратное увеличение числа древнерусских поселений появившихся за период второй половины XIII – первой половины XIV в. Общее число населенных пунктов в данном регионе, функционировавших в золотоордынскую эпоху, доходило до 239 селищ, объединенных в несколько локальных групп¹⁰². В два раза количество земледельческих поселений увеличивается в районах современных городов Лебедяни, Задонска, Данкова, а так же в бассейне Красивой Мечи и в несколько раз в нижнем течении Быстрой Сосны¹⁰³.

Следует отметить, что освоение русским земледельческим населением приречных участков в ордынскую эпоху проходило параллельно с хозяйственным использованием кочевым населением ордынских улусов степных участков речных водоразделов. Такое

---

¹⁰⁰ Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII – XIV вв. в Подонье // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993. С. 123.

¹⁰¹ Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю., Челяпов В.П. Ук. соч. С. 356–357.

¹⁰² Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV в. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. М., 2007. С. 21, 35.

¹⁰³ Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006. С. 262.

разделение хозяйственной деятельности по ландшафтному признаку позволяло поддерживать в целом малоконфликтные отношения между различными этническими общинами региона¹⁰⁴. Северная граница половецких (позднее ордынских) кочевий являлась достаточно стабильной на протяжении XII–XIV вв. и проходила на правом берегу Дона от среднего течения р. Оскол к р. Дон несколько южнее Тихой Сосны. К востоку от Дона ордынские кочевья занимали лесостепные районы междуречья Битюга и Савалы, а также степные участки Прихоперья.

Значительную роль в процессе заселения русскими земледельческими общинами бассейна Дона, сыграло и вхождение Среднего Подонья в административно-территориальную систему Улуса Джучи. Данный фактор обеспечивал относительно стабильную и безопасную жизнь переселенцев, а также давал дополнительные возможности для реализации излишков сельскохозяйственного производства.

Особенностью поселенческой структуры Верхнего и Среднего Подонья в золотоордынскую эпоху является незначительное количество на этой территории укрепленных населенных пунктов (городищ), которые могли бы являться административными и экономическими центрами для сельской округи. Ряд древнерусских городищ (Семилукское, Ключевское, Романовское, Архангельское, Долговское, Стрешневское) функционировавших на территории вышеуказанного региона в домонгольскую эпоху прекращают свое существование во второй половине XIII в. Исключение составляют Лавский археологический комплекс и позднее г. Елец, структурно объединявшие около 50 селищ, расположенных преимущественно на левобережье р. Быстрая Сосна, в междуречье Воргла и Пальны¹⁰⁵, также древнерусское поселение Устье-3, вероятно, являвшееся административным центром для русских поселений ближайшей сельской округи.

Поэтому, преобладающей поселенческой моделью для указанного региона, являлось образование малодворными, небольшими по

---

¹⁰⁴ Цыбин М.В. Ук. соч. С. 124.

¹⁰⁵ Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Ранняя история Ельца и данные археологии // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования: Сборник научных трудов. Воронеж, 1996. С. 113.

площади (от 0,1 до 1 га) селищами хуторского типа локальных групп, являвшихся территориальными общинами. Эти общины образовывали, в свою очередь т.н. «кусты» и более крупные группы концентрации памятников (ГКП)¹⁰⁶, являвшихся, вероятно, административно-фискальными единицами (сотнями) в составе ордынских улусов. Центрами административного управления на этих территориях являлись, по всей видимости, наиболее крупные неукрепленные поселения, являвшиеся одновременно и торгово-ремесленными центрами.

К таким поселениям можно отнести, в первую очередь, селище Каменное (на р. Матыра), расцвет которого приходится на вторую половину XIII–XIV в., а также Шиловское поселение, располагавшееся в нижнем течении р. Воронеж¹⁰⁷.

О достаточно интенсивных этнокультурных и торговых контактах местного земледельческого населения с жителями ордынских улусов свидетельствуют археологические находки на территории древнерусских поселений, расположенных в бассейнах Дона и его притоков. Так, на центральной усадьбе селища Каменное (на р. Матыра) были обнаружены фрагменты поливной ордынской керамики, тюркские наременные накладки и украшения ордынского круга древностей¹⁰⁸. Культурный слой Шиловского поселения, располагавшегося в нижнем течении р. Воронеж, также насыщен предметами ордынского производства – керамикой, монетами, украшениями, чугунными котлами и оружием¹⁰⁹.

---

¹⁰⁶ Тропин Н.А. Южные территории Черниговско-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Автореф. дисс. ... на соискание ученой степени доктора ист. наук. Воронеж, 2007. С. 21–22.

¹⁰⁷ Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 43.

¹⁰⁸ Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 55. Он же. Зотоордынские находки в Верхнем Подонье // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.13. Воронеж. С. 143.

¹⁰⁹ Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 43; Он же. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 141. Рис. 1, 144.

Следует отметить, что данные находки могут служить свидетельством не только экономических связей, но и быть маркером совместного проживания на вышеуказанных поселениях как славянского, так и тюркоязычного населения, а также представителей ордынского служилого чиновничества. О достаточно наличии таковых на территории среднего Подонья (Червленого Яра) в первой половине XIV в. свидетельствуют тексты грамот московских митрополитов Феогноста и Алексия обращенных не только к служителям русской православной церкви («...къ игуменомъ и къ попомъ...») но также к сотникам, боярам и баскакам, по всей вероятности осуществлявших административное управление общинами оседлого населения Червленого Яра¹¹⁰.

Несколько иная структура расселения во второй половине XIII–XIV вв. сложилась в междуречье Днепра и Дона. После монгольского нашествия южные, лесостепные районы Киевского и Черниговского княжеств, а также территория Переяславской земли входят в состав ордынских улусов.

Прохождение монгольских туменов по территории Среднего Поднепровья в 1239–1240 г. нанесло региону значительный демографический и материальный урон. Вместе с тем, как показывают результаты археологических исследований региона, проведенные в 60–70-х гг. XX в. В.О. Довженком, большинство древнерусских поселений Киевщины в различной степени пострадавших в результате нашествия были в достаточно короткие сроки восстановлены и продолжали функционировать вплоть до конца XIV – начала XV в.¹¹¹ Такие города на р. Рось как Корсунь, Канев, Треполь и др. не прекращали своего существования вплоть до конца XV в.¹¹²

---

¹¹⁰ Грамота митрополита Феогноста на Червленый Яр // Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. С. 21–22; Грамота митрополита Алексия на Червленый Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам // АИ, т. 1, 1334–1598 гг., СПб., 1841. С. 22–23.

¹¹¹ Довженок В.О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 76–82.

¹¹² Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних». Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 223, 230–231.

Аналогичным образом, не смотря на ряд неблагоприятных военно-политических и экономических факторов рубежа XIII-XIV вв. (междоусобной войны в Улусе Джучи¹¹³, временного упадка торговли по Днепровско-Черноморскому торговому маршруту) Киевская земля продолжала сохранять статус одного из наиболее густо заселенных и урбанизированных регионов Древней Руси и в период ордынского владычества.

Данные полученные в результате археологических исследований территории Среднего Поднепровья отмечают достаточно плотное заселение Киевщины во второй половине XIII-XIV вв., а также продвижение славянского населения в сторону Степи¹¹⁴. Согласно данным «Списка русских городов дальних и ближних», городскую округу Киева в конце XIV – начале XV в. составляли многочисленные населенные пункты, включавшую в себя города Мирославицы, Белгород, Василев, Чернгород, Вышгород, Остреченский¹¹⁵. С большой долей вероятности можно предположить их существовавших и в более ранний период. Плотной заселенности региона способствовала как военно-политическая стабильность на протяжении большей части XIV в., так и прохождение через эти земли ряда сухопутных и речных торговых маршрутов.

Включение земель Переяславского княжества в территориальную структуру Золотой Орды, не вызвало значительной трансформации поселенческой структуры в междуречье Трубежа и Сулы. Большая часть древнерусских городищ в бассейне Сулы, возникших еще в домонгольское время, продолжают свое существование и в ордынскую эпоху. Согласно результатам археологических исследований, многие переяславские городища, располагавшиеся в бассейнах Сулы и Псла, после монгольского нашествия утратили функции

---

¹¹³ «...Тогожъ лѣтъ . Митрополитъ Максимъ . не терпѣ Татарскоу Г насильѣ . вставѣ митрополью и збѣжа ис Киева . и весь Киевъ розбѣжалъсѣ ....» (ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 485; ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 182).

¹¹⁴ Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. (по данным археологии). Киев, 1982. С. 27–34.

¹¹⁵ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних». Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 230.

оборонительных пунктов, однако сохранились в качестве селищ в период ордынского владычества¹¹⁶.

Некоторое представление о структуре административного управления данным регионом в золотоордынскую эпоху может дать рассмотрение трех групп древнерусских памятников, расположенных в лесостепных районах Посулья, а также в среднем и нижнем течении рек Ворсклы и Псла.

Первая группа поселений, в среднем течении Сулы и представляет собой плотно заселенный земледельческим населением район, находившейся под административным управлением ордынских чиновников. О присутствии на территории этих населенных пунктов представителей ордынской администрации свидетельствует находка бронзовой пайцзы в районе Лубен¹¹⁷.

Вторая группа древнерусских поселений локализуется в нижнем течении Псла и Ворсклы, находясь в непосредственной близости от ордынских кочевий и населенных пунктов¹¹⁸. По всей вероятности, административным центром этого района, могло являться крупное ордынское поселение в устье Ворсклы. О важном значении этого населенного пункта свидетельствует располагавшийся рядом с ним ордынский некрополь с двумя мавзолеями, в которых были захоронены представители кочевой аристократии, принявшие ислам. Находка на территории поселения обломка серебряной пайцзы дает основание говорить о нем, как о месте проживания представителей ордынских чиновников, осуществлявших административный контроль над округом¹¹⁹.

Концентрация земледельческих поселений в среднем течении Ворсклы, рядом с местами расположения древнерусских летописных городов Глиницы, Бельска и Полтавы (Лтавы, Олтавы), представляет третью группу памятников, располагавшихся на землях

---

¹¹⁶ Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Избранные труды. М., 2005. С. 891; Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепоного Лівобережжя. Київ-Полтава, 2004. С. 6. Рис. 1.

¹¹⁷ Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Ук. соч. С. 23.

¹¹⁸ Там же. С. 18–22.

¹¹⁹ Там же. С. 19, 22–23.

бывшего Переяславского княжества в ордынскую эпоху. Археологические находки бронзовой пайцзы, грунтового кочевнического некрополя и клада джучидских монет в окрестностях Полтавы (Лтавы) некрополя¹²⁰, позволяют локализовать данный населенный пункт, как административный и экономический центр района.

Во второй половине XIV в. административный центр земель, находившихся под фактическим контролем беклярбека Мамая, переносится в город Шехр-ал-Джедид на Великих Кучугурах (район сов. Запорожья). В это же время на Северском Донце и в Приазовье появляются крупные городские центры у Маяков, Ляпинской балки, Райгородка и Лисичанска со смешанным русско-ордынским населением¹²¹.

После перехода Переяславской земли под контроль Великого княжества Литовского (60–70-х гг. XIV в.), начинается создание пограничной линии обороны от кочевнических набегов, посредством возведения крепостей на местах ранее существовавших русских и ордынских поселений¹²². «Список русских городов...» отмечает существование на Суле 13 поселений городского типа (Снепород, Съкнятин, Грошин, Чемесов, Утешков, Синеч, Кляпеч, Ромен, Ковыла, Ворона, Сал, Песьи Кости, Хотень). К городам на Псле «Список...» относит Ничян, Городище, Лощицы, Бирин (в реальности располагавшийся в Посеймье, недалеко от Путивля – Л.В.) и Жолвач, а также Хотмышль на Ворскле¹²³.

Несколько иная ситуация сложилась на территории Курско-Рыльского Посеймья. В результате военной компании монголов 1239 г., а также похода русско-ордынского войска на Литву в 1275 г. были разграблены и опустошены земли «около Курьска»¹²⁴. Прямым следствием данных событий стал некоторый отток земле-

---

¹²⁰ Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Ук. соч. С. 6. Рис. 1, С. 23.

¹²¹ Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки VII. Л., 1983. С. 33–35.; Ельников М.В. Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев. 2015. С. 479.

¹²² Там же. С. 38–39.

¹²³ Тихомиров М.Н. Ук. соч. С. 223.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 872–873.

дельческого населения в более безопасные северные районы. Тем не менее, данные археологических исследований позволяют сделать вывод о том, что земли Путивльского княжества сохранили основные элементы древнерусской территориальной структуры домонгольского времени. «Стустки» населенных пунктов золотоордынского периода отображают существовавшие в XII–XIII столетиях составные части удельного княжества – волости-сотни (Путивльскую, Глуховскую, Вирскую, Псельскую и Ворсклинскую)¹²⁵. По всей вероятности, это было связано с сохранением в Путивльской земле не только княжеской династии, но и боярской аристократии, державшей свои вотчины и в эпоху ордынского владычества.

В то же время, на территории Южного Посеймья отмечаются серьезные изменения в процессах демографического развития и изменения структуры расселения земледельческого населения, явившиеся следствием учреждения властями Улуса Джучи в 80-х гг. XIII в. Курского баскачества и хозяйственно-экономической деятельности ордынских чиновников. В результате проводимой ими политики происходит перемещение значительной части экономически активного населения из прежних хозяйственно-административных центров княжеских уделов (Курского, Рыльского и Липицкого) в новообразованные поселения – «свободы».

Вопрос географического расположения «Ахматовых слобод» остается дискуссионным до настоящего времени. Большинство современных исследователей соотносят одну из слобод с Ратским (Беседенским) археологическим комплексом, на котором отмечено значительное количество ордынских древностей¹²⁶. Вторую «татарскую» слободу Ю.А. Липкинг и В.В. Енуков локализовали в районе с. Лебяжьего (под Курском), где также обнаружены находки ордынского

---

¹²⁵ Там же. С. 73.

¹²⁶ Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 112–117; Енуков В.В. Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991. С. 40–41; Чубур А.А. К исторической географии Посеймья и сопредельных земель в период феодальной зависимости от Золотой Орды // *Studia internationalia / Материалы II международной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 2013. С. 51–52

происхождения¹²⁷. Брянский археолог А.А. Чубур высказал предположение о локализации второй слободы Ахмата на месте Гочевского археологического комплекса (летописного г. Римова), на посаде которого был выявлен пласт ордынских находок (керамика, оружие, монеты)¹²⁸. По мнению же В.Л. Егорова слободы баскака Ахмата располагались к западу от Курска¹²⁹. В таком случае археологически они могут быть соотнесены с двумя группами городищ в среднем течении Сейма, на которых были обнаружены находки золотордынского происхождения¹³⁰. Помимо групп городищ, в приречных долинах Сейма и его притоков археологически фиксируется существование ряда небольших населенных пунктов ордынской эпохи¹³¹.

Основополагающим признаком, маркирующим территорию Посеймья как территорию, включенную в экономическую систему Улуса Джучи, является наличие большого числа предметов, относящихся к материальной культуре Золотоордынского государства; прежде всего, характерной керамики, монет, ювелирных украшений и предметов повседневного обихода (котлов, зеркал и др.). Основная концентрация кладов джучидских монет приходится на районы Юго-Запада (Правобережье Сейма и бассейн Псла) и Востока (Левобережье р. Сейма, бассейны Гускари и Сновы) Курской земли¹³².

Во второй половине XIV в. происходят новые изменения в структуре расселения на территории Посеймья. Приходит в упадок Гочевский археологический комплекс. Ратское и Липинское городища навсегда прекращают свое существование¹³³. По всей вероят-

---

¹²⁷ Липкинг Ю.А. Ук. соч. С. 112–117; Енуков В.В. Ук. соч. С. 40–41

¹²⁸ Чубур А.А. Ук. соч. С. 51–52; Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Славянский город на реке Псел // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

¹²⁹ Егоров В.Л. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории (сборник статей). Липецк, 1996. С. 74.

¹³⁰ Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище и Гусин Брод // Славянорусские древности Днепровского левобережья. Курск, 2008. С. 95. Рис. 1.

¹³¹ Там же. С. 95. Рис. 1.

¹³² Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края (с древнейших времен до XVII в.). Курск, 2008. С. 351–352.

¹³³ Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Славянский город на р. Псел // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 78–79.

ности, эти процессы были связаны с тем, что в условиях военно-политической нестабильности, экономические и административные функции указанных поселений переходят к укрепленным поселениям домонгольской эпохи – Рыльску, Путивлю, Курску, ставших административно-хозяйственными центрами Посеймья в период литовского владычества. «Список русских городов дальних и ближних» в числе «Киевских городов» в Посеймье указывает Путивль на Семи, Рылеск, Куреск на Тускаре, а также располагавшиеся в окрестностях Путивля городки Бирин и Хотень¹³⁴.

Значительную проблему представляет собой вопрос о поселенческой структуре регионов, располагавшихся на южных и юго-восточных рубежах Галицко-Волынской земли, вошедших во второй половине XIII в. в административно-территориальную структуру Золотой Орды. Тем не менее, на основании анализа отрывочных сообщений источников более позднего времени, а также результатов археологических исследований, можно составить общее представление о динамике урбанистических процессов на территории вышеуказанных регионов.

Включение земель Днестровско-Прутского и Прутско-Серетского междуречий в состав золотоордынских улусов не привело к масштабному кризису городской инфраструктуры региона. Помимо продолжавших функционировать торгово-ремесленных центров домонгольского времени (Берладь, Ясский Торг, Романов, Белгород-Днестровский)¹³⁵, во второй половине XIII – первой половине XIV в. в регионе появляется ряд новых поселений городского типа. К таковым следует отнести административный центр улуса Ногая – Исакчи, а также располагавшиеся в Приднестровье достаточно крупные ордынские торгово-ремесленные фактории – городища Костешты, Торговицкое, Синие Воды, Янги-Шехр и Старый Орхей¹³⁶. Процессам устойчивого экономического и демографического

---

¹³⁴ Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних». Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 230.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. III. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. Л., 1950. С. 475; Славяно-молдавские летописи (СМЛ). М., 1976. С. 25, 26.

¹³⁶ Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII вв. // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 7. Кишинев, 1974.

развития западных улусов Золотой Орды в значительной степени способствовали длительные периоды военно-политической стабильности (60–90-е гг. XIII в. и первая половина XIV в.), а также интенсивное развитие локальных и международных торговых путей, проходивших по территории вышеуказанных регионов.

В последней четверти XIV в., на фоне общего упадка городской культуры Улуса Джучи, вызванной рядом факторов экономического, эпидемического и военно-политического характера, большая часть стационарных населенных пунктов Приднестровского региона, основанных в эпоху ордынского владычества, прекращают свое существование. Основными причинами данного процесса, по всей вероятности, являлись военная активность литовских князей в Северо-Западном Причерноморье, а также изменение структуры трансевразийских коммерческих коммуникаций, непосредственным образом повлиявшее на функционирование торговых факторий и торгово-ремесленных центров.

Несколько иная ситуация складывалась в районах галицко-ордынского пограничья располагавшихся в верхнем течении Днестра и Южного Буга (Болховская земля и Побужье). Исходя из информации летописных и археологических источников, единственным крупным населенным пунктом на западных рубежах Галицко-Волынской земли, подвергшимся разгрому монгольскими войсками в 1240 г., стало укрепленное городище на р. Гуска (близ сов. города Шепетовка, Хмельницкой обл.), соотнесенное М.К. Каргером с летописным Изяславлем¹³⁷. В то время как абсолютное большинство Болховских и Побужских городов избежало военного воздействия со стороны чингизидских туменов, вследствие заключения местными правящими элитами политических соглашений с монгольскими военными начальниками¹³⁸. Аналогичным образом не пострадали городские центры в бассейнах р. Случ и Тетерев, обозначенные в Ипатьевской летописи как «города. сѣдашиæ. за Татары»¹³⁹, т. е.

---

¹³⁷ Летописный «Изяславль». Большое Шепетовское городище в свете археологии. Т. I. Материалы раскопок М.К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов. СПб., 2020. С. 27–28, 53–57.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 792.

¹³⁹ Там же. Стб. 838.

вошедшие в административно-политическую систему Монгольской империи и Улуса Джучи в статусе зависимых владений.

Вместе с тем, период ордынского владычества характеризуется значительным преобразованием поселенческой структуры домонгольской эпохи на территории Верхнего Поднестровья и Побужья. Согласно информации содержащейся в «Хронике Литовской и Жмойтской», к моменту отвоевания Кориатовичами земель Бужско-Днестровского междуречья у ордынских «царков» (1263 г.) на данной территории не имелось укрепленных населенных пунктов: «...А иж замков на той час в Подолу не было жадных, а любо и были, теды от татаров збуреными zostали...»¹⁴⁰. Подобное положение может объясняться как проведением Бурундаем в конце 50 – начале 60-х гг. XIII в. военно-дипломатических мероприятий, направленных на снижение оборонительного потенциала Галицко-Волыньских земель (разрушение стен Кременца, Данилова, Стожека, Лучьска, Владимира-Волынского)¹⁴¹, так и распространенной в Золотой Орде практике возведения открытых (неукрепленных) торгово-ремесленных поселений, характерных для южных районов Бужско-Днестровского междуречья, также входивших в административно-территориальную структуру Улуса Джучи.

Некоторое представление о поселенческой структуре и системе административного управления земледельческих районов Подолии в эпоху ордынского владычества, дает сообщение Уваровской летописи, относящееся к периоду, предшествовавшему литовской экспансии. Согласно информации летописного источника, управление землями Бужско-Днестровского междуречья носило характер регулярных фискальных сборов осуществляемых представителями местных элит: «от них» [ордынских эмиров] заведовали атамани и боискаки приезжаючи от тых атаманов, имовали с Подольской земли дань»¹⁴².

Исходя из содержащейся в сообщении информации о подчиненности т.н. «атаманам» баскаков, представляется вполне обосно-

---

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. XXXII. Хроники Литовская и Жмойтская и Быховца. Летописи Барлакубовская, Аверки и Панцирного. М., 1975. С. 43–44.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 849–850.

¹⁴² ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. М., 1880. С. 74–75. Л. 42.об.

ванным отнести первых к средней прослойке ордынского чиновничества, занимавших положение ниже эмиров («царков»), но выше фискальных чиновников – «боискаков». Допустимо предположить, что указанные в летописи «атаманы» являлись представителями болховской знати, сохранившей контроль над родовыми уделами в государственной системе Улуса Джучи, либо входили в число назначаемых глав сельских общин (округов, районов – ?), осуществлявших управление подконтрольными землями по аналогии с описанной в хронике Магистра Рогерия системой управления венгерской Трансильвании в период временной монгольской оккупации части территории Венгерского королевства (1241–1242 гг.)¹⁴³.

После победы литовцев в битве на Синих Водах (1263 г.), новые владельцы Подолии – князья Кориатовичи, приступили к возведению укрепленных замков на рубежах своих новых владений отведенных у ордынских «царков»: «...А иж замков на той час в Подолю не было жадных, а любо и были, теды от татаров збуреными зостали, теды Кориатовичи, княжата литовские, збудовали замок в прирожоном мѣстцу оборонном, которого Бекотою назвали, другой зас замок Смотричь от Смотрича реки назвали...Потым тые жь Кориатовичи...в том мѣстѣ,...где теперь Каменец Подолский. Там, обачивши мѣстце пристойное до замку, праве рукою божиею положеное и збудованое; там збудовали замок и мѣстце славное Каменец Подолский от камня, скалы, от Хотѣня замку волоского пограничного ...Тыи тежь Кориатовичи, княжата литовские, замки и иншие на Подолю побудовали, яко то: Браслав, Вѣницу, Межибож, Хмелник, Тереволь — против наѣздом татарским и волоским, с которыми ся часто угоняли, нижли Подоле в той час успокоили»¹⁴⁴.

К моменту составления «Список русских городов дальних и ближних» в литовской Подолии насчитывалось 11 «польских» (подольских) городов (Каменец, Иловеч, Браславль, Соколеч, Звенигород, Черкасы, Черлен, Новый городок, Венич, Скала и Бакота), возведенных, в большинстве случаев на местах существования древнерус-

---

¹⁴³ Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 51–52.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXXII. Хроники Литовская и Жмойтская и Быховца. Летописи Барлакубовская, Аверки и Панцирного. М., 1975. С. 43–44.

ских городов и крепостей домонгольской эпохи¹⁴⁵. В то же время большая часть отмеченных в летописи т.н. «болховских городов» – Деревича Губина, Кабуда, Кудина городца, Божского Деякова (за исключением Бакоты) окончательно прекращают свое существование.

В конце XIV – XV в., вследствие перманентно усиливавшихся процессов дезинтеграции Золотоордынского государства, сопровождавшихся резким ростом военной активности кочевников, на территориях южнорусского лесостепного пограничья происходят кардинальные изменения поселенческой структуры оседлого населения. Как письменными, так и археологическими источниками фиксируется прекращение функционирования ряда городов и общее уменьшение числа населенных пунктов практически во всех регионах южнорусской лесостепной полосы.

К началу XV в. русское земледельческое население покидает лесостепные районы Пронско-Рановского междуречья¹⁴⁶. В 1414 в. разоряется территория пограничного со Степью Елецкого княжества¹⁴⁷. В первой половине XV в. в запустение приходят земли по р. Воронеж¹⁴⁸.

Аналогичные процессы отмечаются и на территории непосредственно граничивших с ордынскими улусами южных регионов ВКЛ. В частности, во время крупного набега Едигея и Темир-Кутлуга в 1399 г., совершенного ордынцами после победы над войсками Витовта в битве на Ворскле¹⁴⁹, в плен было угнано огромное количество жителей Киевского и Волынского удельных княжеств. Начиная с 30-х гг. XV в. пограничные со Степью регионы ВКЛ подвергались неоднократным крупным набегам кочевников Большой Орды, ката-

---

¹⁴⁵ Тихомиров М.Н. Ук. соч. С. 226.

¹⁴⁶ Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю., Челябинов В.П. Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 356–357.

¹⁴⁷ Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского пограничья в XII–XV вв. Автореф. дисс...на соискание ученой степени кандидата ист. наук. М., 2007. С. 225.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 1965. С. 225; Тропин Н.А. Ук. соч. С. 38.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 393–396.

строфические последствия которых отражены в ряде сообщений западнорусских летописей¹⁵⁰. Крайне негативное влияние на демографическое развитие среднего Поднепровья оказывали и вторжения отрядов «татарских» союзников в период военного противостояния между различными группами аристократии Великого княжества Литовского и поддерживавших их соседних государств (т.н. «Свидригайловы войны») 1430–1436 гг.)¹⁵¹. В последней четверти XV в. начинается систематическое военное давление на южные рубежи ВКЛ со стороны крымских Гиреев¹⁵². Одной из основных целей набегов «татар» на русские области Великого княжества Литовского являлся захват «ясыря» (рабов), для последующей продажи на невольничьих рынках Северного Причерноморья. Данная стратегия кочевой аристократии приводила к «обезлюживанию» пограничных со Степью областей державы Гедиминовичей.

Вышеприведенные сведения письменных источников в целом подтверждаются и данными археологических исследований регионов литовско-ордынского пограничья. В частности, согласно результатам исследований украинских археологов, резкое сокращение численности населенных пунктов на землях Днепровского Левобережья, а также ряда лесостепных районов Днепровско-Днестровского междуречья с наибольшей вероятностью следует датировать концом XV – началом XVI в.¹⁵³

Таким образом, рассматривая вопросы хозяйственного освоения территорий южнорусской лесостепной зоны в эпоху ордынского вла-

---

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. XXXX. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 356–358, 359; Белецкая О. Подолье и татары во второй половине XIV – первой половине XV в.: эволюция данныхских отношений // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 4. Мінск, 2008. С. 100.

¹⁵¹ «...В лѣто 6941[1433 г]. Свидригайло, князь Литовський, неспокойный, приведе Татаръ на Литву и Ляхи. Татаре же, пришедше, поразумѣша силу Ляховъ и Литвы, сего ради не идоша на Литву и в Ляхи, токмо землю его Рускую поплѣниша около Киева огнемъ и мечемъ, безъ числа христіянь въ плѣн поведоша ...» (ПСРЛ. Т. XXXX. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 134).

¹⁵² ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 215; ПСРЛ. Т. XXXV. Волынская краткая летопись. С. 124. л. 69 об. – л. 70; Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 63.

¹⁵³ Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Ук. соч. С. 73, 79.

дычества и связанные с ним закономерности развития поселенческой структуры, следует выделить три периода. Первый период приходится на вторую половину XIII – первую половину XIV в. и характеризуется относительно стабильным хозяйственно-экономическим развитием этих областей, при одновременном усилении влияния тюркского этнического компонента и материальной культуры Золотой Орды. Второй период следует датировать второй половиной XIV в. Его отличительной особенностью является переход ряда регионов Южной Руси под административное управление Великого княжества Литовского с сохранением военно-политической и экономической стабильности. Третий период датируется концом XIV–XV вв. В это время, на фоне военно-политической нестабильности, а также экстремальных эпидемических и климатических катаклизмов отмечаются процессы депопуляции и деурбанизации на территориях практически всех регионов русско-ордынского пограничья.

ГЛАВА V.

РАСПАД УЛУСА ДЖУЧИ И ИЗМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СТАТУСА ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

§ 5.1. Административно-территориальные изменения на землях русско-ордынского пограничья (вторая половина XIV – первая половина XV в.)

Период конца 50-х – первой половины 60-х гг. XIV вв. характеризуется нарастающим коллапсом золотоордынской государственной системы, получившим в русских летописях название «Великой замятни». К настоящему времени в отечественной историографии не сложилось однозначного мнения в вопросе о датировке начального периода междоусобиц в Улусе Джучи. По мнению известного советского исследователя истории Золотой Орды М.Г. Сафаргалиева, начало внутривосточного кризиса следует относить к 1359 г. (убийство хана Бердибека)¹. В свою очередь, современным российским историком Р.Ю. Почекаевым была высказана гипотеза, согласно которой первые признаки кризисных явлений золотоордынской государственности проявились уже в 1358 (предъявление претензий на власть Кульпой). События 1358–1362 гг., приведшие к разрушению административно-политической системы Джучидского государства, исследователь предлагает считать первым этапом великой ордынской смуты².

Рассматривая данную проблему, следует отметить, что определенная информация по вышеуказанному вопросу содержится в ряде русских летописных источников. В частности, Рогожский летописец под 6868 г. от с. м. (1360 г. от р. х.) отмечает нарастающий по-

---

¹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 111–112.

² Почекаев Р.Ю. К вопросу о переходе власти в государствах Чингизидов. Золотая Орда в 1358–1362 гг.: династический кризис и феномен самозванства // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань, 2009. С. 39.

литический хаос в Золотой Орде: «...Тое же весны приде на царство Волжское некий царь с вьстока Заядьскы, именемъ Хидырь, прида взяль Ордоу и царя Навроуса оубиль и царицю Таидулу, а князи ордынскихъ Муалбоузиноу чадь множество оубиль, а самъ седе на царство. **И бысть въ Орде замятня велика...**»³. В свою очередь Ермолинская летопись относит начало ордынской междоусобицы к 1361 году, свидетелями первого этапа которой стал ряд русских князей (Дмитрий Московский, Андрей Новгородский, Константин Ростовский и Михаил Ярославский), находившихся к тому моменту в ставке Хызра (Хыдыря): «...Того же лета уби Хыдыря сынъ его Темиръ-хозя и седе на царстве, а на 7 день царьства его темникъ его Мамаи замыте всемъ царствомъ его; онъ же беже за Волгу, тамо убиннъ бысть, а Мамаи приде за Волгу на горнюю сторону со всею ордою, а царь у него Авдула...а иныхъ царь Киндильбекъ творя сынъ Чанибековъ многихъ поби, а самого убиша же, а иные князи затворишася въ Сарай со царемъ Муратомъ; **многа же замятня у нихъ и глад велик бысть**»⁴.

Таким образом, наиболее источниковедчески обоснованной выглядит предложенная И.М. Миргалеевым и Д.М. Маслоуженко гипотеза датировки начала «Великой замятни» 1361 г., с момента открытого военного противостояния группировок ордынской знати и появления сразу нескольких претендентов на ханскую власть⁵.

Длительный период ордынских междоусобиц (1360-1380 гг.) сопровождался временной ликвидацией устоявшихся практик административно-территориального устройства Улуса Джучи предшествующего периода и господства принципа владения той или иной территорией «по праву силы».

Никоновская летопись, отмечая гибель в 1361–1362 г. нескольких претендентов на ханский престол (Хызра, Орду-Мелика, Киль-

---

³ ПСРЛ. Т. XV. Рогожская летопись. М., 2000. С.70. л. 286.

⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 113. л. 189.

⁵ Миргалеев И.М. К вопросу о единстве Золотой Орды в 1359–1380 годах // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004. С. 97; Маслоуженко Д.Н. Шибаниды в золотоордынских делах во второй половине XIV – начале XV веков: истоки сибирской государственности // Северный регион: наука, образование, культура. 2007. № 2. С. 82.

дибека), в сообщении под 6871 г. от с. м. (1363 г. от р. х.) констатирует фактический распад Улуса Джучи к на ряд независимых владений: «...мнози князи Сарайстїи затворишася въ Сараи, царя у себе имеюще Амурата, Хыдырева брата царева; а Булатъ Темиръ, князь Ординскїи, Болгары взялъ, и все грады по Волзе и улусы поималъ, и отня весь Воложскїи путь. А иный князь Ординнскїи именем Тогай, иже отъ Бездежа, той убо Наручадъ и всю ту страну взялъ, и тамо о себе пребываше; а инїи князи Ординстїи о себе пребываху. И бысть въ нихъ глад велїи, и **замятня многа**, и неустроенїе всегдашнее, и не престаяху межи собою ратующеся, и бїющеся и кровь проливающе»⁶. На землях золотоордынских улусов к западу от Волги, в 60-е гг. XIV в. формируются владения Мамаея, получившие в поздних русских летописях название «Мамаевой Орды»⁷ и включавшие в себя на пике военно-политического влияния беклярбека обширные территории Северного Кавказа, Крыма, Северного Причерноморья⁸.

В условиях деградации военно-политической системы Золотоордынского государства, ордынские улусы, располагавшиеся на западной и северной периферии Джучидских владений, начинают подвергаться систематическому военному давлению со стороны ВКЛ, Венгерского королевства, а также валашских «господарств». К концу 50-х гг. XIV в., ордынская кочевая аристократия полностью утрачивает контроль над землями Восточного Прикарпатья, ставших во второй половине этого столетия территориальным ядром сформировавшегося Молдавского господарства⁹. В первой половине 60-х гг. XIV столетия правящие элиты Великого княжества Литовского

---

⁶ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 1965. С. 232–234.

⁷ ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись. М., 2000. С. 233.

⁸ Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань, 2010. С. 186.

⁹ ПСРЛ. Т. II. Густынская летопись. СПб., 1843. С. 350; Полевой Л.Л. Раннефеодалная Молдавия. Кишинев, 1985. С. 139; Руссев Н.Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Молдавия в «темные века». Кишинев, 1999. С. 390–391, 394; Он же. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии // Русин. 2005. № 2(2). С. 97–98; Узелац А. Татары в Дунайско-Днестровском междуречье во второй половине XIV в. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 417–424.

начинают военно-политическую экспансию в южном и юго-восточном направлении, целью которой являлось присоединение к ВКЛ русских княжеств и земель, находившихся до «Великой Замятни» в вассальной зависимости от Джучидов, или напрямую входивших в состав ордынских улусов.

К 1363 г. происходит включение в состав ВКЛ территории Среднего Поднепровья, где возникает удельное княжеское владение для одного из сыновей Ольгерда – Владимира Ольгердовича. Согласно сообщению Густынской летописи: «Сей Олгерд и иныя Руския державы во свою власть прият, и Киев под Федором князем взят, и посади в нем Володимира сына своего; и нача над сими владета, им же отцы его дань даяху»¹⁰.

Территориальная структура Киевского удельного княжества довольно четко прослеживается по «Списку русских городов дальних и ближних». В разделе «А се Киевски грады» указаны названия 71 города, которые располагались не только в Среднем Поднепровье, но и в бассейнах Припяти, Десны, Сейма и ряда других рек. Среди них Житомир, Вручий, Туров, Могилев, Брянск, Чернигов, Трубчевск, Новгород-Северский и ряд других¹¹. Как один из населенных пунктов Киевского княжества (вошедшего с 1363 г. в состав державы Гедеминовичей) упоминается Переяславль Русский (Южный)¹².

В состав княжества вошли и земли Курско-Рыльско-Путыльского Посеймья, южными пограничными пунктами которого, в эпоху литовского доминирования, являлись городские центры Хоробор и Сосница, а также замок Остер с прилегающими к нему землями в нижнем течении Десны, где археологами было выявлено много отдельных находок и кладов монет литовских князей Киева второй половины XIV в.¹³

Расположенные в верховьях р. Ворсклы города – Хотмышь, Бирин, Лосичи, Ницяны и Донец образовывали внешнюю погранич-

---

¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Густынская летопись. СПб. 1843. С. 350.

¹¹ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних». Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 228.

¹² Тихомиров М.Н. Ук. соч. С. 223.

¹³ Шабунько Ф.М. Земли Юго-Западной Руси.... С. 83–84.

ную линию между литовскими владениями и кочевьями ордынских эмиров на землях Днепровского Левобережья¹⁴. По мнению Ф.М. Шабульдо, на правом берегу Днепра литовско-ордынским рубежом служила р. Рось. Далее на Запад граница обозначалась двумя группами укрепленных населенных пунктов городского типа. Первую группу составляли старые русские города Звенигород, Сокаль, Брацлав и Каменец. Вторую, выдвинутые южнее к степи поселения ордынской эпохи – Хачибеев, Маяк, Ябгу-город, Балыклы (Балыклей, Балаклея), Караул (Сторожевой город, Черный город) и Дашово городище¹⁵.

В 1360-х гг. на землях «татарской Подолии» возникает ряд удельных владений литовских князей (Юрия, Александра, Константина и Федора Кориатовичей), являвшихся представителями младшей ветви династии Гедемина. По сообщению Густынской летописи появление княжеств Кориатовичей произошло в результате разгрома в 1363 г. дружинами Ольгерда и союзных ему князей улусных ополчений ордынских эмиров, «Отчичей и дедичей» Подольской земли – Хаджибея, Кутлубуки и Димитрия, в битве на Синих водах: «В лето 6870...Олгерд победи трех царков татарских и з ордами их; си есть Катлубуха, Казчяя, Дмитра; и оттоли от Подоля изгна власть татарскую»¹⁶.

Особого внимания заслуживает сообщение Уваровской летописи о заключении неких соглашений литовских князей с представителями местных правящих элит Днестровско-Бужского региона, осуществлявших фактическое управление земледельческими общинами Подолии в период ордынского владычества¹⁷.

---

¹⁴ Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну) // Східний світ. Київ, 1993. № 2. С. 137–139.

¹⁵ Шабульдо Ф.М. «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV в. // RUTENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи / НАН України. Т. IX. Київ, 2010. С. 69–71; Петрунь Ф. Ук. соч. С. 140.

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Густынская летопись. СПб., 1843. С. 350.

¹⁷ «Тогда (после Синеводской битвы – Л.В.) тыи княжата (Кориатовичи – Л.В.), пришѣд в Подольскую зѣмлю, и вошѣдшего у приязнь со атаманы, начали защищать Подольскую зѣмлю от татар и боскаком выхода нѣ начали давать». (ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. М., 1980.

После перехода Подолии под власть племянников Ольгерда Кориатовичи перестают платить ордынский «выход» в связи с отсутствием стабильной власти в Орде и непрекращающимися междоусобицами. Однако с укреплением в западной части Улуса Джучи власти беклярбека Мамай, подольские князья возобновляют выплаты дани примерно с 1375 г.¹⁸ Выплаты продолжались и после восстановления административно-территориального единства Золотой Орды ханом Токтамышем в 1380 г., а также, вероятно, были возобновлены в конце XIV – начале XV в., после разгрома Едигеем и Тимур-Кутлугом войск Витовта в битве на Ворскле (1399 г.). Об этом, в частности, свидетельствуют сообщения, содержащиеся в текстах княжеских грамот Кориатовичей датируемых 1392 и 1405 г.¹⁹ В дипломатических документах Ливонского Ордена, относящихся ко второй половине XIV столетия, князья Кориатовичи называются ордынскими данниками – «tributarii»²⁰.

Также необходимо отметить особый административно-политический статус Подольского княжества в последней трети XIV в. Будучи тесно связаны родственными и политическими узами с ВКЛ, подольские владетели признавали вассальную зависимость от польских королей Казимира III Великого и Людовика I Венгерского²¹. Таким образом, в данной ситуации прослеживается нередкий для этой эпохи принцип «двойного вассалитета» пограничных и окраинных территорий. Вероятнее всего, подобная политическая практика имела своей целью обеспечение максимальной безопасности земель, чей статус являлся не до конца определенным и мог служить причиной частых военных конфликтов между крупными державами.

С. 74–75. Л. 43. об.); Бабенко А.А., Комаров О.В. Битва на Синих Водах – факт или историографический миф // NOVAGRADA. № 2. 2020. С. 135–154.

¹⁸ Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. Спб., 1846. С 21.

¹⁹ Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885. С. 225–226.

²⁰ Codex diplomaticus Prussiae III, 21 // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 191–192.

²¹ Кузьмин А.В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 114–115.

После прихода к власти хана Токтамышша и стабилизации политической системы Улуса Джучи в начале 80-х гг. XIV в. была восстановлена система земельных пожалований (суюргала) и налоговых привилегий (тарханов). Главами улусов были назначены соратники нового хана, а также перешедшие на его сторону эмиры Мамаю и Урус-хана²². В частности, в Донском Левобережье располагались улусы Сары-Ходжи, Бек-Булата и Ак-Буги²³. Кочевья на территории к западу от Дона получили эмиры Бек-Ярык, Таш-Тимур и Актау²⁴. Улусбеками Днепровского Правобережья в период правления Токтамышша являлись эмир Хурмадай и один из сыновей Мамаю – Бек-Султан, имевший кочевья в районе рек Ингул и Ингулец (Энгел вэ Онгул)²⁵.

Следует отметить, что в период правления Токтамышша власти Золотой Орды ограничились восстановлением фискальных выплат с тех областей Южной Руси, которые в период «Великой замятни» перешли под военно-административный контроль Гедиминовичей. Указанные выплаты состояли из установленных ранее сумм собственно ордынского «выхода» (ясака), а также таможенных сборов с транзитной торговли. Помимо этого, литовские князья продолжали получать от ханов Золотой Орды (позднее правителей Большой Орды и Крымских Гиреев) ярлыки, подтверждающие их владельческие права на ряд регионов южнорусского лесостепного пограничья²⁶.

---

²² Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамышш-хана. Казань, 2003, С. 80–81; Он же. Смута 60–70-х годов XIV века // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 697–698; Он же. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 698–699.

²³ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 1965. С. 96.

²⁴ СМЗО. Т. II. Л., 1941. С. 121, 179; ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 95–96; Черкас Б. Территориальное устройство Улуса Джучи // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 173.

²⁵ Ал-Хаджи Атд ал-Гаффар Кырыми. Умдет ат-таварих. Стамбул, 1924. С. 55.

²⁶ Беспалов Р.А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V. 2013. С. 30–34; Он же. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных от-

Контроль над сбором налоговых выплат в конце XIV–XV вв. осуществляли ордынские фискальные чиновники (даруги). Об этом, в частности, свидетельствует текст письма Менгли-Гирея обратившегося в 1498 г. с просьбой к Ивану III собрать с князей Одоевских, перешедших под сюзеренитет великого московского князя, «ясака наш две тысячи алтын». Основанием для подобной просьбы, по мнению крымского хана, служил тот факт, что: «Из старины Одоевских городов князи, по старине к нам, что давали ясаку тысячу алтын. А дарагам другую тысячу алтын давали, по той пошлине дарагу их бахшеиша послал есми»²⁷. Исходя из данного сообщения, можно сделать вывод о том, что половина собираемых в качестве ясака денежных сумм шла в личный доход даруг, должностные полномочия которых, согласно гипотезе Р.А. Беспалова, являлись наследственной привилегией определенных родов ордынской (позднее крымской) знати²⁸.

Относительно безконфликтная политика, проводимая ордынской элитой в отношении ВКЛ во второй половине XIV столетия, в значительной степени определялась фактором экономической выгоды. С начала 1380-х гг. одной из главных целей правительства Токтамыша была стабилизация северных ответвлений сети трансвразийских торговых коммуникаций²⁹. Рассматривая вопросы литовско-ордынских отношений последней четверти XIV в., следует учитывать тот факт, что в окружение нового хана, по факту формировавшего основную внешнеполитическую линию Золотоордынского государства в 80–90-е гг. XIV в., входили группы родовой

ношений в Восточной Европе XIV – начала XVI веков // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения. М., 2014. С. 257–326; Он же. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып.6. Севастополь-Тюмень, 2014. С. 218–220.

²⁷ Сборник Российского исторического общества (РИО). Т. 41. № 58. С. 269.

²⁸ Беспалов Р.А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып.6. Севастополь-Тюмень, 2014. С. 225.

²⁹ Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 158.

аристократии объединенные по региональному признаку³⁰. Наиболее влиятельными из них являлись представители восточных улусов Золотой Оды (потомки Орду-ичена, Тука-Тимуриды, Шибаниды), а также ряд сарайских эмиров и улусбеков западного крыла Джучидского государства, перешедшие на сторону законного хана в 1380 г. Политические и экономические интересы этих групп были направлены на военную экспансию в южном направлении (Хорезм, Арран), а также на получение постоянных доходов от взимания торговых пошлин, что в свою очередь обуславливало их заинтересованность в стабильном функционировании и безопасности торговых маршрутов проходивших по территории Улуса Джучи и сопредельных с ним государств. Подобную безопасность трансевразийской торговли и стабильность получения доходов от таможенных пошлин было бы невозможно обеспечить в условиях военного конфликта Улуса Джучи и державы Гедеминовичей.

Помимо этого, мирные отношения с Литвой обеспечивали беспрепятственное хозяйственное использование ордынскими кочевниками ряда районов южнорусской лесостепи в качестве территории летних перекочевков.

Таким образом, в предверии военного столкновения с державой Тимур-ленга, окружение хана Токтамышша стремилось обеспечить стабильный мир на северо-западных границах государства посредством уступки ВКЛ отвоеванных Гедеминовичами и польским королем Казимиром Великим южнорусских земель, с условием сохранения выплаты дани и признания формальной зависимости. Дополнительным аргументом в пользу существования союзнических отношений между Ордой и Литвой в 80–90-х гг. XIV в. может служить факт ухода Токтамышша и его сторонников на территорию ВКЛ после разгрома Золотоордынского государства Тимур-Ленгом в 1395 г. и участие «двора» свергнутого хана в битве на Ворскле (1399 г.) в составе армии литовского великого князя Витовта³¹.

Исходя из информации, содержащейся в письменных источниках, крайним пунктом территориальной экспансии ВКЛ на юго-востоке русских земель являлся населенный пункт Коршев. По со-

---

³⁰ Там же. С. 158; Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. II. М., 1941. С. 151.

³¹ ПСРЛ. Т. I. Троицкая летопись. Вып. 1. СПб. 1846. Стб. 165.

общению Рогожской летописи относящейся к 1362–1263 гг.: «...Литва взяша Коршев и сотворишас(я) мятежи и тягота людем по всей земли»³².

В исторической науке не сложилось однозначного мнения по проблеме локализации летописного Коршева. Украинскими историками М.Дорошем и В. Борисенко была выдвинута версия о локализации указанного населенного пункта на Волыни³³. По мнению С. Кучинского, разделяемого и некоторыми современными исследователями, под Коршевом следует понимать столицу одного из удельных Северских княжеств – Карачев³⁴. Данное предположение базируется на сообщении Рогожского летописца, в котором Коршев упоминается в одном ряду с Новосилем и Брянском³⁵. Однако вышеобозначенные гипотезы расходятся с данными «Списка русских городов дальних и ближних», согласно которому Коршев располагался на р. Сосна («Коршев на Сосне»)³⁶. Этот географический маркер позволил М.Н. Тихомирову высказать предположение о расположении Коршева в районе современного г. Ливны³⁷.

Вместе с тем, ни в районе Ливен, ни на р. Тихая Сосна, до настоящего времени не обнаружено городищ ордынского времени. В то же время, на р. Быстрая Сосна локализуются как минимум два относительно крупных населенных пункта городского типа датированных второй половиной XIII – XIV вв., – Лавское городище и лето-

---

³² ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. 1863. Стб. 75.

³³ Дорош М.Н. Маршрут походу русько-литовского війска 1362 р. – ключ до локалізації літописного Крчева, Синьої Воды, Білобережжя, Торговиці та Звенигорода // Военная історія. Науково-популярний журнал. Київ, 2011. № 4(58). С. 30–43; Дорош М.Н. Битва на Синій Воді 1362 року: правда та домисли. Віння, 2009. С. 188.

³⁴ Kuczynski S. M. Ziemie Czernihosko-Siewierskie pod rządami Litwy. (Праці Українського наукового інституту. Т. 33). Warszawa, 1933. S. 141, 170, 391; Бабенко А.А, Комаров О.В. Ук. соч. С. 138.

³⁵ «Того же лета бысть мор на люди в Орде, так по ряду пошел и по русским городом в Новосиле, и в Коршеве и в Брянске и по иным местам и на Коломне» (ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Пг., 1922. Стб. 75.)

³⁶ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. М., 1952. № 40. С. 218–220.

³⁷ Тихомиров М.Н. Ук. соч. С. 230, 234.

писный Елец³⁸. В этой связи, следует согласиться с мнением О.В. Русиной и А.А. Горского, локализовавших месторасположение Коршева в бассейне р. Быстрая Сосна³⁹, а также признать как весьма вероятную гипотезу Д.А. Ляпина, отождествившего «Коршев на Сосне» с Лавским городищем, расположенным в непосредственной близости от Ельца⁴⁰.

Вопрос об административной принадлежности земель в бассейнах Красивой Мечи и Быстрой Сосны во второй половине XIII – первой половине XIV в. до настоящего времени не получил должного разрешения в исторической науке. Ни письменные источники, ни археологические данные, не позволяют дать однозначный ответ об административном статусе этих территорий до 60-х гг. XIV в. Находки на ряде населенных пунктов Верхнего Подонья (Лавский археологический комплекс, древнерусское поселение у с. Нижний Воргол) ряда артефактов относящихся к материальной культуре Золотой Орды⁴¹, дают некоторое основание говорить об экономических и этнокультурных контактах местного населения с ордынскими кочевниками. В то же время, отсутствие какой-либо информации в нарративных источниках об административной принадлежности данного района во второй половине XIII – первой половине XIV в, не позволяет однозначно отнести эти земли к территориальным единицам одного из ордынских улусов.

События «Великой замятни», сопровождавшиеся резким ослаблением государственных институтов Улуса Джучи, привели к

---

³⁸ Тропин Н.А. Лавский археологический комплекс XI–XIV вв.: историческая оценка и этапы развития памятника // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 221. 2007. С. 154–166.

³⁹ Русиной О.В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 77. Сноска 83; Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV вв.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 90–91.

⁴⁰ Ляпин Д.А. Город Коршев на Сосне и начало истории Елецкого княжества // Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция. № 24–25 (3–4). 2013. С. 22–23.

⁴¹ Тропин Н.А. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье // Евразийская лесостепь в эпоху металла // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Воронеж. 1999. С. 144.

значительным административно-территориальным изменениям в регионе Верхнего Подонья. В частности, во второй половине XIV в., в бассейне р. Быстрой Сосны возникает удельное пограничное княжество, административным центром которого становится г. Елец. Согласно сообщению Никоновской летописи, нашедшей отражение в родословных книгах русского дворянства, родоначальником династии елецких князей следует считать князя Федора Ивановича, являвшегося сыном Ивана Титовича Козельского, рожденного в браке с дочерью Олега Рязанского – Агрипиной⁴².

Аналогичная запись содержится в 14 главе Румянцевского списка первого извода Патриаршей редакции родословных книг: «Род Елецких князей, а пошли от рязанских же князей... Отто князя Ивана от Козельского князь Иванов сын Карачевского»⁴³. Следует отметить, что отец Ивана Козельского – князь Тит, продолжительное время являлся союзником рязанского князя Олега Ивановича. Дружина козельского князя участвовала в битве против эмира Тагая под Шишевским лесом в 1365 г., а также в походе Олега Рязанского на Червленький Яр в 1400 г.⁴⁴ Учитывая наличие тесного военного союза двух княжеских домов, весьма вероятным представляется заинтересованность правящих элит Рязанского княжества в установлении контроля над важными в стратегическом отношении землями бассейна Быстрой Сосны, посредством создания буферного владения на границе со Степью, первые сведения о котором содержатся в историко-литературных источниках последней четверти XIV в.: «Сказание о Мамаевом побоище» и «Пименово хождение в Царьград»⁴⁵.

Заслуживает внимания тот факт, что в летописных источниках имеются различные оценки административно-политического статуса Елецкого княжества в конце XIV столетия. Так, в летописной «Повести о Темир Аксаке» Елец указан как город «...**близ предел Рязан-**

---

⁴² ПСРЛ. Т. XI. 1965. С. 96; Родословная книга. СПб., 1787. С. 1787.

⁴³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) Ф. 256. № 349. Приложение 3 // Очерки феодальной России. № 15. Москва. СПб., 2012. С. 179–180, 190.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. СПб., 1897. С. 184.

⁴⁵ Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XIV вв. М., 1984; Сказание о Мамаевом побоище. РНБ, Q. IV, 22.

ския земли»⁴⁶, то есть не входившим в состав Рязанского княжества. По сообщению же Никоновской летописи Тамерлан: «...прииде в землю Рязанскую и взя Елец град и князя Елецкаго пойма и люди плени»⁴⁷. В представлении автора Рогожского летописца, сообщавшего о нашествии Тамерлана в 1395 г., Елец находился на территории Руси, без указания на принадлежность к Рязанскому княжеству: «В лето 6906 приходил Темир Аксак Шарахманьски на Русскую землю... дошел до Елча, возвратися въсвои»⁴⁸.

Характерно, что загадочный «Карасу» («Черная вода» -?) восточных хроник, равно как и «Елеч» русских летописей, оказался единственным «городом урусов», разрушенным Тимур-Ленгом. По сообщению Шереф-ад-дина Езди: «Тимур-завоеватель...» разгромив «...в местности Манкерман...» Бек-Ярык-оглана «...и некоторых находившихся там людей улуса узбекского...», продолжил преследование врага и вторично окружил его на «...берегу реки Тан...», а потом взял и разрушил «город урусов Карасу»⁴⁹.

Данное обстоятельство может свидетельствовать об особом административном статусе Елецкого княжества. По всей вероятности, в период правления хана Токтамышша (1382–1395 гг.) и беклярбека Идегея (Идигу, Едигея) Елецкая земля являлась своеобразной «буферной зоной», располагавшейся на перекрестке торговых путей, между владениями Великого княжества Литовского, Золотой Орды и Рязанского княжества.

Косвенным подтверждением данного тезиса является факт невовлеченности Елецкого княжества в затяжное ордынско-язанское военное противостояние 1387–1408 гг. Многочисленные набеги татарских отрядов на рязанские земли (1387, 1388, 1390, 1391, 1394, 1401, 1404 и 1408 гг.)⁵⁰ не привели к исчезновению Ельца, в то время как рязанские пограничные города в верховьях Дона – Дубок и

---

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XXV. М., 1949. С. 222.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 159.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. 1965. С. 165.

⁴⁹ Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. I. 1884. С. 178–179.; Т. II. 1941. С. 121.

⁵⁰ Селезнев Ю.В. Отношения Рязанского великого княжества и Золотой орды в конце XIV – первой трети XV в. (1382–1434 гг.) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3. С. 42–48.

Корнике, прекращают свое существование именно в тот период времени⁵¹.

Разрушение Ельца, по всей вероятности, следует увязывать с началом очередной «замятни» в Орде, в результате чего Елецкая земля утратила свой «буферный» статус, что в свою очередь привело к гибели города и опустошению окрестных территорий во время очередного «татарского» набега в 1414 г.⁵². После этих событий Елецкое княжество не упоминается в источниках, что, по всей видимости, является свидетельством прекращения его существования. К 20-м гг. XV в. правобережные земли Верхнего Подонья окончательно превращаются в почти безлюдное «Поле» и имеют значение лишь как бортнические и охотничьи угодья, а также в качестве пограничного рубежа на дальних подходах к «Берегу» – южной границы Московского государства, проходившей по Оке.

Однако и позднее, в документах конца XV в. (например в Московско-Рязанском договоре 1483 г.)⁵³ не раз упоминаются т.н. «Елецкие места», что свидетельствует о понимании правящими элитами Московского и Рязанского княжеств стратегического значения земель в бассейне р. Быстрой Сосны и стремлении сохранить контроль над ними.

Также в период «Великой замятни» происходит изменение административно-территориального статуса ряда районов Окско-Донского бассейна, обозначенных в источниках как «татарские» и «мордовские места».

Первое сообщение о «татарских местах» как территории входящей в состав русских княжеств содержится в тексте московско-рязанского договора 1381 г. (датировка по А.А. Зимину)⁵⁴: «А что

---

⁵¹ Клянин Р.В. Корнике – город Рязанского княжества // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997. С. 145.

⁵² «Придоша татарове мнози и воеваша по Задонью реки власти Рязаньския, и много зла сотвориша и град Елец взяша, и Елецкого князя убиша, а инии в Резань убежаша» (ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 1965. С. 225.)

⁵³ ДДГ. М., Л. 1950. С. 285.

⁵⁴ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения, вып. VI. М., 1958. С. 286–287

Татарские места отоймал князь великий Дмитрий Иванович за себя от татар до сего нашего докончания, та места князю великому Дмитрию. А что князь великий Олег отоймал татарска от татар, до толе же, а то князю великому Олгу та места»⁵⁵. Общий контекст московско-рязанского соглашения не позволяет четко определить время присоединения ряда «татарских мест» к владениям Рязанского и Московского княжеств. Учитывая военно-политические реалии эпохи «Великой замятни» отторжение ордынских владений могло произойти в промежутке между 1261–1281 г. В связи с данным обстоятельством необходимо провести анализ всех существующих гипотез исследователей, посвященных данной проблеме.

Рассматривая данный вопрос, необходимо учитывать, что к середине 1360-х гг. Улус Джучи фактически прекращает свое существование, распадаясь на ряд независимых владений. В ситуации военно-политического хаоса «Великой замятни», сопровождаемого коллапсом золотоордынской государственности, владения представителей ордынской аристократии, располагавшиеся на северной периферии Джучидского государства, становятся объектом территориальных притязаний соседних государств (ВКЛ, Венгерского и Польского королевств, княжеств Северо-Восточной Руси). В связи с вышеперечисленными факторами присоединение некоторых районов русско-ордынского пограничья к землям Рязанского и Московского княжеств могло совершаться в результате локальных военных акций русских князей, обусловленных благоприятными внешнеполитическими обстоятельствами, без четкой фиксации границ и административно-территориальной принадлежности. На данный момент времени, в отечественной историографии присутствует несколько гипотез относящихся к проблеме датировки включения ордынских владений в территориальную структуру княжеств Северо-Восточной Руси.

В частности, казанским историком М.М. Акчуриным было высказано предположение о захвате Олегом Ивановичем Рязанским части ордынских земель в бассейнах Цны и Пары уже в 60-х гг. XIV в. По мнению исследователя, присоединение ряда «татарских»

---

⁵⁵ ДДГ. М.-Л. 1950. С. 30.

и «мордовских» земель к территории Рязанского княжества явилось следствием разгрома рязанско-пронско-козельскими дружинами орды Тагая в битве у Шишевского леса (1365 г.)⁵⁶. Учитывая то обстоятельство, что владения Тагая располагались в непосредственной близости от территории Рязанского княжества (от Бездежа до Наручади)⁵⁷, захват части земель потерпевшего сокрушительное поражение улусбека представляется вполне вероятным событием. В связи с этим, допустимо высказать гипотезу, что одной из причин набегов отрядов «мамаевых татар» на Рязанские земли в 70-х гг. XIV в. (вторжения 1373, 1377, 1378, 1379 гг.)⁵⁸, являлась экспансионистская активность Олега Ивановича на «ордынском» направлении в предшествующий период времени.

В свою очередь, А.А. Горским был выдвинут тезис о вероятном присоединении «татарских и мордовских мест» к территории Московского княжества в 70-х гг. XIV столетия⁵⁹. По мнению В.В. Лаптенкова начало военной экспансии московского и рязанского княжеств в регион Верхнего Дона следует связывать с событиями 1375 г., повлекших за собой резкое усиление военной конфронтации княжеств Северо-Восточной Руси с позднеордынскими квазигосударственными образованиями⁶⁰.

Следует отметить, что вышеуказанные гипотезы основываются на ряде сообщений летописных сводов и дипломатических актов. В частности, во время съезда союзных и зависимых от Москвы князей, проходивших в Переяславле Залесском с ноября 1374 по март 1375 г., было принято решение о военном противостоянии с Мамаевой Ордой. По окончании съезда, 31 марта 1375 г. по приказу князя Дмитрия Константиновича Нижегородского происходит убийство посла

---

⁵⁶ Акчурин М.М. Административно-территориальное устройство Мещеры XV – начала XVII века (этнополитические аспекты). Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Казань, 2019. С. 195; ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 6.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 1965. С. 232–234.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XI–XII. Никоновская летопись. М., 1965. С. 43; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 104.

⁵⁹ Горский А.А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010. С. 97. Прим. 408; Он же. Московские «примыслы» вне Северо-Западной Руси // СР. Вып. 5. М., 2004. С. 166–169.

⁶⁰ Лаптенков В.В. Елецкие древности. Воронеж. 1998. С. 20.

Мамая – Сарай-аки (Сарайки) и истребление сопровождавшего его военного отряда⁶¹. По предположению Г.М. Прохорова русские князья договаривались о возможном походе в Степь, против враждебных Залесским княжествам ордынских юртов⁶². Воинственные намерения московской элиты подтверждает и текст московско-тверского мирного договора, заключенного в сентябре того же 1375 г.: «А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одного всем противу их. **Или мы поидем на них**, и тебе с одиного пойти на них»⁶³.

В то же время, необходимо учитывать тот факт, что основным направлением военно-политической активности Московского княжества и его союзников в 1375–1378 гг. являлся регион Среднего Поволжья (поход на Булгар в 1376–1377 гг., побоище на р. Пьяне и разорение Нижнего Новгорода в августе 1377 г., поход в мордовские земли зимой того же года, набег Бегича и Алабуги на Нижегородские земли летом 1378 г.)⁶⁴.

Осенью 1378 г. происходит разгром ордынцев в битве на Воже⁶⁵. После этой победы летописные источники отмечают активизацию военно-политической деятельности московских властей на юго-западном направлении. В 1379–1380 гг. московские полки, воспользовавшись начавшейся в ВКЛ междоусобицей, предпринимают вторжение в район Верхнего Поочья, на короткое время захватив города Трубчеськ и Стародуб⁶⁶.

Учитывая вышеизложенные факты, наиболее вероятным представляется вариант присоединения части территории улуса Тагая к землям Рязанского княжества в середине 60-х гг. XIV в., тогда как появление «татарских» и «мордовских» «мест» в административно-

---

⁶¹ ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921. С. 130.

⁶² Прохоров Г.М. «Повесть о Митяе»: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 37.

⁶³ ДДГ. № 9. С. 26.

⁶⁴ Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М., 2010. С. 91–93.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 9226–928. С. 375; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 591.

⁶⁶ Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе ВКЛ. Киев, 1987. С. 115, 124.

территориальной структуре Московского княжества следует относить к событиям, последовавшим после победы войск Дмитрия Ивановича в Куликовской битве (1380 г.).

В то же время, нельзя исключать вариант временного возвращения отвоеванных Москвой земель под контроль ордынских властей в первой половине 80-х гг. XIV в. Данный переход мог являться одним из результатов карательного похода хана Токтамыша на земли Московского княжества в 1382 г. Признание политической зависимости княжествами Северо-Восточной Руси от восстановившего свое единство Улуса Джучи⁶⁷, также могло сопровождаться и отторжением недавно присоединенных к русским княжествам пограничных регионов, входивших в состав ордынских улусов в период предшествовавший событиям «Великой замятни». По всей вероятности, именно тогда происходит повторная утрата Москвой «татарских» и «мордовских мест», отмеченных в договоре 1402 г. как владения Орды.

О неустойчивости административно-территориального статуса районов московско-ордынского пограничья свидетельствует текст московско-рязанского договора 1402 г., связывающего возвращение «татарских» и «мордовских» мест под контроль Москвы с «переменной» (т. е. ослаблением Орды – Л.В.): «А что будет отец наш князь великий Дмитрий Иванович отоимал Татарская места и Мордовска места, а ци переменить Бог Татарь, и та места мне князю Великому Василью Дмитриевичу. А что будет отнял отец твой князь великий Олег Иванович Татарская места и Мордовска, а та тебе и есть»⁶⁸.

В московско-рязанском договоре 1434 г. упоминаются некие «татарские и мордовские места», присоединенные князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским к землям московского княжества: «А что будешь ты, князь велики Юрий Дмитриевич, отимал места татарские и мордовские, а ци переменит богъ татары та места тебе и есть. А что будет дед мои, князь велики Олег, или отецъ мои, князь Федоръ отнял места татарские и мордовские, та места мне и есть»⁶⁹. На основании этого сообщения можно сделать вывод об успешной

---

⁶⁷ Селезнев Ю.В. «А переменит Бог Орду» (Русско-Ордынские отношения в конце XIV-первой трети XV вв.) Воронеж, 2006. С. 39.

⁶⁸ ДДГ. Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 105.

⁶⁹ ДДГ. № 33. М.-Л., 1950. С. 86.

попытке сына Дмитрия Донского восстановить утраченный в 1382 г. контроль над рядом пограничных территорий. Настойчивость русских элит в данном вопросе объясняется прогрессирующим упадком государственной системы Улуса Джучи и непрекращающимися междоусобицами между различными группами ордынской аристократии⁷⁰. В связи с этим, ситуация на русско-ордынском пограничье оставалась крайне нестабильной и зависела от военно-политических событий, происходивших как на Руси, так и в Степи, о чем свидетельствует постоянно повторяющаяся в договорных грамотах оговорка о «перемене» Богом «татар».

Окончательный возврат «татарских и мордовских мест», принадлежавших Москве до 1382 г. следует датировать временным отрезком между 1447 и 1483 г. А.А. Горский связывает это событие с фактической ликвидацией зависимости русских земель от Большой Орды в 70-х гг. XV в.⁷¹

В 1483 г., после ликвидации формальных признаков ордынской зависимости происходит новое разграничение земель Верхнего Подонья между Московской и Рязанью. По этому соглашению к Московскому княжеству отходили земли бывшего Елецкого княжества, «место Тула», а также территории «за Окой, Тешилов и Венев и Растовец и иная места»⁷². За Рязанским княжеством оставались владения в районе «Романцево с уездом и что к нему потягло», а также «Татарские и Мордовские места», присоединенные к Рязани еще в XIV в.: «А что будет отнял прадед твои, князь велики Олег Иванович, Татарские места и Мордовские, ино то твое и есть. А нам великим князем не вступатися»⁷³.

После смерти Федора Васильевича Рязанского в 1503 г. все земли Рязанского княжества на верхнем Дону, согласно его завещанию,

---

⁷⁰ Трепавлов В.В. Большая Орда // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 745; Рева. Р. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 719–720.

⁷¹ Горский А.А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010. С. 100.

⁷² ДДГ. М.-Л. 1950. С. 285.

⁷³ ДДГ. М.-Л. 1950. С. 285, 289.

переходят под контроль Москвы⁷⁴. В то же время следует отметить, что неопределенность политического статуса территории Донского Правобережья прослеживается вплоть до середины XVI столетия. В духовной грамоте Ивана III не были упомянуты «Тула» и другие «Татарские места»⁷⁵. Причиной этого, по всей вероятности, являлись территориальные претензии на ряд пограничных с ордынскими кочевьями регионов южнорусского лесостепного пограничья со стороны крымского хана Менгли-Гирея. В пользу данного предположения свидетельствует информация, содержащаяся в ярлыке правителя Крымского юрта, выданного им в 1506 (или 1507 г.) Сигизмунду I, согласно которой верхнеокские и верхнедонские земли передавались во владение правителю Польско-Литовского государства⁷⁶. Вместе с тем, следует отметить, что масштабное хозяйственное освоение земель Верхнего и Среднего Подонья русским земледельческим населением начинается лишь в последней четверти XVI в. Данное обстоятельство объясняется наличием затяжного военного противостояния Российского государства с Крымом, которое не позволяло московским государям окончательно закрепить вышеуказанные земли в качестве наследственных владений.⁷⁷

Столь же затруднительным является вопрос о периодизации административной принадлежности Тульских земель. По мнению ряда исследователей, «место Тула» переходит под контроль Москвы после победы на Куликовом поле в 1380 г.⁷⁸ Однако уже в 1402 г. московский князь Василий I по договору с Рязанью обязывался «не вступаться» в Тулу», уступая этот пограничный район

---

⁷⁴ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. Рязань, 1990. С. 149.

⁷⁵ Иванов Н.В., Шебанин Г.А. Ук. соч. С. 74.

⁷⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1842. № 6. С. 5.

⁷⁷ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж. 1991. С. 20.

⁷⁸ Шебанин Г.А., Шеков А.В. О политической принадлежности Тулы во второй половине XI–XV вв. // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси: Межрегиональная научная конференция. Рязань, 2003. С. 146–147.; Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 164–165.

рязанскому князю Федору Ольговичу⁷⁹. Данный факт может являться свидетельством того, что земли в бассейне р. Упы в последней четверти XIV – начале XV в. не имели четкой территориальной принадлежности. Согласно результатам исследования проблемы политической принадлежности «места Тулы», указанная территория на протяжении всего XV в. продолжала юридически оставаться «татарскими землями», которыми можно было номинально владеть, но которые нельзя было ни продать, ни завещать⁸⁰.

Очередные изменения административно-политического статуса «места Тулы» и ряда других территорий литовско-рязанского пограничья происходят во второй половине 20-х гг. XV столетия. По условиям докончания, заключенного между литовским князем Витовтом и рязанским князем Иваном Федоровичем, предположительно в 1427–1428 гг. из рязанской земли были «вынуты» «Тула», «Берестей, Ретан(ь) с Паши, Дорожен, Заколотен Гордеевской»⁸¹.

После смерти Витовта в 1430 г. вышеобозначенные районы возвращаются под административный контроль Рязанского княжества. Согласно тексту московско-рязанского договора 1434 г., «Тула и Берестей» были признаны владением рязанского князя Иваном Федоровичем⁸². В последующем, рязанская принадлежность данных земель подтверждается и в аналогичном договоре между Москвой и Рязанью, заключенном в 1447 г.⁸³

Разгром Золотой Орды Тамерланом в 1395 г. привел к распаду Джучидского государства и всплеску междоусобных конфликтов между беклярбеком Идигу (Едигеем русских летописей) и ханом Тимур-Кутлуком с одной стороны, и рядом претендентов на хан-

---

⁷⁹ ДДГ. М.-Л. 1950. С. 64.

⁸⁰ Шебанин Г.А., Шеков А.В. Ук. соч. С. 140–155; Иванов Н.В., Шебанин Г.А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV–XV вв. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Сб. статей в 2-х т. Т. 2. История. Искусствоведение. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 2004. С. 74.

⁸¹ ДДГ. М.-Л., 1950. № 25. С. 67–68.

⁸² ДДГ. М.-Л., 1950. № 33. С. 143.

⁸³ ДДГ. М.-Л., 1950. С. 143–144.

ский титул (Токтамышем, Джанту, Куйурчаком) с другой⁸⁴. В первой трети XV в., на фоне климатических катаклизмов и вспышек эпидемий⁸⁵, а также ожесточенной борьбы между Токтамышевичами, Идигу и его сыновьями, Тука-Тимуридами и другими группами ордынской знати⁸⁶, происходит активизация дезинтеграционных процессов на всем пространстве Дешт-и-Кыпчака. В результате непрекращающихся военных конфликтов во второй половине 30-х гг. XV в. происходит окончательная дезорганизация всей государственной системы Улуса Джучи с образованием в степях западнее Волги квазигосударственных объединений Кучук-Мухаммада, Сайид-Ахмеда, а также Казанского улуса Улуг-Мухаммада в среднем Поволжье и выделившегося к 1440-м гг. Крымского юрта⁸⁷. Границы указанных степных объединений являлись неустойчивыми и менялись в зависимости от военно-политической ситуации.

В частности, во второй половине XV в., власти ВКЛ включают в состав своего государства обширные лесостепные территории к востоку от Днепра, занимавшие, по оценке Ф.М. Шабульдо, пространства от русла Овечьей воды на юге, до Тихой Сосны на севере, ограниченные с востока верховьями Овечьей Воды, Самары, Орели и Северского Донца⁸⁸. В ярлыках правителей крымского улуса, составленных в 80-х гг. XV в. эти земли обозначены как места расселения т.н. «Семеновых людей».

---

⁸⁴ Рева Р. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 704–705.

⁸⁵ «В 833 (1430 г.) и предшествующем ему годам в землях Сарайских и в степях Кыпчакских были сильные засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народа, так что уцелели из них (татар) со стадами только немногие роды» (Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. I. СПб., 1884. С. 442).

⁸⁶ Рева Р. Ук. соч. С. 712–721.

⁸⁷ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 242–244; Гулевич В. Улуг Улус (Крымское ханство) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 764; Рева Р. Ук. соч. С. 720–722.

⁸⁸ Шабульдо Ф.М. «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV в. // RUTENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. IX. Киев, 2010. С. 57–73.

Обстоятельства перехода вышеуказанного региона под формальную юрисдикцию Гедеминовичей не получили отражения в дошедших до нашего времени источниках и могут быть лишь отчасти реконструированы посредством анализа общеполитической ситуации сложившейся в степях Северного Причерноморья во второй половине XV столетия. Так, согласно гипотезе Ф.М. Шабульдо после разгрома и пленения литовцами хана Большой Орды Сеид-Ахмеда на Волини его владения в Днепровском левобережье переходят под непродолжительный контроль крымских Гиреев в 1455–1456 гг. В результате последующих дипломатических договоренностей эти территории были уступлены Хаджи-Гиреем Великому княжеству Литовскому и вошли в состав владений удельного киевского князя Семена Александровича (Олельковича, г. п. 1454–1470)⁸⁹.

Сведения о «пожаловании» правителем Крыма т.н. «семеновых людей» одному из представителей рода Гедеминовичей содержится в ярлыке Менгли-Гирея польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV Ягелону от 15 октября 1480 г. Ханская жалованная грамота содержит сообщение об обстоятельствах перехода под власть Литвы земель Днепровского Левобережья: «Штожь отець мои Ажь Кирей, царь, князю Семену котории подавалъ люди, тыя люди мне бы отъдалъ»⁹⁰. Повторное требование передачи «Семеновых людей» под административный контроль Крыма было высказано в ярлыке Менгли-Гирея Казимиру IV переданного с посольством в 1484 г.: «Што жъ царь, отець мои, князю Семену што дань людъ, ты король, братъ мне, брату своему, отъдаси»⁹¹. Таким образом, допустимо высказать предположение о мирной передаче Ходжи-Гиреем части захваченных им владений Сеид-Ахмеда в пожизненное ленное владение Семену Олельковичу. После смерти последнего, наследниками Ходжи-Гирея были предъявлены владельческие права на возвращение указанных в грамоте земель.

Рассматривая проблему государственной принадлежности пограничных территорий, следует отметить, что административный

---

⁸⁹ Шабульдо Ф.М. Ук. соч. С. 73.

⁹⁰ *Litovskaia Metrika* (LM): Т. 4. Vilnius, 2004. 91–92. № 29.1; Шабульдо Ф.М. Ук. соч. С. 57–58.

⁹¹ *Litovskaia Metrika* (LM): Т. 4. № 47.2.

контроль киевских князей над лесостепными районами Оскольско-Донецкого и Донецко-Самарского междуречий носил достаточно условный характер, вследствие расположения на этих землях летних кочевий татар. По оценке М.Г. Сафаргалиева, во второй половине XV в. территория Большой Орды на землях Днепровского Левобережья доходила до бассейнов р. Мерли, Оскол и Северский Донец, включая земли в бассейнах р. Самары и «Овечьей воды».⁹² В целом, данный тезис исследователя подтверждается информацией содержащейся в актах московско-крымской дипломатической переписки 90-х гг. XV в., согласно которой степные и лесостепные районы левобережного Поднепровья в конце XV в. входили в состав владений наследников правителя Большой Орды. Северная часть кочевий «Ахматовичей» в 1580–1590-х гг. располагалась на р. Мерли «близко Колман, на Осколе, да на Донце», а также «по Самаре, и на Овечьей воде»⁹³. По всей вероятности, указанные районы использовались большеордынскими кочевниками в качестве летовок и в более ранний период. Таким образом, область «Семеновых людей», представляла из себя типичную для литовско-ордынского пограничья территорию, находившуюся в совместном хозяйственном использовании как кочевым, так и оседлым населением.

В этой связи возникает вопрос об обстоятельствах и причинах требований Менгли-Гирея к Казимиру IV Ягелону в посольских грамотах 1480 и 1484 г. о возврате вышеуказанных земель. Формальным предлогом для выдвижения территориальных претензий к властям ВКЛ правителя Крымского улуса могла послужить гибель хана Ахмата в результате набега тюменского (шибанидского) хана Ибака в 1481 г., вызвавшая дезорганизацию Большой Орды и временное принятие наследниками Ахмата (Муртазой и Саид-Махмудом) по-

---

⁹² Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 268.

⁹³ Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических отношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, ногайцами и Турцией, за время Великого княжения Ивана III и Василия Иоановича. Ч. 1. (г. с 1474 по 1505). СПб., 1884. С. 323, 356, 358.

кровительства крымских Гиреев⁹⁴, что позволило последним выдвинуть претензии на владение пограничными с Литвой землями Днепрового Левобережья.

Еще одной причиной стремления Менгли-Гирея восстановить фактический контроль над землями Ворскло-Самарско-Донецкого водораздела являлась хозяйственная необходимость иметь беспрепятственный доступ к пастбищным угодьям, необходимым для летних перекочевок улусов крымских татар. По сведениям, зафиксированным в актах московско-ногайской переписки XVI в., доступ к лесостепным районам крымско-литовского пограничья был жизненно важен для ведения скотоводческого хозяйства кочевников Крыма. Так, в письме московского государя Ивана IV, направленного в 1560-м г. ногайскому мурзе Исмаилу, отмечался факт необходимости летне-осенних перекочевок крымчаков в северном направлении для спасения поголовья скота от бескормицы: «А в осень бы тебе идти того для, занже Крымским людем всем в Перекопи с лошадми и з животиною осеновати нельзя, того тебе и самому ведомо, что в Перекопи в два времена, среди лета и в осень, людеи Крымским всем с лошадми и з животиною прокормится нельзя. Выходят за Перекоп и за Днепр, переходят к Черному лесу, и тут стоят прокармливаются...»⁹⁵. Согласно летописным сообщениям, «Черный лес» располагался на территории Днепрового Левобережья, в междуречье Сулы и Ворсклы, то есть несколько севернее территории «Семеновых людей»⁹⁶. Указанный фактор, имевший не только хозяйственно-экономическое, но и военно-политическое значение (боеспособность крымской конницы), по всей вероятности, являлся основной причиной ультиматума Менгли-Гирея, вероятный отказ в удовлетворении которого явился дополнительным стимулом к заключению направленного против Литвы московско-крымского союза.

---

⁹⁴ Трепавлов В.В. Большая Орда // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 748.

⁹⁵ Продолжение древней российской вивлиофики (ПДРВ). В 11 т. Т. 10. СПб., 1786–1801. С. 102.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 540.

Подводя итог, следует констатировать, что во второй половине XIV – первой половине XV вв. происходит переход лесостепных регионов, ранее находившихся в составе ордынских улусов, под административный контроль ВКЛ, а также Рязанского и Московского княжеств. К таковым регионам следует отнести земли Среднего и Верхнего Побужья (Подольское удельное княжество Кориатовичей), Среднего Поднепровья и Посеймья (Киевское удельное княжество), а также Верхнего Подонья (Елецкое княжество, «место Тула») и Среднего Поочья («мордовские» и «татарские» «места»). Административной особенностью этих владений являлся факт регулярной уплаты с их земель ордынского «выхода» и торговой пошлины (тамги), сбор которых контролировался «татарскими» фискальными чиновниками (даругами). Вместе с тем, насущная необходимость обеспечения беспрепятственного доступа кочевников Большой Орды и Крымского ханства к пастбищным угодьям ряда районов южнорусской лесостепи с одной стороны, и заинтересованность в земледельческой колонизации плодородных регионов лесостепного Черноземья со стороны властей ВКЛ и Московского великого княжества с другой, создавало объективные предпосылки для начала продолжительного военного противостояния между вышеобозначенными государственными образованиями за контроль над районами русско-ордынского пограничья. Данное обстоятельство препятствовало стабильному хозяйственно-экономическому развитию регионов южнорусской лесостепи в позднеордынский период и в конечном счете послужило причиной их постепенного демографического упадка и запустения, происходившего на протяжении всего XV в.

§ 5.2. «Служилые татары» и казаки литовско-ордынского и рязанско-ордынского пограничья.

Одним из последствий дезинтеграции Золотоордынского государства в конце XIV – первой половине XV в., сопровождаемого общими кризисными явлениями в экономической и социально-политической жизни Джучидской державы, являлся феномен переселения значительных групп кочевого населения, в ряде случаев

возглавляемого представителями ордынской аристократии, на территорию соседних государств. Этот процесс привел к возникновению на землях пограничных со Степью регионов ВКЛ, а также Московского и Рязанского княжеств отдельных административно-территориальных образований, обладавших особым политическим статусом и полиэтничным населением.

Рассматривая проблему обстоятельств возникновения «татарских княжеств» на южных и юго-восточных рубежах державы Гедиминовичей и княжеств Северо-Восточной Руси, прежде всего следует отметить особый, «кондоминальный» статус вышеуказанных пограничных территорий, сохранявшийся и в позднеордынский период. Данный статус позволял претендовать на владение определенными районами лесостепного пограничья представителям ордынской знати в качестве наследников родовых ленов.

Немаловажным фактором, способствовавшим появлению владений «служилых татар» на землях лесостепного пограничья ВКЛ и Московского княжества, являлся кризис системы административно-государственного устройства Золотой Орды, сопровождавшийся перманентными междоусобицами между различными группами кочевой аристократии. Терпевшие поражения представители золотоордынской правящей элиты неоднократно обращались за военно-политической помощью к литовским и московским князьям, что в свою очередь легитимизировало статус последних как суверенных государей, обладавших правом заключения политических соглашений, в том числе о приеме на службу «дворов» ордынских ханов и эмиров в качестве пограничных федератов.

В частности, после военного разгрома Тимур-ленгом основной территории Улуса Джучи (1395 г.) и захвата власти в Золотой Орде Тимур-Кутлугом и Идегем, утративший власть хан Токтамыш, вместе с оставшимися сторонниками откочевал на пограничные со Степью территории ВКЛ⁹⁷. Аналогичным образом, в середине 20-х гг. XV в. поступил правитель Большой Орды – Улуг-Мухаммед, ушедший на земли Великого Литовского княжества после пораже-

---

⁹⁷ ПСРЛ. Т. VI. Софийская летопись. СПб., 1853. С. 130; ПСРЛ. Т. XI–XII. Патриаршая или никоновская летопись. М., 1965. С. 167; ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910. С. 219.

ния в военном противостоянии с одним из сыновей Токтамыша – Шахрузом. Полученные Улу-Мухаммедом территории, по всей вероятности, являлись пограничным уделом, выделенным великим литовским князем Витовтом своему союзнику в качестве временного владения в обмен на участие «татар» в военно-политических мероприятиях правителя Литвы⁹⁸. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение Вологодско-Пермской летописи, согласно которому Витовт, готовясь в 1426 г. к походу на Псков: «у царя Махметя (хана Улуг-Мухамеда – Л.В.) испроси двор его»⁹⁹.

К самым ранним из фиксируемых письменными источниками владений кочевых федератов возникших на литовско-ордынском пограничье следует отнести владение Мансура Кията, являвшегося, согласно информации официального родословца князей Глинских, сыном беклярбека Мамаея¹⁰⁰.

К настоящему времени в исторической науке не сложилось однозначного мнения о достоверности сведений, содержащихся в родословном списке этого аристократического клана. Последние по времени исследования А.А. Шенникова и В.В. Трепавлова позволили признать исторически недостоверной значительную часть информации, присутствующей в генеалогических списках знаменитого рода русско-литовских аристократов¹⁰¹, что, тем не менее, не снимает проблему реконструкции обстоятельств появления вышеуказанного феодального образования на южных рубежах ВКЛ.

Согласно сведениям, содержащимся в Пространном списке родословной Глинских, откочевка орды сына и внуков Мамаея на литовское пограничье произошла сразу после Куликовской битвы: «...после Донскаго побоища Мамаев сын Мансур-Кият князь зарубил три города – Глинеск, Полдову (Полтаву – Л.В.), Глеченицу

---

⁹⁸ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 234–235.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л. 1956. С. 184.

¹⁰⁰ Временник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 10. С. 193–196.

¹⁰¹ Шенников А.А. Княжество потомков Мамаея (к проблеме «запустения» юго-восточной Руси в XIV–XV вв.) Л., 1981. Деп. в. ИНИОН РАН, № 7380 [электронный ресурс] www.kraevedenie.net; Трепавлов В.В. Предки «Мамаецаря». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. Редкол: С.Г. Кляшторный и др. М., 2006.

(Глиницу – Л.В.). Дети же Мансур-киятовы, меньшой сын Скидерь, поймав стадо коней и верблюдов и покочевал в Перекоп, а большой сын Алекса остался на тех градах преждедереченных»¹⁰².

А.А. Шенниковым была высказана гипотезе о переходе орды Мансура-Кията и его сыновей с кочевий в бассейне р. Ыылкы (вероятно приток Днепра – Конка)¹⁰³ на пограничные со Степью земли ВКЛ, располагавшиеся в Днепровском Левобережье (район Полтавы) после окончательной победы Токтамыша и гибели Мамаю в 1380 г.¹⁰⁴ По мнению исследователя, указанная территория являлась частью родового домена Мамаевичей. Вместе с тем, согласно информации содержащейся в историческом трактате крымского историка XVIII в. Абд ал-Гаффара Кырыми, перекочевка сторонников погибшего темника под предводительством одного из его сыновей действительно имела место, однако район их нового расселения находился к западу от Днепра: «...все племя киятов издав свой боевой клич покинули поминки и признав своим бекком сына Мамаю – Бек-Султана откочевали в западном направлении от реки Днепр и ушли в районы Энгел вэ Онгул» (Ингула и Ингульца – ?)¹⁰⁵. Теоретически допустима версия о дальнейшем передвижении орды Бек-Султана на земли Днепровского Левобережья, однако отсутствие сведений об иных перекочевках т.н. «мамаевых татар» помимо отмеченных крымским хронистом, не позволяет говорить об этом как о состоявшемся событии.

Характерно, что имена сына Мамаю, возглавившего перекочевку киятов отмеченные в Родословце и «Умдет ат-таварих» не идентичны, что вызывает вопросы о достоверности сведений, содержащихся в указанных источниках. В Краткой редакции родословной Глинских, родоначальник семейства – Алекса отмечен как выходец из Орды, без упоминания о принадлежности к роду Киятов и Ма-

---

¹⁰² Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. Отдела рукописей [Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина]. Вып. 38. М., 1977. С. 104–105.

¹⁰³ Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамаю // Мамаю. Опыт исторической антологии. Казань, 2010. С. 190.

¹⁰⁴ Шенников А.А. Ук. соч.

¹⁰⁵ Ал-Хаджи Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдет ат-таварих. Стамбул, 1924. С. 55.

маю. В то время как в крымском историческом трактате предводителем киятов, откочевавших в западном направлении, указывается Бек-Султан, являвшийся сыном и наследником Мамая. В данном контексте следует учитывать то обстоятельство, что Абд ал-Гаффар Кырыми использовал в своей работе сведения, заимствованные из родовых преданий крымской аристократии, включая род Киятов, большая часть представителей которого находилась на службе Гиреев¹⁰⁶. В то время как появление версии о происхождении рода Глинских от «царского» рода Киятов, якобы состоявших в некоем родстве с Чингизидами («...и вдал Книгиз (Чингиз) Царь дщерь свою Захолубь за Бурлуда и Кияты Тохкоспа...и так от Черкулуева царства роду Кияты родословятся, а имянуются царского роду, даже и до Мамая царя»), по достаточно аргументированному мнению М.Е. Бычковой, имеет конъюнктурное происхождение, связанное с событиями переезда князей Михаила и Ивана Глинских на службу к московскому великому князю Василию III в 1508 г. и последующей женитьбой московского правителя на Елене Глинской¹⁰⁷.

Таким образом, наиболее вероятной представляется версия о принадлежности родоначальника клана Глинских – Алексы сына Мансура (идентификация личности и родовой принадлежности которого требует отдельного исследования), к представителям одной из групп ордынской аристократии, перешедшего в последней четверти XIV вв. на службу литовским князьям.

Не менее дискуссионным представляется вопрос о административно-политическом статусе владений Мансура-Кията и его потомков. Исходя из общего контекста сведений, содержащихся в родословной книге Глинских, можно сделать вывод о том, что на начальном этапе существования юрт Мансура, располагавшийся в среднем течении р. Ворсклы (т.е. в непосредственной близости с владениями Гедеминовичей), тем не менее официально не входил в территориальную структуру ВКЛ, формально продолжая считаться «ордынской землей». Подтверждение данной гипотезе можно найти

---

¹⁰⁶ Шенников А.А. Ук. соч. С. 6–7.

¹⁰⁷ Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. Отдела рукописей [Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина]. Вып. 38. М., 1977. С. 110–111.

в сообщении Краткой редакции родословной, относящимся к событиям 1392 г. Согласно информации, содержащейся в данном источнике, первым представителем династии, признавшим политическую зависимость от великих литовских князей был сын Мансура-Кията – Алекса: «К великому князю Литовскому приехал **из Орды** князь Алекса, да крестился, а во крещении имя ему дали князь Александр, а вотчина у него была Глинск, Глиннеца, да Полтова. С тою вотчиною к Витовту и приезжал, а Витовт дал ему волость Стайну (Станску), Хозоров, Гладковичи, и женил его а дал за него Князь Владимирову дочь Острожского княжну Настасью»¹⁰⁸.

В попытке трактовать данное сообщение как первое свидетельство относящееся ко времени возникновения владения Глинских, украинским исследователем Я.В. Пилипчуком была выдвинута версия о том, что перекочевка орды кыятов в район р. Ворсклы состоялась в конце правления Витовта¹⁰⁹. Однако вышепротитированное сообщение свидетельствует о том, что оммаж (феодалная присяга) Алексы происходила в условиях наличия у него собственного владения, права на которые были лишь подтверждены Витовтом с одновременным пожалованием новому вассалу дополнительных «волостей».

Основываясь на анализе дошедших до нашего времени источников, можно сделать вывод о том, что приведение к присяге сына Мансура – Алексы, сопровождавшееся крещением и династическим браком ордынского аристократа с представительницей одного из знатнейших княжеских родов ВКЛ, а также присоединением к его уделу дополнительных волостей, произошло не сразу, а спустя некоторое (вероятно довольно продолжительное) время после расселения «татар» на землях литовско-ордынского пограничья. В связи с данным обстоятельством, допустимо высказать предположение о том, что в 80-х – начале 90-х гг. XIII в. Кыяты осуществляли фактически самостоятельное управление землями Псельско-Ворсклинского междуречья. Отношения Мансура и его сына Алексы с вла-

---

¹⁰⁸ Роспись князей Глинских поданная в Разряд 1686 г. марта 4 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 87. Л. 1–2.

¹⁰⁹ Пилипчук Я.В. Татары и Киевская земля (1362–1470) // Крымское историческое обозрение. № 1. Казань-Бахчисарай, 2015. С. 100–101.

стями ВКЛ в данный период времени, вероятно, носили характер военно-политического соглашения, несколько позднее оформленного признанием вассальной зависимости ордынских пограничных федератов от династии Гедеминовичей, сопровождавшегося вхождением «татарского князя» в состав правящей элиты Литовско-Русского государства.

Еще одним владением «служилых татар» на землях литовско-ордынского пограничья следует считать так называемую «Яголдаеву (Еголтаеву) тьму». Самым ранним сообщением о ней считается упоминание о владениях некоего «Егалтая» как отдельного административно-территориального образования на юго-восточных рубежах ВКЛ в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду IV Ягелону от 2 июля 1507 г., в которой подтверждались права государя Польши и Литвы на: «...Курскую тьму з выходы и даньми, из землями, и водами, Сараева сына Егалтаеву тьму, Милолюб с выходы и даньми, из землями и водами; Мужеч, Оскол; Стародуб и Брянск со всеми их выходы и даньми, из землями и водами»¹¹⁰.

Вопрос о времени возникновения данного владения «служилых татар» на литовско-ордынском пограничье до настоящего времени является предметом научной дискуссии. Так, О.В. Русина, высказывала предположение о возможном появлении Еголдаевой тьмы в конце XIV в., гипотетически идентифицируя Еголтая (Яголдая) Сараевича как возможного потомка Сарай-аки (Сарайки русских летописей) – посла Мамая, убитого в Нижнем Новгороде в 1375 г.¹¹¹ В свою очередь, польский исследователь Станислав Кучиньский, связывал возникновение Еголдаевой тьмы с событиями событий ордынской междоусобицы 1430–40-х гг., По мнению историка именно в этот период одна из групп большеордынских «татар», под предводительством Яголдая Сараевича (возможно являвшегося сыном «князя» Сарая Урусахова, упоминаемого в летописной «Повести о

---

¹¹⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. II. СПб., 1848. С. 5.

¹¹¹ Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.П. Литаврина. М., 2001. С. 147.

нашествии Едигея» в связи с событиями карательного похода войск беклярбека на земли Северо-Восточной Руси в 1408 г.)¹¹², отделилась от орды Улуг-Мухаммеда и обосновалась на землях литовского пограничья¹¹³. Согласно гипотезе Дариуша Колодзейчика, переход Яголдая на литовскую службу, сопровождаемый выделением земельного удела, следует относить к середине 20-х гг. XV в. (периоду нахождения хана Улуг-Мухаммеда и его сторонников на территории ВКЛ)¹¹⁴.

Вместе с тем, следует учитывать тот факт, что в поминальном списке Введенского Печерского синодика, среди умерших в XV столетии представителей знатных родов ВКЛ содержится упоминание о некоем «князе Адае»...«именем Димитрий Есараевич»¹¹⁵. По всей вероятности, в поминальный список монастырского синодика было внесено как родовое имя и отчество служилого «татарского князя» (Адай (Яголдай) Сараевич), так и его христианское имя, полученное при крещении (Димитрий). Таким образом, исходя из сохранившихся сведений, содержащихся в источниках по данному вопросу, можно сделать вывод о том, что наиболее вероятным временем возникновения «Яголдаевой тьмы» является конец XIV – первая треть XV в. Установление более точной даты представляется невозможным вследствие ограниченности информации содержащейся в нарративных источниках.

Также весьма затруднена и географическая локализация владений Яголдая и его потомков. Исходя из отрывочных данных письменных источников, территория «тьмы» охватывала верховья рек Оскол, Северский Донец и Сейм с городами Мужеч (на Псле), Ми-

---

¹¹² Повесть о нашествии Едигея // Памятники литературы Древней Руси XIV – середина XV века. М., 1982. С. 244–255; ПСРЛ. Т. XI. С. 295. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949. С. 238.

¹¹³ Kuczynski S. Jaholdaj i jaholajewicze lenni: ksiaseto Litwy // Kuczynski S.M. Studia z dziejnie Europei Wschodniej X–XVII w. Warszawa. 1965. P. 184–185.

¹¹⁴ Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15–18 Century). A Study of Place Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston. 2011. P. 562.

¹¹⁵ Поменик Введенской церкви в Ближних Печерах Киево-Печерской лавры // Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврський альманах. Вип. 18. Київ, С. 19.

лолюбль и Оскол; то есть, преимущественно степные и лесостепные районы русско-ордынского пограничья, входившие в состав одного из золотоордынских улусов. В данном контексте, нельзя исключать принадлежность вышеуказанных земель к родовым владениям «Сараевичей», пожалованных им в период правления ханов Токтамыша или Тимур-Кутлуга.

Таким образом, в состав владений Яголдаевичей входили стратегически важные районы литовско-ордынского пограничья, находившиеся на перекрестке торговых и военных маршрутов.

Примерное расположение административного центра «тьмы», т.н. «Еголдаева городища», определяется по историко-географическому источнику XVII в. «Книга Большому Чертежу»: «...а от Ливен же до Оскола, до Еголдаева городища через Муравскую дорогу и через речку Опонька ездю 2 дни. А от Еголдаева городища до Муравской дороги до верх Осколу верст 40...»¹¹⁶. Учитывая тот факт, что Муравский шлях (дорога) проходил в северо-восточном направлении от Крыма по водоразделам Ворсклы, Северского Донца, через маловодные притоки Быстрой Сосны – Тим и Кишень¹¹⁷, можно сделать вывод о том, что указанный населенный пункт располагался в верховьях Северского Донца, к юго-западу от Оскола.

Феодальное владение ордынских пограничных федератов существовало в качестве отдельной административно-территориальной единицы на протяжении большей части XV в. Лишь в 1497 г., земли «тьмы» были разделены между киевскими боярами – родственниками последнего владельца «тьмы» Романа Яголдаевича по женской линии, а по результатам московско-литовской войны 1500–1503 гг. были включены в территориальную структуру Великого княжества Московского¹¹⁸.

---

¹¹⁶ Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С. 111.

¹¹⁷ Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище, Городецкое городище и Гусин Брод // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. Курск., 2008. С. 95. Рис. 1.

¹¹⁸ Зайцев И.В. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Яголдаева «тьма» // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 809.

Появление владений «служилых татар» на пограничных землях Московского государства следует относить к 30–40-м гг. XV в. Первым «служилым царевичем» на московской службе становится сын хана Кудайдата, разбитого в 1424 г. коалицией Верховских князей в битве под Одоевым – Бердедат Кудайдатович¹¹⁹. Попад в плен ребенком, вместе с матерью – «царицей» Бердедат воспитывался при московском дворе и, вероятно, уже к концу 1430-х начале 1440-х гг. получает удел в одной из областей Московского княжества.

Самое раннее упоминание о военной службе «татарских цариц» Бердедата Кудайтовича, а также сыновей хана Улуг-Мухаммеда – Касыма и Якуба на московском порубежье, содержится в Ермолинской летописи, в связи с событиями московско-литовского конфликта 1444 – 1445 гг.: «царевичи три, Каисымъ да Якупъ Махметовичи да Бедодать Кудудатовичъ, служили великому князю, и те ступили на Литовские же порубежья»¹²⁰. Позднее Касым и Якуб принимали неоднократное участие в военных компаниях Василия II Темного, а также отражали набеги враждебных Москве ордынских «царей»¹²¹.

В середине XV в. на юго-восточном порубежье Московского и Рязанского княжеств возникает владение служилых татар административным центром которого стал город Касимов (Городец Мещерский)¹²². По свидетельству венецианского дипломата и путешественника Амброджио Контарини основной задачей касимовских татар являлась пограничная караульная служба на одном из наиболее опасных направлений набегов кочевников – степных «коридорах» левобережий Цны и Пары: «...Говорили, что они (служилые татары Касимова – Л.В.) стоят на границах с владениями татар

---

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л., 1956. М.-Л., 1956. С. 182–183.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 2004. С. 153.

¹²¹ Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 136, 149.

¹²² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. В 4-х томах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 26; Беляков А.В. «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI вв.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. XVII. 2005. С. 172–175.

(Большой Орды – Л.В.) для охраны, дабы те не причиняли вреда стране [русского князя]...»¹²³.

В первой половине XV в. районы лесостепного пограничья становятся не только местом расселения «дворов» представителей кочевой аристократии, но и территорией, на которой происходило сложение самых ранних казачьих воинских сообществ – рязанских и черкасских казаков. Вопросы связанные с возникновением и социально-политическим устройством указанных субэтнических групп, до настоящего времени являются одними из наименее изученных и дискуссионных как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке.

Рассматривая данную проблему, следует отметить фиксируемый рядом источников факт существования в домонгольский период протоказачьих сообществ т.н. **бродников**, проживавших в районах южнорусского лесостепного пограничья, но не входивших в административно-территориальную структуру русских княжеств и не включенных в родо-племенные образования западной части Дешт-и-Кыпчака.

На значительную военизированность броднических общин указывают сообщения русских летописей об участии отрядов бродников в Липицкой битве и сражении на Калке¹²⁴.

В то же время, определение этнического состава и мест проживания бродников представляется весьма затруднительным ввиду незначительности сведений присутствующих в письменных источниках. Согласно информации содержащейся в венгерских документах XIII в. (грамоте эстергомского епископа от 1231 г. и письма венгерского короля Белы IV адресованного римскому понтифику Иннокентию IV, датируемого 1254 г.), область расселения бродников представляла из себя отдельный регион, не входивший в состав ни одного из граничивших с Венгрией государств и племенных объединений Половецкой степи: «.....ex parte orientis cum regno nostro conterminantur, sicut Ruscia, Cumania, Brodnici, Bulgaria... (...с во-

---

¹²³ Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 226.

¹²⁴ Новгородская Карамзинская летопись. РНБ, Ф. IV. 603. Лл. 314 об – 319 об.; ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего извода. М.-Л., 1950. С. 64.

сточной стороны с нашим королевством граничат также Русь, Кумания, Бродники, Болгария...)»¹²⁵.

По мнению польского исследователя А. Юсуповича, отмеченными в венгерских средневековых источниках бродниками (Brodnicí) являлись упоминаемые в Ипатьевской летописи т.н. «галицкие выгонцы», проживавшие на окраинах («выгонах») Галицко-Волынского княжества¹²⁶, в непосредственной близости от границ владений Арпадов. В свою очередь румынским историком В. Спинеем была выдвинута гипотеза о принадлежности бродников к одной из групп полуоседлого тюркоязычного населения, поселившейся в низовьях Днестра и Прута¹²⁷. В пользу данного тезиса свидетельствует присутствующая в Ипатьевском летописном своде оценка комплекса вооружений и бытовых обычаев «выгонцев», данное во время поездки русских князей в их «станы» в канун сражения на Калке¹²⁸. В то же время, факт прибытия днестровских бродников к месту сбора русско-половецких войск морским путем (на «лодиях») ¹²⁹, характеризует их как опытных мореходов и ставит под сомнение их чисто кочевническое происхождение. Наиболее вероятным представляется вариант полиэтничного состава броднических отрядов, включавших в себя как славянских, так и тюркских, а также валашских и возможно венгерских изгоев – «выгонцев», занимавшихся военным наемничеством, а также контролировавших

---

¹²⁵ Codex Diplomaticus Hungariae Ecclesiasticus ac Civilis / Studio et opera G. Fejer. Buda. 1829. T. 3. Vol. 219. P. 219.

¹²⁶ Юсупович А. Галицкие «выгнанцы» или «выгонцы»? // ROSSICA ANTIQUA. 2012. № 2 (6). С. 114–133.

¹²⁷ Spinei V. Moldavia in the 11–14 centuries. Bucharest, 1986. P. 106–109.

¹²⁸ «...а выгонци Галичькыя придоша по Днѣпру . и воидоша в море . бѣ бо лодей тысяща . и воидоша во. Днѣпръ . и возведоша пороги и стаща оу рѣкы Хорьтищѣ . на бродоуоу Протолчи .... слышавъ же Даииль Романовичъ . и гна всѣдъ на конь . видѣти невиданьноа рати . и соущии с ними коньници . и инии мнозии князи с нимъ гнаша . видити неви...внем же ѿшедшимъ Юрьги же имъ сказываше . аѣко стрѣлци соуть . инии же молвахоуть . аѣко простии людье соутъ поушеи Половецъ . Юрьги же Домамиричь . молвашеть ратници соуть . и добралъ вои...» (ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 741–742).

¹²⁹ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 742.

переправы (броды) на важнейших сухопутных торговых путях Северного Причерноморья.

Согласно сообщению Новгородской первой летописи, в 1223 г. бродники днепровско-донского междуречья выступили союзниками монголов в их военном противостоянии с половецкой ордой Котяна и дружинами русских князей¹³⁰. В то время как т.н. «Галицкие выгонцы» (броднические сообщества Пруто-Днестровского междуречья) вошли в состав русско-половецкой коалиции¹³¹. По всей вероятности, в период монгольского нашествия часть броднических общин без сопротивления вошли в состав политничного населения Улуса Джучи.

В эпоху становления и расцвета Золотоордынского государства источники не отмечают существование на его территории, а также на землях русско-ордынского пограничья независимых военных сообществ казачьего типа, за исключением отрывочного сообщения Сугдейского Синаксара о датируемом 1308 г. убийстве местного жителя некими «казаками»¹³², а также описанного Рукн-ад-Дином Бейбарсом эпизода с внуком Ногая – Каракисеком и двумя его родственниками Джериктемиром и Юлукутлу, трехтысячный отряд которых, после разгрома войсками хана Токты туменов Турая и Сарайбуги (1302 г.) ушел в польские земли («местность называемую Будуль, поблизости от Кракова), занявшись разбойным «казакованием» (...бродя по [разным] местам и прокармливая себя мечами [своими] до нашего времени)¹³³.

---

¹³⁰ «...Ту же и бродници с татары быша, и воевода их Плоскыня, ить оканныи воевода целова крестъ честный къ Мьстиславу и ко обоимъ князевъ, како их не избити нь пустити и на искупъ, и солгавъ оканныи сице связавъ, предаст их Татаром своимъ...» (ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего извода. М.-Л., 1950. С. 64).

¹³¹ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 741.

¹³² «В тот же день скончался раб Божий Альмальчу, сын Самаки, увы, молодой человек, заколотый казаками, индикта 6. 6816 (1308) года». (Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому г. Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса. 1863. Док. № 116).

¹³³ Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 65.

Следует отметить, что первые сведения о существовании политических военных консорций, занимавшихся разбоем и грабежами на окраинах Монгольской империи, появляются в письменных источниках XIII в. В частности, Марко Поло описывая область Реобарл (Беобарл), расположенную на юго-восточной границе владений Хулагуидов отмечал: «Городов, крепостей тут много. Города обнесены земляными валами, высокими, толстыми, в защиту от **каранов** («смешанных»), что бродяжничают по здешним местам и грабят всех. Зовут их так, потому что матери у них индианки, а отцы татары. Места они знают хорошо...бывает их тут до десяти тысяч, иногда больше, иной раз и меньше. А как заберут равнину, что задумали разграбить, ничему там не спастись, ни людям, ни скотине; нет той вещи, которой бы они не забрали бы. Полонив народ, стариков убивают, а молодых увозят с собой и продают в рабство»¹³⁴.

Исходя из вышеприведенного сообщения венецианского путешественника, можно сделать вывод о том, что местом формирования этнической группы «каранов» являлись пограничные регионы Хулагуидского государства, располагавшиеся на его восточной периферии и фактически не входившие в административную структуру Ильханата. Не исключено, что в определенные периоды времени подобные субэтнические сообщества могли существовать и на пограничных территориях Улуса Джучи, а также других государств «Монгольского мира».

По мнению В.В. Трепавлова, начиная с первой четверти XV в., ослабление социальных связей и разрушение административно-территориальной структуры Золотой Орды непосредственным образом способствовало появлению в кочевом мире определенной категории людей, объединявшихся в сообщества на основе общих интересов и образа жизни¹³⁵. Данные сообщества «изгоев», как правило, располагались на пограничной периферии Улуса Джучи, ВКЛ и Рязанского княжества, сохраняя автономность от административных и социальных институтов данных государств.

---

¹³⁴ Марко Поло. Книга о ранобразии мира. СПб., 2018. С. 96; 385–387.

¹³⁵ Трепавлов В.В. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 173.

Наиболее ранняя датировка участия казачьих отрядов в военных действиях на территории Восточной Европы содержится в «Хронике Литовской и Жмойтской», указывающей т.н. «литовских и волыньских казаков» в качестве участников набега литовского князя Любарта Гедеминовича на окрестности Галича и другие польские владения в 1342 г.¹³⁶ Следующее упоминание «литовских казаков» относятся к событиям междоусобной войны между сыновьями хана Токтамыша, Керим-Берди и Кадыр-Берди¹³⁷. Литовская летопись ошибочно датирует событие 1429 г., тогда как реально военное противостояние между ордынскими «царевичами» происходило в 1416–1417 гг.¹³⁸ Вместе с тем, отсутствие информации о «литовских казаках» в более ранних письменных источниках XV–XVI вв. не позволяет относиться к сообщению поздней литовской летописи с полным доверием. Допустимо высказать предположение о том, что под «литовскими» и «волыньскими» казаками составителем «Хроники...» могли подразумеваться наемные отряды татар на службе литовских князей Любарта Гедеминовича и Витовта Кейстутовича, которые они использовали в своих военно-политических мероприятиях.

Первое упоминание т.н. «рязанских казаков» относится к событиям зимы 1443/44 г., когда ордынский «царевич» Мустафа, династическая принадлежность которого к настоящему моменту точно не установлена (по одной из версий, он являлся одним из сыновей Улуг-Мухаммеда¹³⁹), совершил набег на земли Рязанского княжества.

Приход кочевников к границам Рязани был вызван неблагоприятными климатическими условиями, в результате чего ордынцы создали временный лагерь южнее Ольгова монастыря: «на миру, хотя зимовати в Резани: бе бо ему супротивно на Поли...нужи ради великиа»¹⁴⁰. Следует отметить, что отряд Мустафы по факту являл-

---

¹³⁶ ПСРЛ. Т. XXXII. Хроники Литовская и Жмойтская и Быховца. Летописи Барлакубовская, Аверки и Панцирного. М., 1975. С. 44.

¹³⁷ Там же. С. 80.

¹³⁸ Шпулер Б. Золотая Орда. М., 2018. С. 136.

¹³⁹ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 40.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. XII. Софийская летопись. СПб., 1901. С. 61.

ся кочевым куренем, «казаковавшим» в поисках временного убежища.

В разгроме «татар» участвовали военные отряды «двора» московского князя Василия II, дружина рязанского князя, пешее рязанское ополчение, «мордва на ртах» (лыжах), а также **«казаки рязанскиа»**. Невзирая на отчаянное сопротивление степняков: «татарове же никакоже давахуся в руки, но резашася крепко», большая часть ордынцев вместе с самим Мустафой погибла в бою¹⁴¹.

По отрывочному сообщению Софийской и Ермолинской летописей невозможно точно определить ни этническую принадлежность «рязанских казаков», ни локализовать район их проживания. Однако, исходя из того, что «казаки» выступали в качестве союзников рязанского князя, наиболее вероятным представляется расположение казачьих поселений на пограничных со Степью территориях княжества с целью несения караульной службы. По предположению А.В. Белякова, местом проживания «рязанских казаков» могли быть юго-восточные рубежи княжества (южное Поочье), в районе современного села Огородниково (стар. Бордаково), Спасского района Рязанской обл., где источниками более позднего времени фиксируется этническая группа т.н. «бордаковских татар»¹⁴².

Помимо рязанско-ордынского пограничья одной из территорий, на которых происходило сложение казачьих сообществ, являлся регион Среднего Поднепровья в районе г. Черкасы и Канев. Вплоть до начала «Великой замятни» эти населенные пункты и земли, составлявшие их округу, входили в состав ордынских улусов. В 60-х гг. XIV в. они вошли в состав Киевского княжества Гедиминовичей, став одним из районов ВКЛ пограничным с Ордой.

Первое упоминание отрядов «черкасских казаков» в русских летописях относится к 1445 г., когда казанский хан Улу-Мухаммед и его сын Мамутяк, планируя совершить набег на русские земли: «послали в Черкасы по люди». Согласно сообщению Ермолинской

---

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. XII. Софийская летопись. СПб., 1901. С. 61–62; ПСРЛ. Т. XVIII. Ермолинская летопись. М., 2007. С. 192.

¹⁴² Беляков А.В. Мещерские казаки // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 204; Зайцев И.В. Посольства из Казани в Крым 1549 г. // *Orientalistica Juvenile*. М., 2000. Вып. 1. С. 90–91.

летописи «из Черкас...прииде къ нимъ две тысячи казаков...», которые взяли и разграбили г. Лух «без царева слова»¹⁴³.

В ходе событий 1446 г. «из Черкас» приходят отряды «служилых царевичей» Касыма и Якуба (сыновей Улуг-Мухаммада), выступая в качестве союзников московского князя Василия II «...приде весть ко князю Василию во Мстиславль, что князь великий выпущен, а дана емоу Вологда, а пригонил Данило Башмак, а во Дебрянск пригонил ко князю Семену некто киянин, Полтинкою зовут, а лежал тот на Москве от княгини Настасьи Олелковы на вестех про великого князя, да изо Дебрянска погонил к Киеву, а сказал им тоу же весть, с чем и Башмак пригонил. Князь Василей Ярославичь со всеми бояры и со всеми людьми, и з женами, и з детьми поидоша из Мстиславля, а из Дебрянска князь Семен да Басенок тако же со всеми...Пришедшим же им въ Елноу, и тоу сретошася с ними татарове, и начаша меж себе стрелятися. По сем же Татрове, начаша Роуси кликати: «Вы кто есте»? Они же отвечааша: «Москвичи, а идем с князем Василием Ярославичем искати своего государя, великого князя Василия Васильевича, сказывают его уже выпущена, а вы кто есте»? Татарове же рекоша: «А мы пришли из Черкас с двема царевичи, Махметевыми детми, с Касымом да с Ягоупом, слышали бо про великого князя, что братиа над ним израду оучинили, и они пошли искати великого князя за преднее его добро и за его хлебъ много бо добра его было до нас». И тако шедшеся и оукрепившеся меж себе, поидоша вкоупе, ищеючи великого князя, как бы емоу помощи»¹⁴⁴.

Ряд исследователей (П.Н. Павлов, Д.А. Котляров и С.Х. Хотко) высказали мнение о том, что под «Черкасами» русские летописцы подразумевали территории проживания адыго-черкесских племен Восточного Причерноморья¹⁴⁵. Данный тезис историков обосновы-

---

¹⁴³ ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 193.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXV. Уваровская летопись. С. 276.

¹⁴⁵ Павлов П.Н. Была ли Русь данницей Казани? // Ученые записки Красноярского гос. педагогического института. Красноярск, 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 161; Котляров Д.А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XV вв.) // Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 310; Хотко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) эт-

вается ссылками на употреблении термина «Черкас» («Черкасы») в актах московской дипломатической переписки конца XV в. в качестве обозначения жителей Северного Кавказа или области их расселения¹⁴⁶. В качестве дополнительного аргумента исследователями приводилась ссылка на имеющуюся в источниках отрывочную информацию о контактах «царевича» Касыма с Матрегой, одной из генуэзских торговых факторий располагавшейся на Таманском полуострове, в непосредственной близости от черкесских княжеств¹⁴⁷. Однако следует отметить, что данная гипотеза основывается лишь на гипотетическом соотношении топонимов и этнонимов более позднего периода с событиями, происходившими в 40-х гг. XV в.

В то же время, прямым подтверждением прихода отрядов татарских «царевичей» с территории ВКЛ, может служить сообщение Ермолинской летописи о соединении сил сторонников Василия Темного зимой 1446 г.: «В лето 6955...сташе на Волоце все Филипово говейно, и слышавше же и се, яко **царевичи** и князи и воеводы многие люди **из Литвы** идут к великому князю...И ту наехаша великого князи **три царевичи** и князь Василей Ярославичь и вси князи и воеводы, **со всеми людми, что было в Литве...**»¹⁴⁸.

В приведенном сообщении служилые «царевичи» упоминаются в одном контексте с русскими князьями и воеводами как вышедшие «из Литвы». Следует отметить, что в отличие от Уваровской, Ермолинская летопись отмечает приход трех татарских «царевичей». Учитывая, что согласно летописному сообщению боевые действия на литовском пограничье в 1444–1445 г. вели «татарские царевичи» – «...Каисымь да Якупь Махметовичи да Бедодать Кудудатовичь»¹⁴⁹, вполне логичным выглядит их общий уход в

нополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Майкоп, 2017. С. 148–149.

¹⁴⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией с 1474 по 1505 г. // СИ РИО. Т. I. СПб., 1884. С. 149, 167, 175–176, 255.

¹⁴⁷ Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XV-e siècle. T.I / Publications par N. Jorga. Paris: Ernest Leroux. 1999. P. 36.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. 1910. СПб., С. 154.

¹⁴⁹ Там же. С. 153.

Литву после захвата власти Дмитрием Шемякой и возвращение зимой 1446 г. в качестве союзников-федератов Василия II.

Исходя из вышеизложенной информации, более обоснованным выглядит вариант локализации летописных «Черкас» не на территории Северного Кавказа или Таманского полуострова, а в районе населенных пунктов Черкасы и Канев в Среднем Приднепровье. По мнению украинских исследователей Д. Куштана и В. Ластовского под топонимом «Черкасы» во второй половине XIV–XV вв. понимался не только укрепленный замок (возникший в 1360-х гг. на литовско-ордынском пограничье), но и окружающая территория, включавшая в себя земли по р. Выльшанка, Тясмин, Ингул и Ингулец до Таваньского перевозу на правом берегу Днепра, а также районы в низовьях Псла, Ворсклы, Орели и Самары на Днепровском Левобережье¹⁵⁰. Позднее, название вышеобозначенной волости Черкасы, перешло в качестве этнонима на сообщество днепровских казаков – «черкас».

В пользу данного предположения говорит и свидетельство Сигизмунда Герберштейна, неоднократно посещавшего земли среднего Поднепровья в первой четверти XVI в. Описывая население данного региона он отдельно выделял этническую группу «черкас – борисфенитов»: **«Живущие по Борисфену (Днепру – Л.В.) черкасы – русские и отличны от тех, про которых выше я сказал, что они живут в горах у Понта. В наше время над ними начальствует Евстахий Дашкович [который, как я упоминал, ходил в Московию с царем Мухаммед-Гиреем] муж весьма опытный в военном деле и исключительной хитрости. Хотя он неоднократно вступал в сношения с татарами, но еще чаще бивал их...»**¹⁵¹.

Значительное затруднение представляет собой проблема определения времени возникновения и этнической принадлежности сообщества «черкасских казаков». Данный вопрос целесообразно рассматривать в контексте военно-политических событий, происходивших в это время в Орде и Литве. В.В. Трепавлов и Р. Рева вы-

---

¹⁵⁰ Куштан Д, Ластовский В. Археологія та рання історія Черкас // Київ-Черкаси, 2016. С. 199.

¹⁵¹ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. В II томах. Т. I. М., 2008. С. 455.

сказали гипотезу о начале процессов формирования днепровского казачества во второй половине 50-х гг. XV в. По мнению исследователей, событием приведшим к началу формирования полиэтничных (тюрко-славянских) сообществ казаков на литовско-ордынском пограничье стал разгром армии одного из претендентов на престол ВКЛ – князя Свидригайла и союзной ему орды Сеид-Ахмета в 1455–1456 г. После поражения, значительная часть воинов проигравшей стороны ушли в труднодоступные районы Поднепровья и Подонья, создав независимые военизированные сообщества¹⁵².

Вместе с тем, нельзя исключать, что вышеописанные процессы казачьего этногенеза в Среднем Поднепровье могли начаться несколько ранее. На протяжении 1434–1437 г. в западной части Улуса Джучи шло непрекращающееся военное противостояние между Улуг-Мухаммедом, Кичи-Ахмедом и Сеид-Ахмедом¹⁵³, а начиная с 1431 г. в ВКЛ происходили ожесточенные военные столкновения между сторонниками князя Свидригайло и его противниками. Пик противостояния между противоборствующими сторонами в ВКЛ и Деште (Степи) приходится на середину 30-х гг. XV в. В 1435 г. войска Свидригайла были окончательно разгромлены армией Сигизмунда Кейстуовича в битве на реке Свенте (у Вилкомира)¹⁵⁴.

Затяжное военное противостояние между противоборствующими группировками ордынской и литовско-русской аристократии приводило к появлению групп «изгоев», в силу военных неурядиц, потерявших средства к существованию, семьи и общественный статус.

Таким образом, наиболее вероятным временем возникновения сообществ «черкасских» и «рязанских казаков» представляются 30–40-е гг. XV в. Характерно, что именно к 30–40-м гг. XV в. относятся первые летописные сообщения об участии казачьих отрядов в боевых действиях, как в качестве приглашенных наемников (участие «людей из Черкас» в походах 1445 и 1446 г. хана Улу-Мухаммеда и его сыно-

---

¹⁵² Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010. С. 55–56; Рева. Р. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 721.

¹⁵³ Трепавлов В.В. Большая Орда // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 745.

¹⁵⁴ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 132.

вей Мамутяка, Касыма и Якуба), так и в качестве союзников русских княжеств (разгром царевича Мустафы под Рязанью зимой 1443/44 г.).

Подводя итог, можно сделать вывод о возникновении в 1380–1440-х гг. в лесостепной полосе русско-ордынского пограничья ряда феодальных образований «служилых татар» (улус бека Мансура-Кията, Яголдаева тьма, владения сыновей хана Улуг-Мухаммада – Касыма и Якуба), находившихся в вассальных отношениях с властями ВКЛ и Московского княжества, а так же независимых военных сообществ (рязанских и черкасских казаков), не входивших в политические системы вышеуказанных государств и периодически выступавших участниками военных конфликтов на той, или иной стороне, в зависимости от складывавшейся политической ситуации.

Обозначенные феодальные владения «служилых татар» составляли внешнюю линию литовско-ордынского порубежья (к востоку от Днепра), а также Московского и Рязанского княжеств (от литовской границы до Касимова), что на определенном этапе позволяло организовывать более эффективную оборону от кочевнических набегов.

Отличительной особенностью пограничных образований являлось их расположение в зоне интенсивных этнокультурных контактов, обусловленных наличием полиэтничного населения, включавшего в свой состав как тюркский, так и южнорусский этнические элементы. Данное обстоятельство обуславливало как смешанный характер хозяйственно-экономической деятельности населения, так и синкретичный характер культуры «татарских княжений» и казахских сообществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие пограничных со Степью регионов Южной Руси на всем протяжении существования Древнерусского государства, а также княжеств, образовавшихся после его распада в XII в., в значительной степени основывалось на взаимодействии различных этнических групп составлявших население регионов южнорусской лесостепи в X–XIII вв. Межэтнический синтез во многом определял этнокультурную специфику лесостепного пограничья южнорусских княжеств в домонгольскую эпоху.

Прямым следствием Западного похода войск Чингизидов (1236–1242 гг.) и формирования административно-территориальной системы Улуса Джучи (Золотой Орды), стали значительные изменения в социально-политических, экономических и демографических структурах пограничных с владениями Джучидов южнорусских землях. Прежде всего, изменяется политический статус южнорусских княжеств, либо прекративших свое существование в качестве самостоятельного государственного образования (Переяславское и Киевское княжества), либо вошедших в государственную систему Монгольской империи и Улуса Джучи в статусе зависимых государств (Рязанское, Брянско-Черниговское и Галицко-Волынское княжества).

В результате монгольского нашествия и последовавших за ним вышеобозначенных трансформаций, практически на всем протяжении лесостепной полосы русско-ордынского пограничья образуются зоны интенсивных политических, экономических и этнокультурных контактов (**контактные зоны**) между оседлым населением южнорусских земель и кочевниками золотоордынских улусов. К таковым зонам следует относить пограничные регионы Галицко-Волынского княжества (Болховская земля, Подолия, Понизье), южные районы Киевской земли (Поросье, район Канева), территорию прекратившего свое существование Переяславского княжества, черниговское Подонцовье и Посеймье, а также лесостепные районы Рязанского княжества (Среднее Подонье и Среднее Поочье), составлявшие северную пограничную периферию (**фронтир**) Золотоордынского государства.

Золотоордынский период существования контактных зон лесостепного пограничья Южной Руси можно разделить на несколько временных этапов.

Первый период (40–90-е гг. XIII в.) характеризуется становлением административно-территориальной системы Улуса Джучи, повлекшее за собой переход ряда южнорусских областей (как правило, располагавшихся в лесостепной полосе), под непосредственный контроль Орды. Данный период характеризуется политической нестабильностью и значительной деградацией хозяйственно-экономических, демографических и административных структур пограничных регионов. В это время происходит становление системы взаимодействия коренного населения русско-ордынского порубежья с формирующейся административно-фискальной структурой Золотоордынского государства. В частности, в состав ордынских улусов включаются некоторые районы южной, юго-восточной и юго-западной периферии Рязанского княжества. Южные, лесостепные районы Черниговщины (бассейны Северского Донца и Ворсклы), в домонгольскую эпоху являвшиеся пограничными с Половецкой степью регионами с полиэтничным (славянско-тюркским) населением, также входят в состав ордынских улусов в первые десятилетия после нашествия. В конце XIII – начале XIV в. на землях Курско-Рыльского Посеймья образуется новая территориальная единица в составе Улуса Джучи – т.н. Курская тьма (или Курское баскачество). Земли киевского Поросья, после монгольского нашествия включаются в состав одного из ордынских улусов. В 40–60-х гг. XIII в. происходят значительные изменения административно-территориального характера на пограничных с Улусом Джучи областях Галицко-Волынского княжества – Болховской земли и Галицкого Понизья. Болховская земля, до монгольского нашествия находившаяся в составе Галицко-Волынского княжества, становится буферной зоной между владениями Орды и территориями, оставшимися под контролем Даниила и Василька Романовичей. Регион Галицкого Понизья, территория которого располагалась в Днестровско-Прутско-Серетском междуречье входит в состав Джучидского государства уже в 40-х гг. XIII в.

Второй период (первая половина XIV в.) характеризуется интенсивным хозяйственно-экономическим развитием Золотоордынского государства (включая ее северную периферию), обеспеченное политической стабильностью в Улусе Джучи и включением русских земель в инфраструктуру обслуживания как международной, так и региональной торговли. К этому времени относится интенсивное развитие поселенческой структуры оседлого земледельческого населения, а также ордынских торгово-ремесленных городских центров располагавшихся на территории регионов русско-ордынского лесостепного пограничья. Дополнительный стимул к активизации хозяйственно-экономических и этнокультурных контактов между русским населением лесостепного пограничья и представителями экономически активной части населения Орды (купцы, чиновники) придавала политика властей Монгольской империи и Улуса Джучи, направленная на возрождение как региональных, так и трансевразийских торговых маршрутов. В эпоху расцвета Золотоордынского государства как минимум четыре международных, а также ряд региональных торговых маршрутов, проходили по территориям русско-ордынского пограничья. Данные факторы способствовали поступательному развитию как хозяйственно-экономических, так и этнокультурных контактов различных этнических групп населения пограничных регионов.

Третий этап (60-е гг. XIV – первая половина XV в.): эпоха дезинтеграции и распада Улуса Джучи, сопровождаемая военно-политической экспансией сопредельных государств (ВКЛ, Московского и Рязанского княжеств). В результате данной экспансии, практически все регионы лесостепного пограничья, ранее находившиеся в составе ордынских улусов, меняют свой административно-политический статус. В результате военно-политической экспансии ВКЛ во второй половине XIV–XV вв. под контроль Гедеминовичей переходят обширные территории южнорусской лесостепной полосы (от Поднестровья до бассейна Быстрой Сосны). На порубежных территориях возникает ряд феодальных образований с полиэтничным населением, смешанным типом хозяйственно-экономического уклада и синтезной культурой, находившихся в той или иной степени политической зависимости от крупнейших государств региона

(ВКЛ, Рязанского княжества, Орды) или имевших кондоминальный статус (совместного управления). К таковым образованиям следует отнести Подольское княжество Кориатовичей, а также Киевское княжество (позднее наместничество), включавшее не только земли Среднего Поднепровья, но и значительные территории к востоку и юго-востоку от Днепра. С началом территориальной экспансии ВКЛ в южном и юго-восточном направлении литовско-ордынское пограничье приобретает черты движущейся границы (фронта).

В период «Великой замятни» происходят значительные изменения и на рязанско-ордынском и московско-ордынском пограничье. Под контроль Рязанского и Московского княжеств переходит ряд районов в Среднем Поочье, получивших в московско-рязанских договорах и духовных грамотах московских князей название «татарских» и «мордовских мест», а также «место Тула» в бассейне р. Упы. Во второй половине XIV в. в бассейне Быстрой Сосны возникает отдельное Елецкое княжество, являвшееся буферным владением на стыке территорий Литвы, Орды и Рязанского княжества. В 1414 г. Елецкое княжество прекращает свое существование, однако земли в бассейне Быстрой Сосны продолжали оставаться буферной зоной между владениями Московского княжества и Большой Ордой (позднее Крымским ханством) вплоть до начала освоения этой территории русским земледельческим населением в конце XVI в.

В конце XIV – первой половине XV в. на землях литовско-ордынского, а также пограничных территориях Московского и Рязанского княжеств возникают владения «служилых татар» (Яголдаева «тьма», владение Мансур-Кията, феодальные уделы Бердедата Кудайтовича и братьев Касыма и Якуба Мехметовичей (сыновей хана Улуг-Мухаммеда), а также военные сообщества Черкасских и Рязанских казаков. Отличительной особенностью перечисленных образований являлся полиэтничный состав населения «татарских княжеств» и казачьих отрядов, включавшей в себя представителей как славянского, так и тюркоязычного населения, а также синкретичный характер социальных институтов, хозяйственного уклада и бытовой культуры, обусловленный длительным периодом мирного сосуществования представителей различных этнических групп на

территории регионов южнорусского лесостепного пограничья в эпоху расцвета Ордынского государства.

Характерными чертами третьего этапа являются: усиление военной конфронтации, а также постепенный экономический и демографический упадок пограничных со Степью регионов Южной Руси. На протяжении XV в. они теряют значительную часть своего населения и превращаются в «Поле», интенсивное освоение которого Московским государством и Речью Посполитой начинается лишь в последней четверти XVI в.

В заключении хотелось бы отметить, что представленное исследование не претендует на всеохватность и абсолютную раскрытость темы исторического развития регионов русско-ордынского пограничья. Весьма вероятно, что ряд положений и выводов, представленных в работе, вызовут возражения и конструктивную критику коллег. Вместе с тем, автор надеется, что поднятая тема даст толчок к дальнейшим исследованиям в области изучения контактных зон Древней Руси, Золотой Орды, а также других государств Северной Евразии эпохи средневековья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1334–1598. – СПб., 1841. – С. 606.
2. Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. Спб., 1846.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. – СПб., 1842. № 6. 443 с.
3. Анинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С.А. Анинский // Исторический архив. – М.-Л., 1940. – 94 с.
4. Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / пер. с древнеарм., предис. и прим. А.Г. Галстяна. – М.: Изд-во Восточной литературы. 1962. – 141 с.
5. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. 7. – М., 1980. – 238 с.
6. Ал-Хаджи Атд ал-Гаффар Кырыми. Умдет ат-таварих. Стамбул., 1924. – 356 с.
7. Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. 6. – СПб.: Типография Григория Трусова. 1862. – 495 с.
8. Атлас Задонского уезда: в 3 ч. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 732–734.
9. Выписка в Разрядѣ о построении новых городовъ и черты 7189–1681 // ГПИБ. Вып. XXXIII [25 октября – 2 декабря 1891] – 182. Известия Тамбовской учетной архивной комиссии. Тамбов. 1892. – 138 с.
9. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии в двух томах. Т. 1. – М.: Памятники исторической мысли. 2008. – 745 с.
10. Грамота митрополита Алексия на Червленый Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам // АИ, т. 1, 1334–1598 гг. – СПб., 1841. – С. 30–39.
11. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 407 с.
12. Грамота рязанского великого князя Олега Ингваревича «мужу честну» Ивану Шае // РГАДА. Ф. 135. Прил. Рубр. IV. № 2. Л. 1.

13. Джiovани дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А. И Маленина. – М.: Гос. изд-во Географической литературы. 1957. – 287 с.
14. Духовные и договорные грамоты (ДДГ). Под ред. С.В. Бахрушина. – М.: Типография Вильде. 1909. – 148 с.
15. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 585 с.
16. Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. История завоевателя мира. – М., Изд. Дом. Магистр-Пресс. 2004. – 689 с.
17. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому г. Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса. 1863. – С. 595–628.
18. Задонский уезд: Атлас Задонского уезда: в 3 ч. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 732–734.
19. Задонщина // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т.: Т. 2: Период ордынского владычества. – М., РОССПЭН. 2010. – 720 с.
20. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. – М.: Типография Наука. 2003. – 448 с.
21. Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. – М.: Типография Наука. 2009. – 336 с.
22. Из Истории Ибн Халдуна // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 191–199.
23. Из «Летописи царств и царей» Ибн ал-Фурата // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 187–191.
24. Из летописи Ибн Касира // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 149–150.
25. Из сочинений Хамдаллаха Казвини // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 63–68.
26. Извлечения из «Истории [династии] Юань» («Юань Ши») // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166–1359 гг.). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 18–26.
27. Из «Подарка наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий» Ибн Баттуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 150–177.

28. Из «Цветника истории земель Востока» Хетума Патмича // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. С. 330–337.

29. Из биографии султана ал-Малика ан-Насира // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 142–148.

30. Из сочинения «Пути взоров по государствам с крупными городами» («Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар») Фадлаллаха ал-Умари // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 129–142.

31. Из «Книги упорядочения стран» («Таквим ал-булдан») Абу-л-Фиды // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 104–108.

32. Извлечения из «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – С. 28–55.

33. Из «Истории Вассафа» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (12266–1359 гг.) – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – С. 55–63.

34. Из летописи Шайха ал-Барзали // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – С. 121–122.

35. Из энциклопедии Ан-Нувайри // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) – Казань, 2011. – С. 108–121.

36. Из сочинений Ибн Арабшаха // Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. – М.: 2003. – С. 205–216.

37. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С. 122–123.

38. История монголовъ по армянскимъ источникамъ. Переводъ и объяснения К.П. Патканова. Вып. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1873. – 140 с.

39. Идигей. Татарский народный эпос. – Казань: Татарское книжное издательство. 1990. – 256 с.

40. Калмыцкие дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа Посольской канцелярии (1618–1737 гг.). РГАДА. Ф. 119. Оп.1. Д. 8. Л. 2.

41. Казанская история // Библиотека литературы древней Руси. Т. 10. [электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5148>

42. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 4. [электронный ресурс] www.docviewer.ru
43. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niġusa tobeigan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. / С.А. Козин. – М.-Л.: Восточная литература. 1941. – 619 с.
44. Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предис. и коммент. Л.А. Ханларян (Памятники письменности Востока. LIII). – М.: Главная редакция Восточной литературы. 1976. – 359 с.
45. Книга Большему чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная въ розряде и списанная въ книгу 1627 года. Издание второе. СПб., Тип. Императорской Российской Академии. 1838. С. 10–25.
45. Книга Большому Чертежу. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 232 с.
46. Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XIV вв. – М., Изд-во Советская Россия. 1984. – 447 с.
47. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. I. Середина IX – первая половина XII в. – М.: Институт истории СССР АН СССР. 1980. – 210 с.
48. Литовская метрика. Т. VII. Acta Magu. Ducat. Litv., рукопись in folio нач. XVI в. Записи книги VII. Л. 59–40. // Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. II. 1506–1544 гг. – СПб., 1848. – С. 5–105.
49. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монгольского, введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. (Памятники письменности Востока. X). – М.: Наука, 1973. – 440 с.
50. Марко Поло. Книга о разнообразии мира. – СПб.: Азбука, 2018. – 576 с.
51. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2012. – 304 с.
52. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969. – 652 с.
53. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины / Изд. С.И. Смирнова. – М., 1913. XIX. – 574 с.
54. Менадр Византиец. Продолжение Истории Агафия // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиадор, Малх, Петр Магистр, Менадр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец. Пер. Г.С. Дестуниса. – СПб., 1860. С. 324. – 155 с.

55. Новгородская Карамзинская летопись. М.: Дмитрий Буланин. 2002. – 224 с.
56. «О брацех расужения» (Сде известно разделение възбраненных браков и законных) // Мерило праведное. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. Фонд 304. I. Л. 219–226.
57. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 256. № 349. Л. 291.
58. «О местопребывании братьев миноритов и проповедников в Татари» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. – С. 281–282.
59. Памятники русского права (ПРП). Вып. I. Памятники права Киевского государства. М.: Госюриздат. 1952. – 287 с.
60. Памятники древнерусского канонического права. Ч. I // РИБ. Т. VI. № 18. – 1472 с.
61. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией с 1474 по 1505 г. // СИ РИО. Т. I. СПб., 1884. – 558 с.
62. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. – Л., 1926–1928. – 392 с.
63. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб., 1846. – 392 с.
64. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. – СПб., 1908. – 938 Стб.
65. ПСРЛ. Т. II. Густынская летопись. – СПб., 1843. – 273 с.
66. ПСРЛ. Т. III. Новгородскія летописи (Такъ названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). – СПб., 1879. – 316 с.
67. ПСРЛ. Т. III. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. – Л., 1950. – 656 с.
68. ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. Новгородская IV летопись. – Пг., 1917. – 332 с.
69. ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись. – М., 2000. – 320 с.
70. ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – М., 2001. – 360 с.
71. ПСРЛ. Т. IX. Рогожский летописец. – М., 1863. – 524 Стб.
72. ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. – СПб., 1885. – 226 с.
73. ПСРЛ. Т. IX, X. Никоновская летопись. – М., 1965. – 244 с.
74. ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. – СПб., 1863. – 504 Стб.
75. ПСРЛ. Т. XV. Рогожская летопись. Тверской сборник. – М., 2000. – 504 с.

76. ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Абрамки. – СПб., 2000. – 252 с.
77. ПСРЛ. Т. XVIII. Ермолинская летопись. – М., 2007. – 256 с.
78. ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. – СПб., 1910. – 418 с.
79. ПСРЛ. Т. XXIII. Симеоновская летопись. – М., 2004. – 328 с.
80. ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. – Пг., 1921. – 272 с.
81. ПСРЛ. Т. XXV. Московский свод конца XV в. – М., 1949. – 464 с.
82. ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. – М.-Л., 1956. – 413 с.
83. ПСРЛ. Т. XXVII. Сокращенный свод конца XV в. – М.-Л., 1962. – 418 с.
84. ПСРЛ. Т. XXXII. Хроника Литовская и Жмойтская. – М., 1975. – 241 с.
85. ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. – М., 1880. – 84 с.
86. ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжская и Вологодская летописи. – Л., 1982. – 228 с.
87. ПСРЛ. Т. XXXIX. Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. – М., 1994. – 204 с.
88. Псковские летописи. Вып. 2. – М., 1955. – 368 с.
89. Повесть об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // БЛДР. 2000. Т. 5. – С. 156–163.
90. Повесть о нашествии Едигея // Памятники литературы Древней Руси XIV – середина XV века. М., 1982. – С. 244–255.
91. Повесть о разорении Рязани Батыем (Рукопись РГБ, Волоколамское собр., вт. треть XVI в., лл. 229–258) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/>
92. Поменник Введенской церкви в Ближних Печерах Киево-Печерской лавры // Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврський альманах. Вип. 18. Київ: Фенікс. – 120 с.
93. Письмо Римского папы Бенедикта XII Тайдуле-хатун // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359) – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – С. 292–293.
94. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., Гос. изд-во географической литературы. 1957. – 287 с.
95. Путешествие Гильбера де Ланоя в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. 2. С. 39–43.

96. Продолжение древней российской вивлиофики (ПДРВ). – СПб.: При Имп. Академии наук. 1786–1801. Т. 8. – 702 с.
97. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. – М.-Л., 1960. – 260 с.
98. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. – М.-Л., 1960. – 248 с.
99. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. – М.-Л., 1946. – 313 с.
100. Рашид ад-Дин. Джамии-ат-таварих. Баку: «Нагыл Яви». 2011. – 540 с.
101. Роспись князей Глинских поданная в Разряд 1686 г. марта 4 // РГАДА Ф. 210. Оп. 18. Д. 87. Л. 1-2.
102. Румянцевский список первого извода Патриаршей редакции родословных книг. Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 256. № 349. Приложение 3 // Очерки феодальной России. № 15. М. – СПб., 2012. С. 179–190.
103. Регесты документального фонда *Diversorum Filze* секретного архива Генуи, относящихся к истории Причерноморья // Причерноморье в Средние века. Вып. 3. – М.- СПб.Алетейя. 1998. – С. 9–81.
104. Сборник Российского исторического общества (РИО). Т. 41. № 58. – СПб., 1884. – 638 с.
105. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических отношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, ногайцами и Турцией, за время Великого княжения Ивана III и Василия Иоановича. Ч. 1. (г. с 1474 по 1505). – СПб., 1884. – 467 с.
106. «Сокровенное сказание монголов» // Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники / Перевод с кит., сост., вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. – М.: Наука, 2009. – 336 с.
107. Славяно-молдавские летописи (СМЛ). – М.: Наука. 1976. – 152 с.
108. Скифская история. – М.: Наука, 1990. – 519 с.
109. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. – СПб., 2000. – С. 156–163.
110. Сказание о Мамаевом побоище. РНБ, Q. IV, 22.
111. Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея // Воскресенская летопись. Приложения. – Рязань, 1998. С. 521–532.
112. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. / В.Г. Тизенгаузен. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем. – СПб., 1884. – 563 с.
113. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В.Г. Тизенгаузен. Т. II. Извлечения из персидских сочинений.

- ний, собранных В.Г. Тизенгаузенем. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 208 с.
114. Тихомиров М.М. Список русских городов, дальних и ближних / М.М. Тихомиров // Исторические записки. 1952. № 40. – С. 214–259.
115. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. – 460 с.
116. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). – М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950. – 128 с. С. 93–94.
117. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым. 1992. 296 с.
118. Ярлык крымского хана Менгли-Гирея Литовскому великому князю Сигизмунду 1506–1507 г. // Acta. Magn. Ducat. Litv. Запись кн. VII. Л. 59–40.
119. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Enrico Menesto. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1989. – 522 p.
120. Juvaini Ata-Malik. The Histori of the World-Congueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A/ Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997. – 763 p.
121. Ibn Bibi. Histoire des Seldjoucides d' Asie Mineure d' après l' brege du Seldjouknameh d' Ibn-Bibi. Leiden., 1902. – 320 p.
122. Litovskaia Metrika (LM): Т. 4. (1479–1491). – Vilnius., 2004. – 272 p.
123. Codex diplomaticus Prussiae III, 21 // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сборник материалов и исследований. СПб.: Типография императорской АН. 1907. – 362 с.
124. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Т. 2. Bratislavae, 1987. Nr. 150. P. 100–102.
125. Codex Diplomaticus Hungariae Ecclesiasticus ac Civilis / Studio etopera G. Fejer. Budae. 1829. Т. 3. Vol. 219, 239.
126. Stanislai Sarnicii. Destriptio veteris et novel Poloniae cum divisione eyusdem veteri et novo. Krakow. 1585.
127. Sanuto M. Vitae ducum venetorum // Rerum Italicarum scriptores ab anno aerae cristianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum. Т. 22. Mediolani, 1733. Col. 854.
128. Pistarino G. Noti Genovese in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360–1361). / G. Pistarino. – Borgighera. Sacerdoteanu A. 1971. – 309 p.
129. Prost M. A. Les Chroniques venitiennes // Revue des questions historiques. Paris., 1882. Т. XXXI. P. 512–555.

130. Thomas G.M. *Diplomatarium Veneto-levantinum siva Acta et diploma res venetas graeca atque levantis illustrantia*, Pars 1: 1300–1350. / Thomas G. M. – Venetiis: Sumptibus Societatis, 1880. P. 267, № 139 (1). – 410 p.

131. *Regestes des deliberations du senat de Venise concernant la Romanie* / par F. Thiriet. Paris La Hye: Mouton, 1958. T. 1 (1329–1399). P. 246.

132. Francesco Balducci Pegolotti. *La Pratica della Mercatura* / Ed. by Evans. Cambridge, Mass., 1936. – 443 p.

Литература

1. Андреев С.И. Половецкие каменные изваяния Тамбовщины / С.И. Андреев // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж, 2002. – С. 183–187.

2. Андреев С.И. Древнерусские поселения верховьев р. Цны XIII–XIV вв. (К вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества) / С.И. Андреев // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003. – С. 48–67.

3. Андреев С.И. К вопросу о Юго-Восточном рязанском пограничье в XII–XIV вв. / С.И. Андреев // Археология Юго-Востока Руси: Материалы IV научной конференции. Елец: Изд-во Елецкого гос. университета им. И.А. Бунина, 2006. – С. 18–34.

4. Андреев С.И. На Юго-Восточном рубеже Древней Руси. Этно-политическая история населения Окско-Донской равнины в XII–XV вв. / С.И. Андреев. – Тамбов., Изд-во Тамбовского гос. университета им. Г.Р. Державина. 2008. – 337 с.

5. Андреев С.И. Русско-татарско-мордовское пограничье во второй половине XIII–XVI вв. / С.И. Андреев // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 10 (126). – С. 31–42.

6. Андреева А.А. «Калмыцкий фронт»: к типологии фронтальной теории. / А.А. Андреева // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4(32). – С. 130–135.

7. Арсланов А.М. Сухопутные торговые маршруты в западной торговле Золотой Орды второй половине XIII – первой половины XIV в. / А.М. Арсланов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (44). – Ч. II. – С. 15–18.

8. Антонович В.Б. Историко-топографический очерк Южной Руси // Институт рукопису НБУ ім. В. Вернадського. Ф. I. Спр. № 8083. 50–50 зв.

9. Арутюнова-Фиданян В.А. Византия и Армения в X–XII вв.: зона контакта / В.А. Арутюнова-Фиданян // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – М., 2001. – С. 380–389.
10. Артамонов М.И. История хазар. / М.И. Артамонов – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. – 548 с.
11. Алексеев С.В. Славянская Европа V–VIII веков. / С.В. Алексеев. – М.: Вече, 2009. – 528 с.
12. Александровский А.Л. Природная среда Верхнего Подонья во второй половине голоцена (по данным изучения палеочув городищ раннего железного века) / А.Л. Александровский // Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. – С. 194–199.
13. Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. / А.Л. Александровский, Е.И. Александровская. – М.: Наука. 2005. – 223 с.
14. Александров Г.В. Эволюция взаимоотношений колонистов и коренного населения в Новой Англии в 1620–1676 гг. Дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 2016. – 273 с.
15. Амеликин А.О. О времени создания и литературной истории цикла Повестей о Николле Зарайском / А.О. Амеликин // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. – Зарайск: Издательский центр «Русский век», 1998. – С. 73–100.
16. Амеликин А.О. Центрально-Черноземный край в русско-ордынском пограничье (в конце XIV – начале XV века) / А.О. Амеликин., Ю.В. Селезнев. // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов. Т. II. СПб., 2010. – С. 386–392.
17. Аминов Р.Р., Годова Е. В., Загидулин И.К., Халиков Н.А. Татары-казачи в составе Оренбургского войска / Р.Р. Аминов // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. – С. 309–326.
18. Акчурин М.М. Административно-территориальное устройство Мещеры XV – начала XVII века (этнополитические аспекты). Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Казань, 2019. – 257 с.
19. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. – М.: Наука, 1985. – 432 с.
20. Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. – М., Госполитиздат. 1946. – 428 с.
21. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-буртасского населения бассейна Среднего Дона / Г.Е. Афанасьев. – М., Наука, 1993. – 184 с.

22. Афанасьев Г.Е. О культуре населения Донского левобережья во второй половине VIII – начале X в. / Г.Е. Афанасьев // ИЭ. Вып. III. Л. 1985. – С. 85–93.
23. Багалеи Д.И. История Северной земли до половины XIV столетия / Д.И. Багалеи. – Киев, 1882. – 328 с.
24. Бартольд В.В. Образование империи Чингисхана / В.В. Бартольд // Записки Вост. Т. X. – СПб., 1896. – 356 с.
25. Бартольд В.В. Батый (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002. – С. 496–500.
26. Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы. / И.П. Басалаева // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. – С. 46–49.
27. Бабенко А.А, Комаров О.В. Битва на Синих Водах – факт или историографический миф / А.А. Бабенко // NOVOGRDIA. № 2. 2020. – С. 135–154.
28. Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. (по данным археологии). / С.А. Беляева. – Киев: Наукова думка, 1982. – 116 с.
29. Білецька О. Поділля на знамі XIV–XV ст. до витоків формування історичної області. / О. Білецька. – Одеса: Астропринт, 2004. – 416 с.
30. Белецкая О. Подолье и татары во второй половине XIV – первой половине XV в.: эволюция даннических отношений / О. Белецкая // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. 2008. Вып. 4. – С. 100–110.
31. Беляков А.В. «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI вв.): проблема интерпретации источников / А.В. Беляков // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. XVII. 2005. – С. 172–175.
32. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII вв: просопрографическое исследование. / А.В. Беляков. – Рязань: Мир. 2011. – 510 с.
33. Беляков А.В. Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII в. / А.В. Беляков. Дисс. на соискание уч. степени доктора ист. наук. Казань, 2017. – 899 с.
34. Беляков А.В. Мещерские казаки / А.В. Беляков // Казачество в тюркском и славянском мирах. – Казань, 2018. – С. 202–215.
35. Бессуднова М.Б. Великий Новгород конца XV в. Между Ливонией и Москвой / М.Б. Бессуднова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 2. История. 2013. Вып. 2. – С. 3–9.

36. Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. / М.Б. Бессуднова. – М.: Квадрига, 2015. – 448 с.

37. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. / Г. Н. Белорыбкин. – СПб., Изд. Пензенского гос. университета, 2001. – 200 с.

38. Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века / А.М. Белавин // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань 1–3 июня 1999 г. – Казань, 2000. – С. 122–126.

39. Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. – Пермь, 2007. – С. 4–12.

40. Белавин А.М, Крыласова А.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афикула) в Пермском крае / А.М. Белавин // Научный Татарстан. – Казань: АН РТ, 2009. №2. – С. 6–21.

41. Беленицкий А.М. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. (К идентификации ткани «занданечи») / А.М. Беленицкий., И.Б. Бентович // СА. 1961. – № 2. – С. 66–78.

42. Белявский В.А. По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы / В.А. Белявский // Славяно-русская этнография. – Л., 1973. – С. 101–108.

43. Беспалов Р.А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) / Р.А. Беспалов // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. – Брянск. РИО БГУ, 2001, Вып. 13. – С. 74–76.

44. Беспалов Р.А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства / Р.А. Беспалов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V. 2013. – С. 30–52.

45. Беспалов Р.А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточно Европе XIV – начала XVI веков / Р.А. Беспалов // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения. М., 2014. С. 257–326.

46. Беспалов Р.А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака / Р.А. Беспалов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып.6. – Севастополь-Тюмень., 2014. – С. 215–234.

47. Березовец Д.Т. Словяни и племена салтивской культуры / Д.Т. Березовец // Археологія. – Київ, 1965. – С. 47–67.

48. Беляева С., Бубенок О., Гундогдыев О., Дрига И., О. Маврина О. Огузы на рубежах Южной Руси. / С. Беляева – Киев: Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины. 2018. – 224 с.

49. Борисенко А.Б. Значение Булгарского пути в поступлении западноевропейского импорта в Западную Сибирь в XII–XIII вв. /А.Б. Борисенко, Ю.С. Худяков // Средневековая Казань: возникновение и развитие (Материалы Международной науч. конф. сост. В Казани 1–3 июня 1999 г.). – Казань, 1999. – С. 251–255.

50. Бояршинова З.Я. Население Сибири до начала русской колонизации. / З.Я. Бояршинова. – Томск: Изд. Томского университета, 1960. – 151 с.

51. Бичурин Н.Я. (Иакинф) История первых четырех ханов из дома Чингисова. / Н.Я. Бичурин. – СПб.: Тип Карла Крайя, 1829. – 457 с.

52. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I / Н.Я. Бичурин. – М.-Л., Инст. этнографии Миклухо-Маклая, 1950–1953. – 656 с.

53. Бурцев И.Г. Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV–XVI вв: На пути под руку Москвы / И.Г. Бурцев // Историческая демография. – М.-Сыктывкар, 2012. № 2(10). – С. 59–69.

54. Бурцев И.Г. О методе комплексного использования источников в исторической географии (на примере Окско-Донского водораздела в XIV–XVI вв.) / И.Г. Бурцев, А.В. Шеков // Проблемы исторической географии и демографии России. – М., 2013. Вып. II. – С. 95–103.

55. Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания / М.Е. Бычкова // Зап. Отдела рукописей [Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина]. Вып. 38. – М., 1977. – С. 104–125.

56. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время / Н. И. Веселовский. – Петроград: Рос. Гос. Академическая Типография, 1922. – 64 с.

57. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. В 4-х томах / В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб.: Имп. Академия Наук, 1863–1887. – 558 с.

58. Введенский С.Н. Червлёный Яр / С.Н. Введенский // Воронежская старина. – Воронеж: Воронежская церковно-археологическая комиссия, 1905. Вып. 5. – 34 с.

59. Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века / М.Владимирский-Буданов // Архив ЮЗР. Ч. 7. Т. 1. 1886. – 85 с.

60. Введенский С.Н. Червлёный Яр / С.Н. Введенский // Воронежская старина. – Воронеж: Воронежская церковно-археологическая комиссия, 1905. Вып. 5. – 34 с.

61. Временник Московского общества истории и древностей Российских. – М., Общ. истории и древностей российских при Московском университете. 1851. Кн. 10. – 504 с.

62. Винников А.З. Белогорский курганный могильник I тыс. н. э. / А.З. Винников. // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979. – С. 145–163.

63. Винников А.З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром / А.З. Винников. // Советская археология. 1990. № 3. – С. 124–137.

64. Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). / А.З. Винников. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. – 168 с.

65. Воротынцев Л.В. Кем был «Сарацин» – переписчик, упоминаемый в «Истории монгалов» Плано Карпини (к вопросу о проведении первой ордынской переписи на Руси в 1245 г.) / Л.В. Воротынцев // Золотоордынская цивилизация. № 10. Казань, 2017. – С. 135–139.

66. Воротынцев Л.В. «Татарский» торговый путь («Via Tatarica») в системе международной торговли XIII–XV вв. / Л.В. Воротынцев // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, №1. – С. 77–89.

67. Войтович Л.В. Польський король Казимир III і боротьба за спадщину Романовичів / Л.В. Войтович // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип.46. Львів, 2011. – С. 2–26.

68. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. / Ч. Гальперин. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2012. – 230 с.

69. Галимов Т.Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII – первой трети XIII вв. / Т.Р. Галимов. // Вестник Челябинского государственного университета: история. Вып. 52. 2012. № 25 (279). – С. 104–114.

70. Галимов Т.Р. О вхождении древнерусской знати в состав элит Золотой Орды (постановка вопроса) / Т.Р. Галимов // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. – С. 260–265.

71. Галимов Т.Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях 1237–1281 гг. / Т.Р. Галимов. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Казань, 2017. – 267 с.

72. Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). / Т.Р. Галимов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 256 с.

73. Греков Б.Д. Золотая Орда и ее падение. / Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 478 с.
74. Грибовский В.В. Инфильтрация ногайцев в состав Черноморского казачьего войска / В.В. Грибовский // Казачество в тюркском и славянском мирах. – Казань, 2018. – С. 380–391.
75. Гриценко В.П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы / В.П. Гриценко // Тула историческая: прошлое и настоящее. – Тула, 1996. – С. 12–15.
76. Гриценко В.П. Торховское городище и его округа / В.П. Гриценко // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Тула, 1997. – С. 16–22.
77. Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. / А.А. Горский. – М.: Институт Российской истории РАН. 1996. – 128 с.
78. Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV вв.) / А.А. Горский // Средневековая Русь. Вып. 1. – М., 1996. – С. 76–111.
79. Горский А.А. Москва и Орда. / А.А. Горский. – М.: Наука, 2000. – 214 с.
80. Горский А.А. «Повесть о убиении Батыя» и русская литература 70-х годов XV века / А.А. Горский // Средневековая Русь. Часть 3. – М., 2001. – С. 191–222.
81. Горский А.А. Брянская альтернатива: несостоявшаяся столица Русского государства / А.А. Горский // Родина. – 2003. – № 11. – С. 43–45.
82. Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. / А.А. Горский. – М., Языки славянской культуры. 2004. – 368 с.
83. Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. / А.А. Горский // Средневековая Русь. – М., 2004. Вып. 5. – С. 134–138.
84. Горский А.А. Московские «примыслы» вне Северо-Западной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. – М., 2004. – С. 166–169.
85. Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой / А.А. Горский // Средневековая Русь. – М., Вып. 6. 2006. – С. 138–154.
86. Горский А.А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей во второй половине XIII–XV в. / А.А. Горский. – М.: Индрик, 2010. – 174 с.
87. Горский А.А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения / А.А. Горский // Средневековая Русь: вопросы медиевистики. – 2014. – № 3. – С. 115–121.

88. Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности / А.А. Горский // «...Бещисленные рати и великия труды...». Проблемы русской истории X–XV вв. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. – 416 с.

89. Гоняный М.И., Наумов А.Н. Металлургический комплекс XIV в. на поселении Монастырщина-5 на Куликовом поле // Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995. М., 1996.

90. Гоняный М.И. К вопросу о динамике заселения района Куликова поля древнерусским населением в XII–XIV вв. / М.И. Гоняный // На Юго-Востоке Древне Руси: историко-археологические исследования. – Воронеж, 1996. – С. 73–88.

91. Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. в районе Куликова Поля (на примере украшений ременной гарнитуры) / М.И. Гоняный // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А. В. Чернецов. – М., 2005. – С. 85–101.

92. Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы / М.И. Гоняный. – М., 2007. – 207 с.

93. Головкин А.Б. Половецкий фактор в политической жизни Юго-Западной Руси (вторая половина XII – первая половина XIII в.) / А.Б. Головкин // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. – С. 260–272.

94. Гласко М.П. Ландшафты Куликова поля: результаты и перспективы исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия (Труды научно-практической конференции «Куликово поле – уникальная культурно-историческая и природная территория. Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России»). / Гласко М.П., Маркова А.К., Сычева С.А. – Тула, 2000. – С. 351–361.

95. Голубовский П.В. История Северной земли до половины XIV столетия. / П. Голубовский. – Киев: Университетская типография, 1881. – 209 с.

96. Голубовский П.В. Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар / П.В. Голубовский // Университетские известия. № 6. Киев, 1883. – С. 331–335.

97. Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. / М.С. Грушевский. – Киев, 1891. – 538 с.

98. Грушевский М.С. История Украины-Руси. / М.С. Грушевский. – Львів., 1905. Т. 3. – 588 с.

99. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: Реконструкция содержания / А.П. Григорьев, В.П. Григорьев // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А.А. Березный. – Л., 1990. Вып. 13. – С. 74–107.

100. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Джанибека венецианцам Азова в 1347: Реконструкция содержания / А.П. Григорьев, В.П. Григорьев // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред Н.Н. Дьяков. – СПб., 1995. Вып. 15. – С. 36–83.

101. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Бердибека венецианским купцам Азова от 1358 г.: Реконструкция содержания / А.П. Григорьев, В.П. Григорьев // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Б.Н. Мельниченко, А.В. Попов. – СПб., 1995. Вып. 16. – С. 24–66.

102. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.): Реконструкция содержания / А.П. Григорьев, В.П. Григорьев // Вестник С.-Петербургского университета. – СПб., 1996. Сер.2. Вып. 4. – С. 18–23.

103. Григорьев А.П. Ярлык Мухамеда Бюлека митрополиту Михаилу / А.П. Григорьев // Мамай. Опыт исторической антологии. – Казань, 2010. – С. 16–107.

104. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 770 с.

105. Гулевич В. Улуг Улус (Крымское ханство) / В. Гулевич // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2016. – С. 761–777.

106. Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. / Н.П. Дашкевич. – Киев, 1885. – 174 с.

107. Дашкевич Н.П. Болоховская земля и ее значение в русской истории / Н.П. Дашкевич // Труды III АС. Т. 2. – Киев, 1878. – 68 с.

108. Дашкевич М.П. Еще разыскания и вопросы о Болхове и болховцах / М.П. Дашкевич // Университетские известия. – Киев, 1899. Кн. 1. Критика и библиография. – С. 1–63.

109. Данилевич В.Е. Донецкое городище и город Донец / В.Е. Данилевич // Археологическая летопись южной России. 1905. № 4–5. – 15 с.

110. Довженок В.О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия / В.О. Довженок // Древняя Русь и славяне. – М.: Наука, 1978. – С. 76–82.

111. Долгов В.В. Обретение этнокультурных ориентиров: «своичужие» // Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В.

Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). – Екатеринбург: Издательский центр «Академия», 2003. – 464 с.

112. Дорош М.Н. Битва на Синій Воді 1362 року: правда та домисли. Віння, 2009. – 188 с.

113. Дорош М.Н. Маршрут походу русько-литовского війска 1362 р. – ключ до локалізації літописного Крчева, Синьої Води, Білобережжя, Торговиці та Звенигорода / М.Н. Дорош // Военна історія. Науково-популярний журнал. Київ., 2011. № 4(58). – С. 30–43.

114. Димник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. / М.Димник // Русин. 2014, № 1(35). – С. 17–35.

115. Дедук А.В. Грамоты «великого» князя рязанского Олега Ингваревича Ивану Шае / А.В. Дедук // Вестник РГГУ. – 2015. – № 9. – С. 55–63.

116. Дедук А.В. К вопросу о расположении «мест татарских и мордовских» московско-рязанских договорных грамот XIV–XV вв. / А.В. Дедук // Средневековая Русь. Вып. 12. – М., 2016. – С. 117–128.

117. Дьяченко А.Г. Славянские памятники VIII-середины XIII вв. в бассейне Северского Донца. / А.Г. Дьяченко. Дисс. на сосискание уч. степени канд. ист. наук. Харьков, 1983. – 369 с.

118. Дьяченко А.Г. Славянские памятники VIII – середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Харьков, 1983. – 27 с.

119. Дьяченко А.Г. Древнерусское Харьковское городище и «жилой город» Харьков середины XVII в. (к проблеме исторической преемственности в процессе возрождения восточнославянских городов эпохи позднего средневековья). / А.Г. Дьяченко // Археология Юго-Востока Руси. Материалы IV научной конференции. Елец. 2006. – С. 61–77.

120. Дубовиков А.М. Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска / А.М. Дубовиков // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. – С. 298–309.

121. Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.) / А.В. Дулов. – М.: Изд-во Наука, 1983. – 256 с.

122. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. / В.Л. Егоров. – М.: Институт истории СССР АН СССР. 1985. – 245 с.

123. Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой / В.Л. Егоров // Вопросы истории. 1985. № 1. – С. 8–19.

124. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. Изд. 2 / В.Л. Егоров – М.: Либроком, 2009. – 248 с.

125. Егоров В.Л. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона / В.Л. Егоров // Липецк: начало истории. – Липецк, 1996. – С. 71–78.
126. Енуков В.В. Славянский комплекс на р. Рать / В.В. Енуков // Археология и история Юго-Востока Руси. – Курск, 1991. – С. 39–41.
127. Енуков В.В. К вопросу о локализации древнего Липецка / В.В. Енуков // Роль ранних мисских центров в становлении Киевської Русі. – Суми, 1993. – С. 31–32.
128. Енуков В.В. Курское княжение в татарское время / В.В. Енуков // Деснинские древности. – Брянск, 1995. – С. 134–156.
129. Енуков В.В. Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды / В.В. Енуков // Средневековая археология. – Казань, 2018. № 4. – С. 47–52.
130. Ельников М.В. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы / М.В. Ельников // Татарская археология. – Казань, 2001. № 1–2. – С. 129–166.
131. Зайцев И.В. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Яголдаева «тьма» / И.В. Зайцев // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2016. – С. 807–810.
132. Зайцев И.В. Посольства из Казани в Крым 1549 г. / И.В. Зайцев // *Orientalistica Juvenile*. М., 2000. Вып. 1. – С. 90–91.
133. Зайцев А.К. Где находилось «место рекомое Березуй», «Сказания о Мамаевом побоище»? / А.К. Зайцев // Верхнее Подонье: Природа, Археология, История. – Тула, 2004. – С. 5–12.
134. Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. / А.К. Зайцев. – М.: Квадрига, 2009. – 232 с.
135. Зайцев М.В. Историческая география России. / М.В. Зайцев. – Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 2006. – 204 с.
136. Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте / Е.Ч. Скржинская // Византийский временник. – М.- Л., 1949. Т. 2 (27). – С. 245–266.
137. Скобелкин О.В. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. / О.В. Скобелкин // Вестник ТГУ, выпуск 10 (126), 2013. – С. 43–48.
138. Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–130 гг. и отношения с Ордой / П.С. Стефанович // Российская история. 2019. № 4. – С. 116–134.
139. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. / В.П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 272 с.

140. Зорин А.В. Очерки истории Курского края (с древнейших времен до XVII в.) / А.В. Зорин, Г.Ю. Стародубцев, А.Г. Шпилев, О.А. Щеголова. – Курск: Курский гос. музей археологии, 2008. – 622 с.

141. Зорин А.В. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод / А. В. Зорин, А.Г. Шпилев // Славяно-русские древности Днепро-вского левобережья. – Курск: Курский гос. музей археологии, 2008. – С. 91–94.

142. Зорин А.В. Цитадель Гочевского поселения (начало исследования городища Царский дворец у с. Гочево Беловского района Курской области) / А.В. Зорин // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XIII–XIV веках. – Тула, 2005. – С. 80–85.

143. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время / Р.В. Зотов // Летописи занятий Археографической комиссии до 1882–1884 гг. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1892. – 379 с.

144. Золотая Орда в мировой истории. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 968 с.

145. Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. / А.А. Зимин // Проблемы источниковедения, вып. VI. М., 1958. – С. 275–324.

146. Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. / А.А. Зимин. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.

147. Зубрицкий Д.И. История древнего Галицко-Русского княжества. Т. 3. / Д. И. Зубрицкий. – Львов: Львовская типография Ставропогиального интитута, 1855. – 314 с.

148. Иакинф Бичурин. История первых четырех ханов из рода Чингисова. / И. Бичурин. – СПб.: Типография Карла Крайя, 1829. 457 с.

149. Иловайский Д.И. История Рязанской княжества. / Д.И. Иловайский. – М.: Университетская типография, 1858. – 337 с.

150. Ивакин Г.Ю. Историчний розвиток Києва в XIII – середині XVI століття (історико-топографічні нариси). / Д.И. Ивакин. – Київ: Альтернативи, 1996. – 272.

151. Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1990. – 356 с.

152. Иванов Д.А. Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы / Д.А. Иванов, И.Ю. Стрикалов, В. П. Челябинов // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. – М., 2005. – С. 336–361.

153. Иванов Н.В, Шебанин Г.А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV–XV вв. / Н.В. Иванов // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Сб. статей в 2-х т. Т. 2. История. Искусствование. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2004. – С. 68–77.

154. Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батьево нашествие / Г.Ю. Ивакин // Русь в XIII веке: Древности темного времени. – М., 2003. – С. 59–65.

155. Иванова Е.И. К вопросу об ордынской политике Даниила Романовича Галицкого / Е.И. Иванова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (52). – 2013. – С. 44.

156. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. / Д.И. Иловайский. – М., 1997. – 332 с.

157. Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. Т. 10 (157). – М., 2014. – 168 с.

158. Ищенко А.С. Переяславль Южный в политической структуре Древней Руси / А.С. Ищенко // Палеороссия: Древняя Русь во времени, в личностях и идеях. Выпуск 8. 2017. – С. 259–278.

159. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. – 507 с.

160. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. – 556 с.

161. Караев О.К. Чагатайский Улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. / О.К. Караев. – Бишкек: Изд-во Кыргызстан, 1995. – 160 с.

162. Карпов С.П. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV – середина XV в.) / С.П. Карпов // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 17–23.

163. Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. / С.П. Карпов. – М.: Восточная литература, 1994. – 155 с.

164. Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников / С.П. Карпов // ВВ. – 1994. – Т. 55 (80). Ч. 1. – С. 121–126.

165. Карпов С.П. Когда и как возникла Тана? / О происхождении итальянской фактории на византийской окраине. / С.П. Карпов // Византийский временник (ВВ). – 1996. – Т. 57. – С. 5–18.

166. Карпов С.П. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот / С.П. Карпов // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб.: Алетея, 2001. – С. 363–379.

167. Карпов С.П. История Трапезундской империи. / С.П. Карпов. – СПб.: Алетейя, 2007. – 624 с.

168. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси / В.В. Каргалов. – М.: Высшая школа, 1967. – 266 с.

169. Казаков Е.П. О болгаро-салтовских комплексах в керамике ранней Волжской Болгарии / Е.П. Казаков // Археология и история юго-востока Древней Руси. Воронеж, 1993. – С. 104–106.

170. Канищев В.В. Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований / Канищев В.В., Ковалева Н.О., Ковалев И.В. // Вестник ТГУ, 2012. № 6. – С. 1541–1547.

171. Квашнин-Самарин Н. По поводу Любецкого Синодика / Н. Квашнин-Самарин // ЧОИДР. 1873. Кн. 4. – С. 213–226.

172. Квітницький М. Пороська захісна лінія: етапи ормування та розвитку (у світлі писемних та археологічних джерел) / М. Квітницький // Місце и значення Поросья в історії України (IX–XVII ст.): Матеріали науково-практичної конференції. – Корсунь-Шевченківський, 2007. – С. 124–143.

173. Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном / Э.Е. Кравченко // Stratum. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. – Казань-Симферополь-Кишинев, 2015. – С. 411–478.

174. Котляров Д.А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XV вв.) / Д.А. Котляров // Долгов В.В, Котляров Д.А, Кривошеев Ю.В, Пузанов В. В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). – Екатеринбург, 2003. – С. 319–322.

175. Колода В.В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья, как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений / В.В. Колода // Древности 2010. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. – С. 184–203.

176. Колода В.В. Контакты славянского мира и Хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект / В.В. Колода // Поволжская археология. 2015. № 4(14). – С. 54–91.

177. Королюк В.Д. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья / В.Д. Королюк // Юго-Восточная Европа в Средние века. – Кишинев, 1972. – С. 31–46.

178. Королюк В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе / В.Д. Королюк // Проблемы социально-эконо-

мических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. – С. 158–184.

179. Коринный Н.Н. Переяславская земля. X – первая половина XIII века / Н.Н. Коринный. – Киев: Наукова думка, 1992. – 312 с.

180. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). / В.Б. Кобрин. – М.: Мысль, 1985. – 278 с.

181. Коваленко В.П., Ситий Ю.М. «Свої погани» чернигівських князів / В.П. Коваленко // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–Xст. – Київ, 2004. – С. 121–138.

181. Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). / А.М. Колызин. – М., 2001. – 278 с.

182. Козир І.А. Локалізація місця битви на Синніх Водах 1362 р. у світлі нових джерел / І.А. Козир., О.В. Чорний // Український історичний журнал. – Київ, 2012. – № 2. – С. 20–22.

183. Котышев Д.М. Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия / Д.М. Котышев // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. – С. 233–252.

184. Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. / Ю.К. Колосовская. – М.: Наука, 2000. – 288 с.

185. Комар А.В. «Свои поганые» Киевской земли: этапы заселения и ландшафтно-географическая ниша кочевников в земледельческом обществе / А.В. Комар., А.В. Борисов // Strtum plus. № 5. 2021. – С. 15–39.

186. Киселев М.В. Внешняя политика Даниила Галицкого на рубеже 1240-х – 1250-х годов / М.В. Киселев // Исторический формат. 2015. № 4. – С. 327–343.

187. Киселев М.В. «Вторый по Соломоне»: «царственный образ» Даниила Галицкого и политическое наследие Византии / М.В. Киселев // Русин. 2017, № 1 (47). – С. 34–49.

188. Кибинь А.С. От Ятвязи до Литвы. Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. / А.С. Кибинь – М.: Квадрига, 2014. – 272 с.

189. Князький И.О. Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель. Автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 1990. – 16 с.

190. Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. / И.О. Князький. – СПб.: Алетейя, 2003. – 179 с.

191. Кравченко Э.Е. Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца в XIII–XIV вв. (влияние природно-географического фактора на заселение территории) / Э.Е. Кравченко // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой

Орды. Материалы седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Давыдова. – Казань-Ялта-Кишинев, 2016. – С. 287–289.

192. Крот В.А. Торговля Польши с Турцией в Причерноморье (XV – первая половина XVI в.) / В.А. Крот // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 11–27.

193. Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) / В.А. Кучкин // Русская культура в условиях иноземных нашествий. – М., 1990. – С. 87–129.

194. Кучкин В.А. Русь под игом. Как это было? / А.В. Кучкин. – М.: Панорама, 1991. – 32 с.

195. Кучкин В.А. Русь под владычеством Золотой Орды / В.А. Кучкин // Преподавание истории в школе. 1993. – №3. – С. 123–186.

196. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата / В.А. Кучкин // Средневековая Русь. Вып.1 / отв. ред. А.А. Горский. – М., 1996. – С. 36–38.

197. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договора / А.А. Кучкин. – М.: Древлехранилище, 2003. – 367 с.

198. Кучкин В.А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников / В.А. Кучкин // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002. – С. 61–71.

199. Куник А.А. Объединительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных текстов / А.А. Куник // Болеслав-Юрий, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований. СПб., 1907. № 4. – С. 143–159.

200. Куштан Д., Ластовський В. Археологія та рання історія Черкас / Д. Куштан. – Київ-Черкаси: Інститут археології НАН України, 2016. – 290 с.

201. Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека Д.А. Кубанкин // Поволжская археология. 2012. № 1. – С. 172–188.

202. Кулешов Ю.А. «Монгольская латная конница»- историческая реальность или научная спекуляция? (К вопросу о тактике монголо-татар в период Великого завоевания) / Ю.А. Кулешов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань, 2012. – С.153–180.

203. Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде / Ю.А. Кулешов // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. – С. 199–252.

204. Куликова Ю.В. Бунт наместников на Дунае в середине III в. / Ю.В. Куликова // Вопросы истории. 2017. № 2. – С. 91–104.

205. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. / М.Г. Крамаровский. – СПб.: Государственный музей Эрмитаж; Славия, 2001. – 236 с.
206. Крамаровский М.Г. Золотая Орда. История и культура. / М.Г. Крамаровский. – СПб., Государственный музей Эрмитаж; Славия, 2005. – 264 с.
207. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия, Италия. / М.Г. Крамаровский. – СПб.: Евразия, 2011. – 496 с.
208. Крамаровский М.Г. Рах Mongolica и проблемы глобализации культуры Евразии / М.Г. Крамаровский // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 19–24.
209. Крамаровский М.Г. О христианских конфессиях Солхата в XIII–XIV вв. / М.Г. Крамаровский // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII. Симферополь, 2017. – С. 399–411.
210. Крадин Н.Н. Восточная Европа и монгольская глобализация / Н.Н. Крадин // Stratum plus. № 5. 2016. – С. 7–25.
211. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. / Ю.В. Кривошеев. – СПб.: Академия исследования культуры, 2015. – 452 с.
212. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. / А.Г. Кузьмин. – М.: Наука, 1965. – 286 с.
213. Кузьмин А.Г. Летописные известия о разорении Рязани Батыем / А.Г. Кузьмин // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1963. № 2. – С. 55–70.
214. Кузьмин А.В. Рязанские, Пронские и муромские князья в XIII – середине XIV века (историко-генеалогическое исследование) / А.В. Кузьмин // Записки отдела рукописей РГБ. Статьи и сообщения. – М., 2008. Вып. 53. – С. 35–50.
215. Кузьмин А.В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброчка-Волынского / А.В. Кузьмин // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. – Тула, 2001. – С. 111–136.
216. Куза А.В. Древнерусские поселения / А.В. Куза // Древняя Русь (город, замок, село). М., 1985. – С. 51–66.
217. Кульпин-Губайдулин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. / Э.С. Кульпин-Губайдулин. – М.: Московский лицей, 1998. – 240 с.
218. Кульпин-Губайдулин Э.С. Золотая Орда: судьбы поколений. / Э.С. Кульпин-Губайдулин. – М., ИНСАН, 2006. – 124 с.

219. Кудряшов К.В. Половецкая степь. / К.В. Кудряшов. – М.: Географиз, 1948. – 163 с.
220. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. / Б.М. Клосс. – М.: Наука, 1980. – 313 с.
221. Клосс Б.М. История создания Повести о Николе Зарайском / Б.М. Клосс // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002. – С. 114–177.
222. Клименко Л.В., Слепцов А.М. Комплексная реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет / Л.В. Клименко // Известия Русского географического общества. Т. 135. Вып. 6. – С. 45–53.
223. Клянин Р.В. Корнике – город Рязанского княжества / Р.В. Клянин // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. – М., 1997. – С. 140–146.
224. Книш Я. Невідомий київський князь першої чверті XIV століття. [электронный ресурс]. <http://www.insst-ukr.lviv.ua>
225. Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве / Л.Р. Кызласов // СА. – 1963. – № 2. – С. 203–210.
226. Кызласов Л.Р. История средневековой Тувы. / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд-во МГУ. 1969. – 214 с.
227. Кызласов Л.Р. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII–XIV вв. в связи с политическим положением в Азии / Л.Р. Кызласов // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск, 1987. – С. 56–67.
228. Кычанов Е.И. Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами / Е.И. Кычанов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. 18. – С. 160–169.
229. Кычанов Е.И. «История династии Юань» («Юань Ши») о Золотой Орде / Е.И. Кычанов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 2000. Вып. 19. – С. 146–157.
230. Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. / А.В. Лаврентьев. – М.: Квадрига, 2012. – 254 с.
231. Лаптенков В.В. Елецкие древности / В.В. Лаптенков. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1998. – 62 с.
232. Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края. / Ю. А. Липкинг. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1971. – 158 с.
233. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. / М.К. Любавский. – М.: Типо-Литография Титяева, 1909. – 405 с.

234. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства. / М.К. Любавский. – М.: Московская художественная печатня, 1910. – 402 с.

235. Лихачев Д.С. Повести о Николе Зараском / Д.С. Лихачев // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. – С. 27–35.

236. Лихачева О.П. Летопись Ипатьевская / О.П. Лихачева // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. Вып. I. – С. 235–241.

237. Литвина А.Ф. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: Матримониальные стратегии и легенды власти / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2014. Вып. 1. – С. 7–20.

238. Летописный «Изяславль». Большое Шепетовское городище в свете археологии. Т. I. Материалы раскопок М.К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов. – СПб.: Нестор-История, 2020. – 264 с.

239. Ляпин Д.А. Город Коршев на Сосне и начало истории Елецкого княжества / Д.А. Ляпин // Запад-Россия-восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция. Вып. 24–25 (№ 3–4). – 2013. – С. 20–25.

240. Мавродин В.В. Левобережная Украина под властью татаро-монголов / В. В. Мавродин // Ученые записки ЛГУ. №32. Вып.2 – 1939. – С. 363–396.

241. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.) / В.В. Мавродин. – Л., 1940. – 320 с.

242. Макаров Н.А. Русь в XIII в.: культурная ситуация по археологическим данным / Н.А. Макаров // Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? Тез. докл. Международной конференции. – М., 2000. – С. 5–9.

243. Максимович М.А. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом / М.А. Максимович // Собрание сочинений. Т. 1. – Киев, 1876. – С. 131–149.

244. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века / К. Маркс // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 3–11.

245. Маслюженко Д.Н. Шибаниды в золотоордынских делах во второй половине XIV – начале XV веков: истоки сибирской государственности / Д.Н. Маслюженко // Северный регион: наука, образование, культура. 2007. № 2. – С. 82–90.

246. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века / Д.Н. Маслюженко. – Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2008. – 168 с.

247. Масложенко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства / Д.Н. Масложенко, А.Г. Ситдииков, Р.Р. Хайрутдинов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. – 562 с.

248. Масложенко Д.Н. Выявление памятников золотоордынского времени на территории лесостепного Притоболья: постановка проблемы / Д.Н. Масложенко // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской конференции. – Челябинск, 2015. – С. 292–298.

249. Масложенко Д.Н. Климатический и эпидемический факторы в истории сибирской государственности Шибанидов в XV–XVI вв. / Д.Н. Масложенко, Е.А. Рябинина // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях. Казань, 2018. – С. 229–240.

250. Майоров А.В. Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментариев к Галицко-Волынской летописи) / А.В. Майоров // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2009. Т. 60. – С. 311–326.

251. Майоров А.В. Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого / А.В. Майоров // ROSSICA ANTIQUA. 2011. – С. 60–99.

252. Майоров А.В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Ч. 1. / А.В. Майоров // Rossica antiqua. 2012. № 1.(5). – С. 33–94.

253. Майоров А.В. Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батые на Южную Русь. Данные венгерских и русских источников о контактах Даниила с татарами / А.В. Майоров // Русин. 2013, № (31). – С. 53–77.

254. Майоров А.В. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах / А.В. Майоров // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. – С. 89–113.

255. Майоров А.В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/ Steps. Т. 7. № 3. 2021. – С. 124–199.

256. Маслова С.А. Даруги и баскаки: соотношение должностей / С.А. Маслова // Средневековая Русь: вопросы медиэвистики. – 2014. – №4 (58). 2014. – С. 23–36.

257. Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). / С.А. Маслова. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., 2015. – 158 с.

258. Маслова С.А. Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки / С.А. Маслова // Исторический вестник. Т. 10 [157]. Монгольские завоевания и Русь. – С.80–108.

259. Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. / Н. Молчановский. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1885. – 434 с.

260. Моргунов Ю.Ю. Городища кочевников приграничья Южной Руси / Ю.Ю. Моргунов // Материалы IV научной конференции. – Елец, 2006. – С. 159–172.

261. Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития. / Ю.Ю. Моргунов. – Курск, 1998. – 196 с.

262. Моргунов Ю.Ю. Еще раз о «Переяславских торках» / Ю.Ю. Моргунов // РА. № 1. 2000. – С. 23–26.

263. Моргунов Ю.Ю. На границе со степью. Посульский рубеж Переяславской земли (конец X – середина XIII в.) / Ю.Ю. Моргунов // Исторический вестник. Т. 24. 2018. – С. 66–95.

264. Моця А.П. Южная «Русская земля». / А.П. Моця. – Киев, 2008. – 242 с.

265. Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» / Г.Н. Моисеева // ТОДРЛ. Т. IX. М.-Л., 1953. – С. 266–288.

266. Мункуев Н.Ц. Мэн-да бэй-лу – важный источник по истории древних монголов / Н.Ц. Мункуев // Мэн-да бэй-лу. «Полное описание монголо-татар». М.: Памятники письменности Востока, 1975. – С. 19–43.

267. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. / И.М. Миргалеев. – Казань: Алма-лит, 2003. – 164 с.

268. Миргалеев И.М. К вопросу о единстве Золотой Орды в 1359–1380 годах / И.М. Миргалеев // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004. – С. 96–98.

269. Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт исторической антологии. Казань, 2010. С. 190.

270. Миргалеев И.М. Смута 60–70-х годов XIV века / И.М. Миргалеев // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. – С. 695–698.

271. Миргалеев И.М. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. / И.М. Миргалеев // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. – С. 698–704.

272. Миргалеев И.М. Тюрко-угорская контактная зона в Западном Приуралье: проблема иштяков / И.М. Миргалеев // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань, 2019. – С. 5–13.

273. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. / Г.Ф. Миллер. – СПб.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 664 с.

274. Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтовомаяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (часть 1) / В.К. Михеев

// Археология славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991. – С. 40–49.

275. Милованов С.И. Донской торговый путь в среднем и верхнем течении в XIV–XV вв. по нумизматическим материалам / С.И. Милованов // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв.: Сб. статей / Под ред. А.Н. Наумова. – Тула, 2005. – С. 133–140.

276. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Панков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. / Ю.А. Мизис., О.В. Скобелкин., А.И. Панков // Вестник ТГУ. Т. 20. Вып. 10. 2015. – С. 7–15.

277. Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1977. – С. 126–128.

278. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. / А.П. Медведев. – Воронеж: Таус, 2008. – 252 с.

279. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды в XIII – начале XIV в. / Е.П. Мыськов. – Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2003. – 175 с.

280. Монгайт А.Л. Рязанская земля. / А.Л. Монгайт. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 400 с.

281. Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. / А. Мухлинский. – СПб., 1858. – 205 с.

282. Осипян О.Л. Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточной Европы во второй половине XIII – первой половине XV в. / О.Л. Осипян // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2012. – Вып. 5. – С. 53–84.

283. Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). / А.Н. Насонов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 178 с.

284. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Моголы и Русь (История татарской политики на Руси). / А.Н. Насонов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 413 с.

285. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А.В. Назаренко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.

286. Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – первой четверти XIV вв. / А.Н. Наумов. – Тула: Левша, 2008. – 255 с.

287. Наумов А.Н. Водораздельные городища и сухопутные дороги на водоразделе Оки и Дона в развитом Средневековье (К вопросу о методике

археологического поиска) / А.Н. Наумов // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула, 2007. – С. 108–118.

288. Нолев Е.В. Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи). / Е.В. Нолев. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2013. – 252 с.

289. Нолев Е.В. На северо-западных рубежах монгольской империи: русско-ордынское пограничье Е.В. Нолев // Власть. Т. 25. № 9. 2017. – С. 167–172.

290. Пашуто В.Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. / В.Т. Пашуто. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 333 с.

291. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. / В.Т. Пашуто. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 531 с.

292. Павлов А.А. 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. / А.А. Павлов. – М., 1887. – 462 с.

293. Павлов П.Н. Была ли Русь данницей Казани? / П.Н. Павлов // Ученые записки Красноярского гос. педагогического института. 1957. Т. 9. Вып. 1. – С. 157–164.

294. Панарина Д.С. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны. / Д.С. Панарина // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 15–41.

295. Палладий (Кафаров). Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в монголию в первой половине XIII столетия / П. Кафаров // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. 9–10. – Иркутск, 1867. – С. 584–591.

296. Погодин Н.П. Записки о древнем языке русском / Н.П. Погодин // Известия императорской академии наук по Отделению русского языка и литературы. Ч. 5. Вып. 2. – СПб., 1856. – С. 70–92.

297. Подосинов А.В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов, дальних и ближних» / А.В. Подосинов // Восточная Европа в древности и средневековье. – М.: Наука, 1978. – С. 40–48.

298. Полевой Л.Л. Средневековые памятники XIV–XVII вв. / Полевой Л.Л., Бырня П.П. // Археологическая карта Молдавской СССР. Вып. 7. – Кишинев, 1974. – С. 35–40.

299. Полевой Л.Л. Раннефеодальная Молдавия. / Л.Л. Полевой. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 226 с.

300. Порсин А.А. Берке. Мусульманин на монгольском троне. / А.А. Порсин. – Нур-Султан: «Гылым» баспасы, 2020. – 424 с.

301. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом / Р.Ю. Почекаев. – СПб.: Евразия, 2007. – 350 с.

302. Почекаев Р.Ю. Золотая Орда в 1358–1362 гг.: династический кризис и феномен самозванства / Р.Ю. Почекаев // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып.2. / Ред. к.и.н. И.М. Миргалиев. – Казань, 2009. – С. 39–48.

303. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. / Р.Ю. Почекаев. – СПб.: Евразия, 2010. – 400 с.

304. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде / М.Д. Полубояринова. – М.: Наука, 1978. – 133 с.

305. Перхавко В.Б. Торговля и торговцы Средневековой Руси / В.Б. Перхавко. – М.: Академический проект, 2018. – 638 с.

306. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі: (До питання про татарську Україну) / Ф. Петрунь // Східний світ. – Харків, 1928. – С. 170–185.

307. Петрунь Ф. Східна межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя / Ф. Петрунь // Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського з нагоди шістдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності. Т. 1. – Київ, 1928. – С. 165–168.

308. Петер У. Сложность границ»: постановка проблемы, терминология и классификация / У. Петер., С. Троицкий // Журнал Фронтирных исследований. 2019. № 4.2. – С. 234–256.

309. Пенской В.В. Полоцкая война. Очерки русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570. / В.В. Пенской. – М.: Центрполиграф, 2019. – 350 с.

310. Пилипчук Я.В. Эмир Димитрий и Центрально-Восточная Европа в XIV в. / Я.В. Пилипчук // Золотоордынская цивилизация. № 7. 2014. – С. 294–306.

311. Пилипчук Я.В. Татары и Киевская земля (1362–1471) / Я.В. Пилипчук // Крымское историческое обозрение. – 2015. – Вып. 1(3). – С. 91–120.

312. Пилипчук Я.В. Дашт-І Кипчак на перехресті торгових шляхів / Я.В. Пилипчук // Східний світ. 2013, № 2–3. – С. 56–63.

313. Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. / А.Е. Пресняков. – Пг., 1918. – 468 с.

314. Приймак В.В. О локализации летописного города Липовицка. / В.В. Приймак // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992. – С. 65–72.

315. Пряхин А.Д. Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) / А.Д. Пряхин, М.В. Цыбин // Ар-

хеология славянского Юго-Востока. Материалы к межвузовской научной конференции. – Воронеж, 1991. – С. 97–106.

316. Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Ранняя история Ельца и данные археологии / А.Д. Пряхин, М.В. Цыбин // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования: Сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – С. 108–115.

317. Прохоров Г.М. «Повесть о Митяе»: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. / Г.М. Прохоров. – Л.: Наука, 1978. – 238 с.

318. Плетнева С.А. Половецкая земля / С.А. Плетнева // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С. 275–300.

319. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

320. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. / С.А. Плетнева. – М.- Иерусалим: Мосты культуры, 2000. – 247 с.

321. Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. / С.А. Плетнева // СА. 1962. № 1. – С. 83–94.

322. Плетнева С.А. Половцы. / С.А. Плетнева. – М.: Ломоносов, 2010. – 216 с.

323. Пресняков А.Е. Образование великорусского государства / А.Е. Пресняков. – Пг.: Типография Я. Башмакова и Ко., 1918. – 459 с.

324. Рахимзянов Б.Р. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных княжеств / Б.Р. Рахимзянов // Средневековые тюркско-татарские государства. № 2. Казань, 2010. – С. 91–95.

325. Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XV вв. / Б.Р. Рахимзянов. – СПб.: Евразия, 2016. – 396 с.

326. Раппопорт П.А. Города Болховской земли / П.А. Раппопорт // КСИИМК. – 1955. – Вып. 57. – С. 52–59.

327. Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии / Д.А. Расовский. – М.: Цивои, 2012. – 238 с.

328. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / О.П. Рапов. – М.: Изд-во Московского университета, 1977. – 261 с.

329. Русина Е.В. Северская земля: генезис и историческая эволюция в XV – нач. XVI в. / Е.В. Русина. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. – Киев, 1991. – 233 с.

330. Русина Е.В. Історія Київського князівства XIV–XV ст. у світлі нових даних / Е.В. Русина // Україна крізь віки. Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смоля. – Київ, 2010. – С. 167–182.

331. Русина Е.В. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» / Е.В. Русина // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.П. Литаврина. – М., 2001. – С 144–152.
332. Русина Е.В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. / Е.В. Русина. – Київ: НАН України, Інст. Української археології та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, 1998. – 243 с.
333. Русина Е.В. Україна під татарами і Литвою / Е.В. Русина // Україна крізь віки. т. 6. – Київ, 1998. – 320 с.
334. Русев Н.Д. Два варианта городской истории средневекового Причерноморья – Белгород и Олешье / Н.Д. Русев // Генуэзская газария и Золотая орда. Stratum Plus. – Кишинев, 2015. – С. 19–38.
335. Русев Н.Д. Карпато-Дунайские земли в эпоху Джучидов: некоторые соображения и неисчислимые «Пути взоров» / Н.Д. Русев // Stratum plus: Archaeology and Cultural Antropology. – 2016. – № 6. – С. 165–181.
336. Русев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. / Н.Д. Русев. – Кишинев: Высшая антропологическая школа, 1999. – 240 с.
337. Русев Н.Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов / Н.Д. Русев // Stratum plus: Археология и культурная антропология. 1999. № 5. – С. 379–407.
338. Русев Н.Д. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии / Н.Д. Русев // Русин. 2005. № 2(2). – С. 93–105.
339. Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным. Дисс. ... д-ра ист. наук. – Ижевск, 2004. – 435 с.
340. Рева. Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. / Р.Ю. Рева // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2016. – С. 704–729.
341. Резун Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этно-социальных и этнокультурных процессов. / Д.Я. Резун., М.В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005. – 193 с.
342. Рыбаков Б.А. Торчеськ-город Черных клобуков / Б.А. Рыбаков // Археологические открытия 1966. М., 1967. – С. 243–245.
343. Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана / Б.А. Рыбаков // Вопросы истории. 1971. № 3. – С. 152–153.
344. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. / М.Г. Сафаргалиев. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. – 276 с.
345. Сабитов Ж.М. Улусы Джучидов в 1242–1266 годах / Ж.М. Сабитов // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. 2. – Казань, 2012. – С. 46–63.

346. Сабитов Ж.М. Административная реформа хана Узбека / Ж.М. Сабитов // Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань, 2012. – С. 232–240.
347. Сабитов Ж.М. Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак Орды и Кок Орды / Ж.М. Сабитов, А.К. Кушкумбаев // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 60–72.
348. Смирнов А.П. Волжские булгары / А.П. Смирнов. (Труды государственного исторического музея. Вып. XIX). – М., 1951. – 295 с.
349. Селезнев Ю.В. Отношения Рязанского великого княжества и Золотой орды в конце XIV – первой трети XV в. (1382–1434 гг.) / Ю.В. Селезнев // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – 2002. – Т. 3. – С. 42–48.
350. Селезнев Ю.В. «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). / Ю.В. Селезнев. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2006. – 160 с.
351. Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. / Ю. В. Селезнев. – М.: Квадрига, 2010. – 224 с.
352. Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Улуса Джучи / Ю.В. Селезнев. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 2017. – 472 с.
353. Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. / Ю. В. Селезнев. – М.: Ломоносовъ, 2017. – 260 с.
354. Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига / Ю.В. Селезнев. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 437 с.
355. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
356. Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Избранные труды / В. В. Седов. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – 944 с.
357. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Вид. 2-е. Кн. 1. Т. I–V. / С.М. Соловьев. – СПб. :Товарищество «Общественная польза», 1851. – 879 с.
358. Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Е.Ч. Скржинская. – Л.: Наука, 1971. – 275 с.
359. Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте / Е.Ч. Скржинская // Византийский временник. – М.-Л., 1949. Т. 2 (27). – С. 245–266.
360. Скиба А.В. Взаємовідносини кочовиків і слов'ян Південно-Східної Європи у 6–7 ст. (культурно-політичний аспект). Дис. канд. іст. наук. – Київ, 2006. – С. 110–126.

361. Слядзь А.Н. Византийско-русское пограничье в XI–XII вв. Взаимодействие в Приазовье и Крыму. / А.Н. Слядзь. – СПб.: Евразия, 2019. – 320 с.
362. Стрикалов И.Ю. Округа Старой Рязани в XII–XV вв. / И.Ю. Стрикалов // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 222–241.
363. Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования посада Гочевского археологического комплекса (летописного Римова) в 2003–2004 гг. / Г.Ю. Стародубцев // Материалы IV научной конференции. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – С. 229–233.
364. Стародубцев Г.Ю. Славянский город на реке Псел / Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. – Тула: Музей-заповедник Кул. поле, 2000. – С. 73–84.
365. Ставиский В.И. К анализу известий о Руси в «Истории монголов» П. Карпини в свете ее археографической традиции / В.И. Ставиский // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1986. – С. 191–210.
366. Ставиский В.И. «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) / В.И. Ставиский // Внешняя политика Древней Руси (тезисы докладов). – М., 1988. – С. 95–100.
367. Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–130 гг. и отношения с Ордой / П.С. Стефанович // Российская история. 2019. № 4. – С. 116–134.
368. Супруненко О.Б. Старожитності золотоординского часу Дніпровського лісостепоного Лівобережжя. / О.Б. Супруненко, В.В. Приймак, К.М. Мироненко. – Київ-Полтава: «Археологія», 2004. – 82 с.
369. Супруненко О.Б. Про давньоруські центри Нижнього Поворскля / О.Б. Супруненко // АЛЛУ. – Полтава, 1999. № 1(5). – С. 56–62.
370. Суляк С.Г. Молдавская Русь (к 650-летию образования молдавской государственности) / С.Г. Суляк // Русин. 2010. № 2(20). – С. 10–19.
371. Суляк С.Г. Предки русинов и кочевники: вопросы этнокультурного взаимодействия / С.Г. Суляк // Русин. 2014. № 4(38). – С. 152–179.
372. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (Роменская культура и ее предшественники). / О.В. Сухобоков. – Киев: Наукова думка, 1975. – 166 с.
373. Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепоное Лівобережжя у VIII–XIII ст. / О.В. Сухобоков. – Київ: Наукова думка, 1992. – 216 с.
374. Спинеи В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии / В. Спинеи // Золотоординское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 734–766.

375. Сытый Ю.Н. Ковуи на Черниговском Задесенье / Ю.Н. Сытый // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 8. Минск, 1996. С. 217–219.
376. Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. / П.П. Толочко. – СПб., 2003. – 160 с.
377. Толочко О. «Князи болоховьскии» / Толочко О., Ричка В. // Ruthenica. Т. XIII. – Київ, 2016. – С. 83–107.
378. Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XV вв. / Н.А. Тропин. – Елец: Изд-во ЕГПИ, 1999. – 147 с.
379. Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. / Н.А. Тропин. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 2004. – 264 с.
380. Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского Порубежья в XII–XV вв. / Н.А. Тропин. – Елец: Изд-во Елецкого гос. университета им. И. А. Бунина, 2006. – 274 с.
381. Тропин Н.А. К вопросу о понятии «Елецкая земля» и ее границах в XII–XV вв. / Н.А. Тропин // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 1992. – С.1–89.
382. Тропин Н.А. «Елечская земля» и формирование ее территории в XII–XV вв. / Н.А. Тропин // Археология и история юго-востока Древней Руси. – Воронеж, 1993. – С. 88–91.
383. Тропин Н.А. К исторической географии Елецкой земли XIV–нач. XV в. / Н.А. Тропин // Россия в X–XVIII вв. проблемы истории и источниковедения. – М., 1995. – С. 586–591.
384. Тропин Н.А. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье // Евразийская лесостепь в эпоху металла / Н.А. Тропин // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – С. 140–149.
385. Тропин Н.А. Лавский археологический комплекс XI–XIV вв: историческая оценка и этапы развития памятника / Н.А. Тропин // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 221. 2007. – С. 154–166.
386. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. / В.В. Трепавлов. – М.: Наука, 1993. – 168 с.
387. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. / В.В. Трепавлов. – М.: Наука, 1993. – 168 с.
388. Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» / В.В. Трепавлов // Тюркологический сборник. – М., 2006. – С. 319–352.

389. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. / В.В. Трепавлов. – М.: Квадрига, 2010. – 72 с.
390. Трепавлов В.В. Большая Орда / В.В. Трепавлов // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2016. – С. 742–752.
391. Трепавлов В.В. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды / В.В. Трепавлов // Казачество в тюркском и славянском мирах. – Казань, 2018. – С. 173–202.
392. Трепавлов В.В. «Русский улус» Золотой Орды / В.В. Трепавлов // Российская история. – 2021. № 1. – С. 3–15.
393. Терещук К.І. До питання про локалізацію Болоховської землі / К.І. Терещук // Дослідження з слов'яно-руської археології. – Київ, 1976. – С. 164–176.
394. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. – М.: Изд. «Весь Мир», 2009. – 304 с.
395. Темушев В. Н. Русско-литовское пограничье. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. / В.Н. Темушев. М.: Центрполиграф, 2018. – 255 с.
396. Тихомиров Д.П. Исторические исследования о генеалогии князей: Рязанских, Муромских и Пронских с приложением родословных росписей. / Д.П. Тихомиров. – М., 1844. – С. 12–17.
397. Тихомиров М.М. Список русских городов, дальних и ближних (Историко-географическое значение памятника XV в.) / М.М. Тихомиров // Исторические записки. 1952. № 40. – С. 214–259.
398. Тимошук В.О. Давньоруська Буковина X – перша половина XIV ст. / В.О. Тимошук. – Киев: Наукова думка, 1982. – 206 с.
399. Тимофеев И.В. Ибн Баттута. / И.В. Тимофеев. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 270 с.
400. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. [Электронный ресурс] – М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.
401. Тушков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. / Н.М. Тушков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург, 1909. – 864 с.
402. Тулибаева Ж.М. Мирза Улугбек о Чингизидах на троне Ирана: правление Улджайту-хана и Абу-Саида Бахадур-хана / Ж.М. Тулибаева // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. – С. 422–438.
403. Тычинских З.А. Татары-казаки Западной Сибири / З.А. Тычинских // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. – С. 326–360.
404. Узелац А. Татары в Дунайско-Днестровском междуречье во второй половине XIV в. / А.Узелац // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. – С.416–433.

405. Ускенбай К.З. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак Орда и Кок Орда / К.З. Ускенбай // Тюркологический сборник. М., 2006. – С. 373–381.

406. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и. Кипчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / К.З. Ускенбай. – Казань: «Фэн» АН РТ, 2013. – 288 с.

407. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 181 с.

408. Федоровський О. Рештки культури татар Золотої Орди на Україні / О. Федорівський // Східний світ. – 1928. – № 2. – С. 288–289.

409. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. / Дж. Феннел. – М., 1980. – 169 с.

410. Филарет (Гимилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. / Филарет (Гимилевский). – Чернигов, 1874. – 992 с.

411. Фомина Т.Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. / Т.Ю. Фомина. – М.: Университетская книга, 2014. – 360 с.

412. Фомина Т.Ю. Епископальная структура Руси в период монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов / Т.Ю. Фомина // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. – С. 254–265.

413. Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. / В.С. Флеров. – М.: Институт археологии РАН, 1996. – 100 с.

414. Фроянов И.Я. Галицко-Волынская Русь: между Византией, монголами и Римом (достижения и проблемы новейшей историографии) / И.Я. Фроянов // Русин. 2016. № 4(46). – С. 73–99.

415. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах / Р. Хаутала. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 496 с.

416. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341) / Р. Хаутала. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 976 с.

417. Хаутала Р. От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) / Р. Хаутала // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. – С. 273–313.

418. Хафизов Г.Г. Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. / Г.Г. Хафизов. – Казань: Татар. кн. изд., 2000. – 94 с.

419. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). / Т.Ф. Хайдаров. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 304 с.

420. Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / М. Ходарковский. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 352 с.

421. Хотко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв: проблемы и перспективы исследования. Дисс. на соискание науч. степени док. ист. наук. Майкоп, 2017. – 592 с.

422. Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40-гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2004. – 384 с.

423. Хромов К.К. Блукаючи шляхами «Via Tatarica» (проблеми визначення торгових шляхів джучидської доби на теренах сучасної України) / К.К. Хромов // Український нумізматичний щорічник. – 2019. Випуск 3. – С. 53–66.

424. Хромов К. К. Локализация Азово-Черноморского участка торговой дороги Татарский шлях из Азака во Львов (по нумизматическим данным) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. – С. 274–283.

425. Цыбин М.В. Юго-Восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии). / М.В. Цыбин. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Киев, 1987. – 300 с.

426. Цыбин М.В. Рецензия на книгу: Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследования по истории и географии Среднего Подонья / М.В. Цыбин // История СССР. 1990. № 2. – С. 192–197.

427. Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII – XIV вв. в Подонье / М.В. Цыбин // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). – Воронеж, 1993. – С. 121–124.

428. Цыбин М.В. «Хождение Пименово в Цареград» и археологические реалии лесостепного Подонья / М.В. Цыбин // Материалы международной научной конференции. Посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. – Елец, 1995. – С. 32–35.

429. Цыбин М.В. Юго-Восток русских земель после монгольского завоевания / М.В. Цыбин // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. – М., 1998. – С. 142–144.

430. Цыбин М.В. К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье / М.В. Цыбин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Волгоград, 2004. – С. 46–52.

431. Цыбин М.В. Периферия Золотой Орды в Подонье / М.В. Цыбин // Краткие сообщения Института археологии РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 166–175.

432. Цыбин М.В. Некоторые вопросы исторической географии Среднего Подонья в эпоху Золотой Орды / М.В. Цыбин // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. (Материалы Седьмой международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова). – Казань-Ялта-Кишинев, 2016. – С. 299–301.

433. Черкас Б.В. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) / Б.В. Черкас // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2015. – С. 157–179.

434. Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи XIII–XIV ст.: суспільно-політичний та економічний розвиток. Автореф. дисс. на соискание уч. степени доктора ист. наук. Київ, 2015. – 32 с.

435. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. / Л.В. Черепнин. – М., 1960. – 899 с.

436. Чернецов А.В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа / А.В. Чернецов // Русь в XIII веке: Древности темного времени. – М.: Наука, 2003. – С. 18–34.

437. Черницын С.В. Донские татары – мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории / С.В. Черницын // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. – С. 282–298.

438. Чендеев Ю.Г. Закономерности формирования лесостепного ландшафта на территории Среднерусской возвышенности (по результатам почвенно эволюционных исследований) / Ю.Г. Чендеев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Естественные науки. 2008. № 3. – С. 176–187.

439. Чендеев Ю.Г. Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена / Ю.Г. Чендеев., А.Л. Александровский // Почвоведение. 2002. № 4. – С. 389–398.

440. Чекин Л.С. «Безбожные сыны Измаиловы»: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре / Л.С. Чекин // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 691–717.

441. Чубур А.А. К исторической географии Посеймья и сопредельных земель в период феодальной зависимости от Золотой Орды / А.А. Чубур // *Studia internationalia* / Материалы II международной конференции

«Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» 28–30 ноября 2013 г. – Брянск, 2013. – С. 47–55.

442. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А.А. Шахматов. – М.-Л., 1938. – 372 с.

443. Шараневич И. История Галицко-Владимирской Руси. От недавних времен до року 1453 / И. Шараневич. – Львов, 1863. С. 104. – 462 с.

444. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей / А.А. Шахматов // ЖМНП. Ч. 323. 1899. – 65 с.

445. Шабульдо Н.Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. / Н.Ф. Шабульдо. – Киев: Наукова думка, 1987. – 177 с.

446. Шабульдо Н.Ф. Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. / Н.Ф. Шабульдо // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее новое время. Сб. статей памяти акад. Л.В. Черепнина. – М., 2010. – С. 492–495.

447. Шабульдо Ф.М. «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV в. / Ф.М. Шабульдо // RUTENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи / НАН України. Т. IX. – Киев, 2010. – С. 57–73.

448. Шабульдо Ф.М. Возвращаясь к Синеводской проблеме: о некоторых результатах и последствиях антиордынской компании ВКЛ в 1362 г. / Ф.М. Шабульдо // Славяне и их соседи. Сборник тезисов 17-й конференции памяти В. Д. Королюка / Славяне и кочевой мир в средние века-раннее Новое время. – М., 1998. – С. 145–146.

449. Шамильоглу Ю. Изменения климата в Центральной Евразии и Золотой Орде / Ю. Шамильоглу // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. – С. 665–679.

450. Шамильоглу Ю. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество, цивилизация / Ю. Шамильоглу // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. – С. 679–695.

451. Шорников П. Славяно-молдавский этнокультурный синтез. XIV–XVII вв. / П. Шорников // Русин. 2006. № 4(6). – С. 106–117.

452. Шенников А.А. Княжество потомков Мамая (к проблеме «запустения» юго-восточной Руси в XIV–XV вв.) / А.А. Шенников. – Л., 1981. Деп. в. ИНИОН РАН, № 7380.

453. Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. / А.А. Шенников. – Л.: Наука, 1987. – 139 с.

454. Шебанин Г.А. Окско-Донской путь XII – начала XIII в. в свете новых археологических данных / Г.А. Шебанин // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. – С. 118–122.
455. Шебанин Г.А. О политической принадлежности Тулы во второй половине XI–XV вв. / Г.А. Шебанин, А.В. Шеков // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси: Межрегиональная научная конференция. – Рязань, 2003. – С. 145–155.
456. Шебанин Г.А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. / Г.А. Шебанин // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. – М., 2005. – С. 223–226.
457. Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. / А.В. Шеков. – М.: Квадрига, 2012. – 364 с.
458. Шинаков Г.Е. Характер размещения древнерусских памятников на территории «Воронежских лесов» / Г.Е. Шинаков // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР / ТД республиканской конференции молодых ученых (Киев, апрель 1981). – Киев, 1981. – С. 45–53.
459. Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) / Е.А. Шинаков // Археология славянского Юго-Востока: материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991. С. 88–89.
460. Шинаков Е.А. Переселенческая политика киевских князей в контексте государствогенеза / Е.А. Шинаков // Исследования по русской истории и культуре: Сб. статей к 70-летию профессора И.Я. Фроянова. М., 2006. – С. 122–146.
461. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Я.Н. Щапов. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
462. Шпулер Б. Золотая Орда. / Б. Шпулер. – М.: Центрполиграф. 2018. – 415 с.
463. Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). / Р.М. Шукуров. – М., 2017. – 631 с.
464. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, 1238 по 1405 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. / А.В. Экземплярский. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. Т. 2. – 486 с.
465. Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. / А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2012. – 368 с.

466. Юрченко О.В. Політична історія Переяславщини другої половини XIII–XVI ст. / О.В. Юрченко // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. Вип. 13. 2002. – С. 152–162.

467. Юренко С.П. Население Днепровского левобережья в VII–VIII вв. н. э. (волынцевская культура) / С.П. Юренко // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. – С. 224–251.

468. Юсупович А. «На двое будушу»: баскаки в Галицком княжестве в XIII в. / А. Юсупович // *Colloquia Russia*. Серия I. Том. 2. Князівства Галицкої і Волинської земель в міжнародних відносинах XI–XIV ст. Мат. II міжнародної наукової конференції, Івано-Франківськ (10–22 жовтня 2001 р.). 2001. – С. 86–90.

469. Юсупович А. Галицкие «выгнаныцы» или «выгонци»? / А. Юсупович // *ROSSICA ANTIQUA*. 2012. № 2 (6). – С. 114–133.

470. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... / В.П. Юдин // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – С. 32–33.

471. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей) / А.Ю. Якубовский // ВВ. 1928. Т. 25. – С. 53–76.

472. Якубовский А.Ю. Феодальное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X–XV вв. / А.Ю. Якубовский // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932, вып. 3. Ч. I. – 60 с.

473. A van den Wyngaert. *Sinica Franciscana*. Vol. 1. *Wuera et relations fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Quaraceli. Finenze, 1929, t. 1. – 413 p.

474. Axtell J. *The Invasion Within: The Contest of cultures in Colonial North America*. N. Y. Oxford University Press, 1985. – 389 p.

475. Arsarrayi Kerimuddin Mahmud. *Musmeret ul-ahbar*. Ankara, 1944. P. 93–94.

476. Balard M. *Genes et la mer Noire (XIII-e – XV-e siècles)* / M. Balard // *Revue Historique*. Vol. 270. Paris, 1983. – P. 52–53.

477. Balard M. *Genes et l'Onture-Mer 2. Actes de Kilia du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290*. Paris, La Haye Monton, 1985. – P. 203–204.

478. Birley R. *Vindolanda. A Roman Frontier post of Hadrian's Wall*. London, Thames and Hudson, 1977. 184 p.

479. Brabiela C., Laine J., Scott J. W & Bocchi G. *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making*. Ashgate, 2015. – 280 p.

480. Hammer-Purgstall J. *Geshichte der Goldenen Horde in Kiptschk; das der Mongolen in Rusland*. Pesth: C.A. Hartleben, 1840 – 685 s.

481. Halperin Ch.J. *Russia and the Golden Horde. The Mongol Impet on Medieval Russian Histori*. Bloomington, 1985. – 180 p.

482. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410* / P. Jackson. – London, 2005. – 449 p.
483. Spinei V. *Moldavia in the 11–14 centuries*. Bucharest, Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1986. 276 p.
484. McNeill W. *Europe's Steppe Frontier* / W. McNeill. – Chicago, 1964. – 252 p.
485. Mykhaylovskiy. V. *European expansion and the contested borderlands of late medieval Podillya*. / V. Mykhaylovskiy. – Amsterdam, 2019. – 188 p.
486. *Medieval Frontiers: Concepts and Practices / Selected papers of a colloquium held Nov 1998 at St. Catherines College*. Cambridge, 2002. – 326 p.
487. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. / D. Ostrowski. – Cambridge, 1998. – 329 p.
488. Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China* / O. Lattimore. – Boston, 1962. – 585 p.
489. Lattimore O. *Studies in Frontier History* // Lattimore O. *Collected Papers 1928–1958*. – London, 1962. – 568 p.
490. Lattimore O. *The Nomads and South Russia* // *Archeion Ponton*. 1979. Vol. 35. – P. 193–200.
491. Lane F. C. *Venise, une republique maritime*. Paris, 1985. P. 130–131.
492. Whittaker C. R. *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore, 1994. P. 110–127.
493. Haug R. *The Eastern Frontier. Limits or empire in Late antiqua and early medieval Central Asia*. / R. Haug. – University of Cincinnati, 2019. – 296 p.
494. Hopwood K. *The Byzantine-Turkish Frontier c. 1250–1300* // *Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums*. Wien, 1999. P. 153–161.
495. Christiansen E. *The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontier, 1100–1525*. L., 1980.
496. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15–18 Century)*. A Study of Place Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011. – 1135 p.
497. Kuczynski S. M. *Ziemia Czernińsko-Siewierska pod rządami Litwy*. (Prace Ukraińskiego naukowego instytutu. T. 33). Warszawa, 1936. – 420 s.

498. Kuczynski S. Jaholdaj i jaholajewicze lenni: ksiaseta Litwy // Kuczynski S.M. Studia z dziejnie Europe Wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965. – S. 221–226.

499. Fennel J. The Crisis of Medieval Russia 1200–1304. London-New York, 1983.

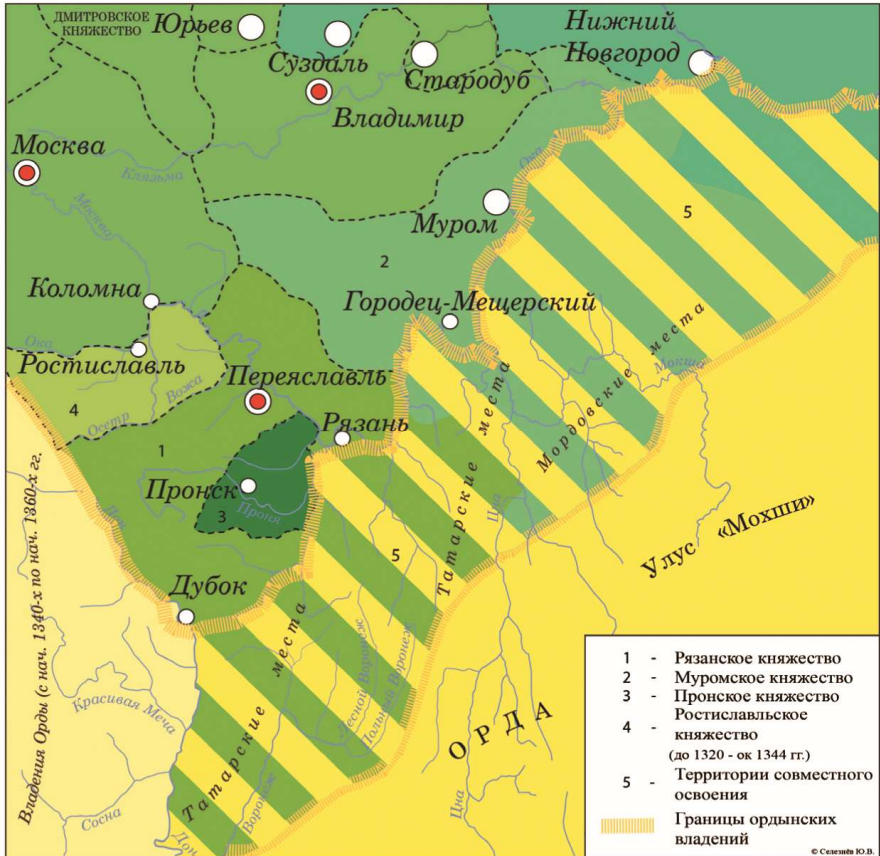
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные
Археографической комиссией
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории
Северо-Восточной России конца XIV – начала XVI в.
- ВВ – Византийский временник
- ВКЛ – Великое княжество Литовское
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты
- ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным
наукам Российской Академии наук
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории
материальной культуры
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РГАДА – Российский архив древних актов
- РА – Российская археология
- РИИР – Редкие источники по истории России
- РИО БГУ – Редакционно-издательский отдел Брянского
государственного университета
- СР – Средневековая Русь
- СА – Советская археология
- СМИЗО – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
- ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории
и древностей Российских

Приложение 1

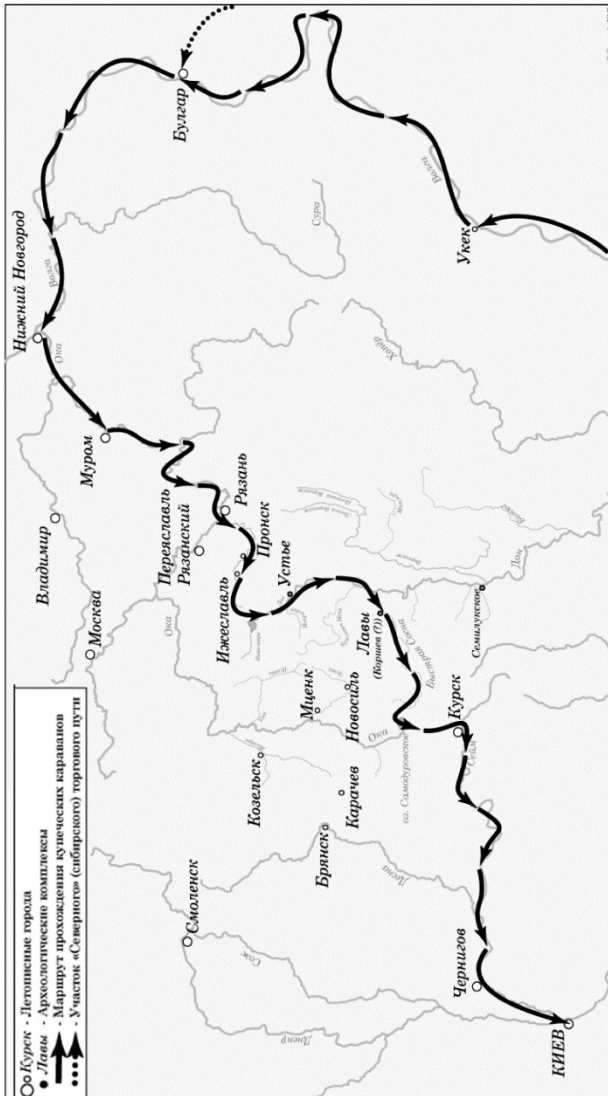
Рязанско-ордынское пограничье в XIV в.

Приложение 3

Волго-Днепровский участок Северного торгового пути
в ордынскую эпоху (XIII–XV вв.)

SUMMARY

The presented work is devoted to the study of the history of the Steppe-bordering regions of Southern Russia of the XIII – first half of the XV centuries. As a result of the Mongol invasion and the administrative and territorial changes that followed, zones of intensive political, economic and ethno-cultural contacts (contact zones) between the settled, agricultural population of the southern Russian lands and the nomads of the Horde uluses are formed almost throughout the forest-steppe strip of the Russian-Horde borderland. In particular, the contact zones were the border regions of the Galician-Volyn Principality (Bolkhovskaya land, Podolia, Ponizye), the southern regions of the Kiev land (Porosye, Kanev district), the territory of the Pereyaslav Principality that ceased to exist, Chernihiv Podontsovye and Poseimye, as well as the forest-steppe regions of the Ryazan Principality (Middle Podonye and Middle Poochye), which made up the northern border periphery (frontier) The Golden Horde state. Based on the analysis of a wide range of written and The study highlights the issues of administrative-political, economic-economic and ethno-cultural integration of the South Russian lands into the state system of the Mongolian Empire and the Jochi Ulus (Golden Horde). After the collapse of the Golden Horde, starting from the second half of the XIV century, the above regions gradually become part of the Grand Duchy of Lithuania (later the Polish-Lithuanian Commonwealth) and the Russian (Moscow) Kingdom, becoming border (frontier) territories of these states and are subjected to intensive development by the Russian agricultural population.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. История изучения вопроса, терминология и источники	16
§ 1.1. Терминологические аспекты исследования	16
§ 1.2. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной и зарубежной историографии	34
§ 1.3. Основные источники темы	59
ГЛАВА II. Южнорусские земли в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи (Орды)	78
§ 2.1. Административно-территориальная структура Монгольской империи и Улуса Джучи в XIII – первой половине XIV в.	78
§ 2.2. Рязанская земля	93
§ 2.3. Переяславская земля	112
§ 2.4. Черниговская земля	119
§ 2.5. Киевская земля	131
§ 2.6. Галицко-Волынская земля	143
ГЛАВА III. Русско-ордынское пограничье в 1240–1340-х гг.	163
§ 3.1. Типология границ и пограничных территорий Монгольской империи и Золотой Орды	163
§ 3.2. Галицко-ордынское пограничье	169
§ 3.3. Черниговско-ордынское пограничье	181
§ 3.4. Рязанско-ордынское пограничье	190

ГЛАВА IV. Регионы русско-ордынского пограничья в хозяйственно-экономической системе Улуса Джучи	199
§ 4.1. Торговые пути и их влияние на развитие пограничных территорий	199
§ 4.2. Поселенческая структура и процессы хозяйственного освоения регионов русско-ордынского пограничья во второй половине XIII – первой половине XV в.	227
ГЛАВА V. Распад Улуса Джучи и изменение административного статуса пограничных территорий	247
§ 5.1. Административно-территориальные изменения на землях русско-ордынского пограничья (вторая половина XIV – первая половина XV в.	247
§ 5.2. «Служилые татары» и казаки литовско-ордынского и рязанско-ордынского пограничья	272
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	293
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	298
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	344
ПРИЛОЖЕНИЯ	345
SUMMARY	348

Л.В. Воротынцев, кандидат исторических наук,
научный сотрудник Елецкого государственного
университета им. И.А. Бунина

На обложке: Карта Тартарии. По описанию путешествия на Волгу
Иогана де Плано Карпини и Асцелина. Питер Ванден. Лейден. 1707.
(Kaart Tartarien. Volgens de Voyagien Gedaan door Iohan du Plan Carpin
en Ascelin. Pieter Vanden. Leyden. 1707.)

Леонид Вячеславович Воротынцев

**Ордынский фронтир: контактные зоны лесостепного
пограничья Южной Руси в XIII – первой половине XV вв.**

Монография

Научное издание

Оригинал-макет – Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина

Подписано в печать 22.04.2022 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,75 Тираж 100 экз. Заказ № 1407/1

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Вестфалика» (ИП Колесов В.Н.)
420111, г. Казань, ул. Московская, 22,
Тел.: 292-98-92-; e-mail: westfalica@inbox.ru

*Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и его издания:*

<http://татаровед.рф/departments/6>
<http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/>

МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды»
<https://goldhorde.org>